

КИР
БУЛЬЧЕВ

—
ТОВАРИЩ
«Д»

КИР
БУЛЬЧЕВ
—
ТОВАРИЩ
«Д»

КИР
БУЛЫЧЕВ

ТОВАРИЩ
«Д»

Москва 1999

ББК 84Р7
Б90

КИР БУЛЫЧЕВ
(*Игорь Всеволодович Можейко*)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Серия «Взрослая фантастика»

ТОВАРИЩ «Д»

Булычев Кир
Б90 Полное собрание сочинений. Том 13.: Товарищ
«Д». — М.: «Хронос», 1999. — 416 с.
ISBN 5-85482-020-X

В настоящем томе собраны сценарии художественных, телевизионных фильмов, пьесы, представлена фильмография Кира Булычева. Читатель познакомится с известными и ранее неопубликованными произведениями. Среди них — «Через тернии к звездам», «Товарищ «Д», «Осенка-67».

ББК 84Р7

ISBN 5-85482-020-X

© «Хронос», 1999
© Кир Булычев
© К. Сошинская

От автора

Этот том, в котором собрана часть моих работ для театра и кино, я желал бы посвятить Ричарду Викторову — моему первому и главному поводырю в мире кино. Мы написали совместно с ним сценарии двух фильмов — «Через тернии к звездам» и «Комету» и, убежден, работали бы и дальше, если бы не проклятая смерть Ричарда.

Мне повезло — я встречался в кино с милыми моему сердцу людьми, одних я почитаю, как Георгия Данелию и Романа Качанова, других считаю друзьями и они отвечают мне взаимностью — это Павел Арсенов и Александр Майоров. Но Ричард Викторов был мне близок как художник и дорог как надежный друг. Так что посвящение, которым я открываю этот том, надеюсь, не заденет чувства других людей.

В середине 80-х годов вскоре после смерти Ричарда, в издательстве «Искусство» решили издать книгу воспоминаний соратников Викторова, посвященную его памяти. Стараниями жены Ричарда, актрисы Надежды Семенцовой, сборник был составлен, но затем, как у нас нередко бывает, интерес издательства к книге постепенно угас и она, отлежав несколько лет на подходе к типографии, была возвращена составителям.

В том сборнике была и моя статья.

Я попросил ее у Надежды Мефодьевны и, сократив, воспроизвожу ее здесь. Хоть прошло более десяти лет, мое понимание Ричарда не изменилось, не утрачен и интерес к нему, как к создателю отечественного детского фантастического фильма. Недаром и сегодня с экранов телевизора его ленты «Москва-Кассиопея», «Отроки во Вселенной» и «Через тернии к звездам» не исчезли и пользуются популярностью.

Так что прошу Вашего внимания.

...Фильмы Викторова — факт истории и искусства. О причинах и закономерностях путей к ним, мне и хочется поговорить.

Мне кажется, что в становлении Викторова сыграла важную роль война.

Случилось так, что в дни, когда немцы вошли в Крым, Ричард находился в детском санатории — он болел костным туберкулезом. Мальчику было двенадцать лет. Возле Феодосии и Керчи наша армия была разгромлена и беспорядочно отступала. Детей из санатория, которые могли ходить, красноармейцы забрали с собой и в последних боях в Крыму Ричарду пришлось самому стрелять, он был тяжко ранен и на одном из последних катеров вывезен на Большую землю.

Лечиться Ричарда отправили в Теберду, на Северный Кавказ, но и туда пришла война. Ричарду удалось бежать в горы, тех же, кто не мог убежать, фашисты убили. На Кавказе его отыскала мать, которая не поверила в смерть сына.

Эти невероятные испытания, голодные годы, невозможность быть таким же ловким, прыгучим, как твои сверстники, никак (что может, полагаю, подтвердить каждый, знавший Викторова близко) не сломили и не ожесточили его. Раны, хромоту, боль, все более угнетающие болезни он приучил себя скрывать, чтобы не обременять окружающих. В этом, кстати, выражалась и глубокая

врожденная интеллигентность Ричарда, воспитанная его матерью и отточенная самим Ричардом. Она проявлялась для него не только в уровне образования, но в образе его жизни — сознательном, постоянном действии.

Честно говоря, первое время я подозревал, что Ричард всегда немного притворяется. Человек наших дней не может быть таким деликатным, предупредительным, вежливым. А уж тем более режиссер, в силу специфики своей профессии — всегдаший воитель. Ведь процесс создания фильма — это бесконечное противоборство с чиновниками, со студией, с редактурой, с производственниками, с киногруппой; у всех свои интересы и с режиссерскими стремлениями сделать фильм, если они и совпадают, то лишь на словах.

Но Ричард не притворялся. Он просто был таким, каким был. Даже когда ему не хотелось быть таким, сил не было. Это была часть его перманентной борьбы с собой — с телом, которое отказывалось выдерживать нагрузки, которые Ричард полагал обязательными, с духом, который тоже порой уставал, с обстоятельствами, что бывали непреодолимы.

В истории известен Мартин Лютер. Неистовый вождь реформации. Ради торжества идеи готовый послать на костер всех своих противников. Непримиримость и ярость Лютера вытеснили из истории некоторых его современников, создателей той же реформации, своеобразных борцов за свободу человеческой личности против безраздельной власти Рима. Когда совет Священной римской империи в Вормсе объявил Лютера вне закона, а Папа отлучил его от церкви, Лютер с помощью своих покровителей убежал от суда и долго скрывался в одном из саксонских замков, осыпая шестнадцатый век многочисленными гневными сочинениями. Он и после этого, когда гроза миновала, продолжал потрясать идеологическим мечом, но редко покидал свой богатый дом, жену и многочис-

ленных детей. И умер в почтенном возрасте в достатке, в славе, ни ражу не услышав шума настоящей битвы.

А рядом с ним был куда менее известный вождь реформации Гульдрик Цвингли. Тот жил в Швейцарии. И остался в истории, как человек, никогда не повышающий голос, обращавшийся к доводам разума и проповедовавший любовь к ближнему и свободу мысли. Лютер спорил с ним, осыпал проклятиями, но переспорить не смог. А когда началась война с католическими кантонами, Цвингли, мыслитель, пожилой человек, взял, как и рядовые его единомышленники, оружие и погиб в бою.

Разумеется, исторические аналогии более чем условны. Я говорю лишь о типе характера. Ричард был своего рода пророком, который никогда не требовал смерти врагов. Но когда надо было — ради картины, ради человека, попавшего в беду, ради обиженного, ради справедливости идти в бой, он никогда не отсиживался в окопах. Мне приходилось видеть Ричарда в таком бою. Это был танк. Вежливый, воспитанный, сдержанный — только глаза становились совсем светлыми от внутренней ярости. И противники, бросая щиты и копья, в конце концов бежали с поля боя. Правда, не всегда. Ричарду тоже приходилось терпеть поражения, и, самые горькие из них, творческие, когда тебе, режиссеру не дают снимать то, что ты хочешь, к чему ты готовишь себя годами. Но и в поражениях Викторов внешне оставался точно таким же как прежде. Сила духа его была столь высока, что он мог подняться над личными обидами. И завтра, если не свалит болезнь, снова в бой...

Только через несколько лет после того, как мы познакомились, я увидел у него небольшую фотографию. Пожелтевший квадратик картона. Пожилой человек в морской форме. Адмирал Казнаков — прадед Ричарда, крупный военный специалист, теоретик, комендант Кронштадта. Мы были уже достаточно близки с Ричар-

дом, чтобы он открыл для меня свой жгучий интерес к собственному прошлому, к той линии русских интеллигентов, продолжением которой он себя ощущал, и принадлежностью к которой гордился, но не позволял своей гордости выглянуть наружу. Он попросил тогда меня, как историка, отыскать какие-нибудь материалы о прадеде, да и сам собирался в ленинградский Военно-морской архив, чтобы увидеть документы или письма, написанные рукой адмирала. Но не успел, некогда было...

Даже если ты хорошо знаком с человеком несколько лет, если ты с ним вместе работал, ты узнаешь о нем лишь то, что он согласен тебе показать, или то, что не смог скрыть. А Ричард никого, кроме матери и жены, глубоко к себе в душу не пускал. Он был убежден, что любое панибратство — неуважение как к себе, так и к собеседнику. Поэтому я могу сказать, что хорошо знал Ричарда, и в то же время должен признаться, что не знал его толком. И, к сожалению, не старался должным образом понять или оценить его: казалось, в том не было и надобности. Ричард еще будет жить много лет, мы еще поговорим, мы еще многое сделаем — успеется.

Не успелось. И теперь, когда Ричарда нет, я стараюсь понять здесь, сейчас, на этих страницах, мотивы его действий, причины его успехов. Что невозможно без проникновения в его внутренний мир.

Я знаю, что Ричард, с того момента как осознал себя, я осознал он себя раньше, чем многие его сверстники, потому что ему было тяжелее жить, чем другим, потому что он был умнее многих, потому что он был талантлив по-человечески, не подозревая еще, к чему он приложит этот талант, хотел быть учителем. Труд педагога для него был всегда высшим выражением человеческого долга.

Но, разумеется, Викторов понимал педагогику широко. Я допускаю, что сложись его жизнь иначе, он мог бы работать и в школе, и был бы хорошим учителем. Но это

могло бы случиться лишь при самом неладном стечении обстоятельств. Класс был бы Ричарду тесен. Учительство в его понимании было понятием вселенским, близким к «должности» проповедника. Мне приходилось видеть Ричарда в ситуации, когда он терялся перед масштабами и уверенностью в себе не справедливости и хамства. И тут же отправлялся наводить справедливость. Учитель в его понимании этого слова — хороший добный человек, который хочет, чтобы люди вокруг стали тоже хорошими и добрыми. Я не знаю, что говорил и как рассуждал Ричард, когда он поступал на философско-филологический факультет Львовского университета, но подозреваю, что ему в том возрасте сочетание двух высоких слов в наименовании факультета казалось воплощением перспектив избранной стези.

Важная деталь: еще до университета он заканчивает музыкальное училище. Он не стал музыкантом и не намеревался им стать, но музыка была для него неотъемлемой частью мира и частью его миссии. Я помню, как важно ему было решить музыкальный строй и интонацию любого фильма. Без музыки фильмы быть не могло. Он даже монтировал, не отрываясь от музыкального ощущения картины.

И вот, закончив университет, Ричард поступает во ВГИК. Поступает не только как дипломированный педагог, но и как учитель, осознавший уже окончательно и бесповоротно, что кинематография — самое реальное и могущественное средство педагогики — возможность донести свое слово до миллионов людей.

Ричард всегда оставался учителем. В манере общения с людьми, в поведении, в отношении к тому, что несет мир. Мне как-то пришлось работать с крупным нашим режиссером. Мы бились над сценой и мне казалось, что она не нужна в фильме. И я вспомнил, как для Ричарда был важен не столько процесс создания фильма, сколько его ко-

нечный воспитательный результат. Бывало — работаем, все вроде сделали. И вдруг Ричард замирает, смотрит не меня внимательно и даже вроде с некоторым осуждением, и спрашивает: «А что мы этим хотим сказать?» И пока не сформулирует для себя глубинный смысл работы, не успокоится. Поэтому, наученный опытом работы с Викторовым, я спросил тогда режиссера: «А что мы этим хотим сказать?». И тот, ни минуты не сомневаясь, ответил: «Что мы хотим сказать — за нас разъяснит критика. А мы должны сделать кино». Для того режиссера важнее всего было эстетическое воздействие фильма. Для Ричарда такой подход к фильму был немыслим. Даже еретичен. Он пришел в кино, чтобы учить и не намерен был рассчитывать на помочь критиков.

Люди, на мой взгляд, делятся на дневниковых и антидневниковых. Одни — от внутренней тяги к писанию, — от сознания собственной исключительности, исписывают за жизнь много тетрадей — клад для биографов. Правда, таких осталось немного. Другие, может и рады бы писать дневники, им даже хочется зафиксировать то, что обязательно вываливается из памяти. Но времени не хватает. Викторов относился ко второй категории. Дневников, как положено классику, он не оставил. Нашлись лишь короткие записи, скорее деловые напоминания самому себе, что надо сделать, несколько страниц заметок о поездке в Триест и фразы в записных книжках, которым он доверял взрывы негодования, связанные с очередным раундом борьбы с бюрократией. Среди них встречаются упоминания типа: «Надо позвонить Ане. Она плохо готовится к политэкономии» или «Звонил домой. Коля перешел во второй класс».

Эти звонки я помню. Прошил невероятно трудный съемочный день. Ричард еле живой. Жара градусов тридцать. Это могло быть в Крыму, под Кривым Рогом, в Средней Азии. Тут бы рухнуть на койку или, если есть

возможность, пойти купаться. Но Ричард первым делом дозванивался домой. У Кольки контрольная! Аня не хочет учить философию! Есть телефон в гостинице, хорошо. Нет — Ричард собирает себя в кулак и поплется на почту. Но в Москву обязательно пробьется. И будет долго говорить со своими детьми — они должны всегда чувствовать его присутствие.

Ричард не только следил за их успехами и переживал неудачи. Он учил их всегда, впрочем ненавязчиво, стараясь вжиться в их интересы и понять их желания. Это был как бы первый слой его учительства. Та маленькая лаборатория педагога, который несет светоч человечеству, светоч абстрактный, если не обратить его к конкретным воспитанникам. Мне порой казалось, что Ричард перегибает палку. Он обязательно должен был знать, что сейчас происходит с его детьми, видеть как они растут, умнеют, как трудятся. Куда бы ни уносила его судьба, как плохо бы ему не было, каждый день или почти каждый день, дома на Мало-Московской раздавался звонок из какой-нибудь очередной дали и начинался разговор о школьных либо институтских делах. Долго, чуть ли не до последней болезни Ричарда, в доме даже не было телевизора, потому что Ричард полагал, что телевизор — великий отвлекатель от Дела. Мне в этом виделся элемент тиарии, но, пожалуй, я был не прав: дом был дружным, участие Ричарда во всех делах было естественной частью его существования. И никто не ощущал излишней опеки.

Это качество Ричарда проявлялось и в следующем слое общения с людьми. В группе.

Любой, кто работал в кино, знает странный, но почти незыблемый закон: какой режиссер, такая и группа. Казалось бы, группа собирается почти случайно, как команда корабля перед дальним рейсом. Кто свободен в данный момент, тот и попадает в ту или иную группу. Но это не совсем так. Если ты оператор, художник, то можешь до

какой-то степени распределять свое будущее и договариваясь с режиссером заранее. Технические работники — ассистенты, администраторы, монтажеры, реквизиторы, гримеры, тоже стараются угадать (спланировать) свою работу так, чтобы освободиться к моменту формирования более привлекательной для себя группы. Но это далеко не всегда удается сделать, и за пределами предусмотрительности начинают действовать силы почти мистические. Как-то мы с Ричардом вышли из гостиницы в Ялте и от группы оживленных джинсовых мальчиков разного возраста к нам бросился один из них. Это был режиссер, остальные — киногруппа. Бурно и оживленно режиссер по здоровался и все они, словно игроки одной футбольной команды умчались к морю. Вечером того же дня часть этой группы попала в какую-то историю, угодила в драку...

Такой группы у Ричарда быть не могло. Во-первых, принцип подгадывания к Викторову всегда работал весьма очевидно. Из картины в картину переходили вслед за ним не только оператор и звукооператор, но и гримеры, монтажеры, художники, декораторы и ассистенты. Никакой материальной выгоды в этой верности Викторову не было. Он был даже требовательнее многих других, до-тощнее и придирчивей. Это всегда была семейная, солидная группа, причем ее семейственность выражалась не в официальном статусе членов, а в том, что Ричард, задавая тон и не требуя от остальных открытого подражания, был настолько очевидным и постоянным примером, что поработав с ним единожды, люди, даже теряя в зарплате, уходя в простой, старались дождаться именно его картины. Жизнь Ричарда в группе — продолжение его педагогической миссии, следующий воспитательный слой. Любой в группе мог рассчитывать на заботу Ричарда, на его полную осведомленность о твоем положении, твоих трудностях и проблемах. А если уж удавалось заполучить на

воспитание конкретного ученика, то Ричард, хоть и получал дополнительные заботы, был искренне рад.

Я приехал в Ялту на несколько дней, Ричард снимал там «Через тернии к звездам». Чтобы следить за тем, как питается, хорошо ли спит, здоров ли молодой актер Дима Ледогоров, Ричард поселил его в своей квартире. Вечером после съемки кое-кто из членов группы (Дима Ледогоров в их числе) пришли ко мне в гостиницу, мы засиделись, не заметили, как на грянула ночь, такси не было... в общем мы добрались до студийного дома далеко заполночь.

На балконе третьего этажа стоял, облокотившись на перила Ричард. Он не спал. Увидев нас, он повернулся и ушел в комнату. Он ничего не сказал нам ни тогда, ни на следующий день. Но мы-то знали, как у него паршиво с сердцем, как трудно идет работа и мы знали, что любая дополнительная ответственность воспринимается им только очень серьезно. Такой уж у него был принцип.

И еще хочется сказать о важной детали. По отношению к группе. Шестьдесят человек. Есть и работяги, и лентяи, люди организованный и распущенные. Но хоть перевороши все записи и заметки Ричарда, ты можешь отыскать в них сетования на руководство студии или Госкино, упоминания о трудностях работы с художниками и невозможности построить тот или иной объект. Но никогда ни единого слова упрека или раздражения в адрес тех людей, с кем работал, кто от него зависел.

Я столь долго пишу о человеческом, художническом и учительском таланте, о призвании Ричарда Викторова не потому, что эти мои рассуждения направлены на создание его портрета. Все это — попытка понять суть и эволюцию викторовского творчества. Семья, группа. Каков следующий виток приложения сил? Это все те люди, юные и взрослые, растущие вместе с его детьми, обогнавшие их или догоняющие, которых объединяет название «зрители». Есть режиссеры самовыражающиеся, порой

очень талантливо. Викторов никогда не ставил этой задачи — он выполнял миссию. Это не означает, что проблемы искусства его не волновали. Весьма волновали. Но все же главное было: что сказать. Лишь затем: как сказать.

В поисках наиболее эффективного способа донести до людей свое слово, свое понимание мира и доброты, Ричард шел в кино несколькими путями. Хотя все это колеи одного и того же пути.

Первое, что его интересовало — проблема формирования человека. Тот порог, за которым наступает зрелость. Те проблемы, от которых принято было в те годы отворачиваться или делать ид, что их не существует. Три фильма о подростках, три попытки передать собственный жизненный опыт. Попытки честные как по исполнению, по искренности воплощения, так и по той простой причине, что здесь Ричард чувствовал себя вправе разговаривать с младшими братьями и сестрами — он сам был молод. И характерно, что в этих фильмах, пожалуй, более всего, ощущаешь именно педагога, пришедшего в старшие классы, вставшие спиной к доске и настойчиво вглядывающиеся в лица юношей и девушек.

Мне жаль, что не случилось у нас с Ричардом разговора, как он сделал шаг к «Третьей ракете», первому своему фильму о войне. Но шаг этот — свидетельство поисков, поисков не только в искусстве, но и поисков более широкой аудитории. Не исключено, что сказав то, что смог на этапе «школьных» фильмах, Ричард, повзрослев, окрепнув как художник, обратился к собственному детству. Не принадлежа по возрасту к военному поколению режиссеров, по судьбе он к войне принадлежал.

«Третья ракета» и потом, через несколько лет, снятый по повести того же автора, Василя Быкова — «Обелиск», связаны с Белоруссией, где Ричард начинал работать, и с войной, в которой он начинал жить. «Третью ракету» не повезло. Она выпадала из числа гладких фильмов о том,

как мы легко победили Гитлера. Ричард рассказывал, как ему было горько, что фильм остался без финальных кадров. Их велели вырезать, потому что герой в них лежит на земле, а советскому воину, как известно, положено стоять.

Третий фильм Ричарда остался мечтой. Это был фильм исторический. От старания понять своего современника, к осмыслиению моральных уроков войны, Ричард шел к пониманию движущих сил истории и уроков, которые она нам дала. Он всегда любил историю, много читал, много знал и осознание ее было у Викторова эпическим. Он хотел сделать фильм об Иване Третьем, которого считал ключевой фигурой русской истории, того периода, когда после долгого рабства Россия превращалась в великую державу. Почему он так и не сделал своего исторического фильма? С одной стороны, его стремления, насколько я знаю, никто реально не поддерживал. Сама идея сделать фильм о великом князе казалась тогда сомнительной и неактуальной. Но, как я понимаю, и сам Ричард не был здесь до конца настойчив. Пожалуй, он внутренне не был убежден, что готов к созданию эпоса. Он говорил об этом фильме со многими, в том числе со мной...

И вдруг «Москва — Кассиопея»!

Не думал тогда Ричард о фантастике, тем более о фантастике детской. Читать — читал, для себя, в свое страсти все узнать, собрать вокруг себя новых людей и впитать новые идеи, очень интересовался космонавтикой. Но самому делать... нет.

Все случилось вроде бы совершенно случайно.

На студии имени Горького лежал сценарий А. Зака и И. Кузнецова — детская фантастика, «Москва — Кассиопея», о подростках, которые одни, без взрослых, отправляются в космический полет.

Сценарий победил на конкурсе, был принят студией и в ее интересах было заполнить пустую клеточку в планах:

«детская фантастика». И вот в 1971 году Викторова вызвал к себе директор студии и предложил этот сценарий. И обещал любую поддержку студии.

Так начался четвертый путь Викторова, четвертая ветвь его творчества, мне по роду занятий более других известная.

Казалось бы, что может быть дальше одно от другого? — История и фантастика? Одна смотрит в прошлое, другая обращена в будущее... А что, если не ограничивать фантастику затрапезными стереотипами? Допустим, что она куда шире, чем принято считать.

Настоящая фантастика интересна читателю лишь тогда, когда она рассказывает о наших с вами проблемах, когда она актуальна. Это в первую очередь характерно для фантастики отечественной, у истоков которой стоят Гоголь, Алексей Толстой, Михаил Булгаков, которые обращались к чувствам и мыслям своих современников. Это совсем не отрицает общей направленности научно-фантастической литературы наших дней в будущее. Фантастика старается дать ответ на вопрос: Как мы живем? Зачем живем? Что с нами происходит? И на вытекающий из этого кардинальный вопрос: Что с нами будет?

В отличие от сказки, условные персонажи которой действуют в условиях сказочной обстановки, хорошая фантастика, делая фантастическое допущение, создавая фантастический антураж, населяет фильм реальными героями, узнаваемыми и близкими читателю.

Теперь обратимся к исторической литературе. Могу с уверенностью сказать, что любой знаменитый или хотя бы популярный исторический роман или фильм имеет дело с тем же художественным принципом, что и фантастика: воссоздание образа, интересного для читателя, живого, современного героя в фантастическом антураже. Историки могут сколь угодно и вполне справедливо критиковать Алексея Толстого за роман «Петр Первый», где

исторический фон: язык, психология персонажей, детали быта и т.д. воссозданы весьма условно, ради решения художественной задачи — лепки человеческого характера. Именно людьми, их поступками силен этот роман. «Андрей Рублев» Андрея Тарковского уязвим с точки зрения строгой исторической правды. Интересовало Тарковского иное: наши проблемы, суть человеческих отношений. И обратите внимание, как естественно Тарковский на одном и том же этапе своей творческой судьбы создает «Андрея Рублева» и «Солярис».

Историческое произведение и произведение фантастическое дают возможность художнику, отстранившись от воссоздания реалистического быта, обратиться к философским проблемам бытия. Именно поэтому, я полагаю, что для Викторова, внутренне готовящегося к созданию исторического фильма, неожиданное предложение обратиться к фантастике, вызвало вначале сопротивление, затем сопротивление сменилось интересом, а затем и убеждением, что открывшиеся перспективы стоят того, чтобы посвятить этой работе все свои силы.

Вполне возможно, будь сценарий Зака и Кузнецова предложен иному режиссеру, уже зарекомендовавшему себя реалистическим художником, он мог бы отнестись к картине как к проходному эпизоду. Но принцип Викторова — работать всегда серьезно, и постоянный поиск слова, которое воспитывает, заставили его задуматься над возможностями сферы, практически неизвестной для нашего детского кинематографа, затем увлечься фантастикой, как могучим средством воздействия на подростка.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и то, что сам сценарий таил в себе широкие возможности для осуществления идей Викторова, которые он уже затрагивал в своих «школьных» и военных фильмах. Уверен, что если бы Викторову в тот раз попался иной, более «стандартный» сценарий, он бы от него отказался.

Получилось так, что, с одной стороны, сам Викторов готов был к следующему шагу в своем творчестве, с другой — сценарий давал ему возможность этот шаг сделать.

Зак и Кузнецов, опытные, много сделавшие в кино сценаристы, ранее более известные своими приключенческими сценариями, придумали такую историю:

В будущем, относительно недалеком, человечество достигло возможности построить космический корабль, который может долететь до иной звездной системы. Правда, путешествие будет продолжаться много лет. Именно это удерживает от полета. Но тут к Земле приходит сигнал бедствия с далекой планеты. И тогда принимается решение: послать в космос подростков. Они достигнут терпящей бедствие планеты, став уже взрослыми людьми и смогут вернуться на Землю еще не стариками.

Подбирается экипаж из талантливых юных добровольцев. В экипаже как мальчики, так и девочки. После трудного путешествия они достигают цели и обнаруживается, что по прихоти физических знаков, путешествие заняло куда меньше времени, чем рассчитывали. И потому она, достигнув цели через несколько месяцев, возвращаются, освободив планету от власти роботов, почти не повзрослев.

Это краткое изложение сюжета страдает тем, что в него можно вложить многое, а можно ничего не вложить и ограничиться приключением как таковым. Сценарий, тем более специально написанный для кинематографа, а не экранизация уже имеющегося произведения, мертв, пока не стал событием на экране. Как бы он ни был хорошо написан, лишь пройдя сквозь воображение режиссера, лишь воплотившись на экране, он становится или не становится событием.

Викторов сразу понял, что ничего подобного в нашем кинематографе еще не было. Драматурги сделали своеобразное открытие: сценарий космической одиссеи о подро-

стках и для подростков. Подозреваю, что в те дни, когда Ричарду надо было решить, продолжать ли работу в прежних жанрах или ринуться в неизведанное море фантастики, на его решение повлиял Викторов-педагог. Он понял, какие воспитательные возможности открываются в этой новой области. И как только понял и принял решение, начал действовать.

Ричард отнесся к предстоящей работе увлеченно и серьезно. Иначе он не мог. И тут же обнаружилось, а это он предугадал заранее, что студия, намереваясь «поставить галочку», совершенно не представляла, на что она идет. Опыта детских фантастических фильмов фактически не было и производственниками, руководителям студии, да и Госкино казалось, что будущий фильм ничем не должен отличаться от сказок, в которых пионер Ваня борется со злым царем. То есть на него достаточно выделить столько же средств, как и на «Красную шапочку». За отсутствием опыта и желания его приобрести, можно было игнорировать мировой опыт давно уже доказавший, что фантастика — дорогой в производстве, но окупавшийся в прокате вид кинопродукции.

В отличии от прочих, Ричард осознал принципиальное различие между своим будущим фильмом и всеми сказочными историями, что ставились на студии раньше. В считанные дни Ричард просмотрел наши и зарубежные фантастические фильмы и раздобыл всю возможную литературу. И тогда в его доме прозвучало слово «миллион». Если не получить миллион на постановку, то не привлечешь хороших комбинаторов, не сделаешь достойных декораций. Получится «мир из фанеры».

Вежливая убежденность Ричарда в том, что иного пути для того, чтобы сделать хороший фильм, у него нет, ввергла в растерянность студию и Госкино. Кроме этого, Викторов неверен был привлечь к работе лучших специалистов студии, в первую очередь художника К. Загорско-

го, которого отличает то, что по любому вопросу у него есть свое, чаще всего нестандартное и неприемлемое для здравого смысла мнение и удивительная способность воплощать в материале свои смелые замыслы. То есть Ричард сознательно шел на то, что рядом с ним будет работать соратник-оппонент, человек неудобный и плохо управляемый, зато талантливый.

В редких и отрывистых его записях того времени отражена память о бесконечных совещаниях и разговорах, ужас которых в том, что тебе прямо никто не отказывает, все сочувствуют, все тебе что-то объясняют и выкладывают сотни объективных причин. Война за миллион постепенно разгоралась. Подозреваю, что вскоре студия уже раскаивалась, что предложила сценарий именно Ричарду. А ему приходилось ходить по высоким кабинетам, отсиживать совещания с производственниками и изобретать хитроумные уловки, чтобы картину запустили. Но Ричард знал, чего хочет и был уверен, что добьется своего.

Размышляя о будущих фильмах, Ричард знакомился с тем, что было сделано коллегами. И пришел к выводу: нужен юмор! Ричард записывает о «Солярисе»: Все сделано добротно и без капли юмора». О «Туманности Андromеды»: Да, ложный пафос приводит к удивительным неудачам! И, конечно, полное отсутствие юмора!»

Фильмы, снятые Викторовым раньше, никак не назовешь юмористическими. Молодой воспитатель в них серьезен. Но по мере подготовки к новому фильму, Ричард все более убеждается в том, что юмор должен стать естественной составляющей его эпопеи. Для такого вывода надо было изменить себя — шел интенсивный процесс вторжения интуиции, чувства в привычную рациональность. В разгаре работы над режиссерским сценарием, Ричард писал: Утверждаемся в решении фильма, как фантастической комедии. Это очень важно для меня».

Фильм еще только обсуждается. Но Ричард, кругами по воде, все расширяет сферу деятельности. Он находит космонавта Берегового, встречается с ним, приглашает на студию, не только уговаривает стать консультантом фильма, но и превращает в своего союзника и соратника. Встречается с композитором В. Чернышевым, чтобы музыка к фильму создавалась не после того как он будет снят, а параллельно со съемками и даже раньше их. Наконец, обсуждаются проблемы цветного и графического решения фильма с Загорским и оператором: «Земля должна быть сочная, полнокровная, красивая в жизни человеческой. Космос и звездолет — графически скупой в свете и остальных решениях. Варианна (планета, куда направляется звездолет) — голубовато-изумрудная, нежная, не забыть Чурлениса».

Три месяца, как закончен режиссерский сценарий, но смету утвердить не удается. «Сделай обыкновенно», уговаривали Ричарда, — «Зачем эти масштабы и старания?». В записной книжке появляются горькие строчки: «Большой худсовет. Выступал Романов. Доклад его вызвал у меня уныние, ибо все направлено на «серединку на половинку». Хвалилось все серое и достаточно посредственное в отношении искусства и героя, как его понимали наши великие предки. Получается, предков надо забывать! А то, чему учили в отношении прекрасного, то и это надо забывать. А делать надо примитив, если хочешь хорошо кушать. А если не хочешь хорошо кушать, то старайся выкручиваться и не роптать».

Шел 1972 год. Яркие нестандартные решения не были нужны. Разумеется, Ричард хотел хорошо «кушать». Жил он очень скромно, мечтал о машине, но только мечтал. Но даже в самые неблагоприятные времена не поступался ничем ради желания жить спокойно. Отлично помню, как, начиная очередную картину, Ричард разговаривал со своими помощниками и предупреждал заранее: «В смету

не уложимся, в сроки не уложимся, премии не будет. Все, что вы потеряете, я заплачу из своего гонорара». Так что с машиной, о которой мечталось, приходилось подождать...

А время шло, в Госкино все не могли прочесть сценарий и дать заключение. Прошло десять месяцев с того дня, как Ричарду торжественно обещали золотые производственные горы, но дальше распухания бумаг и резолюций дело не двигалось.

Получилась странная, но предсказуемая ситуация. Когда Викторову предложили сценарий, то не предполагали, что он и в самом деле будет упорно добиваться обещанного. А он не отступал. Были достигли особого накала во второй половине марта 1972 года. Почти каждый день Викторову говорили: все решено, фильм запускается завтра. А завтра что-то случилось и запуск стопорился. И каждую проволочку объясняли викторовским упрямством. Ну почему тебе не быть как все? Откажись от своего миллиона, откажись от своих объектов и масштабов. И все будет хорошо.

Ричард не сдавался. Тогда помимо его желания сценарий был передан студийному редактору, чтобы тот без участия режиссера и сценаристов упростил его и сократил до требуемого объема.

24 марта 1972 года Викторов записывает: «Вот уж жуткий день! Посмотрим! Здесь уж по-настоящему «кто-кого»! А время бежит! И жизнь убегает! Так-то».

Первый инфаркт Ричард перенес в 1966 году, второй тремя годами позже. И он отлично понимал, какое у него изношенное сердце.

Даже друзья уговаривали его: согласись, потом наверстаешь. Но Ричард отлично понимал, что потом, когда картина будет сделана не так, как хотел, ничего не наверстать. От режиссера остаются только его фильмы. Как они делаются — зрителю неважно.

Только летом начались пробы. Надо было перебрать сотни подростков, прежде чем подберешь экипаж звездолета. Пожалуй, если бы Ричарду и в самом деле пришлось отправлять в межзвездный полет космический корабль, усилия потребовались бы не большие. Лето прошло в производственных боях и в периодических слухах о том, что картину завтра закроют. Даже в конце августа еще не было пленки, 21 августа начался съемочный период, но, как пишет Ричард, «мы не разбивали тарелки и не кричали «мотор!» Ибо на студии ни цветной, ни бракованной пленки».

Пленка появилась еще через неделю...

А потом была бесконечная работа, трудные экспедиции, в которых Ричард получил в свое педагогическое распоряжение группу подростков, которые не только снимались, но весь год съемок были учениками Викторова. Сегодня они вспоминают те месяцы не только как самые трудные и интересные, но и как определившие во многом их будущую жизнь. Хотя лишь немногие из них стали профессиональными актерами — все прошли школу Викторова.

Была дружба с И. Смоктуновским, на участие которого в фильме Ричард даже и не надеялся, и который согласился работать в совершенно необычном для себя жанре космического волшебника, очарованный Ричардом, его страстью к работе и убежденностью в необходимости предпринятого начинания.

Фильм получился.

В нем были сцены драматические и смешные, много выдумки и приключений. И главное: светлое, радостное настроение и прямое обращение к зрительному залу участвовать в озорных перипетиях и в захватывающем значительном деле.

Фильм стал событием. Пожалуй, не только в нашем, но и мировом кинематографе. Свидетельством тому отзывы

иностранный печати после его победы на фестивале в Триесте. Ричард и другие создатели фильма были удо-стоены Государственной премии РСФСР. И все те, кто так скучно и упрямо срезали деньги, тормозили и отговарива-ли Ричарда, как и положено, теперь поздравляли его и вспоминали о том, как рука об руку с ним они преодоле-вали трудности.

Ричард не спорил. Он был рад успеху, он встречался в переполненных залах с шумными, радостными детскими аудиториями. Пожалуй, никогда раньше Ричард не вку-шал в такой мере зрительского успеха.

...Он позвонил мне, представился, пригласил на про-смотр, встретил меня в холле кинотеатра, вырвался из кольца юных поклонников, подошел, хромая — и был он весел, лучезарен, как хозяйка, предвкушающая собствен-ную радость от того, что может накормить гостя удав-шимся пирогом.

Когда мы потом разговаривали, оказалось, что Ричард полон замыслов, планов, казалось бы противоречивых и даже взаимоисключающих. Это только казалось — я то-гда еще совсем не знал Викторова.

Но главное в разговорах была Фантастика. Я попал в невод Ричарда, как попадали и другие — ученые, писате-ли, изобретатели, и просто интересные для него люди. Он в те месяцы искал возможности сделать новый шаг в фан-тастике.

Проблема, стоявшая перед Ричардом, была достаточно серьезна. Режиссер сделал фильм, о котором говорят, ко-торому дети внимают, затаив дыхание и покорно стоят в очередях за билетами, чтобы посмотреть его третий, пя-тый раз. А что делать дальше? Известно немало случаев, когда режиссер (как и литератор), зная о том, что тема обречена на успех, начинает ковать продолжения. И бес-конечно идут фильмы о резидентах, приключениях зайчи-ка и волка или книжки про девочку из XXI века. Дурного

в том нет, все довольны — и создатель, и зрители, и Госкино. Но Ричарду надо было идти дальше. Он был совершенно неспособен повторяться. Более других людей осознавая скоротечность жизни и ограниченность своих физических сил. Викторов спешил подняться еще на ступеньку, пока позволяло сердце.

При том он оставался в русле своей сверхзадачи: оставаться учителем, проповедником, моралистом.

Разговаривая тогда со мной о фантастике, он никак не ограничивал себя ею — он воспринимал ее как могучее орудие воздействия на зрителя, как замечательную возможность для художника донести актуальную тему, но фантастом себя не считал и даже не был уверен в том, что к фантастике вернется.

Результатом раздумий того времени стало возвращение к войне.

Викторов выбрал повесть Василя Быкова «Обелиск», историю о сельском учителе, который жертвует собой, стараясь спасти своих учеников и гибнет вместе с ними. Историю трагическую, суровую, для Быкова она была как бы подступом к «Сотникову». В этой работе Ричарда мне видится попытка объединить свои главные темы прошлых лет: не только война и человек на войне интересуют Викторова. Он хочет увидеть и понять своих героев, подростков, которых только что отправлял в космическое путешествие, которые только что, но в другом времени, освобождали далекую планету, соотнеся их с собственным детством. Никто и никогда по-моему не сопоставлял два фильма, сделанные один за другим, не искал в них единства авторской позиции. А ведь, если вдуматься, никакого изменения в позиции и интересах Викторова не было — та же музыкальная тема проигрывается в иной аранжировке.

«Обелиск» сделан. Прошил на экранах. И не пользовался тем же успехом, что и фантастическая лента. Впр

чем, Викторов отдавал себе отчет в том, что в «Обелиске» не поднялся до той трагедии, что заложена в повести Быкова. Пожалуй, он и не хотел трагедии, а решал моральную проблему ответственности взрослого человека перед детьми и самим собой. И сдержанность привела к некоторому дефициту эмоций. Ричард не был трагичен, он и в жизни и в искусстве искал выход из трагедии не в банальном понимании счастливого конца, а в глубоком и искреннем желании восстановить справедливость и воздать всем по заслугам. В сущности, Ричарду хотелось быть сказочником — добро должно победить, причем победить на экране, сейчас же, как урок силам зла и надежда тому, кто борется за справедливость.

В этом я вижу одну из причин того, что после «Обелиска» Викторов снова стал искать фантастику. Но он уже миновал «отроческий» возраст. Значит надо было найти нечто совсем новое. Он перерыл свою библиотеку и библиотеки знакомых, выспрашивал окружающих о новых книгах и авторах. И, насколько я понимаю, не нашел в них того, что отвечало бы его возросшим требованиям.

Когда Ричард предложил мне работать с ним вместе, он не хотел основываться на какой-либо опубликованной повести. Как я понимаю, с возрастом Ричард все более исчерпывающе понимал для себя, чего хочет от следующего фильма. И все труднее было отыскать уже написанное, чтобы оно совпало с тем, что зрело внутри него. Из своих последних четырех фильмов он лишь один сделал по существующей повести и потому лишь, что глубоко почитал Быкова и, как ему показалось, нашел в «Обелиске» свою тему. Поэтому мы писали оригинальный сценарий.

Ричард намеревался на этот раз обращаться не только и не столько к детям, он хотел найти способ выражения, понятный и подростку, и даже ребенку, и в то же время интересный взрослому. Поэтому он поставил перед собой

две проблемы, которые можно было остро решить именно на фантастическом материале.

Первая проблема, по мысли Викторова требовавшая решения в новом фильме, была проблема сохранения Земли, которую мы столь безумно губим. Вторая — искусственный разум и соотношение его с человеком. Раскрыть их можно было на человеческих характерах и в человеческих отношениях. Задача была трудной, сочетать две столь значительные темы в одном фильме нелегко и работа над сценарием шла долго, не всегда гладко, но, как понимаю, интересно для нас обоих.

Наученный горьким опытом борьбы за «Кассиопею», Викторов исподволь принялся готовиться к съемкам. Снова боролся за смету, привлек к совместной работе над сценарием художника Загорского, единственного на его взгляд человека, который мог бы вытянуть столь грандиозное для студии Горького предприятие, готовил комбинаторов... Все он делал очень серьезно. Когда фильм вышел, в некоторых читательских писем были упреки: на дальней планете ходят в современных советских противогазах и т.д. Разумеется, в таких письмах демонстрировалось непонимание условности фантастики, но читать их Ричарду было неприятно — ни один зритель не мог и представить себе, сколько сил и времени было положено на то, чтобы в пределах скучной сметы, в пределах временных рамок, в пределах производственных возможностей студии, создать сразу два фантастических мира — мир будущего Земли и мир погибающей планеты Десса. Ничего не было кроме настойчивости Ричарда и талантливого упрямства Загорского.

Я просмотрел записи Викторова за 1977 и 78 годы — ничего там нет о невероятной сложности фильма, о том, что снять его было невозможно, и все-таки он был снят

С большим трудом нашли героиню — манекенщицу Лену Метелкину, необыкновенную Нийю — искусствен-

Соавторы. Ричард Викторов и Кир Булычев за работой над сценарием «Через тернии к звездам». Ялта. 1976 г.

Ричард Викторов. Режиссер фильмов и соавтор сценариев «Через тернии к звездам» и «Комета».

ную девушку, несчастную и слабую. Загорский построил подземелье Дессы, планеты, которую погубили жители, где не осталось ни лесов, ни воздуха, ни воды и которую спасают наши герои, вопреки сопротивлению тех сил, что замечательно научились извлекать богатство и власть из народных мучений. Были найдены и сняты в тяжелейших экспедициях пейзажи погубленной планеты — в Кривом Роге, возле Баку, в Средней Азии — у нас немного мест, которые уже сегодня страшнее любой Дессы. Когда фильм снимался, у Ричарда возникла мысль: вместо слово «конец» написать: «Все кадры мертвой планеты Десса сняты на Земле сегодня».

Жаль, что в Госкино испугались и картина завершается как принято.

Ричарда всегда мучила необходимость каждой новую картину начинать с нуля, словно ты уже не снял несколько хороших фильмов, словно до тебя не работали другие. В мире нашего кино ничего не сохраняется. Как расстраивался Ричард от того, что декорации — дом будущего, построенный великолепно, тщательно (Загорский сутками не уходил с площадки, чтобы добиться полной реальности дома) будет разобран после окончания съемок! В съете было семьдесят тысяч на то, чтобы его построить и не было семи, чтобы сделать ему самый примитивный фундамент. Это замечательное здание стояло стенами просто на земле, а ведь в нем, если дом сохранить, мог потом разместиться клуб или даже небольшой дом творчества. В то время Ричард в статьях, речах и интервью начинает упорно выступать за создание нашей школы фантастического фильма, создания преемственности, за сохранение декораций, опыта, кадров, за то, чтобы специально учить и готовить специалистов. Все соглашались, никто не спорил — Ричард как бы стучался в мягкую податливую стенку. Даже звука не было слышно.

Ричард Викторов на съемках фильма «Комета». 1981 г.

Фильм «Комета» достоин попасть в книгу рекордов Гиннеса по числу известных кинорежиссеров, которые участвовали в его создании в качестве актеров. В их числе П.Арсенов, В.Басов и Ю.Чулюкин, снятый здесь вместе с Р.Викторовым.

Фильм «Через тернии к звездам» вызвал обширную прессу, был отмечен Государственной премией, долгое время не сходил с экранов. Все поздравляли, все было отлично. Только устал Ричард от этого страшно, хоть признаться в том не хотел и спешил работать. Ему столько еще надо было сказать. Но не в продолжение сказанного, а иначе, на более высоком уровне. А как это сделать?

Успех фантастических фильмов Викторова сыграл и некоторую отрицательную роль в его жизни. К концу 70-х годов для большинства зрителей, критиков и руководителей кино он ассоциировался со словом «фантаст». Почему-то никто не хотел видеть, что для Викторова фантастика никак не самоцель. Если ему казалось, что слово, созревшее в нем, он может донести посредством фантастических образов, он шел на это. Он после «Терний» мне и другим, близко знавшим Ричарда, стало очевидно, что он к фантастике охладел. Он был внутренне готов к работе над исторической эпопеей. Поднимаясь по спирали, талант Викторова созревал и общее направление этого развития — стремление к решению эпических, больших проблем, было очевидно. «Через тернии к звездам» решили более серьезные общечеловеческие проблемы, чем «Отроки во вселенной», а дальше надо было сказать свое слово о судьбе всей нашей страны, всего народа, и для этого надо было сделать еще шаг.

Но объективно обстоятельства были против этого. От Ричарда все требовали нового фантастического фильма, разговоры об исторической эпопее сворачивались обещаниями на будущее. А время шло. И сердце билось с перебоями. Что делать? Снова ждать? Год, два? А ждать Ричард не мог.

Он решил, пока суть да дело, пока идет неспешная подспудная борьба, в которой ему доказывают, что исторические фильмы снимают многие, а фантастику кроме Ричарда почти никто, приняться за комедию.

Для многих это был неожиданный шаг в сторону. Но опять же, если вдуматься, логичный. Еще работая над «Кассиопеей», Ричард старался внести в нее комедийный элемент, будучи уверен, что нельзя только серьезно говорить о серьезных вещах. В «Терниях» Ричард сознательно ввел комедийные линии роботов и Пруля. Он был убежден, что комедийные моменты и сцены даже в самом серьезном фильме, не только дают зрителю вздохнуть, расслабиться, но и сами по себе помогают усвоить основную мысль режиссера.

И все же для Ричарда попытка сделать фантастическую комедию была не главным делом. И тем удивительнее, с какой невероятной отдачей последних сил он принялся за это.

Трудности здесь возникли такие же, как при наборе материала для «Терний». Ведь жанр комедии для Ричарда был средством донести несмешные мысли. И тут оказалось, что существующий литературный материал этого Ричарду не дает. Он потратил два или три месяца, пытаясь переделать для себя, на уровне своих критериев мою повесть «Марсианско зелье». Потом, когда сценарий был написан, разочаровался, потому что понял, что масштаб повести ему недостаточен.

Тогда в начале 80-х годов, много говорили о комете Галлея, что летела на очередное свидание с Землей. Общий интерес к комете, слухи, что распространялись вокруг нее, опасения, которые рождались в мозгу обывателя, никак не убежденного научными авторитетами в безвредности космического тела, натолкнули Ричарда на мысль написать сценарий, который бы использовал фантастическое допущение: комета летит к Земле, она должна столкнуться с ней, и даже известно место, где это случится. В остальном фантастичность идеи и сценария заключалась в гиперболизации поведения людей, которые впрочем, должны были вести себя по тем же правилам,

как мы с вами, перед лицом космической опасности. То есть Ричард пошел на парадоксальное решение: использовать имеющее хождение в фантастике идею о суперугрозе, как основу для комедии нравов.

Он избрал приморский городок, жутко перенаселенный в разгар сезона, как объект такого космического исследования. Он решил построить сюжет хронологически: комета приближается, городок живет своей жизнью, комета ближе, городок беспокоится, комета видна, начинается паника, всеобщий исход и гротесковый финал.

Мы с Ричардом постепенно наполняли сюжет людьми и человеческими отношениями, на первый план все более выходил драматическая и не вмещающаяся в рамки такой комедии история маленького человека, живущего в мире иллюзий и его жены, история женской преданности человека талантливого, цельного, человеку не стоящему высокого чувства.

«Комета» снималась в Крыму, таких тяжелых экспедиций, как в «Терниях» не было. Но все равно шла она трудно. И трудно было построить на берегу корабль, и заставить потом плавать его половинки, и трудны были массовые сцены, и трудно было все время спорить с редакторами и руководством студии, которое очень опасалось все более обнаруживавшейся сатирической линии. Чернобыля тогда еще не было, но ситуацию Ричард предугадал в деталях до пугающей точности. И понятно: в комедии он продолжал мыслить как гражданин и хотел, чтобы вместе в ним зрители всерьез задумались: кто мы, как мы живем, готовы ли мы оказаться лицом к лицу со смертельной угрозой? И как мы будем себя вести?

К последнему дню съемок, в павильоне, Ричард страшно устал, он с трудом заставлял себя работать. Только что умерла мать, которую он обожал. Помню, тогда решено было сделать «фильм о фильме», о том, как снималась «Комета» и нужен был кадр: авторы фильма разговарива-

ют, гуляя среди декораций. Мы медленно шли с Ричардом, среди свисавших с потолка серебряных лент фольги, на фоне синей стены — звездного неба, в мелких дырочках — звездах. Из-за деревянной перегородки доносилась веселая музыка: ансамбль «Последний шанс» репетировал сцену в трюме корабля. Ричард вдруг заговорил о том, как он будет снимать «Дмитрия Донского»...

Это был последний кадр, в котором есть сам Ричард.

После того как материал был отснят, он слег и уже практически не вставал.

Он прожил менее года, в полном сознании, держась надеждой на то, что смонтирует и закончит «Комету». А время шло, у студии были свои планы, до конца года надо было фильм сдать. И летом Ричард переломил себя — согласился, чтобы монтировал и озвучивал фильм другой режиссер. Режиссера предложили сверху, опытного комедиографа, который сделал в шестидесятых годах несколько популярных комедий, но который был устроен принципиально иначе, чем Ричард. К тому же материал фильма, слепленный условно и не дававший возможности толком понять, каким же будет фильм в конце концов, так как Викторов чуть ли не половину работы делал обычно в монтажной, в Госкино не понравился — там к нему почтительно-то отнеслись как к готовому фильму. Было много мелких замечаний, за которыми скрывались часто невысказанные, крупные. Помню, среди замечаний было, например, такое: «В фильме один из героев, оказавшихся на корабле в открытом море, говорит: «Буду спать, все равно чая нет». Снять эту реплику, которая намекает на нехватку в торговой сети некоторых продовольственных товаров»

Очевидно, фильм встревожил Госкино не деталями, а именно его общей концепцией: бессилием нашего общества перед ложной угрозой, и исходящей из того лживостью самого общества.

Режиссер, который завершал фильм Викторова, согласился на все начальственные пожелания. Никчесного, мятущегося героя превратили в отважного капитана на пенсии, сцены паники и бегства сократили, ввели говорящую собаку, которая должна была комментировать события... Фильм вышел уже после смерти Ричарда и наверное хорошо, что он его не увидел. И в то же время, в нем остались ричардовские куски, сцены, находки... к сожалению, зачастую перетолкованные. И все же фильм, хоть и был отпечатан в малом числе копий, и мало кто его увидел, несет в себе предупреждение, он и сегодня актуален.

Так Ричард и не снял своей исторической эпопеи.

Зато успел сказать больше, чем многие другие режиссеры, которые провели в искусстве намного лет больше Ричарда, и сделали втрое больше фильмов.

Фильмы стареют. Особенно это касается фильмов фантастических. Фантастика недолговечна, ибо ее антураж остается в своем времени и уже через двадцать лет кажется не только не необычным, но наивным и примитивным, идеи устаревают, образы становятся скучными.

А мне, недавно, на детском сеансе, удалось вновь увидеть «Отроков во Вселенной».

Зал, который заполнило третье или четвертое поколение зрителей, замирал, взрывался смехом, негодовал и переживал точно так же, как тогда, в день первой премьеры.

Кир Булычев, Ричард Викторов

**ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ
К ЗВЕЗДАМ**

*литературный сценарий
двухсерийного фильма*

Первая серия ДОЧЬ КОСМОСА

Звездное небо, куда более яркое, чем то, к какому привыкли земляне, несется навстречу. Звезды, зарождаясь точкой, приближаются, разбегаясь, затем тускнеют и расходятся на нет на периферии зрения. Но одна из звезд стремительно растет, оставаясь в центре неба, затмевает своим светом остальные... Вдруг становится ясно, что это не звезда, а металлическое тело, отражающее свет звезд.

Через некоторое время уже можно разобрать очертания космического корабля. Он, по-видимому, потерпел крушение, и в нем есть некоторое сходство с разбитым автомобилем. Причудливая покореженность создает на расстоянии ложное впечатление тонкости металла, как представляется бумажным или фольговым смятый радиатор автомобиля.

Вот уже можно разглядеть отверстие в корабле и сквозь рваные дыры — внутренние перегородки.

Мы медленно подлетаем к кораблю, и края отверстия расходятся, пока мы не вступаем во внутренний коридор, обрывающийся в пространство.

ВСТРЕЧА В КОСМОСЕ

Два корабля в пространстве. Один из них, мертвый, изуродованный, медленно и бесцельно поворачивается

вокруг оси. Второй, живой, ощупывает его лучами прожекторов.

Из командного отсека звездолета «Пушкин» видно, как идет сближение с объектом в космосе. В репликах, интонациях чувствуется напряжение, вызванное необычностью ситуации.

— Второй двигатель, самый малый! — говорит капитан. — Самый малый, — слышен ответ. — Третий ангар, дождите готовность, — говорит штурман.

— Третий ангар слушает. Дай нам еще три минуты.

— Скажи Лебедеву, — бросает капитан штурману, не оборачиваясь.

Второй штурман смотрит на экран. Там, вырастая, плывет мертвый корабль.

— «Летучий голландец», — говорит он, касаясь кнопок на пульте. — Сергей, вы готовы? Катер в третьем ангаре.

— Сейчас выхожу.

— В атласе Сомова его нет, — говорит первый штурман, который смотрит на небольшой экран, где мелькают изображения космических кораблей.

На третьем экране виден ангар. Из боковой двери выходят, направляясь к катеру, три человека в скафандрах высокой защиты.

...Потом космонавты появляются в коридоре брошенного корабля, пустом и безжизненном. Здесь нет искусственной гравитации, и они медленно и осторожно плывут вперед. Вот они разделились, и мы остаемся с Лебедевым.

Коридоры расходятся, переплетаются... Кажется, что-то мелькнуло впереди — тень или игра света. Аварийное освещение корабля еще действует, и над головой Лебедева поочередно зажигаются тусклые светильники и гаснут, стоит ему проплыть дальше, Лебедев как бы теснит, гонит перед собой мрак. И там, где промелькнула тень, тоже мерцает передвигающееся пятно света.

Лебедев попадает в большое помещение лаборатории, медленно плывет между лабораторных столов, мимо высоких сосудов в переплетении стеклянных и металлических труб. Он останавливается перед сосудом, в котором в массе льда виден человеческий зародыш. В следующем сосуде — такой же. Рядом прозрачные саркофаги, тоже наполненные льдом. Сквозь лед угадываются тела вмерзших детей. Лица их одинаковы, словно у близнецов... Дальше — низкие кресла, столы, шкафы с приборами и ящики — аскетизм чуждого быта. Отсек чуть освещен аварийным светом, и можно угадать, что вокруг — люди. Мертвые. Свет шлемового фонаря выхватывает из полу-мрака протянутую руку... профиль...

Луч скользит по дальней стене отсека. Мелькает тень. Лебедев оборачивается, но не замечает, что там, в стене, еще одна дверь, едва приоткрытая.

За спиной Лебедева, в дверях отсека, — живое существо. В скафандре и шлеме. С первого взгляда можно различить лишь большие глаза, внимательно и отрешенно устремленные на Лебедева. Существо отступает в темноту и исчезает.

Лебедев замечает странную тень. Он вылетает в коридор.

Там, словно из последних сил, медленно удаляется фигурка в скафандре. Навстречу ей — луч света. Это фонарь второго космонавта. Неизвестное существо замирает, отступает к стене. Лучи фонарей сближаются, все ярче высвечивая распластанную у стены фигурку.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПРОБИРКИ

Конференц-зал карантинной околоземной станции полон. Сидят в креслах, на полу, стоят у стен, возле иллюминаторов, за которыми видна Земля, какой она кажется с высоты в 40 тысяч километров. Здесь и ученые, и коррес-

понденты, и сотрудники карантина. Телевизионный экран висит над Сергеем Лебедевым и капитаном «Пушкина».

Несколько в стороне, напряженно глядя в зал, — Нийя. Она одета, как люди, и все-таки выглядит чем-то инородным на этой пресс-конференции, атмосфера которой весьма неофициальна.

— Вы убеждены, что это клоны? — спрашивает сухой, подтянутый негр.

— Никакого сомнения, — говорит Лебедев.

Он нажимает кнопку, и за его спиной возникает лаборатория погибшего корабля — колбы с одинаковыми зародышами.

— Мы можем даже проследить развитие клонов. Клон первый — шесть пятнадцатинедельных зародышей... А вот клон второй — семь мальчиков трехлетнего возраста. Просим извинить за качество изображения.

— У нас не было времени, я выбивался из графика, — поясняет капитан.

— Наконец, пять девушек шестнадцати — семнадцати лет...

Отыскав глазами Лебедева, Нийя смотрит на него, словно спрашивает: что им от меня надо? Лебедев улыбается. Девушка снова смотрит в зал. Лицо ее недвижно.

— Наличие нескольких этапов клонирования позволяет нам без всякого сомнения утверждать, что все эти особи выведены ин витро, — говорит Лебедев.

— Значит, это — люди из пробирки? — спрашивает японец. — Можно сказать так. — А почему их выводили на корабле? Это связано с невесомостью? — Сомневаюсь.

— Но почему они были на корабле? — не сдается японец.

— Только она сможет нам ответить, — говорит Сергей. — С результатами наших исследований можете ознакомиться сейчас. Присутствующие тянутся к стопкам брошюр, разбирают их, передают друг другу.

Девушка оборачивается к иллюминатору и видит Землю. Планета медленно вращается, синие ее океаны расчерчены спиралями циклонов. И кажется, что Нийя взглядом приближает ее — Земля растет, пока не заполняет весь экран...

Гостиная двухэтажного старого дома. Перед экраном телевизора в кресле сидит бабушка Мария Павловна — мать Сергея Лебедева. За ее спиной — Степан, сын Сергея. На телевизионном экране — лицо девушки, которая, кажется, смотрит прямо на них.

— Я вернусь к обеду, — говорит дед, проходя по гостиной к дверям.

— Ты не будешь смотреть? — спрашивает бабушка, не отрываясь от экрана.

— Ни минуты свободной, — говорит дед от двери. — К тому же, с биологической точки зрения, ничего особенного. Загорский клонировал уже в двадцать втором году. С моей точки зрения, бесчеловечный эксперимент.

— Дед, ты консерватор, — говорит Степан. — Она же оттуда!

— Там тоже не без урода! — доносится голос деда из сада.

С экрана слышен голос Сергея Лебедева: — Так что анатомически, функционально различие с «хомо сапиенс» ограничивается деталями. Иное дело — тщательное исследование функций мозга и поведенческих реакций существа. Только тогда мы сможем ответить на вопросы, зачем, где и когда был проведен этот эксперимент...

Снова конференц-зал околоземной станции.

— Контакта нет? — спрашивают из зала. — Это было бы слишком категорично, — отвечает Лебедев. — В сущности, мы имеем дело с близким нам разумным существом. Если мы создадим оптимальные условия, можно на-

деяться, что контакт не только реален, но и достичим в самое ближайшее время. Я в этом не сомневаюсь.

Один из корреспондентов, стараясь выбрать точку для съемки, крутится возле Нийи, и ей эти суетливые движения неприятны.

— Не суетитесь, молодой человек, — замечает Лебедев. — Учтите, она еще не видела корреспондентов. В зале оживление.

Лебедев встречается взглядом с девушкой. Как будто между ними уже есть какая-то связь, какие-то начала понимания.

Поднимается Надежда Иванова, сухая, подтянутая женщина лет сорока.

— Мы имеем дело с порождением чуждого нам разума, — говорит Надежда. — Сам принцип выведения человеческих существ ин витро несет в себе некую скрытую цель. Наша задача сейчас — добраться до целевой установки этого эксперимента. Прежде чем определим цель, относиться к этому существу, как...

— Как к девочке, — подсказывает голос из зала.

— Относиться к ней как к полноценному человеческому существу легкомысленно. Пока не известно ее предназначение, она остается источником опасности.

— Так что же вы предлагаете? — спрашивает Роман Долинин, пожилой толстяк, председатель Комиссии.

— Мы изолируем это существо в институте космической генетики и всесторонне исследуем его. После того, как все поймем, можно говорить о контактах.

...В гостиной старого дома Степан, глядя па экран, пожимает плечами: — Мне она не кажется чудовищем. — Надежда в чем-то права, — говорит бабушка. — Космос не продолжение Земли, а часто — отрицание ее.

На экране девушка из космоса вдруг морщит нос и чихает. Очень по-человечески. ...И снопа околоземная станция. — Всегда остаются сомнения, — говорит Лебедев. —

Но я не согласен с Ивановой. Раз мы имеем дело с мыслящим существом, то ни в коем случае нельзя забывать о том, что контакт — понятие двустороннее.

— Ты забываешь о нашей ответственности перед человечеством, — говорит Надежда, начиная нервничать.

— Нет. Но не забываю и об ответственности перед ней. Она не объект опытов. В первую очередь, она субъект. Такой же, как мы все.

В этот момент корреспондент, что крутился рядом, щелкает камерой прямо перед лицом Нийи... Дальнейшее непонятно: корреспондент сидит на полу, камера отлетела в сторону... Шум в зале.

— Я же говорил, — морщится Лебедев. — Вы ее испугали.

Сергей подходит к девушке, кладет ей руку на плечо. Девушка не отстраняется. Она как будто понимает, что Лебедев — ее союзник.

— Еще неизвестно, кто кого испугал, — говорит, поднимаясь, фотограф.

— В следующий раз может кончиться хуже, — слышен голос из зала.

— Это зависит от нас, — говорит Сергей. Он смотрит на девушку. Глаза ее насторожены. Она понимает, что решается ее судьба. — Девочка будет жить у меня дома!

Сквозь шум в зале прорывается спокойный голос Надежды:

— Разумеется, ты можешь взять ее. — Зал затихает. — А если она создана для того, чтобы убивать?

— Любой контакт предусматривает долю риска, — отвечает Сергей. — Но мы уже достаточно знаем, чтобы на этот риск пойти. Пускай она останется среди людей. Пусть не только мы поймем ее, но и она поймет нас... У человека должен быть дом.

— Докажи, что это человек! — не сдается Надежда.

— Пускай она станет человеком, — говорит Сергей. — Я прошу Комиссию по контактам рассмотреть мое предложение. Я достаточно компетентен, чтобы осуществить контакт и беру на себя ответственность за последствия.

— Ты ничего не можешь гарантировать, — говорит Надежда. — К тому же... Как ты намерен осуществлять биоконтроль?

— Не смогла бы ты взять это на себя? — спрашивает Роман. — Безусловно.

— Все свободны, — говорит Роман. — Прошу оставаться членов Комиссии по контактам.

ЭТО ТВОИ ДОМ

Прорвавшись сквозь облака, флаер летит над горами, лесом, городом, над холмистой равниной, над поселком на берегу моря. Вдали видна стрела автострады и странные сооружения на воде — морской биозавод.

Флаер неспешно спускается над садами, словно Лебедев, который ведет машину, оттягивает свидание с домом, наслаждаясь пышной зеленью родного мира.

Совсем иначе видит этот мир девушка. Она принадлежит Космосу, принадлежит миру, лишенному зелени и бедному жизнью. Для нее этот пейзаж чужд и даже невероятен, как чужда земному ребенку красная пустота марсианских пустынь. И в глазах девушки зеленая масса листвы как бы оживает, разрастается — неведомое агрессивно и враждебно. Красные маковые поляны кажутся кровавыми, лилии в пруду распахивают белые рты, птицы представляются жалящими тварями. И никто не может понять и разделить ее страха.

Тем временем флаер опускается над одним из домов поселка. Это дом, формы которого принадлежат будущему, но в то же время он не нов, эклектичен, словно строился не сразу, а рос, как живой организм, соответственно

кусу и потребностям жильцов, людей разных и необычных.

На пороге дома стоит Мария Павловна, мать Сергея. В доме ее называют бабушкой, хоть она далеко еще не стара, элегантна, подвижна и деятельна. Здесь же 'сын' Сергея Степан и робот Гришка, который ненадолго оторвался от кухонных забот и потому в рабочем наряде — передничке на металлическом животе, с поварешкой в руке, которую приложил ко лбу, чтобы лучше разглядеть снижающийся флаер.

Сергей на секунду задерживается в люке флаера, затем легко спрыгивает на площадку, делает шаг к сыну, обнимает его. Степан прижимается к отцу. Они замирают, обнявшись. Сергей целует сына в макушку, Степан отстригается, но рука отца еще ласкает его волосы...

— Знаешь, — говорит Сергей, смущаясь собственных слов. — Твои волосы... Они пахнут, как у твоей матери, как у Тани. — И он идет к Марии Павловне.

Та поднимается на цыпочки, чмокает сына в щеку и смотрит через его плечо.

— Погоди, — говорит она. — Ты совсем забыл.

— Я ничего не забыл, — говорит Сергей. — А ты, мам, совершенно не изменилась. Презираешь нежности?

Но все они уже смотрят на люк флаера. В люке стоит девушка из пробирки и словно изучает странное, на ее взгляд, поведение землян.

— Иди сюда, — приглашает ее Сергей. — Это твой дом. А это твои родственники.

Девушка соскакивает на площадку. Останавливается.

— Ничего, — говорит бабушка. — Она еще не привыкла. А мы смотрим на нее, как на бегемота. Совершенно неприлично.

Она решительно идет к девушке, протягивая руку. Этот жест кажется той угрожающим — рука как нечто самостоятельное, [1С связанное ни с телом, ни с лицом

женщины, тянется к ней, увеличиваясь, словно намерена схватить... — Мама! — кричит Сергей. — Погоди. Девушка переводит на него взгляд. Знакомые глаза не страшны. Они — единственное надежное и привычное здесь. Девушка сама делает шаг к Лебедеву.

— Она не кусается? — серьезно спрашивает Степан.

— Степа, как тебе не стыдно?! — возмущается бабушка.

— Она же испугалась, разве не видишь? — говорит Сергей. — Ну, иди же, Тебя никто не обидит.

Девушка делает несколько шагов и замирает там, где кончается бетон и начинается трава, живая, опасная и неизвестная. Сергей садится на корточки, проводит по трапеции ладонью. Из травы высекает кузнец. Девушка чуть вздрогивает и провожает его взглядом.

— Иди, — обращается к ней Сергей. — Иди спокойно и ничего не бойся.

Он сам идет к дому. Девушке нелегко дается первый шаг. Но она его делает, и быстро, не глядя под ноги, проходит к лестнице.

— Добро пожаловать в наш дом, — говорит робот Гришка.

Девушка не обращает на него внимания. Пройдя в дом, бросает взгляд на Сергея. Но тот не хочет помочь. Тогда девушка оборачивается к креслу в углу. Движения ее легки и неуловимы, и даже непонятно, как она вдруг оказалась в кресле. Подобрав ноги, сжалась комочком и замерла.

Сергей доволен тем, как прошли первые минуты в доме, и делает вид, что ему и дела нет до гостьи. Он обращается к матери: — А где отец?

— Третий сутки на биостанции. Какая-то эпидемия у кашалотов. Ты же знаешь, он сумасшедший. Из-за какого-то китенка готов забыть о доме. У меня насморк — это насморк, а у кита — катастрофа.

— Мама, не ворчи, — говорит Сергей. — Другого мужа тебе не нужно: — Мог бы ради приезда сына... — Я не обижаюсь, — говорит Сергей. — А я обижена, — говорит Мария Павловна. — И не только на него.

— Па меня тоже? — Сергей улыбается. — Как хорошо вернуться домой.

Он чуть поглаживает вазу с цветами на столе. Старую вазу с выщербленным краем.

— Степка, я тебе камень привез. Бранзулит.

Он достает из кармана камень.

— Спасибо, — говорит Степан. Он держит камень на раскрытой ладони, и в камне текут, переливаются узоры.

— Вот именно, — поджимает губы Мария Павловна.

— Камень.

— Мне больше ничего не надо, — говорит Степан.

Мария Павловна, замечая, что глаза сына снопа устремлены на девушку, замершую в кресле, не выдерживает:

— Ты весь в отца. Такой же эгоист. Тебя не было больше года, ты вернулся... Но я не верю, что ты вернулся. Твои мысли сейчас заняты этим существом. Оно тебе важнее, чем я. Да что я — оно тебе важнее, чем Степан.

— Ты неправа, мама, — не соглашается Сергей. — Я вернулся домой, я очень стосковался по дому, по тебе, по Степану — по всем... Но у меня есть работа. Моя работа, понимаешь?

— Татьяна жалуется, что ты ей полгода не писал.

— Писал. Мама, эту ракушку отец с Явы привез?:?

— Ничего подсобного. Ее привезла я... Ты меня перебил. О чем я говорила? — О моей работе.

— Нет, о Степане. Ты совершенно забыл, что у тебя есть сын. Ты встречаешься с ним раз в год, привозишь ему дурацкие камни! А у него переломный возраст, он грубит преподавателям.

— Переломный возраст у меня позади, ты просто не заметила этого, бабушка, — говорит Степан. — Тебе кажется, что мне все еще десять лет.

Сергей направляется к лестнице на второй этаж. Жестом останавливает девушки, вставшую было с кресла. Затем открывает дверь в комнату Татьяны, своей жены. — Она поживет здесь, у Тани. — Ну вот, — бабушка разводит руками. — Ты хоть понял, о чем я говорила?

— Да, мама, — говорит Сергей. — Вечером приедет техник и поставит на окно защитное поле.

— Сережа, ты превращаешь наш дом в полигон! Я слышала, что говорила Надежда. По-моему, она совершенно права. Ты сам боишься этого монстра.

— Нет. — Сергей возвращается на лестничную площадку. — Просто я должен предусмотреть некоторые элементарные вещи.

— Потому что боишься? — Потому что она может испугаться. Ты забываешь, мама, что она страшно одинока здесь... Совсем одна. И если мы не станем для нее близкими, она может погибнуть.

— У тебя в голове все перевернуто с ног на голову, — возмущается Мария Павловна. — Почему она должна погибнуть в институте у Надежды? Там за ней будет уход... В результате ты ускакешь в очередную экспедицию и мне придется снова расхлебывать, как было, когда ты привез этого хищника... Ну, как его, который чихал?..

— Лигоцефала.

— Вот именно. У Степана все руки были в шрамах.

— Мама, ты врач. Больше того, ты акушер. Ты всю жизнь имеешь дело с детьми...

— С человеческими!

Шум опускающегося флаера перекрывает ее слова.

— Вот и Надежда, — говорит Сергей, спускаясь по лестнице.

— Нет, — ворчит Мария Павловна, спеша за ним. — **Не** такой я ждала встречи. Из флаера выскакивает Надежда.

— Здравствуй, Сергей, здравствуйте, Мария Павловна, говорит она, целуя бабушку. — Представляю, как вы счастливы.

— И не говори, — машет рукой та.

Из флаера появляются молодые люди — лаборанты Надежды, вытаскивают оборудование. На поляне быстро растет груда аппаратуры.

Лаборанты устремляются к дому, отстранивая по дороге Степана.

— Зачем это? — встревожилась Мария Павловна.

— Биоконтроль, — отвечает Надежда. — Мы договорились с Комиссией по контактам. Сергей согласен.

Они входят в гостиную, и Надежда тут же замечает в кресле девушку.

— Вот она где! Я бы ее не оставляла без присмотра.

— Она будет жить наверху, в комнате Татьяны, — сухо поясняет Сергей.

Надежда поднимается по лестнице. За ней бежит лаборант с аппаратурой.

— Сергей, — говорит Мария Павловна. — Я протестую.

— Я был вынужден согласиться. Это нужно для дела, для науки.

— Наука со взломом, — говорит Мария Павловна, с трудом сдерживая себя.

— Подвал в доме есть? — спрашивает Надежда с лестничной площадки.

— Мы не держим детей в подвале, — говорит Мария Павловна. — И попрошу тебя мою комнату оставить в покое.

— Простите, Мария Павловна, это невозможно. Меня интересует не только это существо, но и его взаимоотношения с вами.

— Гришка! — не успокаивается Мария Павловна. — Сюда! Я не намерена жить в этой лаборатории!

— Мама! — пытается успокоить ее Сергей. А Степан радуется:

— Правильно, бабушка! Я на твоей стороне. Какие вещи берем с собой?

Мария Павловна поднимается по лестнице II лицом к лицу сталкивается со спускающейся вниз Надеждой.

— Я очень рада, Надежда, что девочка не попала тебе в руки. У тебя нет детей, и тебе, может быть, не понять этой моей радости.

Лицо Надежды бледнеет.

— И это говорите мне вы?! Вы меня упрекаете, что у меня нет детей?.. — Она старается заглушить душевную боль и продолжает с бравадой: — Моя жизненная функция не связана с материнством. — И кивая на груду аппаратуры: — Вы против этого? Мы уберем... Будем использовать систему биополей. До свидания.

Надежда выходит из дома и направляется к флаеру.

Сергей молча смотрит ей вслед. Так и не найдя нужных слов для Надежды, он оборачивается к матери и разводит руками в недоумении:

— Мама, в саду сырь...

Но Мария Павловна не отвечает. Она усаживается в кресло посреди лужайки и раскрывает книгу.

Степан включает торшер, а робот Гришка натягивает полог над кроватью.

И тут на лужайке появляется Петр Петрович Лебедев, отец Сергея. Он спешит к сыну, необычная обстановка на лужайке как будто ничем не удивляет его.

— Как у вас? Все в порядке? — спрашивает он, словно бабушке и положено сидеть в саду под торшером.

Сергей спускается вниз. Старший Лебедев — человек сухой, не позволяющий чувствам подниматься на поверхность.

— Прости, что я тебя не встретил, — говорит он вместо приветствия.

— Я знаю, у тебя аврал, — кивает Сергей.

— Третий сутки не вылезаю из-под воды. Скоро жабры отрашю. Ты похудел. — Ты тоже.

— Я слышал, что девочка будет жить у нас?

— Да.

— Тебе лучше знать... А как мать?

— Ты же видишь.

— Маша! — Только сейчас до отца дошло, что кровать стоит не на месте. — Ты простудишись!

— Нет, — говорит Мария Павловна, не отрываясь от книги. — У меня плед.

На пороге появляется Гришка: — Ужин подан!

— Ну, пойдем, — говорит дед, обнимая Сергея за плечи. — Покажешь мне своего найденыша. В свое время я отчаянно спорил с Загорским, помнишь такого адепта клонирования?

Они уходят в дом. Мария Павловна откладывает книгу, смотрит им вслед. Гришка ждет.

— Ты чего? — спрашивает Мария Павловна.

— Вам что, отдельное приглашение? — спрашивает робот.

— Не хочется, — говорит бабушка. — Ужинайте без меня... Гришка, а как тебе это... существо?

— Очаровательный ребенок, — говорит Гришка. — Совсем как человек. Как вы думаете, ей понравится, как я готовлю?

— Не знаю, не знаю...

Ночь в доме. Ночь над поселком. Ночь над Землей. От лунного света все кажется тревожным, таинственным. Бьют старинные часы. Три часа.

В саду, у непогашенного торшера, спит бабушка.

Гришка стоит безжизненно в кухне. В откинутой руке спящего Степана светится бранзулит.

Лежит на спине, с открытыми глазами, девушка.

Спит Сергей. Но вот он открывает глаза, прислушивается к какому-то шороху. Скрипнула половица. Сергей приподнимается, явственно слышит осторожные шаги. Он вскакивает, распахивает дверь. Темная тень движется к лестнице. Сергей бросается вперед, и тут раскрывается еще одна дверь, вспыхивает свет и выясняется, что Сергей поймал собственного отца.

Степан улыбается в дверях своей комнаты.

Внизу стоит Гришка, задрав голову.

— Ты куда? — спрашивает Сергей шепотом у отца.

— Мне пора. На биостанцию, — говорит дед. — А ты что не спиши?

— Я сплю, — говорит Сергей и на цыпочках подходит к двери в комнату девушки. Приоткрывает дверь. Девушка лежит, по глаза ее открыты.

— Как она? — спрашивает Степан.

— Все в порядке, — говорит Сергей. — Спит.

Гришка протягивает деду поднос с бутербродами и стаканом чая.

— Перекусите на дорогу. А то весь день не емши.

Отец на ходу хватает с подноса стакан и бутерброд.

— Гришка, — просит Сергей, — сообрази мне чего-нибудь перекусить. Что-то я страшно проголодался.

— И мне, — говорит Степан.

Они сидят в кухне и жуют, когда в дверях, кутаясь в халат, появляется бабушка.

— Я всегда подозревала, что у нас сумасшедший дом, — говорит она. — Но сейчас в этом убедилась.

— Чай? Кофе? — спрашивает Гришка.
— Коньяк.

Наверху, в темной комнате, под светом луны, лежит неzemная девушка. Глаза ее открыты.

В окно смотрят яркие звезды. Девушке кажется, что они летят к ней. И где-то далеко-далеко звучит странный сигнал или мелодия. А может быть, это бормотание звезд? Но этот звук заставляет ее насторожиться и взглянуть еще внимательнее на бездонный Космос.

...В своей лаборатории, тесно уставленной внесенными сюда телезранами, сидит Надежда. Перед ней, на столике, кофе.

Работая, Надежда веc время поглядывает на экраны, следя за инопланетянкой в доме Лебедевых.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Нийя сидит в мнемокресле в кабинете Сергея. Лицо ее внимательно и спокойно. Губы чуть заметно шевелятся, она как бы сilitся проникнуть в тайну букв, узором выстроившихся на экране перед креслом.

— Говори! — приказывает Сергей.

Девушка молчит, лицо становится напряженным.

— Говори! Кто ты? Твое имя?

И она начинает внятно и осмысленно:

— Я — Нийя... Мое имя Нийя... Ты — Сергей. Он — Степан... Мы — люди.

— Прекрасно! — восклицает Сергей. — Теперь отдохнуть! На воздух!

...Степан и Нийя на спортивной площадке. Он со вкусом «крутит солнце» на турнике. Соскакивает на землю и торжествующе смотрит на девушку, ожидая знаков восхищения. А та вдруг легко подпрыгивает и совершенно не-

вероятным комом катится по траве. Степан ошарашенно открывает рот.

А Нийя уже остановилась у большого куста роз. Изучающе рассматривает лепестки. Н тут издалека слышны раскаты грома. Со стороны леса грозно надвигается сизая грозовая туча. Нийя в испуге пятится к дому, не в силах оторвать взгляда от мрачном тучи. И ей чудится...

Туча темнеет, становится зловещей, от нее тянутся к земле толстые струи черной воды, хлещут по деревьям, срывают с них листву, прижимают траву, черная вода бурлит под деревьями, и трава как бы тает в ней. Видно, как растворяется, упав в воду, птица... Черные струи обрушиваются на Степана, в клочья рвут одежду...

Нийя в ужасе бежит к дому, толкает двери. Звенят осколки разбитого стекла.

Сергей выскакивает па лестничную площадку. Внизу появляется все еще ошарашенный Степан и бабушка.

— Она в саду? — спрашивает Сергей.

— Нет, — говорит сын. — Нет... Она вбежала в дом... Гришка! Ты ее не видел?

— Если бы видел, я бы этого не допустил, — скорбно отвечает Гришка из дверей кухни.

Сергей, задумавшись, стоит на лестничной площадке, потом говорит в наручный радиомикрофон:

— Надежда, где она?

— Она в подвале, — раздается сверху голос Надежды.

— Я вас предупреждала!

— И ты здесь! — говорит бабушка раздраженно. — Пророк!

— Без меня вы бы проискали ее до обеда, — пожимает плечами Надежда.

— Ты могла бы сказать раньше, — говорит Сергей.

— Зачем? Это нарушило бы чистоту эксперимента.

Степан сбегает в подвал. Загорается лампа под потолком. Девушка стоит у стены.

— Доброе утро. Ты зачем стекла бьешь? — Степан осторожно протягивает к ней руку. — Выходи на суд.

Девушка вжимается в стену, и рука Степана встречает пустоту. Как бы перелившись по стене, Нийя отодвигается в сторону.

— Слушай, — удивлен Степан, — ты человек или кто?

В дверях подвала появляется бабушка.

— Ребята, завтракать пора.

— Она не идет, — говорит Степан. — Сама ее лови.

— Зачем ее ловить? Она не бабочка. Идем? — И бабушка протягивает руку Нийе.

Та легко проскальзывает между ними и поднимается к двери.

— Вот видишь! — удовлетворенно говорит бабушка Степану.

Снова кабинет Лебедева. Нийя в том же кресле перед экраном. Рядом — Сергей.

А на экране — странная, унылая долина, утонувшая в смрадном тумане. Синие гейзеры бьют из трещин в скалах.

— Нет... — бесцветным голосом говорит Нийя. — Это не мой дом.

Сергей переключает тумблер. На экране возникают остроконечные вершины гор, рваные тучи, какие-то жилища ромбической формы.

— Нет...

Снова щелчок тумблера, снова смена изображения на экране.

— Нет, — говорит Нийя, — я не могу. Не могу вспомнить. Не могу рассказать...

Лебедев выключает экран.

— Ну, какие новости? — спрашивает Степан, входя в гостиную. — Чему сегодня научились?

Нийя листает альбом с семейными снимками. Бабушка пишет за столом.

— Как дела в училище, космонавт? — спрашивает бабушка.

— Отлично! Не считая мелких неприятностей в барокамере.

Степан прижимает к груди большой арбуз. Через плечо сумка, в которой виден шлем скафандра.

— Тебе звонила какая-то Селена, — сообщает бабушка. — Прилетела на практику, мечтает повидаться. Кто она? Что за странное имя?

— Так, увлечение молодости, — смущается вдруг Степан. — У нее родители на Луне работают, вот и назвали...

— Жаль, что твоя молодость миновала, — сочувственно вздыхает бабушка.

— Вы лучше посмотрите, какой я арбуз принес.

— Арбуз? — Нийя поднимается, идет к Степану. — А что такое увлечение?

— Не твоего ума дело. Держи!

Неожиданно Степан бросает ей арбуз. Нийе этот большой полосатый шар кажется страшным и угрожающим. Она вытягивает вперед руки, как бы защищаясь, и арбуз вдруг повисает в воздухе, а потом падает на пол, разбиваясь вдребезги — красные комья летят по комнате. Бабушка еле успевает подобрать ноги.

— Ну что ты? — расстроен Степан. — Первый арбуз в этом году!

— Зачем ты ее испугал? — говорит бабушка.

Выкатывается из кухни Гришка с совком, начинает молча собирать остатки арбуза с пола.

— Ладно, арбуз не жалко, — говорит великодушно Степан. — Тебя же можно в цирке показывать. Ты повторить можешь?

— Не знаю.

Степан достает из кармана бранзулит.

— Только на пол не роняй, останови!

Бранзулит пролетает рядом с отстранившейся Нийей, падает на пол и раскалывается надвое.

— Ты чего же не остановила! — Тут уж Степан рассердился всерьез.

— Зачем? — спрашивает Нийя.

— Затем, что я тебя просил. Про-сил!

— Боюсь, что она по заказу такие трюки делать не может, — говорит бабушка. — Это защитная реакция организма.

Бьют старинные часы.

— Господи, — спохватывается бабушка. — Нийя, тебе же к Надежде пора! Собирайся.

— Я не пойду к ней. — Нийя показывает на свою голову. — Она смотрит в меня...

— Она хочет тебя понять... — не очень уверенно говорит бабушка.

Нийя молча поворачивается и уходит из дома. Гришка за ней, подхватив ее свитер.

— Я сейчас. — Степан поднимает сумку и спешит к себе в комнату.

Из сада доносится скрежет. Бабушка вскакивает, Степан останавливается на лестнице.

— Ну, что еще?! — говорит Степан в сердцах.

В дверях появляется Гришка:

— Поздравляю, она отломила стабилизатор у флаера.

— Бедная девочка, — вздыхает бабушка. — Я бы на ее месте сделала то же самое.

ЦЕНТР ПОДЧИНЕНИЯ

Берег океана. Темная водная гладь уходит далеко, в бесконечность. Степан со счастливой улыбкой воскликает:

— Он бесконечен, как Космос!

Однако Нийя не разделяет его восхищения.

— У меня к нему... отвращение. В воде быть нельзя.

Поблизости пролетает чайка. Вот она коснулась волны, взмыла вверх, держа в клюве пойманную на лету рыбу.

— Вот доказательство обратного! — смеется Степан и, ухватив девушку за локоть, увлекает ее по тропинке вниз, к самой кромке прибоя.

Она не сопротивляется, но возле кустов что-то необычное вдруг привлекает ее внимание. Там, в глубине, лежит невесть как попавшая сюда олениха, а под ее пушистым брюхом — крохотный олененок. Мать старательно вылизывает детеныша. — Кто это?

— Олениха. Мать, — отвечает Степан.

— Мать? — не понимает Нийя. — А зачем?

Степан обескураженно поднимает плечи.

— Это ты у бабушки спроси. Она про это все знает..
Пошли!

И вот океан у их ног. Степан стягивает с себя рубашку, брюки. Оставшись в плавках, делает шаг к воде.

— Нет! — кричит Нийя. — Не ходи туда!

— Да что ты! — смеется Степан. — Это вода. Понимаешь? Вода. Что в ней страшного? Не бойся!

Нийя покорно идет к воде. И та кажется ей мутной и грязной. С поверхности поднимается легкий дымок, словно от кислоты, и кажется, вода готова поглотить и сожрать, как тот дождь, что привидился Нийе в саду. Однако девушка старается пересилить себя, пытается босой ногой коснуться волны. А волна неожиданно начинает отбегать от ступней девушки... Еще одни короткий шаг, и вода, сворачиваясь в тугой вал, снова отступает.

Степан в полном изумлении и даже не замечает, что Нийи рядом нет, — она в нескольких шагах выше. И вода, вернувшись, обрушивается на след, оставленный Нийей в песке.

— Я тебя иногда просто боюсь, — серьезно говорит Степан.

Он в досаде машет рукой и, разбежавшись, врывается в воду, исчезает. На лице Нийи страх. Вот Степан вынырнул. Снова нырнул.

И Нийя начинает медленно, нерешительно спускаться к воде. Закрывает глаза. Волна легко касается ее ступни, Нийя замирает. Еще через мгновенье ставит в воду и вторую ногу и делает шаг вперед. И тут за ее спиной слышится возглас:

— Привет!

На тропинке стоит девушка примерно того же возраста, одетая ярко и легко, с короткими буйными волосами, курносая, круглица, всегда готовая улыбнуться, всегда готовая всем понравиться.

— Ты Степана не видела?

Нийя быстро выходит из воды, внимательно разглядывая девушку.

— Он там.

— Я — Селена, — говорит девушка. — А ты, бесспорно, найденыш.

— Меня зовут Нийя.

— Правильно, мне говорили... Степан! Сте-о-о-пка!.. Вылезай!

Степан не слышит.

— Что ты так смотришь? — спрашивает Селена. — Нравлюсь? Ты у Лебедевых живешь, да? А я на практику сюда приехала. К Марии Павловне в институт. Ты чего не купаешься? Плавать не умеешь?

Нийя не отвечает.

— Может, ты еще говорить не умеешь?

— Умею.

— Пошли в воду!

— Нет.

— Ну и зря. Все в жизни надо, бесспорно, испытать. Я по натуре испытатель. На Луне была, в батискафе спускалась... У тебя кто-нибудь был?

— Где был?

Селена уже в купальнике.

— Степка, погоди. Я к тебе иду! — кричит она, забыв о Нийе.

Нийя все с тем же интересом рассматривает Селену. Наверно, это первое существо ее пола и возраста, с которым она так близко столкнулась. Селене не очень приятно такое внимание, она чувствует себя не в своей тарелке и потому излишне суетлива.

— Скажи, что такое увлечение? — спрашивает Нийя.

— А почему ты спрашиваешь?

— Степан сказал, что ты — его увлечение молодости.

— Чепуха, — говорит Селена. — Я даже внимания на него не обращала... А это он тебе сказал?

— Он при мне так сказал.

— Бесспорный глупец!.. Ну, ты идешь купаться или будешь здесь загорать?

Сергей работает у себя в кабинете. Загорается экран, звучит зуммер.

— Ты не занят, Сережа? — спрашивает с экрана Надежда.

— У тебя ко мне дело?

— Я обнаружила кое-что новое и не могу не поделиться.

— Это новое, конечно, укладывается в твою концепцию?

— Сережа, она живет у тебя второй месяц. И что ты можешь сообщить миру?

— Я удовлетворен ходом событий, — говорит Сергей, — и считаю, что был прав.

— Вы, контактеры, всегда склонны к оптимизму. Ты упорно игнорируешь тот факт, что это — существо, выведенное в пробирке. В чужой. Черт знает, зачем ее сделали.

— А это не так важно, зачем. В основе ее живые клетки — отца и матери. Для меня она — человек.

— И все-таки за ней стоит цель, и теперь я убедилась — опасная. Погляди.

На экране высвечивается стена лаборатории, откуда говорит Надежда. На стене схема мозга Нийи.

— Погляди сюда, — Надежда указкой упирается в один из узлов мозга. — Знаешь, что здесь? Здесь центр управления.

— Поясни, — Сергей несколько обеспокоен.

— Тот, кто создавал Нийю, хотел, чтобы она была послушным автоматом. При воздействии на этот центр Нийя теряет контроль над собой.

— Ты в этом уверена?

— Даже я могу сейчас управлять ею. Достаточно мне подобрать параметры излучения.

На экране появляется берег океана, Нийя и Селена.

...Селена входит в воду. Окунается, стараясь не замочить волос, приседает, взвизгивает.

— Ой, как хорошо! — Она плывет у берега на мелком месте, поднимая фонтаны брызг. — Жизнь, бесспорно, должна быть наслаждением! Я всегда стараюсь делать то, что мне нравится. Я люблю музыку, воду, ветер, красивых людей. Особенно обожаю детей! Ты любишь детей? Или ты этого тоже не знаешь?

— Я знаю, — говорит Нийя.

— Откуда тебе знать? Ты же из пробирки.

— У меня были сестры и братья, — говорит Нийя.

— В пробирках?

И Нийя видит лабораторию. Окон в ней нет. Приборы, сосуд, схожий с автоклавом. Через стеклянную стенку

видно детское тело. Старый человек в халате — это создатель Нийи ученый Глан — открывает сосуд и осторожно извлекает оттуда новорожденного. Рядом Нийя и ее близнец. Нийя держит кусок материи, принимает младенца. Глан шлепает его. Младенец плачет.

— Ты меня не слышишь? — кричит Селена.

— Слышу.

— Я к тебе отношусь, бесспорно, скептически, — говорит Селена, выходя из воды. — Ты все-таки неполнценная.

Нийя вдруг начинает раздеваться.

— Ты что, хочешь все-таки искупаться?

— Да, я буду купаться.

— Стой, не так решительно! — заливается хохотом Селена.

Нийя уже разделилась. Обнаженная, она стоит на берегу океана.

— Так не принято, — смеется Селена. — Так не делают.

— Я так сделала, — упорствует Нийя.

— Стой! — Селена поражена. — У тебя же пупка нет! Я же говорила!

В этот момент к берегу подплывает Степан. Он на мгновение замирает, видя обнаженную Нийю, но тут же спохватывается:

— Здравствуй, Селена. С приездом...

— Я иду в воду, — сообщает Нийя. — А эта, — она показывает на Селену, — говорит, что так нельзя.

Степан старается принять равнодушный вид.

— Ничего в этом особенного нет... Просто, так действительно не принято.

...А Надежда тем временем набирает программу на пульте. Включает рычаг, и на дисплее высвечивается центр управления в мозгу Нийи.

— Надежда, — говорит Сергей. — Не трогай Нийю.

— Подожди, Сережа, я попробую сейчас ее одеть.

— Надя, осторожней!

— Подожди, подожди... — Надежда нажимает клавишу и говорит: — Нийя, немедленно оденься!

На дисплее начинает мерцать точка в центре управления мозгом.

— Нийя, оденься!

Нийя на берегу океана вдруг замирает, глаза ее еще больше расширяются, она издаст какой-то странный стон.

— Нийя, оденься...

Степан и Селена удивленно следят за тем, как девушка, словно манекен, направляется к своей одежде, как четко и размеренно одевается. В эти мгновения в автоматических движениях Нийи есть что-то от робота.

— Надя, — тихо и настойчиво говорит Лебедев, — никогда... не смей больше никогда этого делать.

— Я работаю, Сережа. Я не получаю от этого удовольствия, — с грустной усмешкой отвечает Надежда. — Теперь ты сам видишь: ее сделали, чтобы она подчинялась. Вот только чему?!

На берегу океана Нийя уже пришла к себе.

— Что с тобой было? — спрашивает Степан.

— Не знаю... — растерянно говорит Нийя. — Мне приказали.

— Странная она какая-то. — Селена подходит ближе.

— Ты без меня скучал?

— Нет. — Степан продолжает встревоженно смотреть на Нийю.

— Ты в нее, бесспорно, влюблен.

— Чепуха! Она живет у нас, и я за нее отвечаю. Пойшли, Нийя?

Нийя кивает. Они начинают подниматься по тропинке, выходят на плато. Селена не может сдержать обиды на Степана:

— Оказывается, ты отличная нянька, хотя ребенок, бесспорно, уже в возрасте.

— Отстань от нес, Селена, — говорит Степан.

— Я к ней и не пристаю. Но держать ее в доме — бесспорная патология. Я бы ее к детям близко не подпускала. А если она их ест?

— Селена!

Но Нийя вдруг остановилась, и видно, что она в самом деле может быть страшной. Они стоят на краю обрыва, под которым ровно шумит океан. Нийя делает шаг к Селене, и та сразу робеет.

— Что я тебе сделала? — тихо говорит Нийя. — Погоди, Степан... Я тебя обидела?

— Не обращай внимания, — говорит Степан. — Она просто мещанка.

— Я не знаю, что такое мещанка, — говорит Нийя. — Я хочу, чтобы ее больше не было.

Селена молча отступает к обрыву. Нийя протягивает руку, и Селена в ужасе начинает клониться от нее...

...В лаборатории Надежда торопливо набирает новую программу, включает систему излучения...

...И Нийя замирает. Она сжимает ладонями голову, с губ хрипло срывается:

— Опять?! Но нельзя же так!

— Ты не имеешь права поднимать руку на людей! — жестко говорит Надежда. — Никогда не смей делать этого.

— Я не могу! — кричит Нийя и бросается к обрыву.

— Выключи! — яростно кричит Сергей.

Но поздно — Нийя, так и не оторвав ладоней от головы, бросается с обрыва вниз, в далекую бурную воду.

Через мгновение вслед за ней летит Степан.

Медленно поворачиваясь, безжизненно опускается в глубину тело Нийи. Синева воды все гуще...

Нийя возвращается к жизни, будто просыпается. Первые движения рук и ног еще неуверенны, хаотичны, но вот она уже поднимается вверх, легко, словно всю жизнь провела в воде. Степан плывет рядом. Но Нийя обгоняет его и первой вырывается на поверхность океана.

На берегу Селена, вся в слезах, причитает:

— Что же теперь будет... Что же теперь будет?

Нийя и Степан опускаются на песок, никак не могут отдохнуть. Нийя склоняет голову на плечо Степана, устало прикрывает глаза. Постепенно нарастающая, в ушах ее звучит тот самый сигнал, который она слышала еще в первую ночь в доме Лебедевых.

Это зов Глана. Глуховатый голос ученого произносит:

— В мозгу каждой из вас есть центр послушания. Я могу всегда удержать вас от ошибок, предупредить об опасности... Это великое благо для вас. Но как любое благо, оно может быть использовано во зло. Этого я боюсь. Поэтому мы всегда будем держать связь, вы будете знать, где я, а я — где вы...

А ЕСЛИ Я РОБОТ?

— Теперь меня увезут, — грустно говорит Нийя бабушке. — Вот сейчас они обсуждают, как будто меня нет.

Нийя сидит в гостиной, съежившись в глубоком кресле. Степан на корточках перед Гришкой. У того на виске распахнута панель, видны интегральные схемы.

— Глупости! — возмущается бабушка. — Ничего не изменилось.

— Изменилось! — тихо говорит Нийя.

— Что же?

Гришка суетливо сучит «руками».

— Не вертись, — недовольно ворчит Степан. — Ты мне мешаешь.

— Теперь я для вас тоже робот, — говорит Нийя. — Мною можно управлять. Значит, я робот.

— Чепуха! — возмущена бабушка. — Кто будет тобой управлять? — Надежда... Или другие... — На Земле запрещены опыты с мозгом человека.

— Но не с мозгом робота, — уточняет Нийя.

— Подними руку, — командует Степан Гришке. — Так... Теперь раскрой и закрой пальцы..

— И меня и его можно исправлять, улучшать...

— Ты во всем человек, — говорит бабушка. — Если ты захочешь, тебе сделают операцию и уберут этот центр.

— А если этот центр так связан с Другими, что я без него не смогу жить? Отключусь, как сломанная машина?

— Все мы по-своему машины, — вмешивается Степан.

— Мне отец тоже может приказать...

— Ты говоришь о другом, — возражает Нийя.

Наступает пауза. Все следят за тем, как Степан ремонтирует Гришку, словно это очень уж увлекательное зрелище.

— У тебя могло бы быть... — Нийя с трудом вспоминает нужное слово, — увлечение роботом?

— Конкретно тобой? — спрашивает Степан. — У меня к тебе братские чувства.

— В кого ты такой фигляр, Степан? — спрашивает бабушка.

— Я не фигляр. А ты, Нийя, ничем не хуже других. У каждого свои недостатки. У одного глаза нет, у другого чувства юмора не хватает, а у тебя центр послушания развит. Знаешь, из тебя выйдет изумительная жена. Цены тебе не будет.

Кабинет председателя Комиссии по контактам Романа Долинина. Это тот толстяк, что председательствовал на

пресс-конференции. Здесь же Лебедев и Надежда Иванова.

— Надежда рассказала мне об осложнениях. Надо посоветоваться, — говорит Долинин.

— Я подала заявление в Комиссию по контактам о немедленной передаче Нийи мне, — сухо говорит Надежда.

— Что изменилось? — спрашивает Сергей.

— Многое, и ты это отлично понимаешь.

Долинин, вздохнув, включает несколько экранов.

— Все в сборе?

Люди на экранах — члены Комиссии по контактам — дают понять, что они готовы. А разговор Надежды и Сергея продолжается, словно они в комнате одни.

— Я не хотела ей зла, — говорит Надежда. — Я больше тебе не верю. — Эмоции, Сергей! Я защищала от Нийи другого человека. — Она оборачивается к Долинину: — Сегодня я нашупала в ней центр послушания. Завтра отыщу центр убийства... А что, если я опоздаю?

Члены Комиссии внимательно вслушиваются.

— И ради этого сомнительного поиска ты готова разрушить ее жизнь? — негодует Сергей.

— Теперь ясно, что она не человек! Человеком нельзя управлять, как машиной!

— Сколько раз в ходе нашей истории людьми управляли без помощи специальных центров, — качает головой Роман Долинин, — отнимая у них пищу, свободу, жизнь...

— Это прошлое, — не соглашается Надежда.

— Тем более сегодня никто не имеет права лезть руками в голову другому человеку! — говорит Сергей.

— Если я этого не сделаю, найдется другой.

— Кто?

— Будет.

Неожиданно открывается дверь и входит Нийя.

— Как ты сюда попала? — удивлен Сергей.

— Вы говорили обо мне, и я пришла.

— Тебе здесь нечего делать, — говорит Надежда.

— Вы решаете мою судьбу.

— Решаешь не ты.

— Потому что вы думаете, что я не человек. Да, мне можно приказывать, но мне от этого больно, страшно. Работу не страшно. А у меня это как болезнь. Помогите мне.

— Я хочу ей помочь. — Надежда отвечает не только Нийе, но всем членам Комиссии.

И вдруг в ней происходит едва уловимая перемена: Надежда привыкла общаться с Нийей на расстоянии, а вот сейчас перед ней стоит обыкновенная девушка, в косынке, легком платье, у нее тонкие руки и в глазах — боль и растерянность. — Я хочу тебе помочь, — повторяет Надежда мягче. — И я не вижу иного выхода. У Лебедева нет возможностей контролировать Нию и исследовать ее. В наших общих интересах до конца понять и застраховать себя и Нийю от реальных опасностей...

Все молчат — и люди в кабинете, и люди на экранах.

— Вы люди Земли, — тихо начинает Нийя. — Сергей говорил мне, что вы свободны. Почему ваша свобода не для меня? Я хуже вас? Я не чувствую? Я не думаю?

— Никто не лишал тебя свободы, — говорит Роман.

— Если я человек, я запрещаю вам меня трогать! Если я не человек...

— Но ты можешь бессознательно совершить преступление, — устало говорит Надежда.

— Где? Здесь, на Земле? Тогда и судите меня по своим законам.

Снова наступает пауза. Роман обводит взглядом телеприемники. С экранов один за другим согласно кивают члены Комиссии по контактам.

— Все ясно, — говорит Долинин.

Гаснут один за другим экраны. Надежда оборачивается к Сергею. Голос ее тих и невесел:

— Что ж, Сережа, сегодня ты оказался прав. Сегодня...
Контакт есть.

Сергей не отвечает. Он смотрит на Нийю и вряд ли в
что мгновенье торжествует победу.

Садик перед огромным зданием Академии Наук. Бабушка на скамейке читает, Степан ходит по дорожке. Вечереет.

— Ну как? — бросается к Нийе Степан.

— Все хорошо.

— Ну вот, а ты говорила! — Бабушка кладет руку на
плечо Нийе.

— Бабушка, — говорит Нийя, — я хочу увидеть, как
рождаются люди.

— В любой момент, — говорит бабушка.

Операционная в институте. Бабушка и ее ассистенты
принимают роды.

Нийя чуть позади. Она в белом халате и шапочке.

Отрывистые реплики врачей. Звякнули щипцы. Раздал-
ся писк младенца.

Нийя поворачивается и бежит из операционной. На-
встречу по коридору сестры везут новорожденных.

У дверей одной из палат Нийя замирает. Женщина
кормит ребенка. И Нийя непроизвольно касается ладонью
своей груди.

НОЧЬ В ЧИЧЕН-ИЦЕ

Робот Гришка на веранде одной рукой готовит стол к
завтраку, а в другой держит «газету» — плоскую коро-
бочку с экраном, на котором мелькают изображения.

Сышен крик Степана:

— Гришка, ты скоро? Я опаздываю на экзамен!

— Две минуты! — отмечает Гришка и уменьшает звук. На экранчике беззвучно шевелит губами красавица.

Бабушка ставит цветы в вазу. Сверху сбегает дед.

— Сегодня обедать не приеду, — говорит он. — Собираем коллегу Пруля домой. Не дождусь того сладкого момента, когда он улетит.

— Он большой ученый... там, у себя в океане? — спрашивает бабушка.

— По-своему... — Дед берет со стола кусок хлеба. — Точнее, он не ученый, а вельможа, хоть и прилетел к нам по программе планеты Океан.

Гришка разливает кофе, все еще глазея на экранчик, а там — человек в экзотической одежде сообщает:

— Мы прилетели сюда, воспользовавшись помощью галактического развед-патруля. Основная цель нашего визита от имени гибнущей нашей планеты — обращение за опытом спасения планет к вам, землянам...

— Гришка! — говорит бабушка, видя, как у того переливается кофе из чашки. — Опять газетой засмотрелся.

— Кто-то должен смотреть газеты, если их придумали, — говорит Гришка виновато. — Робот тоже человек!

Входит Нийя. Подходит к столу, кресло само подъезжает к ней. Гришка сокрушенно качает головой:

— Это антинаучно.

Нийя не отвечает.

— Можно подумать, что вас всех плетьями разгоняют во вселенной, — вздыхает бабушка. — Татьяну я не видела уже полтора года. Сергей умчался на Плутон — видите ли, нашли следы странников... Степан сдаст экзамены и завтра улетит на практику к чертям на кулички... Дед вообще из воды не вылезает. А ты, хоть и будущий медик...

— Я останусь на земле, — говорит Нийя.

— Знаю... знаю... — говорит бабушка.

— Она ненадежный союзник, — вмешивается Степан, который уже кончил есть и вскочил из-за стола. — Если

сейчас позвонят и скажут: «Нийя, твоя планета нашлась...»

Раздается телефонный звонок. Гришка идет к видеотелефону.

— Вас, Мария Павловна... Позавтракать спокойно не дадут.

Мария Павловна подходит к видеотелефону. — Да, — говорит она. — Повторите диагноз. Вы уверены?.. Где встретят? Да, на флаере до джет-вокзала... хорошо, через полчаса.

Это уже не та бабушка, что пять минут назад. Она вдруг стала моложе, строже.

— В Мексике, на Юкатане, в экспедиции патологические роды.

— Своих что ли акушеров там нету? — ворчит Гришка.

— Я пошла собираться. Нийя, хочешь со мной?

— По-моему, все в доме забыли, что я завтра улетаю на практику, — вмешивается Степан.

— Мы вечером вернемся, — говорит Нийя.

— Конечно, вернемся, — подтверждает бабушка. — А ты, как сдашь экзамены, прилетай к нам.

— Надо еще сдать...

Мексика. На краю леса в Чичен-Ице стоят разноцветные купола-палатки археологической экспедиции. Неподалеку виден раскоп, дальше — пирамиды и древние храмы. Нийя выходит из палатки. Вечереет, и под закатным солнцем храмы кажутся особенно величественными и чужими... Над древними камнями разносится крик новорожденного младенца. За приоткрытым пологом палатки виден яркий свет. Мелькают силуэты людей, и среди них — силуэт бабушки, Марии Павловны, с ребенком на руках.

Нийя медленно идет к раскопу. Тихо, только щебечут вечерние птицы.

— Устали? — спрашивает, подходя, молодой археолог.

— Нет, — оборачивается к нему Нийя. — Я любовались, как работает Мария Павловна. — Она сделала чудо.

— Это ее работа... А вы что здесь ищете? — Древний город майя. Тот, что был прежде, чем появились эти пирамиды.

— Зачем?

— Странный вопрос. Здесь жили наши предки. Они создали великую цивилизацию. Если бы их не было, не было бы и нас.

— Но они умерли. Ничего не осталось. Только камни.

— Камни тоже говорят. Мы должники перед теми, кто умер. Мы должны спасти намять о них.

— Зачем спасать мертвых?

— Все связано воедино. История продолжается сегодня.

Разговаривая, они идут по раскопу, минуют статую жреца, держащего на руках тельце ребенка, подходят к стеле с надписями.

— Послушайте, — останавливается археолог. — Это стихи. Поэт жил тысячу лет назад, но его мучили те же мысли, что и нас с вами...

На земле мы не всегда, лишь на время.

Даже нефрит дробится,

Даже перья кетцаля рвутся.

На земле мы не всегда, лишь на время...

— «На земле мы не всегда, лишь на время...» — повторяет Нийя.

— Хуан! — доносится до них крик.

— Простите, — говорит археолог. — Я вас покину.

Нийя медленно направляется к храму. Опустился вечер, и первые звезды появились на небе. Черный бесконечный Космос нависает над планетой.

Звук шагов Нийи гулко раздается по храмовой площади. Молчаливы и страшны боги на барельефах. Нийя замирает — на ступенях храма сидит древний жрец майя в высоком уборе из перьев. Чуть прищурившись, смотрит он на тропические звезды, на лес.

Нийя ускоряет шаги. То ли привиделся ей жрец, то ли в самом деле ночью в городе ожидают тени прошлого.

Дорожка среди деревьев выводит ее к жертвенному колодцу Чичен-Ицы. Колодец велик, скорее похож на небольшой пруд, каменные берега обрываются вниз, к черной воде. Нийя видит свое отражение и звезды вокруг. И новое видение посещает ее...

Лицо Глана, ее отца. Рядом с ним — «сестры» и «братья» Нийи. «Вы — последняя надежда Дессы, — говорит Глан. — Если вы не выполните своего предназначения, наш мир обречен на смерть. Чувство долга, чувство преданности вашей цели, полное подчинение этому — вот ваш удел. Забудьте о радости, забудьте о себе, как забыл и я. Я приношу вас в жертву Дессе. Я люблю вас, но вынужден отказать вам в праве на обычное счастье...»

Нийя отшатывается от колодца. И тут же видит торжественную процессию — из леса выходят жрецы, они ведут девушку в праздничном одеянии. Девушка идет покорно. Процессия останавливается на противоположном берегу колодца-пруда, и жрец начинает что-то торжественно говорить. Никто не обращает внимания на Нийю. Только девушка вдруг поднимает глаза и встречается с ней взглядом. Они похожи... Жрецы подхватывают девушку под локти и влекут к кромке колодца.

Нийя бросается бежать. Она бежит среди темных деревьев, выбегает снова к храму, наталкивается на стену каменных черепов, на нее глядят, гримасничая, лики статуй и барельефов...

Потом маленькая, чуть освещенная звездами фигурка мечется по гигантской площади....

Навстречу движутся две фигуры.

— Вот и она, — говорит давешний археолог.

— Нийя! — кричит Степан. — Я прилетел!

— Степка! — Нийя бежит к нему, прижимается, ища у него защиты.

— Кто тебя испугал? Привидение увидела? Нийя молчит.

— Ничего удивительного, — улыбается археолог Хуан.

— Мне самому иногда кажется, что этот мир ночью оживает. Он был очень жесток. Всесильные жрецы приносили в жертву людей, чтобы задобрить кровожадных богов, чтобы вызывать дождь, чтобы победить в войне... Степан, вы видели жертвенный колодец?

— Это куда кидали девушек? — спрашивает Степан.

— Я читал об этом.

— Хотите взглянуть?

— Не надо, — говорит Нийя.

— Чего ты боишься? Мы же с тобой.

Они идут назад, к колодцу.

— Ты даже не спросила про экзамен, — упрекает Степан.

— Все в порядке?

— Разумеется. Завтра улетаю.

— Поздравляю тебя, космонавт.

Они выходят на площадку перед колодцем. Там уже никого нет.

— Здесь глубоко? — спрашивает Степан.

— Глубоко. Когда его исследовали, нашли много женских украшений.

— Хорошо, что теперь никто не топит девушек, — шутит Степан.

— Она шла сама, — говорит Нийя. — Она понимала, но шла.

— Ты о ком? — удивлен Степан.

— Там была девушка. Я видела.

Неподалеку проходят жрецы, оживленно болтая по-испански. Один из них держит под руку девушку. Девушка накинула поверх ритуальной одежды желтую курточку. Археолог окликает жреца, и тот машет в ответ рукой. Девушка улыбается.

— Это мои друзья, — говорит археолог. — Из Мехико. Они repetировали большую историческую феерию для туристов.

— А кто она? — спрашивает Нийя.

— Она? Актриса, разумеется. Вас познакомить?

— Нет, спасибо.

Нийя и Степан сидят на ступеньках пирамиды. Вдали, на фоне темных джунглей, высятся храмы.

— У той девушки было предназначение, — говорит Нийя. — Долг...

— Она просто актриса.

— Я говорю о настоящей девушке.

— Какой это долг — погибнуть ради прихоти жрецов?

— И жрецы и девушка думали, что выполняют волю богов. Девушка была готова умереть ради того, чтобы спасти других...

— Но на самом деле ради того, чтобы жрецы сохранили свою власть. Нельзя умирать, Нийя. Жить надо, понимаешь?

— А если надо спасти других?

— Ну, если в самом деле спасти. А не для жрецов. Ладно, кончим об этом. Ты просто испугалась. Мне тоже что-то не по себе. Казалось бы, все в порядке, лечу в космос... И вдруг о тебе соскучился.

— Ты правду говоришь? — Я всегда говорю правду. Так удобнее жить.

— А если я как та девушка? Если я не смогу преодолеть то, ради чего создана?

— Ты забыла, что ты будущий медик, гордость профессора Лебедевой... Слушай, помнишь, ты давно еще мой камень разбила, бранзулит?

Нийя кивает.

— Возьми половинку. Вдруг мы надолго расстанемся. Ну, лет на пятьдесят. А как мы тогда друг друга узнаем? Сложим половинки, и я спрошу: «Бабуся, вы не жили в свое время в доме Лебедевых?»

— И ты все пятьдесят лет будешь носить свою половинку?

— Клянусь.

Вдруг Нийя дотрагивается пальцами до щеки Степана. В этой ласке есть что-то чужое, но жест ее трогателен. Тут же Нийя вскакивает:

— Пора...

В палатке археологов, на длинном столе стоят найденные археологами, вырванные ими у времени причудливые сосуды. В креслах отдыхают участники экспедиции, следят за телепередачей. Тут и Нийя, и Степан, и Хуан, и начальник экспедиции.

— Какой смысл сейчас лететь в Мехико! — говорит начальник. — Все равно будете до утра ждать первый лайнер в Европу. Тем более, профессор Лебедева спит. Она устала.

— Как бы мне не опоздать, — сомневается Степан.

— К шести будете дома, — говорит начальник экспедиции.

На экране телевизора тем временем меняются кадры новостей: осьминог в круглом аквариуме... дети сажают деревья... Голос диктора: «Завтра, по завершении переговоров, миссия с Дессы покидает Землю. Сегодня миссия посетила крымские курорты и институт моря...»

На экране тот человек в экзотической одежде, которого видел в «газете» робот Гришка. И тут Нийя медленно, как сомнамбула, идет к экрану, не замечая ничего другого вокруг. А диктор с экрана продолжает: «Как мы уже сообщали, миссия с планеты Десса обратилась к землянам с просьбой поделиться практическим опытом спасения планет. Десса в результате целого ряда обстоятельств...» А Нийе вспоминается... ...Тот же самый человек в экзотической одежде стоит рядом с Гланом. Они обнимаются на прощанье, касаясь пальцами щек друг друга, — точно так же, как сделала Нийя там, на пирамиде, коснувшись щеки Степана.

— Кто они? — спрашивает тихо Нийя, — Почему он здесь?

— Какая-то миссия, — пожимает плечами кто-то.

— Миссия с Дессы, — уточняет другой археолог.

На экране уже другое изображение.

— Как?.. Почему?! — Нийя бежит к выходу.

— Что-то случилось, — поднимается следом Степан.

— Мало ли почему девушка бежит на улицу, — говорит Хуан снисходительно. Он убежден, что этот юноша влюблен в Нийю. — Ищите ее, вся ночь впереди!

...Степан настигает Нийю на краю раскопа, окликает ее. Не получив ответа, подходит ближе. Слышит, как она шепчет:

— На Земле мы не всегда, лишь на время...

— Что с тобой? — Степан кладет ей руку на плечо, но Нийя стряхивает ее нетерпеливым движением. — Ты хочешь остаться одна?

— Да, да, да!

Обиженный Степан резко поворачивается и уходит, оставляя Нийю одну под звездами.

Ночь. На горизонте слабая полоска зари. Пирамиды далеко внизу кренятся, уменьшаясь в размерах. Флаер, в

котором летит Нийя, делает круг над мертвым городом и берет курс на Мехико.

ЭКИПАЖ «АСТРЫ»

Громадный зал космопорта. Взгляд Нийи и тороплив и порывист.

Вот они! Вдали, у стеклянной стены, выходящей на летное поле, стоит небольшая группа людей, и среди них двое посланников с Дессы: тот, в экзотической одежде, и другой, красивый, еще не старый, с капризным, подвижным ртом. Рядом — официальные представители Земли, высокий плотный мужчина — командир космического корабля «Астра» Олег Дрейер, экзобиолог Виктор Климов и Надежда Иванова. Нийя останавливается в раздумье.

В диспетчерской космодрома, за широким окном, видны космические корабли и вокруг них, как бусы, разноцветные служебные машины. Степан у видеофона.

— Ну, как у тебя, — спрашивает бабушка. — Влетело за опоздание?

— Жду, — тихо говорит Степан, чтобы не мешать диспетчеру. — О Нийе что-нибудь узнала?

— Нашлась! Она звонила, когда меня еще не было. Сказала Гришке, что задержится. Может, приедет на космодром?

— Курсант Лебедев, — поднимает голову диспетчер, сидящий за громадным пультом-подковой. — Подойдите.

— До свиданья, бабушка.. — Степан выключает экран.

— Ну что вам стоило на час раньше появиться!

— Виноват.

— Этим делу не поможешь. На рейсовых полный комплект. — Диспетчер подвигает к себе документы Лебедева, но в этот момент перед ним возникает сверкающий на-

шивками и планками штурман. — Что случилось, штурман Колотун?

— Боги Марса! Ты отлично знаешь, что случилось. У нас половина команды в отпуске.

— Вы всегда должны быть готовы к вызову. На Дессе плохо. Но если ты спешишь в отпуск... мы можем вызвать штурмана из резерва.

— А планета-океан? Там тоже плохо?

— Это по дороге. Крюк в двое суток. Не гнать же из-за одного пассажира второй корабль.

— Неужели не нашлось другой лоханки?

— Не нашлось. Ты летишь?

Штурман выразительно смотрит на диспетчера.

— Тогда бери подкрепление. Курсант. Надежда космонавтики. Пойдет с вами. Вот его документы.

Штурман поворачивается к Степану, на лице — мина разочарования.

— Ты тоже когда-то начинал, — машет рукой диспетчер и кричит в другой микрофон:

— Нет мест! Ну хочешь, я тебя напрямую с мозгом свяжу, и он скажет, что нет мест.

Штурман обреченно вздыхает.

— Спасибо, — говорит Степан диспетчеру.

По залу космопорта движется странная группа. Большой робот толкает тележку, на которой стоит огромный аквариум, а в нем плавает существо, схожее с осьминогом. Существо явно беспокоится, сучит щупальцами. От дверей к аквариуму бежит дед Лебедев. Но раньше, чем он успевает добежать, сверху раздается окрик штурмана:

— Боги Марса! Бармалей, ты куда его влечешь? К грузовым воротам!

— Это не груз, а пассажир, — откликается робот. — Он отказался ехать через грузовой выход.

— Я почетный пассажир! — говорит осьминог. Единственный глаз его смотрит укоризненно и горько. — Если я отличаюсь от вас числом конечностей, значит, меня можно презирать, да?

— Я подтверждаю, — говорит дед Лебедев. — Коллега Пруль был в научной командировке на Земле... А ты что здесь делаешь? — замечает дед Степана. — Разве ты не на практике?

— Меня перевели на другой корабль, — объясняет Степан. — Все в порядке, дед. Все в порядке.

— Ну и отлично! — Дед неловко целует внука и бежит за удаляющимся аквариумом.

Штурман расстроен появлением странного пассажира.

— Вещи твои где, курсант? — спрашивает Степана. — Бери их, и на «Астру». Запомнишь? «Астра». Звезда!.. Одна нога здесь, другая там... коллега!

Ни Степан, ни дед не заметили Нийю. Но она их видела. Она сделала даже движение к Степану, хотела окликнуть его, но в этот момент делегаты с Дессы стали прощаться и двинулись к выходу на летное поле. Глава миссии с Дессы, словно чувствуя взгляд девушки, оборачивается.

— Вы что-то хотите сказать? — Он говорит через коробочку транслятора, висящую у него на груди. Голос транслятора механический, без модуляций, и слишком правильный. — Нет, — говорит Нийя. Они входят на летное поле. Нийя напряженно смотрит им вслед.

Космический корабль «Астра» далеко не нов и изрядно потрепан. У входа Бармалей сгружает контейнеры.

— Бармалей, — окликает его Степан.

— Разведробот универсальный тринадцать-два-а к вашим услугам, курсант.

— Вам не нравится, когда вас называют Бармалеем?

— А вам бы нравилось?

— Не знаю. Вы давно служите на этом корабле?

— Шестнадцать лет, курсант. С момента выхода в космос.

— Это разведкорабль? — Их было три, — говорит робот печально. — Три однотипных корабля серии «Ц» — «Пушкин», «Архимед» и «Астра». Дальняя разведка! Все в прошлом!

— А теперь?

— «Астра» — ассенизатор, — сообщает робот. — Хотя ей это название, наверное, не нравится. — Ассенизатор?

— Курсант! — кричит сверху штурман. — Поднимайся, Тебя что-то смущает?

Степан молчит.

— Понимаю. Тебе по душе пижоны из дальней разведки?

— Я и думал, что вы разведчики.

— Нет, мы ангелы Космоса. Видишь, — штурман показывает на эмблему, — буква «А» и крылья. Иди, иди...

У корабля появляется Виктор Климов и Надежда Иванова.

— Ну вот, — говорит Виктор. — Добро пожаловать на нашу «Астру».

— Могли бы дать новый корабль, — недовольна Иванова.

— Зачем? «Астра» надежна, вместительна и уже оправдала себя. Имеет отличную лабораторию, вполне достойную тебя. Знакомься — Бармалей, он не любит, когда его так называют. А это Надежда Иванова — знаменитый биолог. Летит с нами.

Надежда чуть морщится от высокопарного представления роботу.

— Очень приятно, — говорит Бармалей. — Робот универсальный, модель три-надцать-два-а.

В одной из кают звездолета «Астра» стоит аквариум с осьминогом. На столе, в углу, свалены мешки и пакеты с сувенирами.

— Курсант Лебедев, — говорит штурман, — будешь ухаживать за коллегой. Везем его домой.

— А что я должен делать?

— Кормить, убирать... Ночью встать, если что... В общем, коллега подскажет. — И штурман торопливо выходит.

— Подскажу, — подтверждает Пруль. — Прежде всего включите подогрев. Я замерзаю. Профессор Лебедев огорчится, если узнает, что по вашей вине я умер от простуды... Ох, уж мне эта современная молодежь! Забывает, что забота обо мне облагораживает.

...Тем временем Нийя осторожно передвигается по грузовому отсеку корабля. Заслышав шаги, прижимается к стене. И тут едва успевает ускользнуть от контейнера, вдвигаемого Бармалеем. Однако робот уже толкает второй контейнер... Дальнейшее объяснять трудно — там, где только что стояла Нийя, громоздится тяжелый контейнер.

— Здесь кто-то есть? — настораживается Бармалей. — Опять тепловые датчики барахлят.

Он чуть отодвигает контейнер и не замечает, как Нийя проскальзывает в дверь.

Робот заглядывает в узкую щель и видит на задней стенке контейнера явственный отпечаток человеческого тела. Бармалей потрясен.

— Кажется, пора на профилактику... — бормочет он.

В лабораторном биоотсеке Надежда осматривает приборы. Входит Степан.

— Простите, здесь медотсек?

— Степан! — узнает его Надежда. — С ума сойти! Виктор, я этого юношу качала на руках.

— Виктор Климов, очень приятно. А зачем вам медот-
сек?

— Мне поручили заботиться об одном осьминоге...

— А, коллега Пруль! Знаю. — Он простудился.

— Надежда, я посмотрю, в чем там дело.

— Как дома, как бабушка? — спрашивает Надежда. —
Я давно у вас не была.

— Все в порядке, — говорит Степан. — Нийя тоже
здорова.

— Ну, передашь им привет... когда вернемся обратно.
Я рада, что мы летим вместе.

Степан и Виктор проходят по коридору. Нийя прово-
жает их взглядом и проскальзывает в противоположную
сторону.

...Виктор осматривает осьминога. Тот послушно пере-
вернулся животом вверх и лишь тихо охает.

— Все в допустимых пределах, — говорит Виктор. —
Оснований для беспокойства нет.

— Это у вас нет, — говорит Пруль, переворачиваясь.

— Это вы допускаете пределы. Попрошу вас еще раз ос-
мотреть меня после отлета.

— Я обязательно это сделаю. Степан, выйдите со
мной.

— Что? — взвивается осьминог. — Вы от меня что-то
скрываете? Не надо! Лучше самая тяжелая правда, чем
неизвестность.

— Клянусь, ваше здоровье в норме, — обрывает Вик-
тор сухо. Выйдя в коридор, говорит Степану:

— Чем больше вы будете суетиться, тем больше он бу-
дет требовать.

— Он в самом деле здоров?

— Абсолютно. Но будьте с ним вежливы. Это наш
гость, и ему одиноко... Вам приходилось иметь дело с
инопланетянами?

— Приходилось... — улыбается Степан.

— Ну, счастливо. Скоро отлет.

— Подождите, — останавливает его Степан. — Скажите, почему одни говорят, что мы — ассенизаторы, а другие, что ангелы.

— В обеих версиях есть доля правды, — смеется Виктор. — Наше точное название космоэкологическая экспедиция. Мы — скорая помощь Вселенной. Понятно?

— Нет.

— Наш корабль специально оборудован, чтобы помогать тем мирам, которым угрожает опасность. Иногда от стихийных бедствий... Но чаще по вине самих жителей. Мы чистим дымные атмосферы, грязные реки, отравленную почву, снижаем уровень радиации. Сейчас мы летим по вызову на планету Десса. Там создалось угрожающее положение, планета гибнет. Так что мы летим на спасение, как ангелы, а по прилете работаем, как ассенизаторы...

Рассказ Виктора прерывается гудение зуммера. Вспыхивает помер на табло.

— Ваш номер, Степан. Пруль вызывает.

...На краю аквариума сидит большой черный кот и тянется лапой к осьминогу. Правда, осьминог в несколько раз больше кота и опасность ему не угрожает. Скорее всего, кот просто развлекается. Но осьминог отчаянно жмет на все кнопки: мигают лампы, гудят зуммеры.

Штурман Колотун и Степан вбегают в каюту одновременно.

— Кыш, Василий! — кричит штурман. — Как ты сюда попал?

Кот мгновенно сигает в сторону

— Я требую, — заявляет осьминог, — официальных извинений по поводу нападения на лицо моего рода.

— Он бы и не достал... — говорит штурман, стараясь не улыбаться. — Впрочем, коллега, курсант Лебедев будет наказан... Ты почему дверь не закрыл?

— Послушайте, — возмущен Степан, — откуда мне
знать, что на «Астре» водятся коты?

— Курсант, — штурман подмигивает Степану. — Это
не кот, а член экипажа по имени Василий... А ты стрелоч-
ник.

В каюте звучит резкий сигнал и тут же слышится ти-
хий голос капитана:

— Всем приготовиться к старту. Занять стартовые
кресла. Даю отсчет времени. Сто — момент старта!

Штурман убегает. Под стук метронома Степан задраи-
вает аквариум Пруля. А тот напоминает:

— Закрепите мои подарки!

Командный отсек «Астры», переднюю стену полукру-
гом занимает экран, заполнении звездным небом.

Штурман у пульта. Говорит с диспетчерской на Земле.

— Прошли внешние маяки. Все нормально. Дай пеленг
на Ганимед... А как комета Спирн? Мы ей хвост не под-
режем? А то у нас метеоритная защита барахлит... Да нет,
ничего серьезного...

Капитан наклоняется к микрофону внутренней связи,
нажимает кнопку:

— Внимание пассажиров и членов экипажа. Космиче-
ский корабль «Астра» вышел за пределы солнечной сис-
темы. Перегрузки окончены. Разрешаю покинуть старто-
вые кресла.

— Здравствуйте, — раздастся вдруг тихий голос Нийи.
Капитан и штурман оборачиваются к девушке.

— Извините, но я тайком пробралась на ваш корабль.

— Об этом я сразу догадался, — приходит в себя капи-
тан. — Хотя, не представляю, как вам удалось это сделать
и зачем.

— Мне нужно попасть на Дессу.

— Странное желание. Но почему вы сделали это тай-
ком?

— Я узнала об этом перед самым отлетом.

— О чём — об этом?

— Я узнала, что я — с Дессы. Вам может все рассказать обо мне Надежда Иванова.

Капитан нажимает на пульте внутренней связи кнопку под фамилией «Иванова» и продолжает с любопытством оглядывать Нийю. Входит Надежда:

— Я слушаю вас, Олег Константинович... Не может быть! Нийя!

— Здравствуйте, Надежда, — суховато говорит девушка.

— В жизни не бывает таких совпадений! Ты знаешь, что Степан здесь? — Знаю.

— Наш новый курсант? — догадывается капитан. — Это он помог вам проникнуть на корабль?

— Нет, он ничего не знал.

— Почему ты здесь? — спрашивает Надежда.

— Я родилась на Дессе.

— Ты вспомнила?

— Нет. Я узнала об этом случайно. Увидела посланников.

— И что тебе они сказали?

— Ничего.

— Ты им не открылась?

— Нет...

Наступила пауза.

Вдруг в голове Нийи начинает звучать далекая, знакомая мелодия «приказа»... Нийя смотрит на Надежду, но та здесь явно не при чём...

— Я не одобряю твоего поступка, — продолжает Надежда. — Будь ты обычным человеком...

— Будь я обычным человеком я бы не полетела на Дессу.

— Ты можешь стать игрушкой в руках злых сил!

— Почему? — встревоженно спрашивает капитан.

— Потому что я искусственный человек, — поясняет Нийя. — Но ни я, ни она не знаем, зачем я была создана...

— Мелодия «приказа» не прекращается, заставляя ее нервно подергиваться. Пересилив на мгновенье себя, она заканчивает: — Я постараюсь не стать угрозой для вас.

— Ты не можешь отвечать за свои слова! — упорствует Надежда.

— Может быть, вы правы... — Нийя вдруг поворачивается и уходит, словно забыв обо всем.

— Я очень встревожена, — говорит Надежда.

— Тогда расскажите мне обо всем подробно, — просит капитан.

...Нийя идет по коридору. Сквозь прозрачный потолок видны мириады звезд. Нийя замедляет шаг, заметив, что навстречу ей движется один из посланцев Дессы, тот, что постарше — Ракан. Они внимательно смотрят друг на друга. Конечно же, этот человек когда-то провожал с космодрома Дессы ученого Глана с его искусственными людьми! Это последний житель Дессы, какого Нийя видела, покидая планету!

Ракан проходит мимо. В глазах Нийи тоска. Она останавливается возле светового табло с указателями кают, нажимает на кнопку «Лебедев». На схеме вспыхивает зеленая точка.

В каюте Степан кормит Пруля, бросая в аквариум кусочки пищи. Пруль ест и разглагольствует:

— Лунными ночами я люблю подниматься к поверхности океана, глядеть на звезды и размышлять о множестве обитаемых миров. Как мыслитель я обогнал время... Тихий стук в дверь.

— Не открывать! — командует осьминог. — Там хищник!

— Коты не стучат, — серьезно отвечает Степан и открывает дверь.

Однако Пруль оказался прав — в образовавшуюся щель проскальзывает кот Василий.

— Я же предупреждал! — раздается крик осьминога.
— Он меня съест!

Но Степан не слышит крика. Он поражен, видя перед собой Нийю.

— Почему? — тихо спрашивает он наконец.
Нийя устало опускается в кресло.
— Десса — моя планета...
Степан ошеломлен.
— Что-то должно случиться... — с тоской произносит Нийя.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Звездное небо несется навстречу кораблю.
В командном отсеке звездолета «Астра» обычная вахта. Штурман Колотун оборачивается к капитану Дрейеру:
— Впереди по курсу неизвестное космическое тело...
— Это корабль, — говорит Дрейер. — Передайте наши опознавательные, запросите ответ...

Штурман нажимает несколько кнопок на пульте управления.

Капитан Дрейер и штурман Колотун, глядя на экран, ждут. Но ответа нет.

— Может, это астероид? — говорит Колотун.
Капитан включает экран максимального приближения. Все звездное небо размывается, выделяя странные очертания тела.

— Корабль... — подтверждает сам штурман. — Что же они молчат?..
— Странно, — говорит Дрейер. — Колотун, поищите его в каталоге Сомова.

На боковом экране начинают мелькать различные формы космических летательных аппаратов. На экране

чамирает картинка странного звездолета, а под ней бегут данные.

— Нашел! — говорит Колотуп. Текст под изображением: «Найден и осмотрен 2 апреля 2221 звездолетом «Пушкин». Погиб в результате взрыва. Порт приписки неизвестен. С борта снято одно искусственно выведенное живое существо. Данные обрабатываются».

— Год назад... — повторяет Дрейер и уже в микрофон внутренней связи: — Внимание! Прошу в командный отсек профессора Иванову, Нийю и представителей планеты Десса!

...На центральном экране — изображение мертвого корабля.

В командный отсек входят Нийя и Степан.

— Это он! — произносит она, едва взглянув на экран.

— Вам знаком этот корабль? — спрашивает Дрейер.

— Да.

Входит Надежда Иванова и следом за ней представители Дессы — Ракан и Торки. Дрейер обращается к десианцам:

— Простите, что я оторвал вас от ваших занятий. Не знаком ли вам этот корабль?

Корабль занимает почти весь экран. Видны детали его конструкций, большая бесформенная дыра в боку.

Ракан, побледнев, нервно сжимает рукоять трости, пристально смотрит на корабль. Торки спокоен, но с большим интересом вглядывается в экран.

— Да, — наконец произносит Ракан. — Это «Гайя». Последний аппарат, ушедший с нашей планеты...

— Судьба догнала Глана, — задумчиво произносит Торки.

— Кто такой Глан? — спрашивает Дрейер.

— Глан — мой отец! — с вызовом говорит Нийя. Ракан вздрагивает и смотрит на Нийю.

— Я должна попасть на корабль! — звенит голос Нийи.

В ее мозгу звучит сигнал «приказа», он все громче, все пронзительней.

— Это очень важно, — торопливо поддерживает Степан. — Если на корабле остались материалы...

— Нийя, — перебивает Дрейер, — я не смогу выполнить твою просьбу. Корабль мертв. В этом нет никакого смысла.

— В этом есть смысл! — с удивительной силой произносит Нийя.

Вот он — корабль с громадной бесформенной дырой. Нийя делает шаг к экрану, как будто может ступить отсюда на «Гайю». И вдруг на глазах у всех исчезает.

— Где она? — ошеломленно спрашивает капитан.

Степан молча выбегает из командного отсека.

...Потом он появляется в ангаре, где стоит разведка-капсула. Влезает в скафандр, висящий возле капсулы. По внутренней связи слышен предостерегающий крик Дрейера:

— Степан, если она на корабле, она погибла. Пойми, там вакуум...

Но Степан уже влез в капсулу и захлопнул люк.

...В командном отсеке штурман вопросительно смотрит на капитана.

— Выпусти капсулу, — говорит Дрейер и командует:

— Тревога! Спасательный катер к запуску!

...Степан, в невесомости, плывет по коридору мертвого корабля. Коридор нам уже знаком. Там когда-то был Сергей Лебедев. Лампы светят совсем тускло.

Степан в биолаборатории. Луч шлемового фонаря выхватывает из темноты руку. Степан приближается. Рядом Нийя. Но тут же он видит другую Нийю, живую. Она, не замечая Степана, проводит рукой по гладкой стене, и погтайная дверь, словно нехотя, отходит в сторону. Мелодичный сигнал становится громким и хриплым.

Небольшое помещение кабинета. За столом-пультом застыл пожилой человек из видений Нийи. Это — Глан. На мгновенье Нийе почудилось, что он медленно поворачивает голову и улыбается. — Здравствуй, отец! — говорит она. Тот поднимается с кресла...

Видение исчезает... За столом застыл пожилой человек. Он мертв. Обледеневшие руки тяжело лежат па ряде кнопок. Только вспыхивают на пульте точки, повторяя ритм накомого звукового сигнала.

Нийя резким движением сбрасывает мертвые руки с пульта. Осыпаются ледышки. Человек медленно падает, и сигнал обрывается.

В безмолвии вакуума Нийя теряет сознание. Степан хватает ее за руку и тащит к выходу. Навстречу им плывут спасатели со скафандром для Нийи.

И снова ангар «Астры». Нийю выносят из спасательного катера. Навстречу быстро идут Надежда и Виктор. Девушку укладывают на носилки, снимают шлем.

Нийя открывает глаза. Обводит взглядом окружающих, находит Степана и говорит тихо, одними губами: — Я свободна!

Вторая серия АНГЕЛЫ КОСМОСА

«АСТРА» МЕНЯЕТ КУРС

— Ты проснулась, Нийя? — спрашивает Надежда. — Как ты себя чувствуешь?

— Устала, — отвечает Нийя.

— Неудивительно, — говорит Виктор Климов. — За те минуты в вакууме твой организм буквально сам себя сожрал.

Черный кот Василий протискивается в медотсек, несся в зубах жевательную резинку. Он ..прыгает на койку и кладет резинку рядом с Нийей.

— Вот и посетители пошли, — улыбается Виктор, следя за тем, как Надежда снимает с датчиков показания. Нийя вдруг пытается подняться.

— Я пойду к себе.

— Лучше тебе провести еще день здесь, — говорит Виктор.

— Будете разбирать по винтикам?

— Будем, — кивает Виктор.

— Нет, — говорит Надежда. — Не будем..., Нийя, пока ты спала, здесь несколько раз был посол Ракан. Он хочет с тобой поговорить.

— Да... Нам надо поговорить, — глухо говорит Нийя.

Степан задумчиво входит в свою каюту. Здесь все еще стоит аквариум с осьминогом Прулем.

— Это безобразие! — негодует осьминог. — Вторая жвачка за три дня! Кто-то постоянно обкрадывает меня, пользуясь моей беззащитностью!

— Ну кому нужна ваша жевательная резинка!

— Не знаю, не знаю, — ворчит осьминог. — Может, кто-то хочет меня огорчить... Ты чего задумался?

— Нийя... — Она умерла?

— Нет...

— Тогда не расстраивайся. Даже когда моего папу бурей выкинуло на скалу, я не расстраивался. И знаешь, почему? Расстраиваться вредно.

Невесть откуда взявшийся кот Василий молнией метнулся в угол, где сложены сувениры Пруля, что-то схватил.

— Вот он! — кричит осьминог. — Это заговор!

Но Василий ловко выскакивает из комнаты с трофеем в зубах.

— Пруль, расстраиваться вредно, — говорит Степан.

В медотсеке возле Нийи — Ракан. Поодаль — Торки, Надежда и Виктор.

— Так что же случилось с кораблем? — спрашивает Ракан.

— В тот момент я была в скафандре, Метеоритом повредило внешнюю антенну. Я не успела выйти, был удар... Я не помню...

— А про жизнь на Дессе?

Нийя не отвечает.

— На корабле был взрыв, — говорит Надежда. — Это удалось установить по прошлым образцам.

— А причина взрыва? — спрашивает Ракан.

Виктор показывает на контейнер, стоящий на полке:

— Вчера мы взяли дополнительные образцы. Думаю, мы сможем точно установить причину. Она вам важна? У профессора Глана были враги?

— Да, — без колебаний ответил Ракан. — Поэтому он оказался на корабле.

Торки смотрит по сторонам, словно этот разговор его не очень интересует.

— Ваши политические проблемы смогут повлиять на нашу работу? — спрашивает его Надежда.

— Многие полагают, — вежливо отвечает Торки, — что не надо менять нашу жизнь. Можно погубить и то, что осталось...

— У нас ничего не осталось! — взрывается Ракан.

— Мой отец хотел перемен? — спрашивает Нийя.

— Но твой отец не верил, что это под силу жителям Дессы. Поэтому он создал вас.

— Но на Дессе, — Торки обращается к Надежде, — были недовольные опытами Глана. Люди боялись, что его... дети будут опасны. Институт был закрыт. Глан бежал...

— Он ждал сигнала, чтобы вернуться, — вмешивается Ракан. — Ждал, когда к власти придут его друзья.

— Они пришли. Но... — Торки разводит руками.

— Вы тоже против нашего прилета? — спрашивает Виктор.

— Нет, — говорит Торки. — Но я боюсь мести тех, кто потеряет из-за вас власть и богатство, страха тех, кто испугается лишиться пищи, пусть искусственной... Люди боятся нового.

Ракан поднимается, обращается к Нийе: — Простите, мы вас утомили. В этот момент вспыхивает экран внутренней связи и появляется лицо капитана Дрейера.

— Внимание! — говорит он. — «Астра» меняет курс.

...В командном отсеке капитан объясняет Ракану:

— Планета Силеста в двенадцатом секторе находится на грани катастрофы. Наша «Астра» к ней ближе других кораблей.

— На сколько задерживается наш рейс?

— Это будет известно в ближайшие часы. Мы постоянно находимся на связи...

В этот момент Степан подвозит к открытым дверям отсека аквариум с Прулем. Осьминог взволнован, сучит щупальцами.

— «Астра» летит на нашу планету потому, что любое промедление губительно, — повышает тон Ракан.

— Ничего подобного! «Астра» летит, чтобы доставить меня. Требую отменить задержки, — вмешивается осьминог Пруль.

— Штурман, дайте мне последнюю космограмму. Вот, слушайте: «В складах ядерных отходов возникла цепная реакция...» Ясно? Там целых сто лет ядерные отходы складывались в глубокие шахты. Ими пронизана вся планета.

— Но вы же не можете чистить их шахты! — в отчаянии говорит Ракан.

— Мы сделаем все, что в наших силах.

— Планета Силеста в пределах видимости, капитан, — докладывает штурман. Связи нет. Молчат.

Все оборачиваются к экранам. Там стремительно растет яркая точка. Вот она превращается в шарик. А потом... Потом шарик вдруг начинает разваливаться. Корабль несется вперед, и куски погибающей на глазах планеты, продолжая дробиться, все увеличиваются в размерах.

— Аварийная готовность один! — кричит капитан по внутренней связи. — Всем службам...

Корабль сотрясается. Степан подхватывает накренившийся аквариум. Капитан у пульта:

— Торможение! Противометеоритное силовое поле!..

Теперь куски планеты на экране совсем близко. Вот, медленно поворачиваясь, слева появляется громадная отвесная стена. В одной из расщелин этой стены видно разрушенные строения большого города.

В отсеке уже появились Надежда, Виктор, Нийя, Торки.

А на экране — желтое ржаное поле. На глазах оно жухнет, обретая мертвенно голубой цвет. А сверху опускается, медленно вращаясь, громадный военный крейсер. На фоне черного космоса все это представляется фрагментом из ночного кошмара...

В репродукторе глухо звучит чей-то голос:

— «Астра»! Ответьте центральной!

— «Астра» слышит! — отвечает капитан Дрейер. — Здравствуй, Ямата! Мы не успели... Вряд ли кто-то остался жив.

— Я знаю, Олег, — доносится далекий голос. — Мы высылаем спасателей. Но... все может быть. Прошу тебя подежурить в секторе. Недолго.

— Ясно! Я жду!

— Непостижимо... Ужасно! — говорит Ракан, потрясенный увиденной катастрофой.

— К сожалению, — говорит Торки, — порядок в мире невозможен. Пытаешься заштопать одну дыру, рядом образуется новая. Завтра что-то лопнет и у вас дома...

— И вы предлагаете опустить руки к ждать? — Виктор Климов хочет понять дессианца.

— Может, разумней покориться естественному течению событий? — продолжает Торки.

— Тогда мы перестанем быть людьми.

— Но вы терпите я поражения.

— Неизбежно. Наш мир, галактика, космос, — арена борьбы. Без нее нет движения. Если бы мы не терпели поражений, мы не научились бы побеждать.

— А где предел? Где цель?

— Цель — торжество разума.

— Это красивые слова. За ними обычно корыстная цель переделать мир по собственному образу и подобию.

— Они не сами летят к нам, — вмешивается Ракан. — Мы их позвали. Те же, кого ты защищаешь, наживаются на мухах и горе нашей Дессы.

— Я никого не защищаю, — мягко говорит Торки.

Снова звучит далекий голос Яматы из центральной:

— «Астра»! Ответьте центральной!

— Я жду, Ямата! — откликается Дрейер..

— Олег! Мы выслали спасателей. Спасибо. Следуйте своим курсом.

— Понял. Прощайте, — говорит капитан.

Последний осколок планеты исчезает с экрана. Остается только черный космос.

— Степан, вези меня обратно, — приказывает осьминог. — Это зрелище и эта дискуссия меня расстроили.

— Курс прежний, — негромко говорит капитан штурману. — Планета Океан...

ПЛАНЕТА ОКЕАН

Оказывается, Космос не везде одинаков в своей черноте. Он может приобретать удивительные цвета и оттенки. Вот и сейчас в свою черноту Космос добавил фиолетово-зеленого, потом изумрудного, и вдруг перед нами появилась планета Океан. Она заняла всю центральную часть экрана, который, кажется, еще хранит контуры только что погибшего другого мира...

Каюты Степана. На полке у аквариума Пруля стоят бокальчики. Здесь Надежда, Клинов, Нийя я робот Бармалей. В приоткрытую дверь видна морда кота Василия.

Пруль сучит щупальцами, всплывает на поверхность:

— Степан, пора меня провожать! Разливай напиток! Жвачки — только женщинам. Жвачек почти не осталось. Их украл кот Василий.

Степан разливает напиток по бокальчикам.

— Хватит! — останавливает его осьминог. — Это чисто символически. Закрой банку. Положи в мешок. Помолчим на дорогу.

Захватив щупальцами бокальчик, осьминог выливает содержимое в свой аквариум. Все молча выпивают напиток. Кот Василий облизывается.

— Отлично прошло мероприятие, — говорит осьминог. — У меня последняя просьба: пусть Нийя проводит меня до самого океана. Моему народу будет полезно увидеть, как меня ценят представители разных планет

— Хорошо, — улыбается Нийя.

Бесконечное море с редкими островками. Оно несется под летящей капсулой, которая, приближается к маленькой платформе — биостанции землян, — прижавшейся к голой скале...

Капсула, врезавшись в воду, выскакивает у борта платформы.

— Биостанция! — кричит штурман в микрофон, — Мы приводнились. Почему не отвечаете? Принимайте почту и гостей... Боги Марса! Заснули, что ли?... Летели — отвечали, прилетели — замолчали. Станция!

— Станция слушает, — раздается быстрый сухой голос. — Принимаю вас автоматикой. Разгружайтесь через центральный тамбур. Он перед вами.

Дверь тамбура с шипением распахивается. Штурман Колотун, Степан и Нийя вкатывают туда тележку с аквариумом. Пруль обеспокоенно крутится:

— Где же встречающие? Там, в воде, не видно?

Перед тележкой с Прулем ползет другая тележка — с пластиковыми мешками, где хранятся сувениры. Дверь тамбура закрывается.

— Идите направо, — командует тот же быстрый голос.

В центральном отсеке биостанции, у пульта, сидит седой, не старый еще человек с вытянутой, в гипсе, ногой. Перед ним несколько телевизоров.

— С прилетом! — приветствует он гостей. — Прости-те, что не встретили. Вот, третий день в инвалидах. При-боры привезли?

— Груз в капсуле, — сообщает Колотун.

— А почта здесь, — Степан сбрасывает на стол ме-шок.

— Почему не обеспечили встречу? — спрашивает Пруль.

— Здравствуйте, Пруль, — говорит человек со сло-мированной ногой. — Некому встречать, война идет.

— Война?! Я не объявлял войны. Прекратить немед-ленно!

— Карруши. Такой миграции не было лет пять...

На одном из экранов видно, как торопливо проплы-вают два осьминога, преследуемые какой-то темной массой.

— Чего же вы смотрели? — возмущен Пруль.

— Видите, первое гнездо разорено. Кого успели, мы спасли. Готовились к вашему прилету, вот дозорные и прозевали.

На другом экране возникает, женское лицо в гидро-маске.

— Прайс! — говорит женщина. — у меня два баллона осталось.

— Баллоны на складе, Юля. Успеешь доплыть?

— Куда там! Я у третьего гнезда. Они идут сплошня-ком.

— Вот незадача, — морщится Прайс.

— Я свяжусь с Тадеушем, — предлагает Юля. — Может, у него остались.

Прайс склоняется к микрофону:

— Тадеуш, у Юли два баллона осталось. Сможешь помочь?

— Погоди, вторая волна пошла, — доносится голос.

— Кто такие карруши? — спрашивает Нийя у Пруля.

— Не спрашивай! Это кошмар. Там гибнет мой народ! Какое счастье, что мы в безопасности!

— Карруши — довольно примитивные хищники, — говорит Прайс. — Похожи на одеяла. Когда начинается миграция, не дай бог оказаться на пути косяка. Они покрывают море и всасывают все, что попадается на пути... Колотун, посидите вместо меня? Будут вызывать, скажите: пошел на склад.

— Боги Марса! А для людей эти карруши опасны? — спрашивает штурман, усаживаясь за пульт.

— Придется обойтись без купания, — отвечает Прайс и ковыляет к двери.

Степан догоняет Прайса:

— Погодите! Я сам. Только скажите, где.

— И я пойду с вами, — говорит Нийя.

— И не мечтай! — возмущается Пруль. — Неужели не понятно, что в такие моменты меня нельзя оставлять в одиночестве.

...Степан и Прайс на складе станции. Снимают со стеллажей баллоны.

— Что в них? — спрашивает Степан.

— Жидкость, которая превращается в упругую защитную пленку. На время может задержать косяк.

— Послушайте, — предлагает Степан. — Я сам вынесу баллоны в океан.

— Не надо. Там опасно. — А вам не опасно с большой ногой?

— Я здесь второй год. — Я вынесу и оставлю. А ваши сотрудники возьмут.

— Я помогу, — говорит Нийя, появившаяся в дверях.

Степан натягивает скафандр, Нийя с Прайсом помогают ему.

— Только от люка не отходи, — предупреждает Прайс.

Нийя следит за передвижениями Степана через большой иллюминатор. Вот он выплыл, нагруженный баллонами, остановился, оглядываясь. Никто к нему не подплывает. Спрашивает в микрофон:

— Куда дальше идти? Здесь никого нет.

— Они за наклонной скалой, подожди темного.

— Хорошо.

Однако Степан не ждет. Осторожно оглядываясь, он начинает двигаться к нацеленной скале. А из-за скалы навстречу ему скользят темные «одеяла» — карруши.

— Они прорвались! — слышится отчаянный крик Юли. — Скажите парню, чтобы отходил в кессон. Я их не удержала.

— Тадеуш, — командует Прайс. — Спеши к Юле, прикрой ее. Скорей! Степан немедленно возвращайся!

Степан же, увидев каррушей, останавливается. Темные бесформенные существа обступают его со всех сторон, теснят. Степан пытается открыть баллон, чтобы выпустить защитную массу. Но не успевает. Карруши обвивают его, волокут, укутывая в клубок. Сорвана трубка подачи воздуха. Степан беспомощно баражается в красно-бурой массе каррушей. Из прорванной трубки фантастическими пузырями уходит воздух. Степану нечего дышать. Сознание уходит. Степан опускается на дно, и карруши накрывают его.

Все это видит Нийя. И вдруг ее фигура, разложившись на множество фигур, как овеществленные радиоволны, вылетает через иллюминатор в океан... Через мгновенья, снова собравшись воедино, Нийя врезается в красно-бурую массу. Неимоверно сильные руки рвут, полосуют «одеяла», подхватывают и уносят безжизненное тело Степана.

Карруши бросаются следом. Но Нийя, толкнув Степана в сторону темнеющего столба станции, поворачивается к нему, и чудовища останавливаются, будто на-

толкнувшись на невидимую стенку. Нийя втягивает Степана в кессонный люк.

Их встречает встревоженный Колотун в гидрокостюме. Степан прерывисто дышит, кашляет. Штурман возмущен:

— Сумасшедший дом!.. Говорили же тебе: от кессона ни шагу!

— Спасибо, — чуть слышно говорит Степан Нийе.

А та вдруг беспокойно прижимает руку к груди, нащупывая половину бранзуита на цепочке. Нийя успокаивается, улыбаясь уголками губ.

Платформа биостанции. Вершины покатых, голубых, чистых волн, захлестывая край платформы, растекаются пеной по ребристому металлу. На платформе, возле капсулы с «Астры», стоит аквариум.

Тадеуш спускает в воду один за другим пластиковые мешки с сувенирами. Матрешки обалдело глядят сквозь прозрачный пластик.

— Осторожнее! — вопит Пруль. — Это научные результаты моей поездки! Им цены нет!

Из воды поднимаются щупальцы, принимая пакеты.

— Прощай, твоя грандиозность, — говорит штурман.

— Мы неплохо полетали вместе.

— Да-да, — говорит Пруль. — Сколько пакетов спущено?

— Восемь.

— Правильно. Где модель «Астры»? Отправляйте ее в воду...

Степан бросает маленькую «Астру» — она наклонно, словно управляемая, входит в воду. Пруль провожает ее взглядом и вдруг говорит серьезно:

— С того момента, как я ступил на вашу Землю, я начал тосковать по родине. Страшно подумать, что можно

проводи всю жизнь в банке... Прощайте, меня ждут!
Клоните резиденцию!

Тадеуш с Эдиком наклоняют аквариум. Осьминог, такой неуклюжий и нелепый, вытягивается и легко влетает в воду.

— Прощайте! — кричит он, на секунду выпрыгнув на поверхность.

Громадный океан покачивает платформу. Степан и Нийя стоят, касаясь руками друг друга.

У края платформы всплывает, словно ей не хочется жить под водой, матрешка.

Платформа уменьшается, уходит вниз, пропадает в безбрежности океана. А его затягивают облака.

ВАС ХОТЕЛИ УБИТЬ

Нийя медленно идет по коридору звездолета. Рядом существует кот Василий. Нийя смотрит на звезды, углубившись в свои мысли. Слышны быстрые, мягкие шаги. Нийю догоняет посланник Дессы Ракан. Поровнявшись с Нийей, он быстро говорит:

— Прости, что я оторвал тебя от твоих мыслей. В том, что я скажу, наверно, нет для тебя никакой тайны... Ты возвращаешься на Дессу, к себе домой. Но там тебя никто не ждет. На всей планете у тебя один друг...

— Кто?

— Я. Я был другом твоего отца.

— Я помню...

— Ты помнишь? Ты же сказала, что все забыла.

— Иногда я вспоминаю. Я помню, как вы провожали нас.

— Да. Я помог вам бежать... Это было почти невозможно.

Ракан оборачивается, как будто боится, что кто-то подслушает. Потом быстро продолжает:

— Ты должна быть осторожна. Даже всей моей власти в правительстве не хватит, чтобы спасти тебя, если узнают, что ты — дочь Глана.

Нийя слушает его, и перед ее глазами встает прошлое.

Рассвет. Навес здания космопорта. За ним безумствует ветер. Под навесом таятся девочки и мальчики — дети Глана. Они в ожидании чего-то.

— Ничего страшного, — говорит он, и дети оборачиваются к нему. У всех очень похожи лица. — Пускай вас называют сегодня монстрами, посланцами смерти... Мы с вами знаем, что все иначе. Вы — посланцы жизни, вы — люди будущего. И мы вернемся сюда, порукой тому — верность моих друзей. Тогда вам понадобятся все те качества, что я дал вам. Вы сможете мгновенно перемещаться в пространстве и быть там, где вы всего нужнее, вы сможете обходиться подолгу без воздуха, без сна, без пищи, не бояться холода и жары, вам будут чужды сомнения и страх. Вам не будет преград нигде, мы очистим наш мир от скверны.

— Мне страшно, — говорит одна из девочек.

— Мой опыт прерван. Я сейчас не могу сказать, когда проявится ваша сила. Но это будет. Верьте мне.

Глан говорит все громче, и в его глазах загорается огонь фанатика.

Темная фигура приближается к навесу. Дети оборачиваются, жмутся к Глану. Но это Сикки Ракан. Он останавливается на секунду, смотрит на жалкую кучку детей и старика, потом говорит:

— Все в порядке, корабль вас ждет.

...И снова коридор звездолета землян.

— Но Сикки Торки знает, что я — дочь Глана, — говорит Нийя.

— Он обещал молчать, — отвечает Ракан.
— Почему? — спрашивает Нийя.

В научном центре «Астры» Виктор Клинов открывает контейнер с образцами, взятыми с мертвого дессианского корабля «Гайя».

Внутри все перевернуто — обломки металла, пластика, разбитое стекло, перепутаны пленки...

Виктор в недоумении смотрит на все это, потом прикрывает контейнер и спрашивает Надежду, которая находится в медотсеке:

— Надя, ты не трогала контейнер с образцами с «Гайи»?

— Зачем мне это?

— А Нийя?

— И ей незачем. А что?

— Правильно... незачем, — задумчиво говорит Виктор.

Командный отсек. Капитан Дрейер и Виктор.

— Кому нужно было копаться в этом ящике? — Капитан явно озадачен.

Виктор пожимает плечами.

— Во всяком случае, пусть пока останется между нами...

ВОЗДУХ ДЕССЫ

Под «Астрой» появляется серо-коричневая Десса. Бурого цвета особенно много на экваторе. Над планетой бушуют циклонические вихри. Все приборы и экраны научного центра «Астры» сейчас настроены на Дессу. Как просвечивают рентгеновскими лучами человеческий организм, так сейчас просвечивается планета. Зрелище странное и поистине зловещее. Около приборов следят

за планетой, тихо переговариваясь, Климов, Иванова, Колотун, Степан, Бармалей. Нийя напряженно всматривается в экраны, ловя каждое их слово.

— Удивительно, — говорит Степан. — Чем они живут...

— Зонды готовы? — спрашивает Виктор. — Вы, Колотун, опоздали уже на девятнадцать секунд... На двадцать...

— Первый зонд пошел! Второй пошел! — произносится в этот момент штурман.

Нийя слушает и смотрит.

Тихо входит Торки и останавливается в дверях, прислушиваясь.

— Нарушение энергетического баланса! — Штурман передает Виктору ленту.

— Ясно. Необратимо. Посчитай по Меркулову, насколько выработаны минеральные ресурсы.

— Проще простого, — говорит штурман. — Степа, зайдись. Третий зонд пошел, четвертый...

Виктор подходит к Надежде, останавливается у нее за спиной.

— Они вынуждены оставить экваториальные области, — говорит Надежда. — Существовать можно только в умеренной зоне.

— Да. Разогрев атмосферы предельный. Скоро они будут прятаться на полюсах... Смотри, как мало кислорода.

— Планета для роботов! — урчит Бармалей.

Виктор оборачивается, видит Торки. Тот, встретив взгляд Климова, спрашивает:

— Как же «Астра» намерена нас спасать?

— Мы не всесильны. Мы поставим диагноз и. найдем методы очистки. Дальше — дело общее, наше с вами.

— А какие методы?

— Смотря по обстановке. Энергетические, биологические, биохимические. Вы нам сообщили о планете очень немного. Сейчас идет полный анализ.

— Очень интересно. Я бывший химик... Я учился и даже работал около года на химическом заводе. Но сбежал... — У Торки добрая, почти детская улыбка. — Это первая смерть. На химических заводах люди погибают через пять лет. К сожалению, у меня не было богатого отца, и я сам пробивал себе дорогу в жизнь. В отличие Сикки Ракана и его друзей. Для них все было готово раньше, чем они родились. И место с чистым воздухом, и чистая пища. Я их, чистых, не любил с детства... Ради власти они готовы продать собственного брата.

— Но я помню, — говорит Виктор, — что именно вы высказывали сомнения по поводу нашего прилета.

— Я трезвый человек.

— Что ж, трезвый человек и химик притом будет полезен нашему общему делу.

— Ну какой я химик! Я все позабыл. Столько лет я уже чистый.

...Входит капитан Дрейер. Видит Торки.

— Простите, — говорит он. — Мы должны провести небольшое совещание.

— Разумеется. Простите, что помешал. — Торки выходит.

— Друзья, — начинает Дрейер, — на этот раз наша задача труднее обычной. Планета в критическом состоянии. К тому же у нас есть основания полагать, что на планете есть люди, которых эта ситуация вполне устраивает, но... Мы, ассенизаторы, всегда были готовы ко всяkim неожиданностям. После планетарного зондирования для сбора материалов на месте спускаем первую капсулу с группой под руководством экзобиолога профессора Виктора Климова. Состав группы: профессор Иванова, штурман Колотун...

Капитан останавливает взгляд на Степане. Тот как будто гипнотизирует капитана. Дрейер улыбается одиними глазами, продолжает:

— ...курсант Лебедев как равноправный член группы, со всеми обязанностями и ответственностью.

— Есть, капитан! — Степан счастлив. — К группе придаю разведбота тринадцать-два-а.

— Я выполню свои долг, капитан, — гудит от двери Бармалей.

— На время работы на Дессе объявляется аварийное состояние номер два. Вопросы будут?

— А как же Нийя? — спрашивает Надежда.

— Ей лучше пока остаться на борту.

— Это невозможно, — произносит Нийя холодно и жестко.

— Да, это невозможно, — повторяет Надежда.

Капитан смотрит на Надежду, на Степана, потом, вздохнув, говорит:

— Нийя в вашем распоряжении. Вопросы?

— Какое оружие? — спрашивает штурман.

— Опять, Колотун? Мы с вами в каком уже рейсе вместе?

— В шестом, капитан. Я снимаю свой вопрос.

— Вот и договорились.

От «Астры» отделяется планетарный катер и направляется к Дессе.

Он летит низко над планетой: видны брошенные поселки, превратившаяся в бурую пыль земля, черные от нефти берега почти высохших водоемов, выработанные и заброшенные скважины и шахты, сухие безлистные деревья. Леса фабричных труб, над которыми кое-где поднимается дым. И все это просматривается сквозь странную желтоватую атмосферу, что придает пейзажу мрачную призрачность.

Под навесом здания космопорта, где в воспоминании Нийи стоял Глан с детьми, теперь собирались дессианцы, встречающие землян. Они в противогазах и длинных ба-лахонах.

Несколько раструбов странных граммофонов рядом. Это оркестр дессианцев.

Ракан и Торки, тоже в противогазах, сопровождают землян, которые в легких космических костюмах идут к встречающим. Сзади — Бармалей.

Котловину космопорта окружают голые рыжие воз-вышенности. Надежда Ивановна приостанавливается и, оглянувшись вокруг, тихо говорит Степану:

— Какой зловещий пейзаж!

— Мне страшнее они, — так же тихо отвечает Степан, кивая в сторону встречающих.

— Это все от больного воздуха, — говорит Нийя.

Лицо ее напряжено: она узнает и не узнает свой мир, к которому так стремилась. Она смотрит на встречающих дессианцев и вдруг резко снимает шлем скафандра. Зажмуривается и глубоко вдыхает большой воздух планеты. Задерживает дыхание. Ей трудно. Наконец она открывает глаза.

Степан в Надежда внимательно смотрят на Нийю, готовые в любой момент прийти ей на помощь.

К Нийе поворачиваются стеклянные глаза противогазов.

— Не привлекай к себе внимания, — тихо говорит Надежда Нийе. И та, еще раз вдохнув полной грудью, надевает шлем.

Они догоняют остальных, которые уже подошли к встречающим. Все останавливаются у приземистого здания с герметически закрытыми входами.

На боковой стене здания висит избитый ветрами большой плакат: смеющийся младенец тянет ручки к противогазу.

Один из встречающих, поклонившись, жестом приглашает всех войти в открывшиеся двери. За дверью — лестница, ведущая вниз.

Старый подземный бункер. Стены, выкрашенные в бледно-голубой мертвенный цвет, в трещинах и подтеках.

Встречающие сняли противогазы. При сгорбленных, понурых фигурах их гладкие, молодые лица кажутся странными.

Земляне тоже сняли шлемы. Осматриваются.

— Ну и маскарад. — недоумевает Колотун. — То там, то здесь...

— Это не маскарад, — доверит грустно Нийя. — На них надеты маски, которые скрывают их истинные лица.

Глава правительства Дессы начинает свою речь:

— Наша несчастная планета приветствует вас! Мы хотим надеяться! Мы сделаем все, чтобы помочь вам. Спасибо, что вы с нами...

В этот момент откуда-то из глубины коридоров врывается в зал глухой гул.

Все замирают. С потолка сыплются песок и пыль. Гул постепенно затихает.

Ракан говорит, обращаясь к землянам:

— Это помещение достаточноочно прочно. Оно герметизировало. Здесь лучше всего будет в для вас, и для ваших приборов.

— Наши специалисты в полном вашем распоряжении. Работайте. И да поможет вам разум! — произносит глава правительства.

МАСКИ И ЛЮДИ

По просторному кабинету, не лишенному своеобразного, непривычного глазу комфорта, ходит Торки. Он озабочен и встревожен:

— Они третий день ездят на своем вездеходе. Всюду суют нос, берут пробы, смотрят...

— Знаю, — раздается тонкий голос.

За большим столом сидит человек в маске, изображающей детское улыбающееся лицо. Знакомая уже реклама — младенец тянется к противогазу — висит над его столом.

— В твоем отчете, мой миленький, — продолжает человек, сидящий за столом, — много пробелов.

— Я был на виду, но я старался.

— Знаю, мой драгоценный, перестарался. Зачем ты украл образцы с «Гайи» и навлек на себя подозрение? Глупо.

— Я не хотел, чтобы они догадались о причинах гибели Глана.

— А ты знаешь их?

— Догадываюсь, Сикки Туранчокс.

— Ах, какая наивность. И мне урок — не окружай себя преданными дураками. Дети Глана куда послушней и полезней нас, обыкновенных. Неужели ты подумал, что мне выгодно было убить Глана и его детей? Они мне были нужны живыми.

— Одна осталась жива.

— Я помню. И приму меры. А ты тоже не ленись, мой мальчик, не для того я вытащил тебя из грязи и сделал большим политиком, чтобы ты ленился. Если им удастся задуманное, нам придется разводить травку и цветочки. Ты умеешь разводить цветочки? — Он хрипло засмеялся.

Торки молчит.

Властным жестом Туранчокс пригласил Торки присесть к столу, поманил пальцем. Торки наклонился к нему.

— Ты умеешь получать от меня деньги я власть. А я умею зарабатывать эти деньги, потому что забочусь о

людях. — Он показывает на смеющегося младенца. — Потому что помогаю людям дышать. И хочу, чтобы мне не мешали!

— Земляне суются в опасные места, — говорит Торки. — Некоторые люди боятся их.

— И отлично. Недовольство землянами должно исходить от народа.

Вездеход землян движется по пустынной грязной улице, как упрямый жук, ворча облезжает груды мусора. Одинокий прохожий сначала прижимается к стене, потом, поспешно откинув крышку люка на мостовой, исчезает под землей. Из другого люка появляется голова в противогазе. Взгляд человека устремлен вслед машине.

...В кабине вездехода Колотун, Иванова, Степан и местный биолог Лий.

— И как вы ездите по таким улицам? — ворчит штурман. — Сплошные миазмы.

— Здесь никто не ездит. Мы живем внизу.

— Колотун, остановитесь здесь, — требует Надежда.

Вездеход останавливается. Откинулась крышка люка. Из люка вылезают Степан, Надежда, Лий. Лий в противогазе и каске с широкими металлическими полями.

Снаружи как бы сумерки. Мертвая улица наполняется непонятным движением. Оживаются тени, тянутся к людям. Вспыхивает прожектор вездехода — тени исчезают, вернее, втягиваются в развалины.

— Что здесь? — спрашивает Степан Лия.

— Мы не знаем. Иногда люди уходят сюда и пропадают... — говорит Лий. — Все давно разрушено.

— А это? — спрашивает Надежда, показывая на приземистое, крепкое здание в низине.

— Там Сикки Туранчокс

— Кто это?

— Это маски Туранчокса, противогазы Туранчокса, кислород Туранчокса... А раньше там был институт Глана.

Лий показывает на рекламный щит, как-то удержавшийся в развалинах: на щите веселый младенец тянет ручки к улыбающейся маске-противогазу.

— «Лучшие в мире противогазы Туранчокса. Фирма «Свежий воздух», — читает Лий с грустной иронией.

— Лий, я вас жду, — говорит Надежда и уверенно идет к железобетонным развалинам.

Луч прожектора вездехода пробивает ей дорожку сквозь сухой туман. Степан и Лий спешат за Надеждой.

На берегу грязной реки стоят Виктор и Нийя. Чуть повыше — автомобиль, на котором они приехали. Возле автомобиля молодой парень — шофер, в маске, железном шлеме, наплечниках.

Виктор смотрит вверх по реке, туда, где стоит лес труб; некоторые из них дымят.

Вода в реке расступается, и из нее медленно вылезает нечто громадное и бесформенное, облепленное грязью, водорослями, тряпьем... Шофер при виде чудища бросается в машину. Это нечто отряхивается, стирает с лицевой пластины грязь, и выясняется, что это Бармалей.

— Образцы доставлены, — говорит он. — Такого безобразия я нигде не видел.

К берегу подъезжает приземистая машина. Останавливается. Никто из нее не выходит. Видно лишь, как изнутри к стеклам прижались маски.

— Они гуляют, — с неожиданной злостью произносит Нийя. — На пикник приехали!

— Мне кажется, — говорит Виктор, приняв у Бармалея один из прозрачных контейнеров и разглядывая его содержимое на свет, — что ты разочарована. Ты ждала другого?

— Не знаю. Я одна.

— А ты думаешь, что было бы иначе, если бы вас было десять? Двадцать? Ну что бы вы сделали?

Виктор закладывает контейнер в походный анализатор.

— Мы бы... Не стали менять природу, мы бы заменили людей.

— Как же?

— Мы бы выгнали вот этих... от них один вред. Мы бы разрушили заводы. Мы бы собрали всех детей, которые еще маленькие, которые еще не испорчены, не погублены, мы бы воспитывали их отдельно...

— Взрослые бы не согласились. Никому не хочется, чтобы его выбрасывали.

— Зачем их спрашивать? Они сами во всем виноваты.

— Они бы сопротивлялись.

— Мы бы заставили силой.

— Так говорил твой отец?

— Да. И нас было бы все больше. И это стал бы счастливый и свободный мир.

— Это опасный мир и жестокий. В нем бы лилась кровь.

— Пускай. Но ради великой цели.

— Милая, когда-то на земле эту формулу уже придумали иезуиты: «цель оправдывает средства». Эта формула удобна для палачей.

— Мой отец не был палачом.

— Он был наивен. А палачом его сделала бы логика событий.

— У вас тоже ничего не получится. Даже если вы очистите, они, — Нийя показывает на машины, — все снова загадят.

— Нет... если мы это сделаем вместе ними. Кстати, посмотри. — Виктор показывает контейнер Нийе. — Жизнь приспосабливается...

— Хищная, — ворчит Бармалей. — Разъедает металл.

Он показывает глубокие борозды на своей руке.

— Вот она и будет хозяйкой планеты, — говорит Нийя.

— Если бы мы не прилетели, не исключено, — соглашается Виктор.

— О-о! — восклицает шофер и тут же вскакивает на ноги: — Скорее в машину

Поднимается буря. Она несет сор, камни, пыль.

Виктор захлопывает контейнер экспресс-лаборатории и кричит:

— Нийя, скорей!

Но тут шквал ветра сбивает его с ног, и экспресс-лаборатория катится по земле. Неуловимым движением Нийя оказывается рядом с контейнером, подхватывает его и останавливается. Шофер и с трудом поднявшийся Виктор в изумлении смотрят, как она спокойно стоит, неподвластная вихрю, словно под стеклянным колпаком.

Маски в машине прилипли к стеклам.

Нийя передает Виктору контейнер.

— Я пошла, — говорит она, и голос ее, хотя и тихий, перекрывает рев урагана.

— Состояние климата исключает пешие передвижения, — говорит возникающий из пыли Бармалей. — Я буду сопровождать?

— Нет, это мой дом, — говорит Нийя и идет к городу, растворяясь в вихрях.

Степан стоит за спиной Надежды, которая наклонилась, глядя как в луче ее фонаря съеживается, отступает слизь, прячется в трещины. Из глубины развалин на Степана смотрят зеленые глаза. Степан светит туда. Шуршание. Глаза исчезают.

— Возвращайтесь! — слышен голос штурмана из вездехода. — Опасность!

— Одну минуту. Я беру образцы, — говорит спокойно Надежда и обращается к Степану: — Дай пробирочку.

Надежда пытается снять со стены светящуюся слизь, но та упрямо сопротивляется, отступает.

— Иванова, Лебедев! — голос штурмана.

— Сейчас! Сейчас! — говорит Надежда, увлеченно продолжая работать.

Поднимается ураган.

Степан бесцеремонно хватает Надежду за руку и сквозь ревущий шквал тащит к вездеходу. Вслед им загораются зеленые глаза.

Они вваливаются в люк вездехода. Люк захлопываеться.

— Мог бы меня аккуратнее спасать. Все-таки женщина. Пробирки целы? Молодец! — Надежда возбуждена приключением.

Степан потирает голову и плечи.

— Чертовщина какая-то!

— Думать надо, — говорит Колотун. — Вперед?

— Вперед! — говорит Иванова. — В следующий раз будем думать.

Вездеход легко берет с места, его почти не видно в разыгравшемся урагане.

Но вот путь им преграждает баррикада из металлического лома и мусора.

Вездеход взбирается на этот холм и вдруг начинает заваливаться набок, погружаясь в эту массу. Не помогают и лапы-опоры: водоворот трухи затягивает вездеход. Нелепо задирается нос машины и она стремительно исчезает: под слоем лома и мусора — пустота.

...Вездеход с грохотом летит куда-то вниз, ударяясь о твердые выступы и переворачиваясь. Наконец грохот прекращается. В кабине темно.

— Кажется, повезло, — раздается хриплый голос штурмана.

Слышно, как стонет Лий

— Эх Колотун, Колотун. — Надежда морщится от боли, вытирает кровь со щеки.

— Виноват, — хрипит штурман, осматривая приборы.

— Надо было идти на автоматике.

Степан трясет головой.

— Метров пятьсот летели, — делает он предположение.

— Наверно заброшенные шахты, — говорит Колотун. Нажимает кнопки приборного щита и экрана. — Всего двадцать шесть метров. Прогнила твоя планета, — обращается он к Лию.

— Да, тут были шахты, — потирая ушибленную руку, произносит Лий.

— Надо осмотреться, — говорит Колотун.

Вездеход под землей. Оседает пыль. Рядом разрушенный свод коллектора — улицы подземелья. Люди — жители подземного города — при виде машины вяло разбегаются, прячутся... Некоторые, наоборот застывают на месте и смотрят на машину.

Отрывается верхний люк вездехода. Появляется Колотун, за ним Надежда и Степан.

Вездеход стоит на площади. В нее вливаются несколько подземных улиц. Эти улицы и площадь повторяют улицы и площадь наверху. Жилищем на подземной улице служат подвалы старых домов, подземные переходы, станции метро и даже канализационные тоннели. Здесь, скрываясь от ураганов, ядовитых туманов и каменных бурь, ютится большая часть жителей города.

Лишь богачи могут позволить себе жить на поверхности — их дома крепки и хорошо изолированы.

Некоторое время земляне и дессианцы рассматривают друг друга молча. Дессианцы, пугливые и недоверчивые, выглядывают из-за углов, из ниш, из дверей. И тишина настороженная, вязкая.

Земляне переглядываются.

— Не беспокойтесь, — говорит Колотун. — Мы удаляемся.

Земляне забираются в машину, закрывают люк. Бездеход осторожно разворачивается и направляется к пандусу, ведущему наверх. Люди выходят из убежищ, смотрят вслед.

На площадь выходит Нийя и тоже смотрит ему вслед. Иногда люди поглядывают на нее, замечая чужую одежду и то, что на Нийе нет маски.

Нийя идет мимо витрины магазина, где выставлены бронированная детская коляска, наплечники, противогазы. Смеющаяся маска — Эмблема компании Туранчокса «Свежий воздух»...

Другую витрину украшает изысканный торт. Под ним — химическая формула, указывающая на синтетическое происхождение продукта.

Нийя идет, не обращая внимания на грязную мостовую, в глубоких, неровных впадинах которой застыла черная вода.

Навстречу Нийе идет человек, толкая впереди себя тяжелую повозку с кислородными баллонами. Останавливается перед входом в дом-нишу, отсоединяет пустой баллон, ставит вместо него полный. Нийя так увлеченно рассматривает и витрины и прохожих, что не замечает дессианца в улыбающейся маске, следующего за ним по пятам.

И вдруг в голове Нийи возникает мелодичный требовательный сигнал, который был ей столь ненавистен и

от которого она освободилась когда-то в звездолете «Гайя», сбросив мертвые руки Глана с пульта управления.

Нийя проходит по инерции несколько шагов. Замирает. Сигнал звучит сильнее. Нийя в страхе поднимает руки к голове, сжимает виски.

— Нет, — тихо говорит Нийя. — Нет. Не может быть! И тут сигнал пропадает.

Дессианец в маске юного улыбающегося существа внимательно наблюдает за Нийей.

ПРОБА СИЛ

В командном отсеке «Астры» капитан Дрейер и штурман Колотун. На большом экране — одна из долин Дессы. Мрачный, мертвый пейзаж. Капитан дает увеличение и, кажется, словно корабль спускается к долине.

— Виктор, — обращается в микрофон к Виктору Климуову капитан. — Мы готовы к локальной ассенизации.

На малом экране лицо Климуова. Он в кислородной маске и черных защитных очках.

— Готовность две минуты, — говорит Климуов.

Солдат в противогазе и черных защитных очках подгоняет к двери в разрушенной стене двух ребятишек в масках Туранчокса.

Человек входит в дверь блиндажа. Солдат, пропустивший его, дает ему очки, которые он надевает поверх маски.

Внутри блиндажа тесно. У приборов, перед наскоро сделанным пультом и походным узлом связи расположились земляне. В помещении находятся и несколько дессианцев.

Приглушенный деловитый шум голосов и звуки шагов. Неожиданно все перекрывает тревожный бас ревуна. Звук этот вырывается из блиндажа и несется по окрестным холмам к городу. Захлопываются крышки люков — полная герметизация.

В блиндаже Виктор говорит в микрофон: — Мы готовы, можно начинать. Над блиндажом, чуть в стороне, зависла тарелка «Астры».

Наступает звенящая тишина. В ней метроном отбивает секунды.

В командном отсеке «Астры». Рука капитана опускается на клавиши пускового устройства. В отсеке становится светлее.

Если смотреть из блиндажа, в котором находятся наблюдатели на Дессе, то кажется, будто вокруг «Астры» возник светящийся ореол. Затем между ней и планетой вспыхивает звездочка. Гаснет. Другая звездочка, значительно ярче и больше, вспыхивает ближе к планете. И вот уже совсем близко от планеты взрывается огненный шар...

Нийя и Надежда следят за приборами. Виктор склонился к передатчику, не отрывая глаз от закрытых толстым стеклом щелей блиндажа.

— Есть реакция, — говорит он. — Добавьте энергии.

— Для первого цикла предел, — говорит спокойно капитан. — Не волнуйся, Виктор.

От следующей вспышки в блиндаже становится ослепительно светло. Дессианцы, наблюдающие за происходящим, отшатываются от щелей. Один из них, это Торки, тихо говорит в спрятанный в противогазе микрофон:

— Они всемогущи...

В институте Глана Туранчокс, лицо которого прикрыто большими черными очками, наблюдает за ассенизацией, происходящей в нескольких десятках километров. Он слышит слова Торки и отвечает:

— Не бойся. Их цель — устрашить и удивить нас. Поэтому не бойся, мой миленький.

— Может, у них ничего не получится? — слышен шепот.

— Нельзя недооценивать врага, мой дорогой, я верю в их силу. К сожалению, сегодня поверят и тысячи других. Для того они и затеяли эту демонстрацию. Они не ангелы, а дипломаты.

Туранчокс хмурится — следующая вспышка настолько ослепительна, что после нее кажется, будто наступила темнота.

И тут в атмосфере начинается бурная реакция. Словно бушуют смерчи, сворачивается воздух, небо пересекают молнии, на землю, сгущаясь и смешиваясь с дождем, устремляются грязевые потоки. Видно, как они стекают по стеклам щелей блиндажа.

— Откуда это? — встревоженно спрашивает Ракан у Виктора.

Виктор на мгновение отрывается от радио:

— Это все скопилось в вашем воздухе. Мы конденсируем примеси плазменными разрядами.

Слышно, как по крыше блиндажа хлещут потоки грязи. Такой же грязевой дождь хлещет и по окрестным холмам. Ураган, как бы растерявшийся, крутит на месте, взвивая сор...

И вдруг сквозь заляпанное грязью стекло блиндажа начинает светить невиданное здесь голубое сияние, оно становится все ярче, и наконец в блиндаж врывается луч солнца. Совсем иного... светлого, радостного солнца. И в свете этого луча совсем не зловеще, а жалко и смешно

выглядели маски и противогазы, одежды и шлемы дес-
сианцев.

— Есть очистка! — радостно по-мальчишески кричит
Виктор. — Есть воздух!

— Виктор, — укоризненно говорит Надежда, не
скрывая улыбки. — Ты на работе.

Она делает вид, что ничего не произошло, и продол-
жает регистрировать показания приборов.

— Я на работе! — повторяет Виктор. — Я на работе!

Он распахивает дверь блиндажа, и внутрь сыплется
сор и земля. Дессианцы жмутся к стене — навстречу им
бьет яркий солнечный день. Виктор выскакивает нару-
жу. Над планетой голубое небо. Посреди этого голубого
сияния, неподалеку от сверкающего солнца, висит та-
релка «Астры».

— У меня хорошая работа! — кричит Виктор, сбра-
сывая шлем скафандра и распахивая руки голубому не-
бу.

Туранчокс один. Нервы его не выдерживают. Он бьет
кулачком по столу, и бинокль летит в угол кабинета.
Нажимает кнопку вызова.

— Торки! — почти кричит он. — Торки! Ты слы-
шишь меня? Торки!

— Слышу, Сикки Туранчокс, — отзывается тихий го-
лос. — Вы видели? Это потрясающее.

— Я все видел. Как я и думал, у них все получилось.
Но это еще не конец. Теперь нужно, чтобы получилось у
нас Ты понимаешь? Времени в обрез... — Туранчокс бе-
рет себя в руки и привычным ласковым голосом добав-
ляет: — И учти, миленький, что голубое небо очень
вредно для глаз... Действуй!

— Слушаюсь, — откликается Торки. Туранчокс огля-
дывается на голубое небо за окном и добавляет тихо.
сам себе:

— Скорей, скорей!

Виктор стоит посреди залитой солнцем равнины. Нет, она не стала красивее, хотя и приобрела новые цвета. Чувствуется несоответствие ясного солнечною неба недоброму мертвому миру Дессы.

Одинокая маленькая тучка выползает на небо и начинает сыпать легкий серебряный грибной дождик.

— Что он делает? — говорит в ужасе Ракан, глядя на Виктора и хватая за рукав Степана, который стоит вместе с дессианцами в толпе, сгрудившейся у выхода из блиндажа.

Волосы Виктора треплет свежий ветерок и он подставил лицо дождю.

— Что он делает? — в ужасе повторяет Ракан. — Это же кислота! Это вредно.

— Это самый настоящий дождь! — кричит Степан, выбегая наружу и тоже срывая маску.

— Дышать все-таки трудно, — говорит ему Виктор.

— Ничего! — кричит Степан. — Мы посадим здесь леса! Мы посадим много лесов! И на всей планете будет чистый воздух!

...В блиндаже, рядом с Надеждой, которая единственная из землян осталась

у приборов, стоит Лий. Он издали смотрит на солнце. Рука его на перевязи.

— Я никогда не видел такого света. Это не вредно? — спрашивает Лий.

— Куда вреднее жить под землей, — говорит Надежда, не отрываясь от приборов. — Выходите и поглядите, каким должно быть небо.

Лий нерешительно выходит.

Виктор видит приближающуюся к ним Нийю.

Ну как? — спрашивает он. — Кто прав в нашем споре?

Нийя не отвечает. Она смотрит на свою планету и видит не только небо, но и нишету дорогого ей мира, освещенную новым ярким светом.

— Мы посадим леса, много лесов, — повторяет Степан, проследив за ее взглядом. — Правда, Нийя?

Нийя молчит. Степану хочется сказать ей что-то очень нежное, хорошее, тем более, что под этим светом она вновь его прежняя, земная Нийя. Но замкнутость Нийи беспокоит его, и только ей, очень тихо он говорит:

— Что-нибудь случилось? — Он вкладывает всю свою нежность в этот вопрос — Я ведь с тобой...

— Нет, — отвечает Нийя печально — Я одна.

— Неправда! — Я одна... Меня сделали. А оказывается, ни к чему. У меня была цель, и я была уверена, что кому-то нужна. А теперь в чем она?

— В том же, в чем и у меня, — говорит Степан. — Она у нас с тобой общая. Понимаешь, общая!

Нийя отворачивается, не отвечает.

Снова площадка у блиндажа. Неожиданно налетает пыльный ветер. Дессианцы, вышедшие было наружу, снова прячутся в блиндаж. По небу проходит бурая полоса и скрывает «Астру». Небо меняет свой цвет — и меняются лица у людей, и меняется все вокруг. Все стало по-старому, лишь прибавилось грязи и сора на земле.

Надежда в блиндаже отмечает этот момент:

— Шесть минут восемнадцать секунд, — говорит она в микрофон. — Удовлетворительный результат.., для первого раза.

— Я рад, — слышится голос капитана Дрейера.

— Вот и все, — упавшим голосом говорит Лий, которого Виктор пропускает вперед себя в блиндаж. — Как жаль...

— Мы не ангелы, а ассенизаторы, — говорит Надежда поучительно. — Сегодня мы только показали вам, как это будет. И убедились сами, что на верном пути.

Последней к блиндажу подходит Нийя. Но она не успевает войти. У самого входа замирает, и глаза ее снова расширяются в ужасе от своей беспомощности. В голове ясно звучит «зов Глана». Нийя отступает от блиндажа.

Степан оборачивается, глазами отыскивая Нийю. Ее нет. Он делает движение к двери, но его останавливает голос Виктора:

— Степа, на твоей совести датчики радиации. Ты не забыл?

Степан еще раз оглядывается на дверь и идет к пульту.

По подземной улице идет Нийя. Улица те же, по которой Нийя шла, взглядываясь в жизнь своих соплеменников и разглядывая витрины. Но теперь она другая — сосредоточенная и решительная. В голове звучит сигнал «зыва Глана».

ВРАГИ

В центре подземной площади находится открытый железобетонный резервуар — питьевой источник дессинцев. От источника разбегаются узкие канавки. Рядом с резервуаром знакомый нам человек в улыбающейся маске. В руке человека большой баллон. Человек оглядывается по сторонам. В отдалении появляется Торки, делает человеку знак. Человек разжимает пальцы — и баллон падает в резервуар. Сей час же вода начинает пузыриться, закипая, а резервуар покрывается паром.

По улице идет Нийя. Сигнал «зыва Глана» слабеет, и на его фоне звучит тонкий настойчивый голос:

— Иди! Я жду тебя.

— Кто ты? — шепчут губы Нийи.

— Твой друг! Твой друг! Твой друг! — звучит голос.

Нийя останавливается у разветвления тоннелей. Поворачивается, как стрелка компаса, к одному из них. И в этот момент сигнал обрывается.

Люди подземного города стоят у источника, глядя. как кипит в нем вода.

На ступенях бетонного крыльца, тут же на площади, стоит человек — улыбающаяся маска. Он громко говорит:

— Земляне пришли, чтобы отравить нас и захватить нашу планету. Вы видите, они уже начали! Это наш последний источник. У нас не будет воды! Мы погибнем от жажды.

— Степан! — Нийя нажимает на кнопу наручного радиобраслета.

— Да, — тут же откликается Степан — Я у источника на площади. Скажи Виктору, что в источнике какая-то бурная реакция. Тут человек кричит, что виноваты земляне, и пугает людей. Одни не выезжайте!

— Нийя, только осторожно! Я сейчас передам Виктору...

Нийя идет к толпе. Мaska оборачивается к Нийе. Глаза смотрят настороженно. Еще одна маска... Торки.

— Это она виновата! — кричит в экстазе оратор. — Вот она! Бейте ее! Это они убивают нас!

Нийя останавливается. Люди теснятся к Нийе, начинаяется свалка. Мелькают руки, срываются маски, трещит порванная одежда. Видны лица за масками — бледные, изможденные. На лице Нийи жалость и отвращение. Руки, тянувшиеся к Нийе, не могут до нее дотронуться — будто невидимая преграда останавливает их.

Из-за спины человека-провокатора, стоящего на ступенях, наблюдает за происходящим знакомая маска младенца. Это Туранчокс.

— Хорошо, — тихо говорят он, нервно подергиваясь.

— Хорошо!

Нийю теснят, и она вынуждена, отступая, пойти по широкой бетонной балке, ведущей к центру источника. Передние, преследуя ее, «натыкаются» на невидимую стену, задние ряды напирают на передние. Раздаются хрип, стон, крики.

— Тэр, — Туранчокс наклоняется к уху человека-провокатора, — стреляй в нее!

Тэр резко поворачивается, видит хозяина. В первый момент он не понимает приказа.

— В эту?

— В эту!

Тэр достает пистолет и стреляет в Нийю. Но за мгновение до выстрела Нийя перемещается, и пуля осыпает бетонную крошку там, где только что она была.

Нийя смотрит в сторону стрелявшего. Но Тэр не виден за бетонной стойкой. Сам же он в недоумении смотрит на пистолет.

— Еще, — говорит Туранчокс. — Ай, какая чудесная находка! Тэр стреляет снова. И снова Нийя переместилась за мгновение до того, как пуля выбила бетонную крошку.

— Еще! — шипит Туранчокс.

Тэр входит в раж. Он начинает выпускать пулю за пулей. Толпа в ужасе замирает. Но ни одна пуля не может достать Нийю. Толпа как будто проснулась. Люди бросаются в разные стороны и исчезают в многочисленных улицах -тоннелях.

На площади появляются земляне. Но вокруг уже пусто. И пусто у ступеней, где только что были Тэр, Туран-

чокс и Торки. Только Нийя у столба и кипящая вода в резервуаре.

Нийя медленно возвращается обратно по балке и опускается на бетонный пол площади. Закрывает глаза. Степан склоняется к Нийе.

— Нийя, — бормочет он. — Нийя, дорогая... Что они с тобой сделали?

— Ничего, — говорит она тихо, — Ничего им, Степка со мной не сделать. — И снова устало закрывает глаза.

Быстро подходит Надежда, останавливается рядом. Молча смотрит на Нийю.

— Вас обстреливали? — гудит над ними бас Бармалея.

— Это все пустяки. — Нийя осторожно, но решительно отстраняет руки Степана и поднимается. — Не в этом дело... Они недостойны... чтобы ради них...

Она смотрит перед собой, как будто все еще видит толпу. Виктор Клинов уже выпустил в кипящую воду щупы анализатора. Щелкают датчики.

— Конечно, ужасно то, что произошло, — говорит Надежда. — Но, дорогая моя девочка, они не виноваты. Они больны. Они спят. Их разум спит. Мы должны помочь им, а не презирать...

Из дверей подземных убежищ, из темноты постепенно появляются белые пятна лиц-масок.

— Ого! — восклицает Клинов, разглядывая показания анализатора. — Редкая реакция!

В этот момент к нему подходят трое дессианцев — биолог Лий с бледным техником и маленькой ученым-химиком. Они потрясенно смотрят на кипящую воду, выделяющую пар.

— Нам сказали, что погибла вода, — Лий взволнован.

— Вода отравлена? — спрашивает бледный техник.

— Да, — говорит Виктор. — Но сегодня же я получу с «Астры» реактивы, и к ночи вода будет чистой. По

крайней мере, чище, чем раньше. Обещаю. — Виктор включает видеофон прямой связи с «Астрой».

Вбегает Ракан. Мы не видели его еще таким взволнованным. Он оглядывается, видит Нийю, бросается к ней.

— Ты жива! Ты не ранена?

— Меня трудно убить, — откликается Нийя.

— Какое счастье... Ни в коем случае нельзя выходить без охраны.

— Мне с первой минуты здесь не понравилось, — урчит Бармалей.

— Те, кто не хотят чистого неба, — говорит Ракан, — не останавливаются ни перед чем.

— Сикки Ракан, — произносит Нийя негромко и отходит в сторону от всех. Ракан идет за ней.

— Вы были другом моего отца, — так же тихо продолжает Нийя.

— Да, — говорит тот настороженно.

— Значит, вы должны знать.

— Что?

— На Дессе остался узел управления нами, его детьми.

— Если он и остался, его никто не найдет — быстро отвечает Ракан. — Я уничтожил планы подземелей института.

— Но меня зовут...

— Зовут! Тебя зовут?!

— Тише.

— Конечно, конечно... Это ужасно. Если он добрался до секретной лаборатории, он может найти и биомассу.

Ракан молчит.

— Какую биомассу? — спрашивает Нийя.

— Когда твой отец улетал, он показал мне секретную лабораторию. Там биомасса — клеточный материал, из которого Глан хотел создавать совершенных людей. Он

очень беспокоился, и я никому не говорил, поверь мне, никому!

— Я должна найти узел управления, — говорит Нийя.

— Но как? В институте сейчас компания «Свежий воздух», а лаборатория глубоко. Он все-таки нашел!

— Кто? — спрашивает Нийя.

— Я все сделаю сам, — говорит Ракан решительно.

— А Нийя сейчас же вернется на корабль, — раздается голос Надежды. — На катере, который придет за Виктором.

Ракан вздрагивает, резко обернувшись. Видит Надежду, стоящую сзади.

— Зачем? — спрашивает Нийя, понимая, что Надежда слышала разговор.

— Тебе опасно оставаться здесь...

Все молчат. Наконец Ракан тихо говорит:

Это разумно. Простите, я должен уйти. — И быстро уходит.

— Вы думаете, я буду там в безопасности? — с горькой иронией спрашивает Нийя у Надежды.

— Я не вижу другого выхода. Ты можешь немедленно телетранспортироваться на «Астру»?

— В этом нет смысла. Никто, кроме меня самой, не может мне помочь. Ни Ракан, ни вы.

— Мы попробуем помочь. Бармалей, побудь с Нийей, — говорит Надежда и идет к Климу.

Нийя медленно направляется к ступеням, откуда в нее стрелял Тэр. Бармалей — за ней.

Институт Глана. Кабинет Туранчокса.

— Плохо, — говорит Туранчокс, — совсем плохо.

Он прочитывает листки бумаги — видно телефонограммы — и отбрасывает их. Листки, кружась, опускаются на пол. У стены в тени охранники. Входит Торки, кладет на стол еще пачку бумаг и отходит.

— Плохо... — повторяет Туранчокс. — Ну что ж, мы согласны закрыть эти заводы, чтобы не заражать воздух. Было бы что заражать. Но как вы будете жить без белка, без масок? Земляне привезут? Если производство остановится, что будут есть мои рабочие? Чем будут дышать? Дышать чем, я спрашиваю? Я не вижу выхода мой драгоценный Торки, кроме как перейти к крайним мерам и использовать отродье Глана.

— Что вы хотите сделать, Сикки Туранчокс?

В комнату входит Тэр.

— Сикки Туранчокс, вас просит о встрече советник Ракан.

— Я ждал этого визита. Он решил просить мира.

— Зачем это ему? У него власть, — говорит удивленно Торки.

— Настоящая власть у меня. Власть не должна быть явной. Иди, мой дорогой, и не подслушивай. Договорились?

— Слушаюсь. — Торки выходит.

Входит Ракан.

— Приветствую, Туранчокс, — говорит он. — Я пришел один.

— Похвально, мой друг, — говорит Туранчокс. — Садись.

— Я пришел с просьбой, — говорит Ракан, садясь напротив Туранчокса.

— Рад помочь тебе.

— Я прошу тебя не мешать землянам! — резко говорит Ракан.

— Как смело ты заговорил, мой старый друг. Ты думаешь, что земляне тебя защитят?

— Час назад кончилось заседание правительства. Мы решили ввести чрезвычайное положение.

— И все-таки ты настолько перепуган, что прибежал ко мне просить мира.

— Сейчас решается судьба всей планеты, и я готов отдать жизнь ради Дессы.

— Допустим, хотя однажды ты не захотел рискнуть ради своего ближайшего друга Глана. Ты узнал, что я нашел узел управления?

— Забудь о том, что он есть! Оставь Нийю в покое!

— Ах ты, совесть, совесть... — задумчиво говорит Туранчокс. — Совесть старого человека. А помнишь, как мы сидели тут два года назад? Тогда ты мне не угрожал..

— Времена изменились!

— Изменились, но не настолько, как тебе кажется. Раз ты предал своего лучшего друга Глана, ты предашь и Нийю! Ты — жертва собственного тщеславия.

Ракан встает. Нервно ходит по кабинету перед столом Туранчокса.

— Я наказан за это.

— Когда ты устроил побег Глану, чтобы он не попал ко мне в руки, ты заботился не о Глане и детях... Глан взял твои клетки, когда выращивал своих ублюдков?

— Да, — тихо говорит Ракан. — Я был уверен, что он вернется, как только мы придем к власти.

— Вы пришли, и Глан мог вернуться, но ты его не вызвал. Ты бы рисковал погубить свою карьеру.

— Я думал не о карьере, а о Дессе!

— Ты даже не возражал, когда я купил это здание. Я не собираюсь тебя упрекать. Я мирный человек, но ты со своими землянами прижал меня к стенке, и я должен избавиться от вас. У меня тоже есть долг! Перед Дессой!

Туранчокс поднимает палец.

— Я слышал эти речи, — говорит Ракан, подходя к столу и нависая над Туранчоксом. — И не раз. Вы — ревнители смерти, ревнители вырождения. Да, совесть мои не чиста. Но мне всегда казалось, что я делаю это

ради спасения планеты. В этом я остаюсь другом и учеником Глана!

— Ты убил его!

— Я спасу его мечту!

— У тебя ничего не выйдет.

— Выйдет, Туранчокс. Наша планета — наш дом. Из него мы не можем уйти. Мы утешали себя тем, что природа мудрая, что она сама найдет пути к спасению. Сегодня еще шумят леса и смеются наши дети, сегодня еще богаты наши недра и поют птицы. На наш век хватит, говорили мы. А вот не хватило! Нет рек и зверей, исчертаны недра, нет воздуха, каждый второй неизлечимо болен, каждый третий ребенок рождается уродом. Мы все убийцы Дессы, но вы вдвое, потому что дышите чистым воздухом и продаете его остальным. Свое здоровье вы сохраняете за чужой счет...

— Врешь! — Туранчокс вскакивает с места, и вдруг становится ясно, что он карлик. Карлик с большой головой.

Карлик срывает маску.

— Ты меня никогда не видел?! Ты никогда не смотрел мне в лицо?! Так посмотри же, кто из нас чище и счастливее!

Серые волосы рассыпаются по плечам. Изуродованное болезнью лицо смотрит на Ракана. Тот отшатывается.

Так в молчании они смотрят друг на друга... Потом, жутко усмехнувшись, Туранчокс говорит:

— Ты слабый человек, Ракан. Ты хочешь увидеть узел управления? Ты его увидишь...

Туранчокс идет к двери, натягивая на ходу маску. Ракан остается на месте, но Тэр, человек в улыбающейся маске, отделившись от стены, подталкивает его в спину.

Туранчокс подходит к стене и нажимает на рычаг. Стена отодвигается. За ней лестница вниз, которая ведет в темный тоннель.

Ракан и Туранчокс входят в пультовый бункер. Там, внутри, пульт такой же, как на «Гайе». Туранчокс проходит к пульту, садится, включает его.

— Сейчас ты увидишь, — говорит Туранчокс, — кого слушается твоя дочка.

Загораются огни на пульте. Туранчокс нажимает кнопку.

— Ты меня слышишь, Нийя? — говорит он. — Ты слышишь меня?

Молчание.

— Ты опоздал, Туранчокс, — говорит Ракан.

— Не понял?!

— Земляне знают о тебе и отправили ее на катере на «Астру».

— Проклятье! — шипит Туранчокс. — Опоздал... Опоздал... — Нажимает на кнопку вызова. — Нийя, ты слышишь меня?!

— Слышу... — доносится тихий голос Нийи.

Ракан вздрагивает.

— Ага! — восклицает Туранчокс. И тут же говорит в микрофон: — Ты где, Нийя?

— Я иду к тебе, — говорит голос. — Я ищу тебя.

— Я жду тебя в институте Глана. — говорит Туранчокс.

— Я иду к институту Глана...

ЗАПАДНЯ

Туранчокс подходит к стенному шкафу, достает оттуда плоский браслет. Открывает, подводит стрелки внутри. Заводит. Браслет начинает тикать.

— Часа хватит, как ты думаешь, мои старый друг? — спрашивает он у Ракана.

— Что ты задумал?

— Я намерен взорвать «Астру».

— Ты маньяк!

— Я нормальне всех вас. И умнее. Я умен! Если «Астра» погибнет, все встанет на свои места. Я выиграю время, чтобы избавиться от тебя и тебе подобных, чтобы взять власть и не повторять прошлых ошибок. А поможет мне твоя драгоценная дочка. Она доставит это на «Астру».

— У тебя ничего не выйдет.

— Я все рассчитал. Но если сорвется. в крайнем случае.. — Туранчокс показывает на ряд красных кнопок.

— Что это?

— Все мои заводы заминированы. Не будет меня, не будет воздуха. Вы все сдохнете.

— Я не позволю тебе! — кричит Ракан бросаясь к пульту.

Туранчокс старается закрыть собою пульт — он не ожидал такого нападения. Ракан врезается в Туранчокса и тот, вцепившись в него, падает вместе с ним на пол.

Они катаются по полу бункера. Маска Туранчокса сорвана. Страшное лицо с осколом зубов. Ракан прижимает его к бетонному полу и душит. Туранчокс хрипит. Тэр с удовлетворением наблюдает за этим. Потом выхватывает тонкий стилет и улучив момент, колет Ракана в спину

Туранчокс выбирается из-под обмякшего тела Ракана, смотрит на него. Хрипло говорит Тэру:

— Убери его...

Тэр выволакивает Ракана в коридор.

Перед входом в институт Глана останавливается Нийя. Движения ее осмыслены, решительны. Она осматривается. Странное место. Оно напоминает скелет сада. Дорожки, края газонов, выложенные камнем. Посреди одной клумбы стоит высохшее дерево, посреди другой — каменная статуя мальчика.

Вихрем подкатывает Бармалей и тормозит, подняв клубы пыли.

— Ты мне не нужен, — говорит Нийя

— Простите. Долг службы, — басит робот. — Не могу оставить вас одну.

В коридоре у бункера Туранчокса Ракан поднимает голову, пытается встать Рука скользит в крови. На лице Ракана отчаяние. Ему кажется, что он видит Глана.

Они идут по темному подземному коридору.

— Я боюсь, — говорит Глан. — оставлять запас живой массы...

Они останавливаются в тупике.

— Она опасна?

— Она может стать опасной завтра. И станет ею послезавтра.

Глан проводит рукой по голой стене. Пальцы его нажимают на еле заметную выпуклость на камне. Образуется щель. За ней — бетонная дверь. Глан открывает ее. Перед ними в каверне сооружение, похожее на большой котел, с иллюминаторами в стенках. Из иллюминаторов сочится слабый голубой свет.

Глан ведет Ракана по лестнице вверх на площадку. И оттуда вводит внутрь резервуара-каверны. Здесь тоже площадка. Впечатление, будто Ракан с Гланом попали в желудок большого чудовища.

Под ними в котле светлая густая масса, похожая на тесто. Глан включает фонарь и тут же в том месте, где на нее падает свет, она начинает вспучиваться, как будто хочет сожрать луч света. Другие отростки теста, которые в какой-то момент напоминают человеческие части тела — ноги, руки, тянутся к людям.

Глан спокоен. Ракан невольно отступает.

— Не бойся, — говорит Глан. — Она послушна мне.

— Что это? Она живая?

— Это мое последнее открытие. Когда мы победим, я буду строить из биомассы новых людей. Непроизводительно делать людей как раньше, выращивая их десятилетиями. Людей надо создавать сразу, вкладывая в эту массу мозг. Пока — это строительный материал. Но... пока.

— А что она ест?

- Она спит. Радиация, которую она получает в кишевне, недостаточна, чтобы расти. Но она способна поглощать все: свет, органику... Ты видел, как она тянулась к нам: Если дать ей пищу, она будет разрастаться со сказочной быстротой. И вот так, мой друг, она будет ждать своего часа. Месяц за месяцем, год за годом, набирая силу и желание вырваться. Пока в ней нет мозга, она ненасытна.

Видение исчезает. Ракан один в коридоре бункера. С трудом поднимается и медленно идет по коридору в ту сторону, куда они шли когда-то с Гланом.

Степан быстро подходит к Надежде и Виктору, которые все еще на площади у источника. Вода уже не кипит, только легкие испарения поднимаются над источником.

— Нийя исчезла, — говорит он тихо.

— А Бармалей? — оборачивается к нему Виктор.

— Его тоже нет.

Надежда нажимает кнопку браслета.

— Нийя, — говорит она. — Ты где? Что с тобой?

Никакого ответа.

— Это очень плохо. — говорит Надежда горько. —

Вы даже не представляете, как это плохо!

— С ней Бармалей, — говорит Виктор.

— Что может сделать этот железный старик!

— Бармалей, — говорит Виктор, включая свой браслет. — Климов на связи, ты где?

— Я следую за Нийей.

— Я побежал! — говорит Степан. — Это институт Глана!

— Подожди, — говорит Надежда. — Возьмите с Виктором вездеход. Я прилечу на катере с Колотуном.

— Захвати пробы воды, их ждут на «Астре», — говорит ей Виктор, спеша к выходу. Степан за ним.

В пультовом бункере Туранчокс слышит донесение Торки:

— Она вошла в институт.

— Не мешать. Убрать охрану.

Ракан уже в каверне Глана. Он дотягивается до нижнего иллюминатора и откручивает вентиль, крепящий его. Иллюминатор распахивается. Страшная масса словно ждет момента вырваться наружу. Она вываливается тестом из каверны и тянеться к телу Ракана. А тот, словно приманка, начинает ползти к выходу.

— Иди... Иди за мной. К Туранчоксу... К Туранчоксу!

— хрюпит Ракан.

Он уже в коридоре. Масса, состоящая как бы из незавершенных аморфных частей человеческих тел, стремится за ним...

Нийя и Бармалей в институте. Пусто. Антенны Бармалея настороженно поворачиваются.

— Ощущаю вибрацию, — говорит Бармалей. — Сигналы агрессивны.

— Нам туда, — говорит Нийя.

Они спешат в коридор, ведущий к бункеру. Охранник отступает в нишу.

Ракан ползет по коридору. Биомасса настигает его. Она уже разрослась и заполняет почти весь коридор.

Туранчокс у пульта в бункере. — Нийя, я жду тебя! — говорит он в пультовый микрофон. — Ты правильно идешь, умница!

Туранчокс прикрывает рукой микрофон и говорит в другой:

— Торки! Следи за ними. Но не мешать...

Он старательно натягивает, маску, сорванную Раканом.

По коридору ползет Ракан. Он совсем изнемог. Биомасса касается его ног.

— Убей его, — шепчет Ракан. — Спаси мою дочь...

Нийя входит к Туранчоксу. Бармалей останавливается в дверях. Тэр отступает в сторону, пистолет наготове.

— Здравствуй, моя девочка, — радостно встречает ее Туранчокс. — Я ждал тебя.

— Кто вы?

— Ты любопытна. Замечательное человеческое качество. Но лишнее для машины. Тебе надо слушаться, а не размышлять.

— Я сама пришла.

— Я твой бог, девочка.

Нийя делает резкий шаг вперед. Это пугает Туранчокса. Он настороже. Он резко говорит в микрофон, прикрепленный к кисти руки:

— Стой, отродье!

Нийя замирает, словно натолкнувшись на стенку.

— Что такое?! — Бармалей не сразу понимает, что произошло.

Но в голосе робота Туранчоксу слышится угроза, и он спешит исправить оплошность:

— Стой, моя миленькая, — говорит он, — погоди, нам надо поговорить...

Из коридора доносится сдавленный крик.

Бармалей поворачивает голову. Врубает головной прожектор, и в его луче, метрах в двадцати, виден ползущий Ракан, за ним — стена биомассы.

— Опасность! — гудит Бармалей. — Человек в опасности! — И бросается к Ракану.

Нийя хочет последовать за ним, но снова резкий окрик Туранчокса «стой!» останавливает ее.

Туранчокс приказывает Тару:

— Посмотри, что там.

В глубине коридора Бармалей пытается остановить массу. Но поздно. Ракан уже поглощен ею. Бармалей выдвигает из правой руки лазерный резак и режет массу. Куски се чернеют, отваливаются. Из нее выкатывается череп Ракана и катится по каменному полу.

Тэр видит все это, и его охватывает ужас. Он роняет пистолет и пятится назад... Он бежит по коридору, наталкиваясь на Торки.

— Что случилось? — спрашивает Торки.

Тэр отталкивает Торки и бежит дальше. Некоторое время Торки стоит в нерешительности, затем говорит по радио:

— У вас все в порядке, Сикки Туранчокс?

Ответа нет. Туранчокс слышит вопрос, но он занят.

— Как попасть на «Астру»? — уже не в первый раз спрашивает он Нийю.

— За мной прилетит катер, — механически отвечает Нийя.

Наконец он встает из-за стола и, маленький, ничтожный рядом с Нийей, подбегает к ней и защелкивает на ее запястье браслет-мину.

— Отлично, моя драгоценная. Ты полетишь на «Астру» и взорвешь ее. Через полчаса. Через полчаса ты должна быть там. Это твой долг... Иди.

Нийя покорно поворачивается и выходит в коридор. Но покорна она лишь в движениях. Если заглянуть ей в глаза, можно понять, что внутри девушки идет страшная борьба, что она старается снять с себя чужую волю...

— Нийя! — окликает ее Бармалей, на которого наползает биомасса. — Надо остановить. На помощь!

Нийя приостанавливается, смотрит в сторону робота и... уходит по коридору. Навстречу ей идет Торки. Прислоняется к стене, чтобы пропустить идущую девушку и в этот момент видит, что биомасса, перед которой отступает Бармалей, уже приближается к двери Туранчокса. Он в ужасе смотрит на белую массу и говорит в микрофон:

— Сикки, там белое, оно движется.

— Иди, иди... — повторяет Туранчокс, на секунду отрывается от основного микрофона и приказывает Торки:
— Идиот! Иди за Нийей. Она должна улететь. Ты отвечаешь головой.

Бармалей, отступая перед биомассой, громко сообщает:

— Вызываю Климова! Вызываю Климова! Враждебная среда. Агрессивное поглощение органики. Срочно нужна помощь!

Виктор и Степан, вбежавшие в институт, слышат этот призыв.

Но в этот момент они видят, как из коридора выходит Нийя. Она идет прямо на них.

— Нийя! — Степан бросается к ней.

— Где Бармалей? — резко спрашивает Виктор.

Нийя поднимает руку, показывая, куда им идти.

Степан в нерешительности.

— Нет, — говорит он. — Что-то неладно.

— Там ее встретят Надежда и Колотун. Идем! — кричит Виктор и бежит в коридор.

Степан бежит за Виктором.

Незаметно для них к выходу проскальзывает Торки.

Нийя стоит посреди мертвого, каменного сада института Глана. Опускается планетарный катер. Из катера выходят Надежда и Колотун.

— Вот она! — восклицает Колотун.

Нийя направляется к катеру. Делает три шага. Останавливается.

Надежда уже возле Нийи, вглядывается в нее:

— Что с тобой?

Нийя не отвечает.

— Нийя, — мы слышим в голосе Надежды незнакомые прежде, нежные, почти материнские интонации. — Девочка... Тебе нельзя здесь больше быть. Они убют тебя. Идем со мной, в катер... Мы улетим. Ты будешь спать на корабле. Ты будешь спать, и они тебя не достанут.

Она протягивает руку Нийе. Торки, выбежавший из здания, следит за ними, стараясь оставаться незамеченным.

— Нельзя, — говорит Нийя, как сквозь сон. — Мне нельзя... Как ты не понимаешь, я сама, только я сама...

И мы слышим, как в голове у нее звучит приказ: «Лети на корабль. Лети на корабль. Лети на корабль...»

Торки не слышит, о чем разговор. Ему лишь видно, что Надежда стоит на пути Нийи к катеру.

— Ее непускают, — говорит Торки.

— Помоги ей, — говорит Туранчокс, — я не могу отвлечься. Я потеряю контроль. Убери!

Торки поднимает пистолет и целится в Надежду. Рука его дрожит. Он оглядывается. Никто его не видит.

Нийя делает шаг к катеру. Еще шаг...

— Молодец, девочка, — говорит Надежда, обнимая ее за плечи. — Возьми себя в руки, не бойся его... Ты же человек, а не робот.

В Нийе идет борьба, и она с трудом сохраняет разум. Она снова останавливается. Тикает браслет-мина на ее запястье.

Надежда смотрит на руку Нийи. Поднимает ее. Видит браслет.

— Что это?

И тогда Торки стреляет.

Надежда удивленно оборачивается на первый выстрел. Но Торки стреляет снова и снова...

Надежда медленно опускается на землю.

Нийя оборачивается на выстрелы. Никого нет. Она смотрит на Надежду, на кровь. Грохотом приказа разламывается ее голова. Она сжимает виски, чтобы изгнать приказ, в ужасе и горе смотрит на Надежду. И человеческие, горькие слезы катятся по ее щекам.

— Мне нельзя лететь, я не должна, — шепчут ее губы, кривясь. — Только я одна, только я одна...

Нийя идет к катеру, словно вдруг забыла о Надежде. Колотун бежит ей навстречу, подбегает к входу, думая настичь убийцу, но там никого... Затем бросается к Надежде.

— Боги Марса... — бормочет он.

Тонкий свистящий звук заставляет штурмана поднять голову. Планетарный катер взлетает над мертвым садом института Глана.

ЦЕНА ЧИСТОГО НЕБА

Издали, с холма, несутся от города к институту военные машины с солдатами.

В командном отсеке «Астры» капитан Дрейер видит, что катер поднимается с земли и светящейся точкой идет к кораблю.

— Колотун, — говорит капитан. — Почему опоздали со взлетом? Все в порядке? Прием.

В кабине катера Нийя. Сышен голос Дрейера:

— Первый, первый, почему молчите?

Лицо Нийи в судорожном напряжении. Голос Туранчокса перекрывает все: «Лети на «Астру»! Лети на «Астру»!»

Распахивается дверь бункера. В дверь вползает биомасса вместе с Тэром, который последним усилием воли хочет спрятаться за дверь. Биомасса заполняет бункер.

Туранчокс вскакивает на пультовый стол. Лапы массы тянутся к нему.

Дрейер продолжает следить за движением катера.

— Первый! Да что с вами?! Почему никто не отвечает?!

Кнопка внутренней связи:

— Приготовить аварийную ловушку!

На центральном экране «Астры» виден планетарный катер, который быстро приближается к звездолету.

Нийя управляет катером. Лицо напряжено. Слова приказа: «Лети на «Астру!» стучат в голове, перемешиваясь со стуком часового механизма браслета-мины.

Но вот голос Туранчокса становится тише и уже перекрывается стуком часов. Нийя как будто просыпается. С тоской смотрит па Дессу. Переводит взгляд на «Астру» и, побеждая приказ, бросает катер в сторону от звездолета.

— Только я одна... — шепчут ее губы. — Только я одна...

Лицо Туранчокса покрыто потом. Маска висит на одной завязке, и кажется, будто второе, улыбающееся безмятежное лицо криво поместились на груди урода. Туранчокс толкает ногой стул к массе, и масса, словно с благодарностью, пожирает стул и тянутся к его ногам.

Туранчокс пытается оттолкнуть массу, по она тут же охватывает ногу и Туранчокс вопит, пытаясь выдернуть ее. Он кидает в массу микрофон, и тот исчезает.

Из командного отсека «Астры» капитан Дрейер по внутренней связи включает сирену.

— Тревога! — говорит он жестко. — Корабль к спуску! Первая высота — пятьсот!

Виктор и Степан выбегают из здания института Глана. Бегут к вездеходу. Видят, как у самого горизонта появляется ярко вспыхнувшая звезда и кометой уходит за горизонт.

Виктор и Степан у вездехода. В верхнем люке появляется Колотун.

— Что здесь происходит?! Где катер? — кричит Степан.

— Плохо, ребятки, плохо, — тихо, тускло произносит штурман. — Плохо.

Он смотрит внутрь кабин и отводит глаза. Степан и Виктор уже в люке. Видят безжизненное тело Надежды, лежащее в кресле вездехода.

Вспыхивает экран передней панели. На нем лицо Дрейера.

— Иду к вам! Катер взорван! Кто катер?

Колотун мрачно:

— На катере — Нийя.

Степан потрясен. Голос Дрейера повторяет:

— Иду к вам!

Виктор наклоняется к экрану:

— Капитан, нужна помощь «Астры». В институте Глана выпущена биомасса. Она пожирает всю организму...

Страшный треск прерывает Виктора.

Все оглядываются. Биомасса, разорвав входные двери лифта, вырывается наружу.

Лениво, словно нехотя, языки биомассы расползаются по долине, поглощая строения, взламывая люки, ведущие в подземный город.

Виктор докладывает капитану «Астры»:

— Через час эта масса затопит город, тогда нам ее уже не удержать.. Через несколько дней некого будет спасать на всей планете.

— Что предлагаете, Климов?

— Всю энергию силового поля — и немедленно.

— Хорошо, — говорит Дрейер. — Отводите вездеход подальше. Разряд будет сильным.

Биомасса уже достигла вездехода. За рулем Степан. Колотун держит на коленях голову Надежды. Вездеход подает назад, вырываясь из кольца биомассы, разворачивается и мчится к холмам, наверх, где в нерешительности остановились военные машины дессианцев.

Вездеход останавливается. Климов тоже наклоняется к Надежде.

Сверху, сначала возникнув как звездочка на буром небе, увеличиваясь, заполняя небо, опускается «Астра».

Институт Глана уже поглощен биомассой.

Торки бежит по расщелине. Он задыхается, срывает противогаз, отбрасывает пистолет.

Вдруг он видит, что навстречу ему по ущелью медленно, устало, идет Нийя. Платье ее разорвано, лоб пересекает ссадина. Нийя не замечает Торки, но тот в ужасе бросается в сторону.

Нийя поднимает голову — видит зависшую над институтом «Астры». Она смотрит, как из «Астры» выры-

вается луч ослепительного света, по небу пробегают синие разряды, луч расширяется, превращаясь в конус, основание которого охватывает всю долину.

И Нийя исчезает...

...чтобы возникнуть в вездеходе.

Биомасса, оказавшаяся в конусе силового поля «Астры» замирает, затем сжимается, темнеет, отступает, прячется в подвалы института Глана.

А сверкающий конус лучей превращается в светлый дождь, заливающий долину,— свежий, обильный ливень...

Когда дождь стихает, становится понятно, что он льется на иную Дессу, Дессу будущего.

Пригибаются, дрожат под каплями воды травы, сбрасывают воду листья молодых деревьев, сизые облака башнями поднимаются в синем небе...

По зеленому полю, по цветам идет дессианский биолог Лий. Он поднимается по склону холма. Там стоят земляне. За ними — планетарный катер, который унесет их на «Астру».

Здесь все герои фильма. Кроме Надежды Ивановой.

Лий протягивает Виктору Климу пакет.

Тот разворачивает его. В пакете противогаз.

Нийя и Степан смотрят друг на друга, как смотрят при расставании. Нийя остается здесь.

Нийя и Лий стоят на зеленом холме. Медленно поднимается «Астра». Превращается в звездочку. И тает в голубом небе.

ТОВАРИЩ «Д»

*Комедия в двух действиях и
шести картинах*

В отличие от прочих моих опусов, у этой пьесы четырехступенчатая история. Больше десяти лет назад я написал повесть «Товарищ Д». Она была напечатана в советско-болгарском журнале «Дружба» под странным, придуманным без моего ведома редакцией названием «Витийствующий дьявол». Сначала я никак не мог понять, в чем дело, а потом оказалось, что на заседании редакции было решено, что святое слово «товарищ» по отношению к дьяволу даже в шутку нельзя употреблять.

Я перечитал ту повесть и вдруг понял, что это не повесть, а пьеса. Не знаю, почему так случилось, но я увидел ее на сцене, хотя до этого с театром дела не имел. Написав, я показал пьесу режиссеру театра «Лаборатория» Андрею Россинскому. Тому пьеса понравилась и он поставил ее у себя, правда, в очередной раз (правда, с моего согласия) поменяв название на «Товарищ дьявол». Он хотел привлечь зрителей, заменив одну загадочность на другую. Пьеса несколько раз прошла в том театре...

А недавно Россинский вспомнил о пьесе. И я вспомнил о пьесе. Мы прочитали ее вновь и решили, что ее можно возобновить, но придется кое-что, ставшее анахронизмом, заменить. В «Товарище дьяволе» была определенная фельетонность, которая сегодня уже не очень понятна зрителю. Что я и сделал

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА в порядке появления на сцене

ОЛЬГА
ИВАНОВНА.

Респектабельная, миниатюрная пенсионерка, прежде работала библиотекаршей. В речи и повадках крайне интеллигентна.

ЖЕНЯ.

Ленивый и неумный парень под тридцать. Где-то учился, недоучился. Кое-как работает, ничего ему от жизни не надо — было бы выпить, поесть и какая-нибудь баба.

ДЬЯВОЛ.

Обыкновенный человек, высокий, гибкий, вежливый, порой даже изысканный. Он не высок в табели о рангах потустороннего мира. Скорее исполнитель.

САШОК.

Ему лет тридцать пять. Он среднего роста и среднего облика. Но сам кажется моложе, чем на самом деле. Это видно в одежде — он в джинсах, голубой куртке. Не в ладах с самим собой, но храбрится.

ЛАРИСА.

Первая жена Сашка. Она хороша той, несколько пошлой парикмахерской красотой, что так соблазнительна для немолодого интеллигента. В тридцать лет еще не расплылась, но вульгарность уже не ком-

пенсируется молодостью и свежестью. Вскоре остеопенистся, станет массивной матроной.

СПИКУХИН.

Жлоб из торговых работников. Человек бессмысленный, тупой, на хваткий и живучий. Обязательно в конце концов погорит, потому что никакого удержа в своей алчности не знает. Любит жить красиво.

ПАВЛИК.

Муж Дарьи Павловны (Даши). Талантливый конструктор, умница, всю жизнь проживший за юбкой Виктории, которая стирала ему носки, делала котлетки и ставила клизму. Вне привычного интерьера полностью растерян и со временем, если не повесится, перейдет в собственность Даши и успокоится.

ДАРЬЯ
ПАВЛОВНА.

Секретарша в научном учреждении. Чем-то похожа на Ларису, хоть куда больше ее обтесана и даже, возможно, кончила какой-то институт. Женщина, которая привыкла все брать — мебель, вещи, дефицитные продукты, мужчин. Когда ощущила сопротивление в Павлике, пошла ва-банк. Если Павлик не станет профессором, она его со временем бросит.

НЕЧИПОРЕНКО.

Респектабельный политик.

Пройдоха, отлично понимающий, что всю жизнь занимается пустым делом, но в этом деле можно преуспеть. Стяжатель. Заграница и Лариса — моменты стяжательства. Официально гладкий обитатель президиумов, в действительности — эпикуреец и сластолюбец, но жадный и мелкий.

БАРМЕН.

Вялое существо с потными руками, презирающий весь недостаточно богатый мир. Хам и лентяй. Типичный дворовый прошлого века. Мгновенно и без усилий переходит от ленивой спеси к холуйству.

ТАМАРА.

Очаровательная, несколько растерянная от робкого неумения общаться с людьми. Ей всегда приходится кого-то о чем-то просить, но она так и не научилась это делать и совершенно не умеет использовать для этого свои женские прелести. Ей кажется, что она всем за все обязана. Ей нужен мужчина, которого она будет боготворить или спасать. И не суть важно, кто этот мужчина на самом деле. Ее муж сбежал к какой-нибудь Ларисе, потому что не смог соответствовать тому образу героя, что Тамара из него выковывала.

МАРИНА.

Дочь Тамары. Подросток, сильно избалованный мамой, которая сделала из нее предмет робкого обожания и поклонения. Если за нее не взяться как следует, девочка может погибнуть от ощущения собственного величия. И чем больше Тамара, охваченная постоянным чувством вины перед дочерью, у которой нет отца и которой она не может дать всех «заслуженных» ребенком благ, будет хлопотать вокруг Дашеньки, тем больше Даша будет наглеть. Любому это видно с первого взгляда. Только не Тамаре.

МИЛИЦИОНЕР.

Существо простое, мелкое, но крепкое телом. Совершенно непонятно, что он получил в обмен за душу.

ЕВГЕНИЯ
ОСИПОВНА.

Модный тренер по теннису. Ее дьяволу даже покупать не надо — сама прибежит и еще дьявола купит. Так что она не жертва дьявола, а союзник.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Двор в современном спальном районе. На скамейке сиди Ольга Ивановна в строгом учительском платье. Рядом Женя. Ольга Ивановна внимательно читает глянцевый журнал. Женя дремлет, вытянув ноги. Суббота, разгар дня, щебечут воробья, перекликаются дети, из открытого окна несется музыка. За сценой проносится мотоцикл.

ЖЕНЯ. Слыхали? Это Володька Седой. Во блин! Дня в своей поганой жизни не проработал. Откуда у него бабки на Харлей-Давидсон?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Украд... но нас с тобой это не касается.

ЖЕНЯ. Еще как касается! Жду не дождусь, когда он в лепешку! Вот напьюсь на его поминках.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Лучше, Женя, купите себе Харлей-Давидсон и расшибайтесь в свое удовольствие.

ЖЕНЯ. А вы будете пить на моих поминках? Тормози, бабуся!

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Чем губить свои нервы зависимостью, вы послушайте! (*Читает.*) Предлагается недорого круиз на остров Мадагаскар. Чернокожие красавицы, охота на диких лемуров, поиски пиратских кладов в пятизвездочном отеле, выступление рок-группы «ватник в томате». Шоп-рейсы в Занзибар. У вас не найдется четырех тысяч долларов?

ЖЕНЯ. Столько баксов. Да на них можно год пить не просыная!

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Представляете, лемуры... Ночью они раскрывают бездонные карие глаза и смотрят на звезды...

ЖЕНЯ. И чего это Сашок запропастился?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Отсутствие жизненной цели — вот порок нынешней молодежи.

(Появляется дьявол. Он элегантен, вежлив, но излишне суетлив.)

ДЬЯВОЛ. Простите, что прервал вашу увлекательную беседу, господа. Но я ищу дом шестнадцать корпус два.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. По второму Затопленскому?

ДЬЯВОЛ. По улице Чекистов.

ЖЕНЯ. Один черт.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Прежнее название ушло вместе с эпохой, которая его породил.

ДЬЯВОЛ. Надеюсь, что вы ошибаетесь.

ЖЕНЯ. За угол направо. (Показывает пальцем в нужном направлении.)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Странный тип. Вам «» кажется, что чем-то пахнет?

ЖЕНЯ. Ну, чем еще может пахнуть?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Серой. Как от нечистой силы.

ЖЕНЯ. Сашок! Ты куда провалился? Мы тебя заждались! Ну достал?

(Появляется Сашок. Присаживается на лавочку.)

САШОК. Пустой номер.

ЖЕНЯ. Но ты же говорил!

САШОК. Его дома нет.

ЖЕНЯ. И чего я с вами связался? Пошел бы к «Ручейку» — кто-нибудь бы мне наверняка поставил.

САШОК. Иди.

ЖЕНЯ. Ты же знаешь! Хорошие люди уже приняли, только мы развлекается.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Молодые люди, не ссорьтесь. Поодиночке мы с вами как тонкие прутики. А втроем — мы уже веник.

САШОК. Не знал, что вы стихами балуетесь, тетя Оля.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Поэзия — это крик души. Души, высохшей от жажды.

ЖЕНЯ. Смотри, кто идет. Лариска! Во, блин — по улице Пикадили я шла ускоряя шаг! Сашок, ну Сашок, ты чего сидишь! Это шанс!

САШОК. Не пойду.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Я разделяю ваши чувства, Сашок, но сейчас вы обязаны откинуть ложную скромность. Вы представляете интересы гибнущего коллектива. (*Она подталкивает Сашка*). Известны случаи, когда врачи заражали себя чумой и гибли ради человечества. А человечество ставило им памятники.

САШОК. (*Вынужден подняться и сделать несколько шагов к Ларисе, которая остановилась, увидев его*) Привет, Лара.

ЛАРИСА. Привет, если не шутишь.

САШОК. К матери ходила?

ЛАРИСА. А ты все бездельем мучаешься?

САШОК. Сегодня суббота.

ЛАРИСА. А мне Зинка говорил, что ты уволился.

САШОК. Все-таки интересуешься?

ЛАРИСА. Хочешь-не хочешь, доносят.

САШОК. Ну и как у тебя дела? Довольна? Новый муж не поколачивает?

ЛАРИСА. У меня все есть. Все в порядке. Я упакована.

САШОК. Может познакомишь?

ЛАРИСА. Это как же ты себе представляешь? Познакомясь, мой бывший супруг. Человек никакой. Тридцать три несчастья. Я с ним пять лет промучалась. А теперь он у тебя тысяч двадцать попросит.

САШОК. Ну зачем так сразу?

ЛАРИСА. А потому что ты ко мне подошел, чтобы мелочи стрельнуть. Я же по глазам вижу.

САШОК. Я просто так подошел.

ЛАРИСА. Просто так ты бы не подошел. Я же тебя лучше всех знаю. Тебя (*она показывает в сторону ска*

мейки) бригада подослала. А ты, видите ли, никому отказать не можешь. Ну сколько тебе нужно? Десятку? Двадцать? А может десять баксов? У меня есть.

(Она хочет открыть сумочку. Ольга Ивановна и Женя напряженно следят за разговором со скамейки и тщетно прислушиваются. Когда же Лариса открывает сумочку, Ольга Ивановна даже приподнимается со скамейки).

САШОК. Нет, не надо, я так, спросить хотел...

ЛАРИСА. Может тебе десять баксов мало? Я тебе и двадцатку дам. И полсотни. У тебя же за комнату два месяца не плачено. Я все про тебя знаю.

САШОК. Ну ладно, Лариса, привет, я пошел. Кланяйся своему новому благоверному.

(Он поворачивается и идет к скамейке. Лариса протягивает ему вслед зеленую купюру, потом машет рукой и прячет ее в сумочку. Она быстро уходит).

ЖЕНЯ. *(Вскакивает со скамейки и устремляется к Сашку).* Ты что? Почему не взял? Она же давала!

САШОК. Ничего она не давала. У нее песка в Сахаре не допросишься.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Значит меня начало обманывать зрение. Ваша бывшая супруга достала из сумочки зеленый платочек. Маленький такой платочек.

ЖЕНЯ. Псих ты, Сашок.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Я допускаю, что выдача зеленой бумажки сопровождалась унизительными условиями. В таком случае мы не имеем морального права осуждать нашего друга и собутыльника.

САШОК. А сколько у нас есть?

ЖЕНЯ. У меня пятерка. И еще надо бутылку молока купить.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Я могу ассигновать четыре тысячи рублей. Пенсия после завтра.

САШОК. А у меня раз... две тысячи пятьсот...

(Они сдают деньги Ольге Ивановне. Она пересчитывает.)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Семь тысяч пятьсот рублей. Ну что ж, это не так плохо как казалось вначале.

ЖЕНЯ. Надо было у Лариски взять. Ведь давал, блин, давала! Я сам видел.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Женя, вы не правы. У нас так мало принципов, что приходится за них держаться.

САШОК. Дурачье вы. Не в принципах дело. Откуда у меня принципы? Не дала бы она. Я бы руку протянул, а она бы спрятала.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Ты так не думаешь, Сашок. Но бог тебе судья.

ЖЕНЯ. А я на той неделе у автобусной остановки три тысячи нашел.

САШОК. Одной бумажкой.

ЖЕНЯ. Ага.

САШОК. Все ясно.

ЖЕНЯ. А ты не придирайся. Откуда я помню, сколько там бумажек было!

ОЛЬГА ИВАНОВНА. На семь тысяч чего-нибудь можно купить. Если повезет. Надо на оптовке пошукать.

ЖЕНЯ. Давай бабки, я побежал. *(Уходит).*

(Выходит дьявол, останавливается, лезет в карман за зажигалкой, закуривает, бумажник падает на землю. Дьявол не замечает этого и идет дальше. Но за лавочкой, на которой сидят Ольга Ивановна и Сашок, он замирает и прислушивается к их разговору).

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Сашок, я давно собиралась с тобой поговорить. На правах твоей бывшей учительницы и соседки. Я же тебя с раннего детства знаю. И ты мне всегда нравился.

САШОК. Закурить найдется?

(Ольга Ивановна достает пачку «примы». Сашок берет сигарету).

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Вы ведь по-своему интересный человек, независимый, я бы даже сказала — с душевными порывами.

САШОК. ...Но свершить ничего не дано.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. А вот я не верю! Я помню как ваша покойная мама показывала мне ваши детские рисунки. У вас были начатки таланта. Я тогда так и сказал Марье Петровне...

(Сашок хлопает по карманам в поисках зажигалки, дьявол из-за спины протягивает руку с горящей зажигалкой, Сашой прикуривает).

САШОК. *(Оглянувшись)* Спасибо.

ДЬЯВОЛ. Я всегда готов помочь человеку в нужде.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Молодой человек, я к вам обращаюсь, уйдите, пожалуйста!

ДЬЯВОЛ. Я вам мешаю, Ольга Ивановна?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Вот именно! От вас пахнет се-рой. Уйдите, а то я милицию позову.

САШОК. Ну тетя Оля, зачем вы так? Ничем от него не пахнет.

ДЬЯВОЛ. Вы правы, добрая женщина. Судя по всему — время еще не пришло. Но события ускоряют свой бег, не так ли, мадам?

(Он уходит.)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. У тебя нет жизненного опыта. Но я понимаю — от этого типа надо держаться подальше. В любой момент он может превратить тебя в таракана. Возможно он — инопланетянин.

(Вяло бредет Женя.)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Ну что? Есть туркменское сладковатое?

(Женя безнадежно отмахивается, спотыкается о будильник, потерянный дьяволом, наподдает его ногой. Потом смотрит под ноги, делает шаг вперед и замирает, наклонившись над находкой.)

САШОК. Ты чего?

(Женя поднимает руку, заставляя Сашка не вмешиваться в процесс охоты на бумажник. Он начинает совершать круг возле него, подобно энтомологу над редкой добычей. Он готов уже броситься на бумажник, но спохватывается и обводит взглядом двор. Опасности нет.)

САШОК. Что? Змею увидел?

(Он поднимается и идет к Жене.)

ЖЕНЯ. Тшшш!

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Он нашел сто тысяч!

(Женя поднимает бумажник и неся его на вытянутой руке подходит к скамейке).

ЖЕНЯ. Какой-то фраер поселя.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Потрясающая логика! Она делает честь сообразительности нашего друга. Секрета нет. Его потерял неприятный пришелец.

ЖЕНЯ. Чечен?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Вы видели и беседовали с ним. И я могу утверждать это наверняка, потому что за последние полчаса никто мимо клумбы не проходи.

ЖЕНЯ. Нет! Вы мне мозги не пудрите! Этот бумажник здесь с утра валяется. А может со вчерашнего дня.

САШОК. Тетя Оля права. Мы тут ходили. Наверняка бы заметили. Давай сюда.

(Он отбирает бумажник у Жени).

САШОК. Надо вернуть.

ЖЕНЯ. Ты охренел, что ли? Он же ничей.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. А что вы предлагаете, Женя? Мне всегда интересно наблюдать, как работает ваш небольшой мозг.

ЖЕНЯ. Бабки вынем, а бумажник в кусты. Простое дело!

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Какое трагическое отсутствие фантазии!

САШОК. Я сейчас!

ЖЕНЯ. Стой!

(Женя пытается ринуться за ним, но Ольга Ивановна крепко хватает его за рукав).

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Остановитесь, Женя. Вы ничего не поняли. Сашок действует в лучших традициях европейской культуры.

ЖЕНЯ. Чего?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Объясняю как пенсионер культурного значения. Сашок намерен догнать владельца бумажника и возвратить ему собственность. Если Сашок рассудил правильно, что владелец бумажника вознаградит его. У нас с вами будут деньги и чистая совесть.

ЖЕНЯ. Дурак я, что вам показал.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Ты не поднимешься выше лавочника. Ты спешишь схватить рубль сегодня, хотя завтра мог бы получить миллион.

(Возвращается Сашок. Он несет бумажник).

ЖЕНЯ. Ну вот, а я уж сдрейфил.

САШОК. Нет его нигде.

ЖЕНЯ. А может это не он был?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Теперь мы вынуждены сдать бумажник в милицию. А это куда менее выгодно.

ЖЕНЯ. (Пытается вырвать бумажник у Сашка). Давай сюда. Не ты нашел, не тебе решать.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Жадность — неразумное чувство. Жадный всегда беден, так учил Петрарка.

САШОК. Он не от жадности, он выпить мается.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Это порочное желание. А желания, как учил Будда, ведут к разочарованиям. Если мы будем потрошить чужие бумажники, то никогда не достигнем нирваны, то есть вечного блаженства.

ЖЕНЯ. Ты не крути, тетя Оля.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Я предлагаю законный, то есть легитимный выход из положения. Он может умеренно

разрешить наши финансовые затруднения и в то же время оставит нас по сю сторону закона.

САШОК. Правильно излагаешь, тетя Оля.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Вот видишь, Сашок уже догадался. А ты, простая душа, все еще сомневаешься.

(Она берет бумажник и открывает его).

ЖЕНЯ. А чо?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Наша цель — изъять из бумажника визитную карточку пострадавшего.

ЖЕНЯ. А?

САШОК. Мы к нему домой бумажник отнесем и он отстегнет чирик, а то и лимон. Это зависит, насколько важные документы лежат в бумажнике.

ЖЕНЯ. А зачем он отстегнет?

САШОК. Потому что в его сердце воспрянет вера в человечество.

ЖЕНЯ. А если не отстегнет?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. В любом добром деле есть элемент риска.

(Она уже раскрыла бумажник, просматривает одно за другим его отделения. Вытащила стопку сложенных бумажек, больше там ничего нет. Ольга Ивановна даже встряхивает бумажник — ничего!)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Странно.

ЖЕНЯ. Что и десятки нету?

(Ольга Ивановна снова садится на скамейку, достает из сумочки очки, надевает их и кладет пустой бумажник рядом с собой на скамейку. Сашок берет бумажник, мнет в пальцах, нюхает.)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Не надо, нанюхаетесь еще.

САШОК. Кожа хорошая.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. И сера. Но не в этом дело.

САШОК. Немного серы. А дело в том, что нормальный человек не носит с собой пустой бумажник. Или почти

пустой. (*Он смотрит как Ольга Ивановна вытаскивает одну из бумажек, что хранились в бумажнике*).

ЖЕНЯ. Читай, не тяни! Может там его адрес?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Нет, на бумажке не адрес... Дело куда хуже. Здесь чужой адрес.

ЖЕНЯ. Наводчик, да?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Слушайте: «Я, Спикухин Эдуард Иванович, номер паспорта такой-то, настоящим подтверждаю, что передал дьяволу мою бессмертную душу в обмен на оказанные мне услуги.» Подпись... кажется кровью. Адрес: Большая Тимофеевская, дом три квартира шесть.

ЖЕНЯ. (*Оборачивается, ведет пальцем по воздуху. Замирает.*) Вот в том доме.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Именно так. И больше вас, Женя, ничего не удивило?

ЖЕНЯ. А что должно удивить?

САШОК. Другую записку посмотрите, тетя Оля.

(*Ольга Ивановна разворачивает другую бумажку и читает ее.*)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. «Я, Нечипоренко Семен Семенович, номер паспорта такой-то, передаю свою бессмертную душу товарищу дьяволу в обмен на оказанные мне важные услуги». Есть и адрес...

ЖЕНЯ. Стой! Я догадался. Они все офигели! Ведь бога нет! Я в школе проходил.

САШОК. В последнее время общественность сильно сомневается. Особенно бывшие секретари обкомов. Их хлебом не корми, дай свечку в церкви подержать.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Бога может и нет. Но дьявол точно существует. (*Она разворачивает третью расписку*). Те же слова, того же цвета кровь. Господи, до чего все примитивно. Никакого воображения! (*Она по очереди разворачивает бумажки и кладет их стопочкой на ска-*

мейку рядом с бумажником). Шесть бессмертных душ! Попались голубчики. То-то он мне сразу не понравился.

(Сашок поднимает бумажки по очереди, просматривает их).

ЖЕНЯ. Эх, попался бы он мне! Я бы ему сказал!

ОЛЬГА ИВАНОВНА. И что бы ты ему сказал?

ЖЕНЯ. Гони лимон, а то в отделение отведем!

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Как мудро! А если он откажется, то и в самом деле его в милицию отведем, ты как полагаешь?

ЖЕНЯ. Не, в милицию это я так сказал, чтобы припугнуть. В милиции они все себе возьмут. Будем сами искать.

САШОК. Ну как, поговорили?

ЖЕНЯ. Внимание, у Сашка идея!

САШОК. Надо вернуть расписки.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Я тебя, Сашок, не поняла. Кому вернуть, если мы его адреса не знаем.

САШОК. Не дьяволу, а тем, кто расписки писал.

ЖЕНЯ. Это же розыгрыш, блин! Нету дьявола!

САШОК. Погоди ты! Понимаете, у них может быть такие трагические обстоятельства, что пришлось душу продать. Как Фауст. У каждого может быть. А теперь они спохватились, но поздно.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Понимаю. И тут входишь ты, молодой и красивый, и говоришь приятным голосом: «Вы тут душу никому не уступали? Тогда возьмите обратно, вашу душу дьявол оборонил на улице...» Да ты понимаешь, что ты несешь!

САШОК. А я все-таки схожу. Все равно делать нечего, денег нет.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Как учил Гегель, каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает. Мне бы никогда не пришло в голову отдавать дьяволу душу.

САШОК. А мне приходило. И недавно. Если бы ко мне подвалил дьявол, когда Лариска ушла, я бы не задумываясь отдал. Да все что угодно бы отдал!

ЖЕНЯ. Ну ты-то известный псих. А у психов души не бывает — ха-ха!

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Чувствуешь: наука в лице Жени вынесла отрицательный вердикт.

САШОК. Да поймите же — у них все обошлось, все путем. А души уже нет!

ЖЕНЯ. И в чем разница? Ты скажи, есть разница? Вот у меня души нет. Это медицинский факт.

САШОК. Ты уверен?

ЖЕНЯ. А как же?

САШОК. А мне кажется, что с душой как-то лучше.

ЖЕНЯ. Вот такие душевые и попадаются! Не было бы у тебя души, не отдал бы Лариске квартиру за комнату в коммуналке.... Шучу, шучу, не надо руками махать.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Женя, не напрягай головку. Отдохни. Ты сегодня уже много думал... А тебя, Сашок, я хочу предупредить как старший товарищ. Ты вступаешь в борьбу со страшной силой. И победить ты в ней не сможешь.

САШОК. Вспомнили о своей комсомольской молодости, тетя Оля?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Наверное в этом есть что-то общее... Бессилие.

САШОК. Как в кино. Ты с гранатой, а на тебя танк...

ЖЕНЯ. Если ты пошел, я с тобой.

САШОК. Это еще что за жертва?

ЖЕНЯ. Да не жертва! Мы входим. Ты говоришь — принимай, фраер, расписку. Он тебе — мерси с вафлями, держи лимон. А если он не говорит, тут я и говорю, гони, грю, блин, лимон.

САШОК. Нет, так не пойдет.

ЖЕНЯ. Так пойми, блин, мы к вечеру, виской по уши зальемся!

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Я полностью поддерживаю Сашу. Торговать расписками такого рода — неэтично. Значит все-таки решил пойти?

САШОК. Схожу, что-ли? Все равно делать нечего.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Только не пытайся убедить меня, что отправляешься в этот бессмысленный поход от безделья.

САШОК. Отчего же?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Надо бы сказать красиво, да язык не поворачивается.

ЖЕНЯ. Трахнутый.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Сашок, оставь нам свою долю. Может мы кого-нибудь еще третьим возьмем. Надо же выпить за твой успех.

(Сашок достает деньги, передает Ольге Ивановне. Женя тянется за бумажником).

ЖЕНЯ. А я себе этот бумажник возьму, лады? Я одного жмурика знаю, в ларьке торгует, прикольные штучки собирает, хочет крутым показаться. За такой бумажник он мне пол-лимина отвалит. Импорт, черная кожа... Дай внутри погляжу. А то я уже нарывался — снаружи как у людей, а внутри «маде ин Чайна». Пошли, тетя Оля.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Я не намерена участвовать в твоих махинациях, Женя. Мне видится что-то сомнительное в том, чтобы торговать бумажником дьявола у винного ларька.

ЖЕНЯ. Он же пустой. И ничего не написано.

САШОК. Я пошел.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Иди с богом. *(Крестит Сашка).* Я конечно по воспитанию неверующая, но к концу жизни у каждого появляются сомнения.

(Они расходятся в разные стороны. Сашок читает на ходу одну из расписок. Некоторое время на сцене пусто.

Затем входит дьявол. Он осматривается. Принюхивается. Наклоняется над скамейкой. Он — собака, взявшая след. Метнулся к клумбе. Пусто. Возвращается к скамейке, проводит пальцами по тому месту, где лежал бумаражник. Подумав немного, решительно направляется в ту сторону, куда ушли Ольга Ивановна с Женей).

Картина вторая

Сашок подходит к двери, сверяет номер с распиской. Потом звонит. Звонок изображает неожиданную мелодию. Затем раздается голос Спикухина.

СПИКУХИН. *(Голос его звучит через усилитель, искаленно, от этого возникает зловещий эффект).* Вам кого?

САШОК. Мне к Спикухину. Эдуарду Сергеевичу.

СПИКУХИН. Назовите свое имя и отчество, а также дело к Спикухину.

САШОК. Я по личному делу. Вы меня не знаете.

СПИКУХИН. Кого я не знаю, принимает мой секретарь. А по личным делам попрошу в офис. Или по факсу. С десяти до пяти.

САШОК. У меня не факсовый разговор.

СПИКУХИН. Спикухин два раза не повторяет.

САШОК. Ну не хотите, не надо. Я для вас старался.

СПИКУХИН. *(После паузы).* А ты один?

САШОК. Вы же к глазку приkleенный. Видите, что не один.

СПИКУХИН. А если второй в лифте остался?

САШОК. Плодотворная идея. Остался и уехал на первый этаж.

СПИКУХИН. А я тебя не знаю.

САШОК. Вот это уже разговор. Но товарищ Дьявол вас хорошо знает.

СПИКУХИН. Тише!

(С щелчком отключается динамик. Наступает тишина. Потом начинают щелкать и звенеть замки и засовы. Дверь со скрежетом раскрывается. Мы в гостиной Спикухина. Гостиная тесно уставлена наглой итальянской мебелью, на стенах зеркала в золоченых рамках, на стене плохая, но в размере подлинника копия картины «Утро в сосновом бору». Вся комната — мечта разбогатевшего идиота. Спикухин в парчовом халате, стриженный под нуль с челкой, показывает гостю на диван.)

СПИКУХИН. Ты меня, конечно, извини, но в нашем деле нужна конспирация. Разные люди ходят. Некоторые завидуют.

САШОК. Есть чему позавидовать. Сами придумали или дизайнеров нанимали?

СПИКУХИН. Садитесь. Садитесь, господин... как вас именовать? Кофе? Виски? Мартини?

(Он делает шаг к бару, открывает его — там батарея бутылок. Начинает звучать музыка. Не ожидая ответа от гостя, Спикухин наливает из бутылки с виски по полному стакану и ставит на столик.)

СПИКУХИН. Внимательно слушаю.

САШОК. *(Достает из кармана расписку Спикухина и протягивает хозяину квартиры.)* Ваш почерк?

(Спикухин долго изучает записку, заглядывает с обратной стороны, снова читает, шевеля губами.)

СПИКУХИН. А чего?

САШОК. Подпись ваша?

СПИКУХИН. Ну вы же знаете! *(Он кидает расписку на стол, как раскаленную.)*

САШОК. *(Смелее от подобострастия Спикухина.)* Ну как же это получается? Взрослый человек. Зарабатывает, а такие бумажки раздает незнакомым людям? А если это

авантюрист? А если узнают ваши сотрудники? Неужели вам не будет стыдно?

(По мере развития монологи в Спикухине происходит перемена. Он теряет робость, наливает себе в стакан, хлопает залпом и когда Сашок замолкает, Спикухин начинает рассуждать вслух).

СПИКУХИН. Нет... не из ихней компании. Взгляд не тот... даже не знает, чем я занимаюсь... А может он из органов? Он же из органов! Слушай, ты из органов?

САШОК. Да ты что!

СПИКУХИН. Вот и видно, что не из органов. Тогда признавайся, откуда ты взял эту ксиву?

(В последних словах Спикухина звучит неприкрытая угроза. Сашок почуял опасность и хватает со стола записку. И вовремя — в следующий момент рука Спикухина уже пронеслась над пустым столом. Сашок вскакивает с дивана и отступает.)

САШОК. Так дело не пойдет.

(Он пытается пробиться к двери, но Спикухин перекрывает ему путь. В толкотне и суете опрокидывается кресло, падает ваза...)

СПИКУХИН. Урка ты! Шестерка! А ну отдай! Урою!

САШОК. Если отдам, то тем более уроешь.

(Сашок бежит к двери, дергает ее — но дверь заперта основательно. Он еле успевает ускользнуть от Спикухина и врывается в уборную, на двери которой прибит бронзовый писающий мальчик. Дверь захлопывается. Сашок упирается в нее спиной, а ногами в унитаз. Борьба переходит в стадию динамического равновесия. Спикухину дверь не взломать, а Сашку не выбраться из ловушки. Спикухин отходит от двери.)

СПИКУХИН. Тебя как зовут?

САШОК. Александром.

СПИКУХИН. Сашок, а ты где бумагу достал? Кто ее тебе дал?

САШОК. Не имею права.

СПИКУХИН. Сашок, а что ты с ней делать намылился?

САШОК. Думаю. Теперь не знаю.

СПИКУХИН. А раньше чего хотел?

САШОК. Я к тебе как к человеку шел, понимаешь? Я думал, отдашь тебе расписку, а ты мне спасибо скажешь.

СПИКУХИН. А потом?

САШОК. А потом — до свидания и прощай.

СПИКУХИН. Сколько.

САШОК. Ты что имеешь в виду?

СПИКУХИН. Сколько мое спасибо стоит?

САШОК. Вот тупой! Я к тебе как к человеку шел. Я же как нашел ее, сразу подумал — вот загремел человек к дьяволу в лапы. Надо же помочь. Мы люди, как одна семья, понял?

СПИКУХИН. Ты из гуманитарной помощи, да?

САШОК. Даже слова такого не знаю.

СПИКУХИН. И так, запросто хотел отдать?

САШОК. Ну сколько тебе повторять!

СПИКУХИН. А может ты из органов?

САШОК. Слушай, выпусти меня, ради бога.

СПИКУХИН. А бумажку отдашь?

САШОК. На что она мне сдалась! Жуй ее с маслом.

СПИКУХИН. Тогда суй под дверь.

САШОК. Чего?

СПИКУХИН. Расписку мою.

САШОК. А ты выпустишь?

СПИКУХИН. Отдашь — выпущу, не отдашь — позвоню самому товарищу Д. Пожалеешь, поздно будет. Он, прости, жалости не знает.

(Сашок задумывается. Спикухин как заточенный в клетку тигр бродит воле двери. Потом решительно идет к телефону, поднимает трубку. Из-за двери доносится голос Сашка.)

САШОК. Не хочется отдавать. Ты меня обидел.

СПИКУХИН. (Не отпуская трубку). Ну извинюсь я, блин буду, извинюсь!

САШОК. Обидел ты меня.

СПИКУХИН. Ладно, сколько?

САШОК. (После новой паузы). Десять гринов.

СПИКУХИН. Десять баксов за пустую бумажку, можно сказать за шутку? Она же фальшивая! Десять тысяч. Десять тысяч честных рублей!

САШОК. Пять баксов.

СПИКУХИН. Четыре бакса.

(Так как из-за двери не отвечают, Спикухин вынимает из кармана кипу зеленых бумажек, ищет в ней, вытаскивает одну.)

САШОК. Ну договорились?

СПИКУХИН. Держи.

(Спикухин заталкивает под дверь бумажку, в ответ оттуда выползает расписка. Спикухин откладывает крючок и отступает вглубь комнаты. Сашок выходит, разглядывая добычу.)

САШОК. Слушай, это же два грина!

СПИКУХИН. Прости, друг, не было покрупнее. Не сотню же тебе давать.

САШОК. Так дай двадцать тысяч нашими!

СПИКУХИН. Вот гляжу я на тебя и стыд к горлу подступает. Ты ж пятнадцать минут 'о своем бескорыстии распинался. Я, блин, бесплатно, блин, душу, понимаешь, хочу твою облегчить. Говорил так?

САШОК. Кем мне быть — бесплатно хотел отдать, но когда ты тянуть начал, я думаю — вот жлоб, пускай раскошелится.

СПИКУХИН. Так ругаться нельзя. Деньги ценить надо.

САШОК. Да возьми ты свои два бакса.

СПИКУХИН. Деньгами ты у меня не разбрасывайся.
(Засовывает купюру Сашку в карман.)

САШОК. Ну вот, не хотел бесплатно, получилось хуже чем бесплатно.

СПИКУХИН. Давай примем по маленькой на дорожку?

САШОК. Только по одной.

(Сашок снова садится на диван, Спикухин наливает — себе вдвое больше чем гостю.)

СПИКУХИН. За знакомство! Напугал ты меня. Я думал, что ты из органов.

САШОК. Нет, я не из органов.

СПИКУХИН. А может меня тебе заказали?

САШОК. А за что?

СПИКУХИН. Это ты прав. Наказывать меня не за что. У меня крыша... не поверишь — до самого неба! Но если ты из органов...

(Они выпивают еще по бокалу.)

САШОК. Нет, я не из органов. Я на улице его бумажник нашел. Дай, думаю помогу Спикухину, ведь даже если он сволочь, без души ему одиноко, правда?

СПИКУХИН. Я решил, что ты из органов. Вернее сначала я решил, что ты и есть товарищ Д. Только в другой форме. Проверка. А потом вижу — вроде бы из органов.

(Они еще выпивают).

САШОК. Нет, я не из органов. У меня двоюродный брат, Сеня, в милиции служит. Полковника на «Волге» возит. В Орле. Я, может, к нему поеду.

СПИКУХИН. А как ты начал говорить — где вы работаете? Где вы работаете? Значит, блин, не из органов.

(Еще выпили.)

САШОК. Ты ее сожги. Я тебе ее и принес, чтобы ты сжег. Сначала думал, может сам сожгу, потом не решился. Вдруг я сожгу, а ты от этого загнешься. Так что ты сам жги.

СПИКУХИН. Не понял.

САШОК. Сожги и свободен.

СПИКУХИН. А потом?

САШОК. И душа снова твоя.

СПИКУХИН. Давай не будем о душе, добро? Ты лучше выпей. Ты мне помог, я тебе за это заплатил. Ты деньги не потерял?

САШОК. Все путем. (*Хлопает себя по карману.*)

СПИКУХИН.. Сашок, ты мне симпатичен. Вот только одно...

САШОК. Ну хочешь, я тебе паспорт покажу!

СПИКУХИН. Не удивляй.

(Выдвигает ящик под баром, оттуда вываливает детали женского туалета, потом стопку паспортов.) Что такое паспорт? Заплатил и пользуйся. Тебе какой? Вот смотри, Мигель Сервантес — Схили.

САШОК. Чили?

СПИКУХИН. Не перебивай. Оребрин Сребринов. Македония. Еще один Мигель Сервантес — посмотри, откуда?

САШОК. Гваделупа.

СПИКУХИН. Видишь, это тебе не какая-нибудь Гватемала. Я там в круизе был. Нищета — не поверишь! Ну есть, конечно, контрасты. Хочешь тебе расскажу, как я душу отдал? Только выпьем, добро?... Во, блин, виска кончились. Наполеон будешь? Нормальный коньяк.

САШОК. А Столичной нет?

СПИКУХИН. Столичную вчера Гурген употребил. Гургена знаешь? Авторитет. Если я сказал — значит авторитет. Ты в зону ходил? Не ходил, ну и порядок, все у нас впереди. Я те все культурно объясню, ты поймешь. Я человек чистый, доверчивый, ты у любого спроси — меня на восемь кусков кинули, я к солнцевским — они включили счетчик. Молодой я был, необученный, набежало восемьдесят. Понимаешь? Мне фирму продавать? А кто возьмет? Тут Мудрило дает факс! Ты его не знаешь? Ну — ты счастливый фраер. Мудрило мне по факсу передает

— еду! Чтобы был в кантопе. Идет меня пришить — мне с ним не рассчитаться. Все! Кранты! Уже шаги в коридоре — я даже завещание оставить не успел — ох, думаю — мерс кому останется? Уж лучше бы я в школе учился, инженером стал, бедствовал бы как все, картошку сажал — и на хрен мне этот мерс? Все. Идут. Ты пей, я и сейчас переживаю.

САШОК. Мне хватит. Дел еще много.

СПИКУХИН. Тебе кто велит пить? Тебе сам Спиуха пить велит, сам Бегемот. Бандиты меня кличут бегемотом. Шутка, сечешь?

САШОК. Секу.

СПИКУХИН. Все. Кранты, а тут в дверь не они входят, а этот чернявый. Я думал — чеченец. Во — потеха! Я ему тогда говорю — ты вали, блин, отсюда, пришьют по недоразумению. А он так садится: ножка на ножку... Ты ведь его не видел?

САШОК. Почему. Мы знакомы.

СПИКУХИН. Слушай, а может ты не нашел бумажник? Может ты его свистнул? Во, даешь, кореш!

САШОК. Честное слово — нашел. Ну кем мне быть!

СПИКУХИН. Только не божитесь. Товарищ Д катего-
рически возражает.

САШОК. А я не божусь.

СПИКУХИН. Мое дело предупредить. И не перебивай. Значит, он сел и так вежливо спрашивает: вы, говорит, ждете гостей? А я понимаю — ему — чистую правду! Идут, говорю. К сожалению. А он мне говорит, я, грит, их уже задержал немного, они значит замерли, грит и ждут моего окончательного решения. А что, спрашиваю, можно сделать? Он, грит, возможны варианты. У меня небо за-
светилось в алмазах, просвет, понимаешь? Я говорю — что изволите? Я, грит, в обмен на твою паршивую жизнь могу взять твою душу. Черную, грит, душонку — и улы-
бится, кем мне быть — юморной, понимаешь? Вынимает

бумажку и бритвочку — тут я просек — обман! Он меня шить будет здесь, в кабинете! Я хотел в окно уходить, с шестого этажа, а он так спокойно: чем ты подписывать со мной договор собираешься? Я говорю — а хрен его знает, может быть чернилами? А он грит — где, грит, ты видел, чтобы договор о передаче дьяволу души подписывали чернилами, где, грит?

САШОК. Нигде. Я знаю.

СПИКУХИН. Мне терять нечего. А я спрашиваю — палец или горло? Шутка, понял? А он не шутит. Учти, он никогда не шутит, у него, пойми, нет чувства юмора, не выдали. И не пьет. Он мне палец надрезал — честно. Мы в пепельницу накапали. Я подписал — у него и ручка с пером нашлась старинная. Может, Фаберже, понял? Я подписался — а за дверью шум. А теперь, он говорит, я уйду, а они придут. Только ты не дрейфь, ты им вели отсюда выматываться. Я те гарантирую. Пожал мне руку, взял бумажку и наружу. А тут эти входят, киллеры. И стоят. А я их спрашиваю — вы чего стоите, вам чего надо? И жду — будут стрелять или что? Ведь я не до конца ему поверил.

САШОК. И они ушли?

СПИКУХИН. Они сперва выпили со мной. А потом Мудрило, он лично пришел меня мочить, садится, понимаешь и спрашивает — выпить чего будет? Я ему наливаю, а он мне говорит: нет проблем. Если что — звони, кричи, ручкой помаши — мы здесь будем. Выпили мы с ним. Его киллеры в дверях стоят, карманы оттопыренные. А этот, Мудрило. Говорит, прости, если что. И еще говорит, что виллу купил на Кипре рядом с моей, чтобы моя Клавка в гости к ним заходила, кем мне быть! В гости, говорит, пускай твоя Клавка заходит. Я ему вслед думаю — дождался один! Вот тебе!

САШОК. И что? Ушли?

СПИКУХИН. Ушли. А на Кипр они с бабой прилетали, к Клавке с визитом, — ё-мое! Девочку, говорят, нашу хотим в английский колледж со спецуклоном — что посоветуете? Ты пей, если ты не из органов, то пей.

САШОК. Спасибо, я свое уже принял.

СПИКУХИН. Ох иногда нравишься ты мне!

САШОК. Какой есть. А что ты с распиской будешь делать?

СПИКУХИН. Верну ее товарищу Д. Ты думаешь, мне жить не хочется? Извинюсь, понимаешь, скажу, недоразумение, один чудило попался, пионер всем пример!

САШОК. Страшно тебе жить, да?

СПИКУХИН. А кому не страшно?... Нет, не так говорю — не страшно мне. *(Кричит.)* Не страшно мне! Чего бояться?

САШОК. А душа?

СПИКУХИН. Слушай, Сашок, только честно, а у человека есть душа? Я в последнее время книги стал читать, журналы — видишь шкаф? Я как мимо лотка иду — всегда философию беру. Там много всего.

САШОК. И что решил?

СПИКУХИН. В основном признают все существование высшей силы. Но я-то знаю — все это шутка.

САШОК. Это ты неожиданно перевернул. А то что же ты продавал?

СПИКУХИН. А ничего я не продавал!... И вообще — тебе идти пора. Давай, канай отсюда.

САШОК. *(Поднимается, идет к двери.)* Но ведь он тебе заплатил? Заплатил? Ты до сих пор живой.

СПИКУХИН. А я может сам по себе живой.

САШОК. Я тебе не верю. И думаю, лучше сожги и живи спокойно.

СПИКУХИН. Ну, ты даешь! Так теперь даже в «спокойной ночи малыши» не призывают. Да ты разве не понимаешь, что я еще сотню тысяч набрал. И все они уже

там! На Кипре. Мне теперь одно дело провернуть, последнее, самое последнее. И я тоже на Кипр. И паспорт уже есть, только я по-ихнему не умею. Еще одно дело — и все, с концами.

САШОК. А там еще одно дело подвернется?

СПИКУХИН. А я не соглашусь. Всех пошлю и не соглашусь. Завязано! Мне бы Клавку обеспечить.

САШОК. Другие обеспечат.

СПИКУХИН. А пошел ты! (*Угрожающе бросается к нему, Сашок выскоцывает на лестницу, Спикухин высовываетя в дверь и смотрит вслед...*) Тупой ты, Сашок. И на всю жизнь бедным останешься. Я бы тебе за эту кисиву лимон отвалил... два лимона...

Хлопает дверь подъезда. Сашок ушел. Спикухинозвращается в гостиную, стоит посреди комнаты, думает. Смотрит на расписку. Потом прячет ее в карман, а сам открывает записную книжку, ведет пальцем по странице и набирает номер телефона...

СПИКУХИН. Товарищ Д? Это точно товарищ Д? А то голос не похож. Ага, точно сотовый, я не просек. Товарищ Д, это Эдик вас тревожит. Вы меня помните? Товарищ Д, тут ко мне один хмырь заходил... так точно, предлагал вернуть? Вернул...

Картина третья

Квартира Дарьи Павловны.

ПАВЛИК. Моей супруги нет дома. Но с минуты на минуту... Если вас не затруднит, не будете ли вы так любезны снять верхнюю обувь? Дарья Павловна очень бережет паркет. Вы простите, пожалуйста...

(Он говорит это, выглядывая в коридор, который нам не виден.)

ПАВЛИК. Да, да, вот эти тапочки можно. Это мои тапочки. Заходите, с минуты на минуту...

(Сашок входит в тесно уставленную антиквариатом комнату. Если помещение Спикухина было венцом современного барочного египетско-румынского великолепия, то у Дарьи Павловны вещи старинные, но разностильные. И с первого взгляда понятно, что муж здесь не хозяин. У него есть свой уголок — там, у окна, стоит столик, на нем пишущая машинка, стопка книг и бумаги.)

ПАВЛИК. Хотите чаю? Я мигом сделаю.

САШОК. Нет, спасибо. А она в самом деле скоро придет? А то мне некогда.

ПАВЛИК. Да-да. Очень скоро...

(Сашок садится, а Павлик проходит к своему столику, садится за него, хочет вроде бы вернуться к работе, потом спохватывается, вскакивает и с листом бумаги в руках возвращается к Сашку.)

ПАВЛИК. Значит вы... простите, не знаю вашего имени-отчества...

САШОК. Александр.

ПАВЛИК. Очень приятно. Павел Сергеевич. Очень приятно. Если вы курите, то курите, не стесняйтесь. Дарья Павловна курит. Вы по делу?

САШОК. По делу. А что ваша Дарья Павловна делает?

ПАВЛИК. Делает? Странный вопрос... вы давно знаете Дашу? Дарью Павловну?

САШОК. Нет, я же по делу.

ПАВЛИК. Конечно же, конечно. Извините, вы говорили.

(Он идет к машинке, кладет возле нее лист бумаги. Берет другой, оглядывается на Сашку. Потом раздраженно бросает лист на стол.)

ПАВЛИК. Сумасшедший дом! Истинно сумасшедший дом. Я ничего не понимаю!

(Он подходит к телефону, нервно набирает номер. Ждет ответа. Потом бросает трубку, словно она раскаленная. Идет к окну, стоит, смотрит во двор, барабанит по стеклу пальцем. Оборачивается к Сашку, который с интересом наблюдает за ним.)

ПАВЛИК. Простите, ради бога. Простите.

(Снова идет к телефону, снова набирает номер. На этот раз прокашлявшись, решается.)

ПАВЛИК. Это ты, Сонечка?.. Да, это я, твой папа. Ты уже из школы пришла... А по русскому спрашивали? А по математике? Ну почему же тройка! Не может быть, чтобы тройка. Я думаю, что Мария Степановна к тебе несправедлива... А мамочка дома? На работе? Конечно же, на работе. Я задаю совершенно глупые вопросы... Конечно. Сонечка, я еще в командировке. Да, я по междугороднему звоню... Нет, бывают такие звонки, когда кажется, что не по междугороднему, а на самом деле по междугороднему. Я же с автомата звоню!... Нет, не надо, только, пожалуйста, не плачь. Сонечка, я тебя умоляю!... Ну вот и моло-дец. Конечно же, позвоню... И мамочке позвоню... Ты, на-верное, голодная? Согрей себе котлетку... До свидания. Только обязательно согрей котлетку...

(Павлик осторожно кладет на место трубку. Оборачивается, вспоминает о Сашке.)

ПАВЛИК. Простите, это личное... Вам неприятно слышать?

САШОК. Мне что... я же по делу... А что, дочка ваша?

ПАВЛИК. Дочка. Сонечка. Нет, ничего не говорите! Я буквально ничего не понимаю. Как будто кошмарный сон.

САШОК. В каком смысле не понимаете?

ПАВЛИК. Я отказываюсь понимать, что со мной происходит! Я готов повеситься. Честное слово, я не преувеличиваю. Вчера я взял бюллетень, потому что я более не в силах глядеть в глаза моим коллегам.

САШОК. Может, к экстрасенсу обратиться? Я слышал, они помогают. Или иглоукалывание.

ПАВЛИК. Спасибо за совет. Вы очень добры... Мне никто не поможет! Потому что я подлец! Нет, не возражайте! Я подлец! Я бросил Сонечку и Оленьку, я оставил Викторию, которая буквально ангел. Она мне не сказала ни одного бранного слова. Но почему? Почему так произошло? Ответьте мне, вы умный, интеллигентный человек, ответьте!

САШОК. Ну вы тут преувеличиваете... Я же не в курсе.

ПАВЛИК. Я сам во всем виноват. Да, я виноват! Я увлекся Дарьей Павловной. Дающей. Но мое увлечение оставалось в рамках, простите, банального служебного романа. Разве я мог предположить, что это так кончится?

САШОК. Чего кончится?

ПАВЛИК. Что я уйду из дома, что я брошу девочек и Викторию, что перееду по доброй воле в этот кошмарный дом! Вы только посмотрите вокруг! Разве нормальный человек может существовать в этой атмосфере неудержанной наживы и хапужничества?

САШОК. Бывает хуже.

ПАВЛИК. Хуже не бывает! Но вы мне все-таки ответьте! Почему я это сделал? Почему я здесь живу? Почему я должен мыть руки шесть раз в день и носить егерское белье?

САШОК. Чего носить?

(Павлик засучивает штанину и показывает край кальсон.)

САШОК. А может, вам обратно вернуться? Ваша Виктория покричит, покричит и успокоится. Жены всегда обратно принимают. Дело житейское.

ПАВЛИК. Вы не представляете себе Викторию! Она никогда не кричит. Она всегда молча терпит. Она рыдает ночами. Я представляю, как она укладывает наших девочек и потом, когда они заснут, плачет над их кроватками.

(Голос Павлика дрожит, он смахивает слезу.)

САШОК. Как говорил Гегель, каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает, слыхали?

ПАВЛИК. Это Гегель?

САШОК. Говорят, Гегель.

ПАВЛИК. Очень точно! Именно в мой адрес. *(Он всхлипывает).* Извините, нервы.

САШОК. Теперь у всех нервы. Нитратов много в овощах. Я сейчас у одного человека был, бык-быком, а тоже на нервы жалуется.

ПАВЛИК. Как паровоз по рельсам. Как будто меня несет какая-то дьявольская сила. Даю вам слово, что еще за день до трагедии я ни сном ни духом не намеревался покинуть Викторию.

САШОК. Говорите, дьявольская сила?

ПАВЛИК. Вот именно. Я не давал себе отчета. Я пришел домой. Хотел смотреть сериал по телевизору, а вместо этого черт меня понес. И я говорю Вике: Сообщи детям, что я нашел свое счастье с другой женщиной. Но я же не хотел этого говорить!

САШОК. И давно это случилось?

(Он достает из кармана расписку и разворачивает ее.)

ПАВЛИК. Больше месяца назад... Нет, меньше месяца! Это было шестого. Шестого в двадцать часов двадцать минут. Часы висели над головой. Двадцать часов и двадцать минут. Я запомню это на всю жизнь!

САШОК. Шестого мая?

ПАВЛИК. Угу.

САШОК. Пятого она подписала. Подписала и на следующий день получила. Вот дела!

ПАВЛИК. Вы о чем?

САШОК. Она вас полюбила, да?

ПАВЛИК. Кто?

САШОК. Дарья Павловна. Даша.

ПАВЛИК. Она мне об этом говорит каждый день.

САШОК. А вы счастья не нашли?

ПАВЛИК. Никакого счастья!

САШОК. А как женщина? Ну, в постели, она вас радует?

ПАВЛИК. Товарищ Александр, не будем об этом! Я стараюсь. Если я живу с женщиной в одной, простите, кровати, то что мне остается. Я стараюсь. Но это меня морально разрушает!

(Слышно как хлопает дверь. В комнату входит Дарья Павловна. Сашка она еще не видит.)

ДАША. Павлик! Ты скучал без меня?

(Тут она замечает Сашка.)

ДАША. Это что за номер? Телевизионный мастер, да? Я вас на ту неделю вызывала.

САШОК. Мне поговорить надо. По личному вопросу.

ДАША. Погоди!

(Она подходит к мужу, берет в ладони его лицо, вглядывается в глаза.)

ДАША. На тебе лица нет. Буквально нет лица. Ты опять переживал? Эта гадюка опять звонила?

ПАВЛИК. Никто мне не звонил. Мне сюда никто никогда не звонит.

ДАША. Молчи, по глазам вижу, что звонила. Так что в следующий раз ты скажи ей, что если будет телефон обрывать, я ей ноги из задницы выдеру! Ясно?

ПАВЛИК. Честное слово, они ни разу не звонила!

ДАША. Значит еще хуже — ты сам звонил!

(Она подходит к резному буфету, открывает его, там обнаруживается множество лекарств. Она вытаскивает несколько бутылочек и упаковок.)

ДАША. Сейчас выпьешь успокаивающего. Принеси воды. Только кипяченой.

(Павлик покорно идет на кухню.)

ДАША. Что за личное дело? Быстро.

САШОК. У меня есть для вас записка...

(Возвращается Павлик.)

ДАША. Открой рот.

(Тот покорно открывает рот. Даша засыпает в рот таблетки.)

ДАША. Запивай. Все проглотил? За щекой не оставил? Дай-ка пощупаю. А то потом выплюнешь. Я тебя, котик, уже всего изучила. Вчера смотрю в унитазе две таблетки лежат. Фээргевские, представляете?

ПАВЛИК. Я все проглотил.

(Даша ловко сжимает пальцами щеки Павлика, так что тот открывает рот, и по-вороньи заглядывает внутрь.)

ДАША. Молодец.

(Она обнимает Павлика и прижимает к себе. Страстно целует его.)

ДАША. Я хочу тебя, мое счастье!

(Сашок закашлялся, напоминая о себе.)

ДАША. *(Отпускает Павлика.)* Ты еще здесь? Ладно. Павлик, иди в спальню, и ложись. Я проверю. У тебя мертвый час.

ПАВЛИК. Даша, мне надо обязательно кончить статью.

ДАША. Не будешь же ты печатать, когда мы разговариваем! Иди спать. Иди, мое солнышко.

(Павлик уходит.)

ДАША. Ну, выкладывай, быстро.

САШОК. Я по поводу расписки. Той самой, которую вы дали товарищу Д.

ДАША. Что? *(Подбегает к двери, закрывает ее, потом говорит почти шепотом.)* Что? Что-нибудь неправильно? Если что, я перепишу.

САШОК. Нет, все в порядке, не волнуйтесь. Я ее вам обратно принес.

ДАША. Как так принес?

САШОК. Нашел на улице и принес. Чтобы вы ее уничтожили.

ДАША. Зачем уничтожила?

САШОК. Ну чтобы это самое... чтобы душу спасти.

ДАША. Шутишь, что ли?.. Ага, я знаю откуда ты!

САШОК. Нет, я не из органов.

ДАША. Из каких таких органов? Ты от этой гадюки! От Вики! Как она узнала? Ну? Пришибиу!

САШОК. Хватит меня пришибать. Все сразу — пришибать. Я сам по себе. Я пришел вам помочь. Вы даже не представляете, как это опасно — вы же теперь остались без души. И это видно.

(Сашок показывает в сторону двери.)

ДАША. Нет, голубчик, не провоцируй меня. Обратного хода не будет! Я на жертвы пошла. Я отдала свою душу ради простого человеческого счастья! Ради того, чтобы сделать одного дорогого мне человека счастливым. И учтите, Павлика я никому не отдам. Я его на ключ запру, я ему, если надо, глаза выколю. Но не отдам! Я его обогрел, одела, отмыла — ты не представляешь, каким запущенным он мне достался. Так что катись отсюда, голубчик, со своими гнусными предложениями.

САШОК. Внесем ясность. Я теперь понимаю, что вы обменяли свою душу за Павлика. И думаете, что сделали его счастливым.

ДАША. Может, он это еще не всегда понимает. Но поймет.

САШОК. Ничего он не поймет, только с ума сойдет. Неужели вы не видите, что вы его в тюрьму взяли? Что он несчастный, даже плачет. Он своей Сонечке звонит, про уроки спрашивает.

ДАША. Чего! Сонечке звонит! Тайком от меня? Он же мне обещал!

(Даша бросается к спальне. Но Павлик уже вышел и стоит босиком в дверях.)

ПАВЛИК. Ты мне хотела что-то сказать?

ДАША. Я хотела тебе сказать, что ты низкий предатель. Что ты не ценишь любви! Что ты ничего не понимаешь — я отдала тебе душу и тело.

САШОК. По части тела, это наверное правда, а вот душу она отдала не вам...

ДАША. Молчать! Убью!

(Даша хватает со стола торшер и как фурия несется на Сашка. Тот отпрянул, отступает к двери.)

ПАВЛИК. Дашенька! Не волнуйся! Тебе вредно! Молодой человек, уходите!... Мы сами разберемся...

ДАША. Убью! Грабитель!

(Сашок ретириуется. Он стоит на лестнице перед входной дверью в квартиру. Размышляет. Перебирает листочки.

САШОК. Может хватит? Если расписались, значит им так хотелось... А может еще одну попробовать? Ведь есть же человек, который раскаялся, мучается, а я приду и скажу — вот ваше спасение... Ну, ладно, в последний раз!

(Сашок уходит. Через несколько секунд дверь осторожно приоткрывается, в нее высовывается голова Дashi с телефоном в руке.)

ДАША. Нет, ушел уже... Лет за тридцать, среднего росточка, в джинсовом костюме, поношенном, совершенно не производит никакого впечатления. Ну что вы, я сразу доложил... как можно, я понимаю, что испытание! Надеюсь, я его выдержала? С честью? Ну, слава... нет, нет я не произношу этого слова, только когда волнуюсь. Слышаюсь, сразу доложу!

(Дверь захлопывается.)

Картина четвертая

Квартира современная, как говорится, после «евроремонта». Итальянская мебель, палас, на стене нечто купленное на Верни- саже, но во всем — беспорядок. Господин Нечипоренко собира- ется за рубеж. Господин Нечипоренко пытается закрыть че- модан, он уж и прыгает на нем и садится, и тянет на себя.

НЕЧИПОРЕНКО. Кисуля! Кисуля, помоги мне, ангел мой!

(Лариса отзыается из кухни.)

ЛАРИСА. Иду, моя пташка! Только курочку поставлю в гриль.

(Звонит телефон).

НЕЧИПОРЕНКО. Меня нет дома!

(Телефон перестает звонить. Нечипоренко замирает. Из кухни кричит Лариса, которая там взяла отводную трубку.)

ЛАРИСА. Тебя Матвей Фомич.

НЕЧИПОРЕНКО. Матвей Фомич, как приятно слы- шать твой голос! Да, вот собираюсь, готовлюсь... Присяду на дорожку, обязательно присяду. Ну что ты, я вообще почти не употребляю... шутишь, Матвей, у меня молодая жена красавица, расстаюсь с ней — с болью в сердце... А может у тебя будут пожелания? Как отсталая страна? Там камешки есть, очень неплохие камешки. Меня они не ин- тересуют, а тебе могли бы пригодиться? Ну как хочешь. Буду помнить, буду, ты тоже молись. Спасибо. Ты не представляешь, с каким чувством внутреннего удовлетво- рения я принимаю твои сердечные напутствия!

(Кидает трубку на рычаг.) Какая сволочь! Он же на место министра связи с Западом метит! А ведь инструкто- рами в соседних райкомах работали. Комса, молодая, чистая...

(Набирает номер.)

НЕЧИПОРЕНКО. Виктор? Это я, Семен. Слушай, мне эта сволочь Матвей позвонил. Скажи, что ему от меня нужно? Ты так думаешь? Так вот, ты будешь в Парламенте? Подойди к нему так незаметно... ну ты умеешь. Подойди и скажи — чтобы под Нечипоренку не копать. Он тоже копнуть может. И пускай Матвей со своей сраной фракцией и не пыжится! Он не представляет, какая у меня крыша! Я не сегодня-завтра буду президентом. А что? Нет, я не задаюсь. Я рассуждаю трезво. Какая сейчас ведущая идея? Идея — национальная! Кто сейчас нужен? Патриот. А кто первый патриот — я, мой голубчик, я! Да ты не рассуждай, не рассуждай, ты подойди так тихонечко к Матюше и скажи — Сеня велел кланяться. Ну лады, лады. Я тебе камушки привезу. Там, говорят, дешевые опалы. Нет, я икру беру, они там на икру хорошо клюют. Водка наша уже не в моде. Нет, не беспокойся, привезу. Высшего сорта. Так что я тебя оставляю так сказать в лавке. Чтобы все было как штык!

(Вешает трубку. Он устал. Закуривает.) Никому нельзя верить.

ЛАРИСА. (Выглядывает из кухни). Сейчас цыпленочек будет готов. Две минутки. Да не тебе лица нет.

НЕЧИПОРЕНКО. Ты мне лучше помоги чемодан застегнуть.

(Они наваливаются на крышку чемодана вдвоем.)

НЕЧИПОРЕНКО. И кому это нужно? И смокинг, и причиндалы!

ЛАРИСА. Ты теперь — государственная фигура, мой кисонька. Терпи. Я тоже буду терпеть.

НЕЧИПОРЕНКО. Да держи ты, размазня! В президентши намылилась?

ЛАРИСА. А то что? Могу и получше найти. Ты же знаешь, меня президент Неустройбанка вчера на презентации за ляжки хватал.

НЕЧИПОРЕНКО. Это ты всерьез?

(Потом они стараются застегнуть чемодан так, что получается нечто вроде танца под разговор.)

ЛАРИСА. Еще как всерьез.

(Раздается звонок в дверь.)

НЕЧИПОРЕНКО. Это ко мне, от Сидорова. Ты иди на кухню.

(Лариса уходит. Чемодан сразу открывается. Какие-то книги, бумаги выползают наружу. Нечипоренко бросается было ловить их, потом машет рукой и спешит к двери. Входит Сашок.)

САШОК. Я к вам на минутку.

НЕЧИПОРЕНКО. И без тебя знаю, что не обедать. Принес?

САШОК. Принес. А он вам уже звонил?

НЕЧИПОРЕНКО. Звонил, еще утром звонил. За мной вот-вот машина придет, а тебя все нету. Где?

САШОК. *(Хлопает себя по карману.)* Вот здесь.

НЕЧИПОРЕНКО. Сколько же их там у тебя? Я десяток банок заказывал.

САШОК. Банок?

НЕЧИПОРЕНКО. Десять банок свежайшей черной икры, спецпосола, в подарок от Сидорова. Ну что ты устался как баран на новые ворота? Некогда мне с тобой рассиживаться. За мной сейчас машина придет.

САШОК. Не знаю я Сидорова. В глаза его не видел. Я другое имел в виду.

НЕЧИПОРЕНКО. Черт знает что! Это уже граничит с издевательством! У меня нет ни одной свободной минуты, а ты приходишь неизвестно с чем.

САШОК. Я в ваших интересах пришел.

НЕЧИПОРЕНКО. В моих интересах взять у тебя десять банок икры и успеть к самолету.

САШОК. И куда самолет?

НЕЧИПОРЕНКО. В Нью-Дели с пересадкой до Бутана. Меня ждет общественность этого небольшого, но свободолюбивого государства.

САШОК. Я не от Сидорова. Я по делу товарища Д.

НЕЧИПОРЕНКО. В каком смысле... под Делу Товарища Д? Вы хотите сказать, что его... того? А вы подумали, что скажут деръемократические газеты?

САШОК. Ничего не случилось с вашим товарищем Д. Гуляет на свободе.

НЕЧИПОРЕНКО. Мне он с самого начала не понравился. Что-то в нем не наше, вы меня понимаете.

(Нечипоренко, размышая, расхаживает по комнате, поглядывая на Сашка, потому что еще не решил, как себя вести.)

САШОК. Зачем же вы расписку подписывали? Крови своей не пожалели?

(Нечипоренко кладет на телефон подушку с дивана.)

НЕЧИПОРЕНКО. Я буду с вами предельно откровенен. Я не знаю никакого товарища Д. Я никогда не имел счастья встречать товарища Д. Я даже не расстояний не видел товарища Д... Я не понимаю, что меня, депутата Государственной Думы от Христианско-национального союза может связывать с каким-то товарищем Д?

САШОК. Настоящий депутат? Так вы за душу депутатскую получили?

НЕЧИПОРЕНКО. Во-первых, я уже был депутатом. Во-вторых, я выполнил свои обязательства перед товарищем Д. Ко мне не может быть претензий.

САШОК. А он чего-то просил?

НЕЧИПОРЕНКО. Никто ничего у меня не просил.

(Телефон начинает звонить из-под подушки.) Меня нет дома! Никому!

(Телефон перестает звонить. Слышен голос из кухни, но трудно разобрать, что там говорят.)

САШОК. И не переживаете?

НЕЧИПОРЕНКО. В каком смысле?

САШОК. Что без души остались? Все-таки народный избранник, да еще от христианско-национальной партии. Вам без души никак нельзя!

НЕЧИПОРЕНКО. Тшшш! У меня жена такой ранимый человек! Она может услышать... это ее погубит. Даже предстоящая разлука со мной для нее невыносимая травма.

САШОК. Ну вот, все-таки переживаете. Наверное вы не потерянный человек, если о других думаете.

НЕЧИПОРЕНКО. Я всегда о других думаю. Я профессионально о других думаю. Но мне нечего скрывать. Я русский человек с большой буквы.

САШОК. Вот и замечательно. Значит я по правильному адресу пришел. У меня для вас большая радость

НЕЧИПОРЕНКО. Еще чего не хватало!

САШОК. Вы душу продавали?

НЕЧИПОРЕНКО. Тише!

(Из кухни доносится голос Ларисы.)

ЛАРИСА. У меня все готово!

НЕЧИПОРЕНКО. Подожди. У меня конфиденциальный разговор.

САШОК. Кто у вас там?

НЕЧИПОРЕНКО. Жена. А что?

САШОК. Голос знакомый. Ладно, вернемся к нашим баранам. Вы душу продавали?

НЕЧИПОРЕНКО. Никогда! Я ее уступал из благородных побуждений.

САШОК. Вот она ваша душа, держите.

(Неверными движениями Нечипоренко отыскивает на диване пиджак, достает из кармана очки, надевает их и начинает читать расписку. Руки его трясутся.)

НЕЧИПОРЕНКО. А где печать? Здесь не печати.

САШОК. Разве вам мало? Ваша расписка? Тогда берите.

НЕЧИПОРЕНКО. То есть как так берите?

САШОК. Берите, а то уйду.

НЕЧИПОРЕНКО. И что я вам за это должен?

САШОК. Спасибо.

НЕЧИПОРЕНКО. Товарищ, каким образом эта грязная писулька попала к вам в руки?

САШОК. Самым простым. Шел по улице, увидел бумажку, отнес хозяину.

НЕЧИПОРЕНКО. Возьмите ее и никогда больше не подсовывайте мне фальшивок. Я же знаю, что это работа Матвея.

САШОК. Да не знаю я Матвея.

НЕЧИПОРЕНКО. Тогда еще хуже — демократов? Признавайтесь, чья это провокация?

САШОК. Делайте вы что хотите, а я пошел.

НЕЧИПОРЕНКО. Стойте! Должен ли я вас понимать в том смысле, что вы не от товарища Д? И не от Матвея? И не от Гайдара? Правда ли, что вы заявились сюда по собственной инициативе?

САШОК. Все. Я пошел.

(Нечипоренко замерев смотрит на то, как Сашок идет к двери.)

НЕЧИПОРЕНКО. Гражданин, вернитесь! Вы забыли здесь свою бумаженцию!

САШОК. Это же ваша бумаженция. Можете анализ крови сделать.

НЕЧИПОРЕНКО. Вы меня неправильно поняли. Я вам уже ясно выразился. Я — член центрального комитета христианско-националистической партии и член думской комиссии по культурам, достаточно ясно сказал, что все написанное в этой бумажке — чепуха. Ха-ха — че-пу-ха!

САШОК. А чего написано?

НЕЧИПОРЕНКО. Провокатор!

(Сашок идет к двери, Нечипоренко догоняет его и пытается всучить ему расписку, Сашок сопротивляется.)

(Так они и борются в дверях как семья Лажонов. В этот момент в комнату входит Лариса. Увидев, что его жена в комнате, Нечипоренко отчаянным усилием заталкивает бумажку в карман Сашку, а сам отскакивает обратно. Лариса конечно же сразу же узнает Сашка.)

ЛАРИСА. Сашок? Что ты здесь делаешь?

САШОК. Да так... зашел, под делу.

ЛАРИСА. Выслеживал, да? Ревнуешь, поганец? Думаешь, откупаться буду?

(Нечипоренко хватается за сердце и пошатывается.)

НЕЧИПОРЕНКО. Я ничего не понимаю. Мне плохо! У меня приступ ишемической болезни сердца!

ЛАРИСА. В спальне, в моей тумбочке валидол. Пойди, положи под язык, пройдет.

НЕЧИПОРЕНКО. Нет, сначала пускай он убирается вон!

ЛАРИСА. Он у меня как миленький уберется!

(Нечипоренко уходит в другую комнату.)

ЛАРИСА. Ну что, не ожидал? Думал, что я такого же как ты плебея выберу? Это с моими-то внешними данными! Ты что забыл, что я в Таганроге на конкурсе красоты вице-мисс была? Как ты опустился! Выслеживать любимую женщину!

САШОК. Ничего ты не поняла, Ларка. Я знал, что у тебя муж, но не интересовался. Ты же все равно отрезаный ломоть. На что мне?

ЛАРИСА. На то, чтобы шантажировать мое счастье.

САШОК. Шантажировать? Лариска, ты же меня знаешь!

ЛАРИСА. Но если не шантажировать, то зачем? Зачем приперся?

САШОК. У меня было личное дело. К господину Нечипоренко. Вот и пришел.

ЛАРИСА. Что же это, прости, за дело, если ты внешне здорового человека довел до сердечного приступа? А что

если врачи его снимут с самолета? Ты что не понимаешь на что пришлось Сене пойти, чтобы получить государственный визит на уровне министра? Ты подумай, кому в Бутане нужны наши националисты? Ты не представляешь какой титанический мы совершили с Сеней? Одних презентаций около сорока! А ты... из жалкой ревности! Ну зачем ты так низко пал, Сашок?

САШОК. Честное пионерское слово. Под салютом всех вождей — помнишь, так меня бабушка учила?

ЛАРИСА. Ты свою покойную бабушку не тронь. Она настоящей пионеркой была! А ты докатился до банально-го шпионажа. Любишь, что ли?

САШОК. Кого? Тебя?

ЛАРИСА. Значит любишь... Нет, не любишь! Любил бы — не пил! Любил бы — устроился на хорошую работу. Не разрывал бы мое сердце! Ты думаешь, я от тебя по доброй воле ушла? Да ты своим поведением толкнул меня к этому трагическому поступку!

САШОК. Да не люблю я тебя! Ушла — и слава богу. Я как раз собрался новую жизнь начать. Только без тебя.

ЛАРИСА. Не любишь?

САШОК. Не люблю.

ЛАРИСА. А раньше что говорил?

САШОК. Раньше любил.

ЛАРИСА. И ничего в твоем сердце не осталось?

САШОК. Ты пойми — я к твоему Сене пришел, а не к тебе. Я и не знал, что ты здесь теперь живешь. И не интересовался. Я к нему пришел!

ЛАРИСА. Какие могут быть дела у почти бомжа к члену парламента и будущему президенту!... Ага, ты от Сидорова! Ну от того, который взятки черной икрой дает! Неужели нанялся разносить?

САШОК. Бери выше. Я разносчик, но у такого хозяина, что ты умерла бы от зависти.

ЛАРИСА. Нет, опять врешь. Если бы ты у Сидорова работал, то с утра на лавочке бы не ошиваясь, рубли бы не стрелял.

САШОК. Сказать тебе? Честно?

ЛАРИСА. Честность — лучшее оружие!

САШОК. Я от товарища Д.

ЛАРИСА. Это еще кто такой?

САШОК. А в вашей семье в нем никогда не говорили? Подумай хорошенько. Неужели от тебя скрывают такие знакомства?

(Нечипоренко возвращается в комнату.)

НЕЧИПОРЕНКО. Я все слышал! Не впутывайте Ларису в свои грязные интриги. Она в самом деле никогда ничего не слышала о товарище Д. Лариса — женщина сильных и чистых чувств.

САШОК. Это как так?

ЛАРИСА. Ты всегда был подлецом. Сеня, молчи, он все равно не поймет.

НЕЧИПОРЕНКО. Мне все известно. Мне известно, что вы были тем камнем на ларисиной шее, который тянул ее все дальше, вниз. Теперь, когда она избавилась от камня, вы нашли ее. Деньги? Вам нужны деньги?

ЛАРИСА. На что ему деньги? Он все пропьет.

НЕЧИПОРЕНКО. Сколько вам нужно? Только учтите, что все мои деньги я зарабатываю честным путем, у нас с Ларисой каждый доллар на счету. Я не могу подвести моих спонсоров. Но ради спасения счастья нашей семьи я готов вам заплатить.

(Он обнимает Ларису за плечи и тянет к себе. Лариса сопротивляется.)

САШОК. И сколько стоит счастье вашей семьи? Мне только что в одном доме за это лимон предлагали.

НЕЧИПОРЕНКО. Лариса, он сошел с ума!

САШОК. Ну вот, оказывается, что Лариска этого не стоит.

НЕЧИПОРЕНКО. Чувствами не торгую!

САШОК. Ну не съездите разок в этот ваш Непал...

НЕЧИПОРЕНКО. Бутан!

САШОК. А деньги мне отдадите...

НЕЧИПОРЕНКО. Вы ничего не понимаете! Для нашего движения принципиально важно укрепить сейчас союз со здоровыми силами в Бутане!

САШОК. Лариска, он за тебя и рубля не даст!

НЕЧИПОРЕНКО. Вон! Вон отсюда, пока я не вызвал милицию! Вы не представляете, какие у меня связи!

САШОК. Значит, записку оставляем у меня? Ну и бог с вами. Только я должен предупредить тебя, Лариска, что ты связалась с человеком, у которого нет души. Продал он душу!

ЛАРИСА. Я сюда не за душой пришла. Мне человек нужен!

НЕЧИПОРЕНКО. Я категорически отрицаю существование души, как объекта купли и продажи. Еще в бытность мою инструктором горкома...

ЛАРИСА. Сеня, ты переутомился.

НЕЧИПОРЕНКО. Я вообще никогда и ничего не про-даю. Я не склонен вступать в темные сделки. Вы забываете, что я народный избранник!

САШОК. Типичный клиент для дьявола.

ЛАРИСА. При чем здесь душа? При чем здесь дьявол? Сеня, ты можешь мне объяснить?

НЕЧИПОРЕНКО. Не бойся, дорогая, я тебя не отдашь этому подонку!

САШОК. Ну я пошел. Расписку куда отдадим? На телевидение или в газету «Совершенно секретно»?

НЕЧИПОРЕНКО. Куда угодно! Мы будем смеяться вам в лицо. Вот так: ха-ха-ха!... Лариса, у тебя курица горит? Неужели ты не чувствуешь?

ЛАРИСА. Да пускай она горит синим пламенем! Я хочу знать, что здесь происходит?

НЕЧИПОРЕНКО. Ничего не происходит. Я не позволю тебе устраивать свидания с бывшими мужьями в моей квартире.

ЛАРИСА. Я устраиваю свидания с кем хочу и тебя не спрашиваю. Кстати, эта квартира наполовину моя!

НЕЧИПОРЕНКО. Так... а может ты вышла за меня из-за денег? Может быть ты — часть этого злодейского заговора?

(Дым заволакивает комнату.)

ЛАРИСА. А из-за чего? Из-за твоих прекрасных глаз, что ли? Тоже мне, хахаль нашелся! Маленький гигант большого секса!

НЕЧИПОРЕНКО. Я не вернусь к тебе из Бутана!

ЛАРИСА. И не старайся. Меня ты здесь не найдешь!

САШОК. Я пойду, плиту выключу, ладно? *(Уходит на кухню.)*

НЕЧИПОРЕНКО. О, я наивный человек! Я пошел на сделку с собственной совестью ради министерского кресла. Для тебя, ведьма, для тебя!

ЛАРИСА. Врешь! Как всегда врешь! Всю жизнь врал. Я тебе нужна, чтобы по презентациям таскать! А будет выгодно, ты меня в постель бандиту подложишь.

НЕЧИПОРЕНКО. Я все понял — это у тебя нет души!

ЛАРИСА. Даже не знаю, чем ты еще не торговал!

(Звонит телефон. Но звонит странно, как звонок в квартиру.)

САШОК. *(Из кухни.)* Открыть?

НЕЧИПОРЕНКО. Всем стоять! Это Он звонит. Это его звонок!

ЛАРИСА. Не подходи. Я с тобой разговариваю. Потом пускай перезвонит.

(Нечипоренко поднимает трубку.)

НЕЧИПОРЕНКО. Депутат Нечипоренко у телефона... Так точно, он здесь! Я как раз хотел выразить вам свое мнение — я крайне удивлен, как могло случиться,

что совершенно конфиденциальная информация просочилась к некомпетентным людям?... Какое испытание? Меня не надо испытывать! Моя преданность не вызывает сомнения.

(Сашок входит из кухни и слушает разговор.)

Но что мне теперь делать? Как так ничего не делать? Меры принятые? Понял... Я на вас надеюсь... Нет, никакие сомнения меня не посещали. Ну как можно! До встречи в Бутане? Вы и там будете?... Спасибо, вы сняли такой груз с моей души... ха-ха, конечно же, не с моей, а с вашей!

(Положив трубку, продолжает, обращаясь к слушателям.)

НЕЧИПОРЕНКО. Вот все и обошлось. Вот и ладушки.

(Лариса рыдает на диване.)

ЛАРИСА. Не подходи, убью!

НЕЧИПОРЕНКО. Это нервы, моя кисочка. Но ты и меня должна понять. Я на взводе — через час машина, самолет ждать не будет... а тут такое нелепое событие. Лариса...

САШОК. Я пошел?

НЕЧИПОРЕНКО. Вы еще здесь, молодой человек?

САШОК. Значит, она вам больше не нужна?

НЕЧИПОРЕНКО. Вы кого имеете в виду? Если Ларису, то мы и без вас разберемся, Дон Жуан доморошенный!

САШОК. Вы отлично знаете, что я не Ларису имел в виду. Что вам Лариса — нужно будет, смените ее на другую кисочку или зяблика. А вот второй расписки не будет. Душа у человека одна. Она дается ему только раз в жизни.

НЕЧИПОРЕНКО. Философия вам не к лицу. Небось, ПТУ кончали?

САШОК. Нет, десять классов одолел.

ЛАРИСА. Не слушай его, Сеня, его со второго курса университета выгнали.

САШОК. По-моему, супруги помирились. У тебя на кухне все выгорело.

ЛАРИСА. Сеня, я сделаю тебе бутерброд с колбасой.
(Убегает на кухню.)

НЕЧИПОРЕНКО. Идите, идите, рыцарь. Вас уже ждут.

САШОК. Где ждут? Внизу или в подъезде?

НЕЧИПОРЕНКО. Где нужно, там и ждут.

САШОК. А что? Может даже интересно. Встретимся, поговорим. (Идет к двери.)

НЕЧИПОРЕНКО. Я вам не завидую.

САШОК. В худшем случае расстанусь с телом. Душу прибережем. А вам уже торговать нечем.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина пятая

Шашлычная на открытом воздухе. Круглые столики под белыми с красным зонтами, реклама «Кока-колы», «Мальборо», «Употребляйте ксилит без сахара». Посланец Сидорова с дипломатом, в котором лежат банки с икрой, сидит за столиком и пьет пиво. За другим столом две молодые женщины. В сторонке стоит телефон-автомат. В нем Тамара. Входит Сашок. Он нервничает, оглядывается. Он ждет встречи с дьяволом и трепещет перед ней. За стойкой вялый молодой человек в красной футболке с надписью «Мальборо». Сашок подходит к стойке.)

САШОК. «Жигулевское» есть?

БАРМЕН. Не держим. Могу предложить «Баварию» или «Гиннес».

САШОК. На два бакса!

(Бармен открывает бутылку и пододвигает к Сашку, не скрывая своего презрения. Тамара выходит из будки, роется в сумочке. Сашок смотрит на нее. Тамара обращается к бармену.)

ТАМАРА. Простите, у вас жетона для телефона не будет?

БАРМЕН. Не держим.

Сашок перегибается через стойку.

САШОК. А там разве не жетоны?

БАРМЕН. Не суйтесь, гражданин, куда не просят.

(Сашок хватает один жетон, передает Тамаре.)

САШОК. *(Бармену.)* Это как раз моя сдача.

БАРМЕН. Вот позову сейчас милицию!

САШОК. Зови.

(Берет бутылку и идет к столику. Тамара спешит за ним и протягивает ему две банкноты.)

ТАМАРА. Возьмите, пожалуйста, две тысячи. Я вам так благодарна.

САШОК. На что мне ваши рубли? Да я при желании вас золотом осыплю.

ТАМАРА. Тем более возьмите. Мне не нужно золото.

САШОК. Если у вас проблемы, наша фирма вам поможет.

(Тамара кладет деньги на столик, за который уселся Сашок, и сама спешит к телефону. Входит дьявол. Он выглядит несколько иначе, чем при первом появлении. Он в черных очках, у него загнутые, как у Сальвадора Дали усы. Он подходит к стойке, делая вид, что никого не видит. Сашок смотрит ему вслед. Он узнал. Дьявол смотрит на Тамару.)

ТАМАРА. Тогда я вам из дома позвоню. Спасибо, что хотели мне помочь...

(Она выскользывает из будки и спешит прочь. Сашок встает было и хочет уйти, но потом меняет решение, садится вновь, наливает из бутылочки в бумажный стаканчик и пьет маленькими глотками.)

ДЬЯВОЛ. Большой Будвайзер и омары пожирнее.

(Бармен суетится, хлопает дверцей холодильника, наливает из бутылки, звенит тарелками.)

БАРМЕН. А шашлычка не желаете? Из вырезки. Сам привез. Так и чувствовал, что заглянете.

ДЬЯВОЛ. Омары не выносят шашлыков.

БАРМЕН. Вам креслице вынести?

ДЬЯВОЛ. Нет, я попросту, инкогнито. Я тут друга встретил, хочу поговорить в уединении.

(Дьявол подходит к столику Сашка, с милой улыбкой обращается к нему.)

ДЬЯВОЛ. Вы позволите мне присоединиться, Александр Сергеевич?

САШОК. Милости прошу. Не знаю только, как вас называть.

ДЬЯВОЛ. В этом мое преимущество перед вами.

САШОК. Ну тогда считайте, что мы познакомились.

ДЬЯВОЛ. А вы, я вижу, с чувством юмора.

(Бармен выбегает из-за стойки, несет большую тарелку с омаром. Неуловимым движением стелет на стол скатерть, так что бутылочка Сашка перекочевывает на нее. Бармен накрывает на стол.)

САШОК. У вас связи.

ДЬЯВОЛ. У меня везде связи. Без этого нельзя. Лишь страх рождает власть.

САШОК. Винтовка рождает власть.

ДЬЯВОЛ. Хорошо сказано. Кто сказал?

САШОК. Забыл я.

ДЬЯВОЛ. Беда с вами. Даже врать толком не умеете. Но меня-то вы, Александр Сергеевич, узнали?

САШОК. Как же можно!

ДЬЯВОЛ. А почему не трепещете?

САШОК. Я уже думал об этом. Наверное потому что мне нечего терять. Вот все люди вокруг, они перед вами на коленках. Они боятся, что вы их разлюбите, отнимите у них конфетку. А у меня нет конфетки.

ДЬЯВОЛ. Вранье! Каждому есть что терять. Одному жену, другому деньги, тебе — здоровье, жизнь! Всякому есть что терять.

САШОК. Вам тоже?

ДЬЯВОЛ. Как ни странно, мне тоже. Только позвольте мне не сознаваться, что именно. Попробуйте омара, чудесный омар, только вчера плескался в Бискайском заливе. Знаете, я — поклонник рыночных отношений. При них проще. Десять лет назад я мог кушать такого же омара, но для этого надо было проникать в закрытый буфет Центрального Комитета. И жевать его тайком от народа. А это так утомительно!

САШОК. Вкусно. Как рак, только нежнее. И мяса больше.

ДЬЯВОЛ. Не стесняйся. Мы живем только дважды.
САШОК. Плагиат.

ДЬЯВОЛ. Не знаю такого слова, но я придумал это выражение лет шестьсот назад. Иногда так скучно все знать заранее!

САШОК. Если знали, зачем придумывали? Или вы только шестьсот лет назад родились?

ДЬЯВОЛ. Не говори глупостей. По сути вещей мои возможности велики, громадны, но не безграничны.

САШОК. Это я понимаю — иначе зачем бумажник терять?

ДЬЯВОЛ. Пей пиво, пей. У Геры прямая труба из Мюнхена. Туда идет наш природный газ, а обратно — пиво для моего потребления.

САШОК. Не хочется отвечать, не надо.

ДЬЯВОЛ. Почему не хочется? Очень даже хочется.

САШОК. И как же вы умудрились бумажник потерять?

ДЬЯВОЛ. Большинство моих клиентов, надо сказать, отдают мне души за бесценок. Даже удивительно, чем их можно соблазнить.

САШОК. Ну понимаю, с каждым может случиться на-кладка.

ДЬЯВОЛ. Я могу совершать ошибки. Но даже в этих ошибках я велик. Исправляя их, я исправляю Вселенную.

САШОК. Не убедили вы меня.

ДЬЯВОЛ. Пейте пиво.

САШОК. Пью.

ДЬЯВОЛ. И мне не верите?

САШОК. А почему вы должны мне правду говорить, если она для вас невыгодна? Может, вы и не дьявол во-все?

ДЬЯВОЛ. Что-то подобное вам внушала алкоголичка-библиотекарша из шестого подъезда. Я — инопланетный пришелец. Зачем тогда мне ваши души?

САШОК. А кто сказал, что вы в самом деле купили души?

ДЬЯВОЛ. Вы сегодня были в трех домах. Во всех трех случаях я выполнил мою сторону договора. Спikuхин уже настолько обнаглел, что купил дом-музей Толстого в Ясной Поляне, а денег не заплатил.

САШОК. На что ему дом-музей?

ДЬЯВОЛ. Казино открывает. «Под колесами электрички».

САШОК. Врешь. Не было тогда электричек.

ДЬЯВОЛ. Это мы с тобой знаем, а Спikuхин из второго класса за хулиганство вылетел. Он до Толстого не добрался... А что, Толстой в самом деле был приличным писателем?

САШОК. Я давно его не перечитывал.

ДЬЯВОЛ. С вами, интеллигент, все ясно.

САШОК. Омар приличный.

ДЬЯВОЛ. Приличный, приличный. Посмотрим, кто у нас еще? Дарья Павловна? Дарья Павловна тоже получила, что хотела.

САШОК. Ее Павлик по семье переживает. Тайком дочке звонит.

ДЬЯВОЛ. Трогательно, просто жуть. Но это его проблемы. Переходим к вашему сопернику.

САШОК. А вы знаете, что у нас жена общая?

ДЬЯВОЛ. Я бы не назвал ее общей. Она принадлежит Нечипоренко душой и телом. Вас там не предусмотрено.

САШОК. Да стоит мне свистнуть...

ДЬЯВОЛ. Не горячитесь. Я могу вам помочь. Если переживаете, отдайте мне вашу душу, получите Ларису. И кинем мы этого депутата.

САШОК. Вы здесь все с ума посходили. Да я только-только вздохнул по-человечески и чтобы снова в этот ад кромешный возвращаться? Нет уж, пускай Нечипоренко расхлебывает.

ДЬЯВОЛ. А какая женщина! Второе место, вице-мисс Таганрог!

САШОК. Проехали.

ДЬЯВОЛ. Ничего подобного. Мне вашу душу захотелось.

САШОК. Вам зачем?

ДЬЯВОЛ. Да поймите вы — это моя работа. И оценивается она по числу уловленных душ. Чем больше вас, грешных, тем больше у меня шансов получить повышение. Я же — черт служивый, извините за выражение. И жизнь у меня хоть и не бесконечная, но не всегда сладкая.

САШОК. А за потерю бумажника получите выговор?

ДЬЯВОЛ. Лучше, чтобы об этом у нас не узнали.

САШОК. Черт, скажи мне...

ДЬЯВОЛ. Все-таки я не черт. Черти — существа простые, шантрапа. Я же своего рода интеллигент. Я дьявол с перспективами на получение высокого разряда. И на брудершафт с тобой на пил.

САШОК. Если ты такой интеллигент, то скажи мне — есть в самом деле душа или нет?

ДЬЯВОЛ. Тут вступает в дело чувство. Скажи, вот ты как сам чувствуешь?

САШОК. По-разному. Когда в школе учился, у нас Витьку Горюнова из пионеров выгнали, когда он сказал, что в бога верит. Тогда я конечно не верил. А вот когда увидел, как руководство нашей страны по свечке взяло и в церковь повалило, то засомневался. А теперь не знаю.

ДЬЯВОЛ. А мое существование тебе не подсказывает?

САШОК. А может вы в самом деле инопланетянин? Или фокусник? Давид Копперфильд из Одессы?

ДЬЯВОЛ. А ну-ка брось свои улыбочки! Я — абсолютное зло. И если мы с тобой попали временно в комическую ситуацию — ах, дяденька, бумажник поселял! То учти, что я своих ошибок не повторяю. А раз я зло, то расплачиваются за мои ошибки другие. И последнее: ду-

ша есть. У твоих новых знакомых она была и теперь лежит в моем холодильнике. А свою душу ты мне отдашь добровольно. Еще пива!

(Бармен будто ждал сигнала на старте, мчится с пивом. Посланец Сидорова слышал последние слова Дьявола и испугался. Он спешит, допивает пиво.)

ДЬЯВОЛ. Все вы вырашены в атмосфере атеизма. Значит ваш разум не утверждает себя в борьбе и сомнениях, а кушает манную кашу трусливых безбожников. Получается любопытный парадокс: все знают, что души нет, этому с младенчества учили. С другой недавно им сообщили, что душа все-таки есть, но сказали об этом самые бездуховные люди на свете. Так что теперь вы подозреваете о существовании души, но как постыдной субстанции — чего-то вроде хвоста.

САШОК. У вас есть хвост?

ДЬЯВОЛ. Давай не отвлекаться. Я хотел сказать, что ваши души — как бы мертвые души. Ты читал гениальный роман Николая Васильевича?

САШОК. «Мертвые души»?

ДЬЯВОЛ. У нас пользуется спросом... Мои клиенты воспринимают мое появление как игру. Они догадываются, что я как Чичиков скучаю нечто несуществующее, а потому не ценное. Значит, это — игра. А раз игра, то почему не принять участия? Почему не поставить на кон такую безделицу? Я говорю: принимаю вашу ставку, товарищ! А за фикцию я вам подарю нечто настоящее, реальное — деньги, власть, жратву, порнуху! Обмен с нашей точки зрения неэквивалентный. Вы все уверены, что меня обдурили... Как мне славно скупать души в мире, где их нет! Я так распустился, что стал бумажники раскидывать! Шутка.

САШОК. А некоторые не думают, что продешевили?

ДЬЯВОЛ. Человек — великий самоутешитель. Спикухин безобразничает, а сам себя утешает: значит мои кон-

куренты меня пожалели, или у них зрение испортилось. Или даже может я стал таким крутым, что все бандиты Москвы от меня разбежались. Я — везунчик! Или возьмем Геворкяна... Он ходит и думает — и как вовремя моя жена умерла от естественных причин!

САШОК. Геворкяна не знаю.

ДЬЯВОЛ. Значит, еще не успел познакомиться. Мерзопакостный тип.

САШОК. Я предлагал, но никто не захотел расписку сжечь. Удивительно?

ДЬЯВОЛ. А тут вступает в дело другая логика: а вдруг этот самый дьявол есть? А вдруг я ему в самом деле продал душу? Нет, лучше не рисковать. И они сразу к телефону бегут — спрашивают, это испытание? Ведь они не могут поверить, что я посеял их бумажник, потому что не придавал ему значения. Ведь сама расписка ничего не стоит. Она — формальность. Душа — в надежном месте. С распиской ли, без — ты мой раб. Но рабы бывают разные. Бывает просто раб, а бывает друг. Помощник. Который и сам имеет шансы получить бессмертие. Сашок, уступи мне свою душу.

(Становится темнее будто кафе накрыла туча. Дьявол говорит словно в рупор.)

ДЬЯВОЛ. Будешь моим спутником как доктор Фауст! Весь мир мы с тобой облетим! Сталин умер бы от зависти. Ты не думай — слово черной силы нерушимо!

САШОК. Я уже много знаю. Меня обмануть трудно.

ДЬЯВОЛ. Много знаешь? Чепуха! Есть души или нет?

САШОК. Не знаю.

ДЬЯВОЛ. Вот видишь, до чего тебя честность довела.

САШОК. Ну есть, есть, есть! Но ведь не ты правишь миром!

ДЬЯВОЛ. На этот счет существуют различные мнения. Например, некто утверждал, что владыкой мира будет труд. Нелепо, правда?

САШОК. Я пойду, ладно?

ДЬЯВОЛ. Трусишка ты, вот кто. Ну постарайся поглядеть на себя разумным взором. Жизнь у тебя не удалась. Тебе скоро сорок, а нечего кроме комнаты в общей квартире ты не заработал. Механик ты плохой, не любишь ты свою работу. Вспомни, как ты сегодня утром с дружками рубли на выпивку собирали? Лариску ты любил... не отмахивайся, и сейчас любишь. А ушла она от тебя. К недостойному хмырю ушла. Без моей помощи новую бабу тебе не найти.

САШОК. Не тороплюсь.

ДЬЯВОЛ. Материальное положение мы исправим немедленно. (*Вытаскивает из кармана толстую пачку долларов и кладет перед Сашком.*)

САШОК. Вроде бы вы обо мне все узнали, а ничего не понимаете.

ДЬЯВОЛ. Томление духа, да? Лермонтов нашелся! Так мы тебя быстро на наш свет отправим. Из гранатомета в лоб! Но есть альтернатива!

(Дьявол поднимает руку и щелкает пальцами. Бармен несется к ним с подносом, уставленным бутылками и банками с пивом — мечта современного алкоголика. Поставщик от Сидорова с поклоном открывает дипломат и из него высыпаются банки с черной икрой. Две девушки, что сидели за крайним столиком, сбрасывают верхние одеяжды и начинают исполнять эротический танец, грохочет музыка. Это такая небольшая вакханалия городского масштаба, исполненная во вкусе нового русского.)

ДЬЯВОЛ. Еще женщин! Красавиц! Фотомоделей!

САШОК. Стойте, стойте, мы о главном не подумали.

ДЬЯВОЛ. Я думаю обо всем.

САШОК. Я не могу продать вам душу. При всем желании.

ДЬЯВОЛ. Этого быть не может!

САШОК. Мне же ничего от вас не нужно! В самом деле. Вы в душу к человеку влезить умеете? Что там у меня? Какое желание? Не даром же мне ее вам отдавать.

ДЬЯВОЛ. (*Человеку Сидорова*). Давай, собирай свои банки и брысь к Нечипоренке, он уже извелся. Музыка, стоп! Девки, одевайтесь, конец комедии. Батька думать будет.

(*Наступает тишина. Девицы собирают по полу предметы одежды и рассыпанные украшения.*)

ДЬЯВОЛ. Я тебе делаю предложение. Я тебе дарю вечную молодость.

САШОК. И я помолодею?

ДЬЯВОЛ. Нет, останешься таким как есть. Не такой уж ты и старый.

САШОК. А как я проверю?

ДЬЯВОЛ. Получишь от меня документ. Конечно не сразу — такие предложения на Земле делаются раз в двести лет. Надо будет утвердить в центре, ну ты понимаешь... Но я на хорошем счету, мне не откажут.

САШОК. Я с самого начала заподозрил — ты не фигура.

ДЬЯВОЛ. Я? Не фигура? Да ты же блоха у моих ног... Как ты посмел!

(*Дьявол поднимает руку, раздается гром, сверкают молнии, гудит ветер. В ужасе убегает человек Сидорова, прячется за стойку бармен, подхватывая вещи уносятся девицы. Сашок пытается прикрыть от бури тарелки.*)

САШОК. Кончай! Тарелки побьешь! Кончай, Азазела!

(*Ветер утихомиривается, гром стихает.*)

ДЬЯВОЛ. Наш разговор не окончен.

САШОК. Всегда рад побеседовать.

ДЬЯВОЛ. Я найду к тебе ход. Сегодня же найду. Это дело моей чести!

САШОК. Не исключаю. Может и найдешь.

(*Дьявол протягивает руку и щелкает пальцами.*)

САШОК. Конечно, совсем забыл. Надо же платить за угощение.

(Сашок вынимает расписки, протягивает дьяволу.)

ДЬЯВОЛ. Ты не жалей, все равно никто от расписки не откажется. Я тебе это гарантирую.

САШОК. Я уже убедился. Только бумажника у меня нет...

ДЬЯВОЛ. Я его уже вернул.

(Дьявол вынимает знакомый нам бумажник и открыв, вбрасывает в него расписки. Кладет во внутренний карман пиджака.)

САШОК. Смотри, не посей снова.

ДЬЯВОЛ. Попрошу меня не тыкать. Мы с тобой детей не крестили.

САШОК. Это вряд ли было возможно.

ДЬЯВОЛ. Не понимаешь разве, что это поговорка? Все-таки ты тупой, Сашок.

САШОК. Значит, не потеряешь?

ДЬЯВОЛ. Я ошибаюсь только раз.

САШОК. Как сапер?

ДЬЯВОЛ. Как командующий фронтом. Платят солдаты... я не прощаюсь.

(Гром, молния, темнота. Свет зажигается. Дьявола нет.)

САШОК. Ну что за любовь к дешевым световым эффектам!

(Все тихо, мирно, бармен за стойкой протирает стаканы. Входит Ольга Ивановна.)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Сашок! Ты живой?

САШОК. Что со мной сделается, тетя Оля?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Я тебя умоляю! Если ты еще не ходи по этим адресам, забудь! Не суйся туда ни в коем случае!

САШОК. *(Бармену.)* Два пива попрошу.

БАРМЕН. *(Не глядя.)* Пива не завезли.

САШОК. Я кому говорю!

БАРМЕН. Простите, опознался.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Сашок, да послушай ты! Ты же не представляешь!

САШОК. (Бармену.) Спасибо, сколько я должен?

БАРМЕН. Не беспокойтесь, все заплачено.

САШОК. Так что у вас стряслось?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Женя... Женя тот бумажник к магазину понес. Я рядом стояла. Как вот с тобой. Он покупателя нашел, вынимает бумажник... Я собственными глазами видела, протягивает он бумажник, а покупатель превратился в крокодила. Представляешь? Он пасть раскрыл и бумажник цапнул. Наш Женя кричит крокодилу: «Ты куда, гадюка? Отдай вещь»... И тут наш Женя вспыхнул синим пламенем, ну точно как газовая комфорка. Охватил огонь нашего Женю...

САШОК. При чем тут крокодил? Он сильно обгорел?

БАРМЕН. Бабка твоя рехнулась.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. В больницу отвезли. Я в скорой была...

САШОК. Может кровь надо сдавать?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Спасибо, не нужно... скончался наш Женя.

(Она отхлебывает пиво из кружки.)

САШОК. Женька? Умер? Ты уверена?

(Ольга Ивановна пьет пиво и всхлипывая, кивает.)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Против этой силы нельзя подниматься... Не знаю, пришелец он или крокодил, но он сильнее нас.

САШОК. Ничего себе, друг у меня. Будешь, говорит, помощником. Жабой?

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Ты что говоришь? Ты не переживай.

САШОК. Не нужна мне ваша вечная молодость! Я тебе покажу! Я тебе такого черта покажу!

БАРМЕН. Товарищ, у нас не выражаются.

САШОК. Да заплачу я тебе за пиво, заплачу...

БАРМЕН. У тебя денег нет. Иди, уже закрыто.

(Он опускает железные жалюзи.)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Сашок, ты не переживай. Все мы помрем.

(Сашок вытаскивает из кармана бумажку, смотрит на нее с удивлением.)

САШОК. Забыл отдать... это же надо! Или это не случайность? Он же не может всегда побеждать.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Сашок, миленький, скажи старухе, что ты задумал?

САШОК. Он думает, что я под кровать спрячусь. Тетя Оля, уходи от греха подальше.

(Он убегает со сцены. Ольга Ивановна смотрит ему вслед. Бармен выбирается из-за стойки и бежит к телефон-автомату.)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Спешишь сообщить?

БАРМЕН. Я вас не понимаю.

(Кидает жетон и набирает номер. Ольга Ивановна подходит ближе.)

БАРМЕН. Занято.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Одумайся, молодой человек. Донесчики плохо кончают.

БАРМЕН. А что я могу? Мне приказано. Вы не знаете, какая это сила!

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Дай-ка.

(Она берет у него трубку и резко рвет на себя. Трубка отлетает. Ольга Ивановна кидает ее в сторону.)

БАРМЕН. Дура! Ты понимаешь, в какое положение меня поставила!

(Он бежит со сцены.)

ОЛЬГА ИВАНОВНА. Боюсь, что мне тебя не догнать.

(Бежит следом за ним.)

Картина шестая

Звучат телефонные звонки. Слышно как набирают номер телефона, слышны сигналы занято, сигналы свободно и тот особый сигнал, которым звонит дьявол. Квартира Тамары мала, стандартна — впрочем мы можем о ней лишь догадываться по тесноте в махонькой прихожей и малогабаритной кухне. Квартира пуста. Слышно как звонит телефон — особенным, дьявольским звонком. Но никто не отвечает. Когда телефон прекращает звонить, слышно как поворачивается ключ в замке. Входит Тамара. Она заносит на кухню тяжелую сумку с продуктами, затем быстро раздевается, снова бежит на кухню, включает плиту, заскакивает в туалет, выбегает. Каргина «хозяйка дома спешит приготовить обед». Когда она рубит капусту, раздается звонок в дверь.

ТАМАРА. Ой! Я ничего не успела.

(Бежит к двери, открывает ее. За дверью Сашок.)

ТАМАРА. Это вы?

САШОК. А вы что, здесь живете? Ну, совпадение!

ТАМАРА. Если вы за жетоном... *(И тут же сама смеется.)*

САШОК. Почти что за жетоном. С процентами. Можно к вам?

ТАМАРА. А что случилось?

САШОК. Ничего не случилось.

ТАМАРА. Только правду! Что с Марионкой?

САШОК. С Марионкой, наверное, ничего. Дело у меня к вам. Личное.

ТАМАРА. Чего же мы здесь стоим? Заходите на кухню, ничего? Я обед готовлю.

САШОК. Отлично. Я же на минутку.

ТАМАРА. Может, вам чаю сделать?

САШОК. Нет, не стоит.

ТАМАРА. Вы говорите, говорите, а я буду заниматься, ничего?

САШОК. Нормально. Так вы будете Тамара Викторовна?

ТАМАРА. Конечно, я.

САШОК. А другой Тамары Викторовны здесь не проживает?

ТАМАРА. Ни в коем случае. Вы очень странный. Вас как зовут?

САШОК. Александр. Можно — Сашок.

ТАМАРА. Мне не нравится Сашок. В нем что-то детское. Можно я вас буду Александром называть?

САШОК. Ничего не понимаю. Все вроде сходится и ничего не сходится. Вам кто-нибудь звонил? Предупреждал?

ТАМАРА. Вы меня пугаете. Я же только что перед вами пришла.

САШОК. Это хорошо.

ТАМАРА. Вы, пожалуйста, говорите, зачем пришли. Это не значит, что я против. Я очень рада, что вы пришли. Вы мне симпатичны. Но вы так странно себя ведете, что я начинаю бояться.

САШОК. Ладно. Лучше сразу разрубить. Скажите мне, Тамара, вы душу кому-нибудь продавали в последнее время?

ТАМАРА. Ах! Это ужасно, да?

САШОК. Вы знаете товарища Д?

ТАМАРА. Да... знаю.

САШОК. Я вам обратно расписку принес. Берите свою душу.

ТАМАРА. (*По инерции продолжает чистить картошку, сама того не замечая.*) Ой, как плохо... я такая невезучая! Значит он передумал?

САШОК. Никто ничего не передумал. Все в порядке. Ко мне попала ваша расписка. В ней написано, что вы

продали душу этому самому товарищу Д. А я нашел. Случайно нашел. Я сразу несколько расписок нашел. Сначала я к другим людям пошел, и знаете — никто не захотел свою душу обратно взять. Я думал — ну и ладно, пускай живут как хотят. Хочешь лучше человеку сделать, а он буквально на тебя с топором. Я все расписки сдал ему обратно, а одна случайно осталась. Ваша. Я бы, может, и не поехал. Но сильно рассердился. На товарища Д. Он моего знакомого погубил. И я тогда решил — нет, хоть одного человека спасу! Не может же быть, чтобы все были Спикухиными?

ТАМАРА. Какими?

САШОК. Неважно. А теперь я рад. Может, он меня и прикончит, но я хоть одного человека спасу. Берите расписку. Жгите.

(Он кладет расписку на стол.)

САШОК. Все. Вы свободны, Тамара! А я пошел! Только сожгите или в унитаз. А то он снова заберет.

(Тамара стоит, прижав к груди кухонное полотенце. В глазах ужас.)

САШОК. Что? Не хотите? Что вас держит?

ТАМАРА. Мариночка... Мариночка моя, доченька...

САШОК. Что с ней?

ТАМАРА. Она могла погибнуть. Честное слово.

(Тамара рыдает и Сашок не выдерживает, подходит ближе. Тамара склоняет голову ему на грудь и тихо плачет.)

САШОК. Ну ладно, ну обойдется... я же не знал.

ТАМАРА. Я Мариночку без отца растила, все ей отдавала... а когда это случилось, я поняла, что лучше сама умру... И тут он пришел, этот товарищ Д. И предложил мне помочь. Он спас моего ребенка. Неужели моя душа стоит дороже, чем счастье ребенка?

САШОК. А вы-то в душу верите?

ТАМАРА. Конечно, верю...и очень боюсь...Так страшно, так страшно!

САШОК. Ну ничего, Том, мы придумаем что-нибудь!

ТАМАРА. Нет, пожалуйста, Александр, отдайте ему расписку. Пускай все останется, как прежде. Не губите моего ребенка!

САШОК. Том, ты не думай... я же понимаю...Я, прости, не в курсе. Я думал, ты как остальные, для себя. А как девочка, выздоровела?

ТАМАРА. Что? Выздоровела?

(Звонок в дверь. Сашок насторожился. Прижался спиной к косяку двери. Тамара метнулась к двери. Сашок схватил со стола расписку. Сжал в кулак. Звонок звучит оглушительно, с надрывом.)

САШОК. Погоди, если за мной... меня нет! (Он пытается удержать Тамару.)

ТАМАРА. (Вырываеться.) Нет, нет, это она, она пришла.

(Сашок хватает скалку. Ждет. Тамара открывает дверь. Входит Мариночка. Ей лет двенадцать. Она в роскошной спортивной куртке, джинсах, через плечо сумка с теннисными ракетками. Никаких следов страшной болезни.)

ТАМАРА. Мариночка, ну как? Что нового?

МАРИНА. Мазер, я смертельно устала. Не приставай с вопросами.

ТАМАРА. Конечно, дай я тебе помогу раздеться.

МАРИНА. А это что за явление?

ТАМАРА. Это ко мне, дядя Александр. Он по делу.

МАРИНА. Привет. Вид не фирменный. Так, стирол без сахара...

ТАМАРА. Сейчас поужинаешь, я цветную капусту купила...

МАРИНА. Быстроенько, котлету и фрукты. Я убегаю.

ТАМАРА. Куда? У тебя же режим.

(Марина направляется к ванной.)

МАРИНА. Мама, не выступай. Меня ребята ждут — у Светки Поляковой видео будем смотреть. Шестая серия «Звездных войн».

ТАМАРА. *(Пока дочь в ванной, она накрывает.)* Вы меня простите, Александр, мы с вами потом чайку попьем, вы не сердитесь, пожалуйста.

(Дочь выходит из ванной, вытирает руки, кидает полотенце на спинку стула, осматривает стол, как гроссмейстер шахматный столик.)

МАРИНА. Манго купила?

ТАМАРА. Нет манго, деточка, я на рынке была, а манго нету. Я завтра куплю.

МАРИНА. *(Усаживаясь за стол и принимаясь за еду.)* Только учти, если Евгения Осиповна узнает, как в доме обеспечивают мою диету, она будет недовольна!

(Тут Марина замечает, что Сашок стоит все в той странной позе у стены со скаккой в руке.)

МАРИНА. А может быть, вы грабитель? Только у нас грабить нечего, кроме моих ракеток.

ТАМАРА. У нас очень хорошие ракетки. Настоящий «данлоп».

САШОК. *(Смузенно кладя на место скакку.)* Неужели настоящий?

МАРИНА. Вы мамин сексуальный партнер? Да не надо краснеть!

ТАМАРА. Дочка, ну разве можно?

МАРИНА. Я не возражаю. Хоть меня, скажу я вам, нашли в капусте. Где сок?

(Тамара протягивает стакан. Саша кивает ей — не переживай!)

МАРИНА. На нитраты проверяла?

ТАМАРА. Конечно, доченька.

МАРИНА. *(Выпивает сок на ходу.)* Привет, мазер! Счастливо развлекаться, с дядей Александром!

ТАМАРА. Но ты не поздно придешь? Ты же еще уроки не делала.

МАРИНА. Переживут. Они должны гордиться тем, что я учусь в этой школе. А то Евгения Осиповна меня быстрынко переведет в другую. Где понимают.

ТАМАРА. Тебя завтра могут вызвать...

(Она бежит за Мариной в прихожую.)

ТАМАРА. Ты мне обязательно позвони. Если будешь задерживаться, то позвони.

(Хлопает дверь. Тамара так и остается стоять перед дверью, держа стакан с недопитым соком, что Марина сунула ей, уходя. Тамара возвращается на кухню, она очень устала и грустна.)

САШОК. Ну я пойду, ладно?

(Он держит расписку в руке.)

ТАМАРА. Вы меня извините...

САШОК. Только скажите, какой болезнью ваша дочка страдала?

ТАМАРА. Страдала? Какой болезнью?

САШОК. Но вы же душу отдали? За что?

ТАМАРА. Ах, вы меня не поняли. У Мариночки талант. Она может стать большой теннисисткой. Это все тренеры говорили. Но она была в тупике. Она занималась у Тропинина, а это не дает никаких шансов. Был только один выход — устроиться к Евгении Осиповне. Но вы представляете, что это значит?

САШОК. Совсем не представляю.

ТАМАРА. У Евгении Осиповны министры в очереди годами стоят! Она трех чемпионок Союза вырастила. Это школа! Школа!... Но как мне было попасть к ней?

САШОК. Ясно. А я думал — смертельная болезнь.

ТАМАРА. Типун вам на язык!

САШОК. И из-за этого вы...

(Тамара склоняет голову.)

САШОК. Да это же последняя глупость! Тупость какая-то!

(Раздается телефонный звонок. Тот самый, дьявольский. Тамара хочет идти к телефону.)

САШОК. Не бери трубку! Это меня ищут!

ТАМАРА. Но это он, товарищ Д.! Я не могу. В любую минуту он может передумать...

САШОК. Не пущу.

(Обнимает Тамару. Она выривается. Но в какой-то момент встречается взглядом с Сашком и замирает как пойманная птичка.)

ТАМАРА. Не надо... Александр. Пожалуйста, не надо...

(Но они остаются стоять в объятиях. Телефон взвизгивает и замолкает. После паузы Тамара осторожно освобождается. Сашок делает шаг в сторону.)

САШОК. Не зря я все-таки назло ему пошел.

ТАМАРА. Почему назло?

САШОК. Сейчас он меня на улице подстережет. Пойду я.

ТАМАРА. Александр, не уходите, пожалуйста. Еще немножко. Мне что-то так страшно. Давайте чаю попьем.

САШОК. Я обязательно приду. Ты просто не понимаешь, что случилось. Он мне говорил — что у меня нет смысла в жизни. Теперь есть!

ТАМАРА. А какой смысл?

САШОК. Потом скажу. Вот записка. *(Он снова кладет ее на стол.)* Сожги ее. А я пойду, приму огонь. Не хочу их на тебя выводить.

ТАМАРА. А может быть все же останетесь...

(Она идет за ним в прихожую. Сашок дотрагивается пальцами до ее щеки.)

САШОК. Еще не вечер.

(Он открывает дверь. За дверью стоят люди. Они входят в квартиру. Сашок отступает перед ними. Это

Спиухин, депутат Нечипоренко, незнакомый человек, бармен, Даша, еще кто-то... В их молчании и уверенном движении есть страшная угроза. Сашок бросается обратно на кухню. Хватает со стола записку. Сжимает в кулаке. Оборачивается. Остальные уже в прихожей. Сашок хватает скаку.)

СПИКУХИН. Брось палку. Не поможет. Нас много, а ты один.

САШОК. Не играет значения.

(Он отступает к плите — так что рука сзади над кастрюлями. Хлопает дверь. Входит последний — товарищ Д.)

ДЬЯВОЛ. Сашок, Сашок, я же тебя предупреждал. Как ты посмел меня обмануть?

САШОК. В чем дело?

ДЬЯВОЛ. Как наивно! Как по-человечески. Ты забываешь, что я всеведущ и всесилен.

САШОК. Всесильные бумажниками не раскидываются.

ДЬЯВОЛ. Это было испытание. Для тебя и для моих... друзей. Верни добровольно расписку этой женщины и тогда я решу, как тебя наказать.

НЕЧИПОРЕНКО. Давай, давай, у меня через час машина в аэропорт!

САШОК. У меня ничего нет.

СПИКУХИН. ДАША. Врет он! У него! Я по глазам вижу!

ДЬЯВОЛ. *(Обращаясь к Тамаре).* Он вернул вам расписку?

ТАМАРА. Я не взяла. Я же понимаю, что нельзя.

ДЬЯВОЛ. *(Гладит ее по голове.)* Молодец, верю, что ты будешь матерью чемпионки Уимблдонского турнира.

(Дьявол обращается к остальным.)

ДЬЯВОЛ. Займитесь им! Чтобы расписку найти! Быстро!

СПИКУХИН. Во рту, во рту смотри!

(И вся компания набрасывается на Сашка. Как стая волков, они рвут его. Летят обрывки сашкиной одежды. Тамара в ужасе отступает, вжимается в стену. Дьявол наблюдает за схваткой, сложив руки на груди и ухмыляясь.)

ДАША. Он кусается!

НЕЧИПОРЕНКО. Вот тебе, вот тебе!

(Еще какие-то неразборчивые крики, возня, визг.)

ТАМАРА. Нельзя же так. Ну пожалуйста, прекратите!

(Она пытается вмешаться в схватку. Дьявол ее тянет к себе.)

ДЬЯВОЛ. Тамара, не вмешивайся. У него была расписка. Значит мы должны ее найти. Иначе судьба твоей дочери будет ужасна.

ТАМАРА. Нельзя же человека бить! Давайте я его прошу — он отдаст.

ДЬЯВОЛ. Поздно.

(Резкий уверенный звонок в дверь. Все сразу замирают.)

ДЬЯВОЛ. Тамара, открой.

(Тамара идет к двери. Дьявол за ней. Остальные кучей держат Сашка. За дверью стоит милиционер.)

ТАМАРА. Простите, вам кого?

(Милиционер отодвигает ее.)

МИЛИЦИОНЕР. Кого надо. Что здесь происходит?

(Дьявол спокойно отодвигается, пропуская милиционера на кухню.)

МИЛИЦИОНЕР. Кто же его так?

(Он обводит толпу строгим взглядом и продавцы душ начинают пятиться. Поднимается легкий гул оправданий.)

ТАМАРА. Товарищ милиционер, он же ничего плохого не сделал. Пожалуйста, прекратите это безобразие. Ведь интеллигентные люди, а как себя ведут!

МИЛИЦИОНЕР. Интеллигентные люди ведут себя по-разному, от обстоятельств. (*Оборачивается к Дьяволу.*)

МИЛИЦИОНЕР. И что, молчит?

ДЬЯВОЛ. Упорствует. Займитесь пожалуйста. Но чтобы без этого...

МИЛИЦИОНЕР. Вы же знаете, товарищ Д, мы следов не оставляем. Мы хорошую школу прошли... Лишние — еще шаг в сторону. Дайте мне воздуха и света. Я же работаю, а не бирюльки играю.

(Когда остальные подвинувшись, вжались в стену кухни, милиционер приподнимает Сашка за ворот и придерживая рукой на весу бьет ему в живот. Сашок охает и теряет сознание.)

МИЛИЦИОНЕР. Вот видите.

ДЬЯВОЛ. Хорошая школа. Как следует обыщите его.

МИЛИЦИОНЕР. Включая анал?

ДЬЯВОЛ. Я тебя не понял.

МИЛИЦИОНЕР. Имеется в виду анальное отверстие.

ДЬЯВОЛ. Дурак же ты, сержант. Если бы он... то спустил бы в унитаз. Кому нужна расписка после... прощите, анала?

(Милиционер начинает обыскивать Сашка. Дьявол отводит в сторону Тамару.)

ДЬЯВОЛ. Поймите меня, Тамарочка. Мне не нужна расписка — я не сомневаюсь в вашей преданности.

ТАМАРА. Правильно. Куда же мне теперь без вас?

ДЬЯВОЛ. Но важен принцип. Ни одно хорошее дело не должно оставаться безнаказанным. Вспомните, к чему он подходит? Куда мог положить? В туалете он побывал?

ТАМАРА. Ну я честное слово не смотрела!

ДЬЯВОЛ. Ложь. Человек впервые в доме. Он всегда спросит у хозяйки, где у вас удобства?

САШОК. *(Приходит в себя.)* Для удобства гостей...

ДЬЯВОЛ. Ну что он говорит? Кто-нибудь понимает?

САШОК. (С трудом.) Для удобства гостей во всех домах одинаково... не надо спрашивать.

ЕВГЕНИЯ ОСИПОВНА. (Незаметно вошла, когда все склонились над Сашком). Какая чудесная компания! Ты звал меня, мой зайчик!

ДЬЯВОЛ. Вот, полюбуйся!

ТАМАРА. Евгения Осиповна! Я не ожидала! У меня даже не убрано... Вы только не думайте, Мариночки дома нет.

ЕВГЕНИЯ ОСИПОВНА. Вот и славно. Детям вредно смотреть на насилие. Оберегайте, Тамара, идеалы вашего ребенка. Наша с вами задача — сеять доброе и вечное.

НЕЧИПОРЕНКО. Я уже буквально опоздал в Бутан.

ДЬЯВОЛ. Вот и повезло тебе.

НЕЧИПОРЕНКО. Вы не понимаете. Вы наверное забыли...

ДЬЯВОЛ. Я ничего не забываю. И вижу в будущем... через шесть часов, при посадке в Нью-Дели, твой рейс потерпит крушение. Все пассажиры погибнут. Как тебе нравится эта перспектива?

НЕЧИПОРЕНКО. Вы уверены?

ДЬЯВОЛ. Если останешься живым, то прочтешь в завтрашней газете.

НЕЧИПОРЕНКО. Не может быть! Это какая-то ошибка. Вы не проверите мой билет?

ДЬЯВОЛ. (Отводит небрежно руку Нечипоренки в сторону и затем обнимает Евгению Осиповну за плечи. С ней он подчеркнуто нежен. она — не жертва, а приятельница.) Видишь этот полуярут? Он меня обидел.

ЕВГЕНИЯ ОСИПОВНА. И до сих пор жив?

ДЬЯВОЛ. Он мне нужен живым. Я хочу, чтобы он признался, куда спрятал расписку о душе. Будь любезна, лисичка, мобилизуй свою интуицию.

ДЬЯВОЛ. Мне нужна твоя интуиция. Куда этот мерзавец спрятал расписку?

(Евгения Осиповна присаживается на кроточки перед Сашком, брезгливо открывает пальцами ему рот.)

ЕВГЕНИЯ ОСИПОВНА. Проглотил, мой мальчик?

САШОК. Но я прожевал.

ДЬЯВОЛ. Прямо детский сад!

НЕЧИПОРЕНКО. А как же я полечу в Бутан, если мой самолет разобьется?

ДЬЯВОЛ. Погляди в билет. Там завтрашняя дата. Завтра ты летишь, завтра!

НЕЧИПОРЕНКО. Но вы гарантируете безопасность?

ДЬЯВОЛ. Какой дурак! А ну пошли все отсюда!

ЕВГЕНИЯ ОСИПОВНА. *(Подождав, пока остальные выметутся.)* Мне тоже идти, мой зайчик?

ДЬЯВОЛ. Не запирай ночью калитку.

ЕВГЕНИЯ ОСИПОВНА. У тебя есть золотой ключик, мое сокровище!

(Евгения Осиповна уходит.)

ДЬЯВОЛ. Ну и чего же ты добился?

САШОК. Я ничего не хотел добиться.

ТАМАРА. Простите, товарищ Дьявол, но я хотела спросить вас о том самолете? Он правда разобьется?

ДЬЯВОЛ. Разумеется.

ТАМАРА. И люди погибнут?

ДЬЯВОЛ. А как же!

ТАМАРА. Но это же такой грех!

ДЬЯВОЛ. Не тебе рассуждать о грехах!

(Тамара, рыдая, убегает из комнаты.)

ДЬЯВОЛ. Сашок, знаешь, почему я тебя оставил в живых?

САШОК. Не знаю.

ДЬЯВОЛ. Потому что я наблюдателен. И знаю, что отныне ты в моей власти.

САШОК. Почему?

ДЬЯВОЛ. Ты хвалился тем, что неподвластен мне. Потому что тебе ничего не нужно. Теперь все изменилось.

САШОК. Ну отстаньте от нее! У вас и без нас столько душ!

ДЬЯВОЛ. Мне очень не хватает твоей души. Я даже не стал отнимать у тебя ее расписку, когда мы были в кафе. Я позволил тебе прийти сюда и пожалеть ее... Ну как, сейчас будем писать или погодим?

САШОК. Ничего у вас не выйдет.

ДЬЯВОЛ. Зря что ли тебя колотили?

САШОК. Ничего не изменилось.

ДЬЯВОЛ. Еще два часа назад тебе было все равно, попадет ли Тамара под машину или выиграет сто тысяч в лотерею. Избывают ли Мариничку хулиганы или она станет чемпионкой России. А теперь ты отдашь мне душу. Если не сейчас, то через два дня. Ты подаришь мне свою бессмертную душу за безопасность этих двух неблагодарных куриц, которых ты будешь лелеять остаток своей короткой жизни. И до последнего мига будешь ломать голову, судьба ли их бережет или заложенная твоя душа. До свидания, Сашок! Скоро увидимся.

(Дьявол уходит. Сашок подходит к окну и смотрит ему вслед. Затем открывает крышку кастрюли.)

САШОК. Тамара, иди сюда, я тебе фокус покажу.

(Входит Тамара, прижимая к лицу платок.)

ТАМАРА. Он ушел?

САШОК. С концами.

(Сашок опускает пальцы в суп и достает оттуда мокрую бумажку.)

ТАМАРА. Это что такое?

САШОК. Твое проклятие, твое тяжелое прошлое. Твоя расписка! В суп они поглядеть не догадались!

ТАМАРА. Сашок, не надо! Не надо его сердить.

САШОК. Надо.

(Он идет в туалет, открывает дверь и спускает воду.)

ТАМАРА. Ты ужасный человек... ты всех нас загубил.

САШОК. Пусть другие живут без душ. Но ты должна иметь душу. Ты же мать! Какой пример ты ребенку дашь?

ТАМАРА. Александр, как вы можете!

САШОК. Тома, талант в нашем обществе всегда пробьет дорогу. В любой секции.

ТАМАРА. Евгения Осиповна ее выгонит.

САШОК. А я никогда не доверю ей нашего ребенка. И я уж прослежу за этим. Главное — ребенку нужна твердая рука. Ребенку нужен отец.

ТАМАРА. Александр. Неужели вы не понимаете...

САШОК. Тома, слушай меня внимательно. Нельзя бояться. Он же не всесильный. Ты же видела — как я его обманул! И сейчас я сорву другую его операцию.

(Сашок подходит к телефону и набирает номер.)

САШОК. Это аэродром Шереметьево-2? Слушайте меня внимательно. В самолет, вылетающий через час в Нью-Дели заложена бомба. Это не розыгрыш. Это серьезно.

ТАМАРА. Вы такой смелый. Они проверят? И найдут?

САШОК. Наверняка проверят. Они обязаны. Иди, сгрей суп. Я страшно проголодался.

ТАМАРА. Сначала я вам ванную напущу и раны промою. Вы не стесняетесь?

САШОК. Наоборот. Помнишь как меня Маринка определила?

ТАМАРА. Помолчи раз в жизни!

(Они уходят в ванную. Шумит вода. Громко шумит, так что когда телефон начинает звонить, особым дьявольским звонком, они не слышат. Телефон звонит снова. Обычным звонком. Перед дверью в квартиру появляются омоновцы в масках. К двери подходит Марина, которая возвращается домой.)

МАРИНА. Вы что здесь делаете?

ОМОНОВЕЦ В МАСКЕ. Отойди, девочка. Сейчас здесь стрельба будет.

МАРИНА. Это очень любопытно. А почему?

ОМОНОВЕЦ. А потому что здесь заперся террорист, который заложил бомбу в самолет Москва — Нью-Дели.

МАРИНА. И взорвалась?

ОМОНОВЕЦ. В последний момент успели обезвредить.

МАРИНА. Наверное это новый мамин знакомый. Он с первой минуты мне показался подозрительным. Сексуальный маньяк.

(Марина ключом открывает дверь. Омоновцы падают на пол. Из ванной выходит Сашок, и полотенце на плечах. Немая сцена. И в тишине начинает звонить телефон. По-дьявольски, особым звонком.)

Занавес

ОСЕЧКА-67

Трагедия в 12 картинах

От автора

Повесть «Осечка-67» была написана мною в 1968 году, сразу после воображаемых событий. Толчком к ней послужила заметка в газе те «Правда», в которой говорилось о планах устроить театрализованное представление по поводу пятидесятилетия штурма Зимнего дворца. Той же осенью я был Болгарии и увидел, как во время верноподданой праздничной демонстрации 7 ноября, одетые в матросов и солдат активисты, изображали тот самый штурм. И тогда я представил себе, что вся эта операция может обернуться вовсе не так, как планировалось. Вот и написал повесть.

Потом спрятал ее в письменный стол — кроме близких друзей ее никому нельзя было показать. Потом я думал, что она потерялась.

Но вдруг, недавно, в 1992 году она всплыла в Петербурге, по соседству с Зимним дворцом. Отыскавший ее телевизионный режиссер создал на основе повести телесериал «Осечка», который петербургское телевидение показало именно 7 ноября 1993 года, когда события, описанные в повести, получили дополнительную актуальность.

Увидев телесериал, мой друг, режиссер театра «Лаборатория» А. Россинский попросил меня написать пьесу по мотивам повести. В пьесе я отступил и от повести и от фильма. Получилось нечто новое — ведь и времена изменились и я сам изменился.

И с опозданием почти на тридцать лет я представляю этот опус на читательский суд.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Борис
КОЛОБОК

Секретарь комсомольской организации Государственного Эрмитажа. Сотрудник отдела оружия. Он же командир роты юнкеров, защищающих Зимний дворец.

Зоя
ИЛЬИНСКАЯ

Младший научный сотрудник отдела тканей Государственного Эрмитажа. Член Комитета комсомола. Командир «Женского батальона смерти», защищающего Эрмитаж.

Семен Остапович
АНТИПЕНКО

Заместитель директора Эрмитажа по режиму. Отставник, ветеран. По долгу службы защищает Зимний дворец, но партийная совесть этому противится.

Раиса Семеновна МОСТОВАЯ

Секретарь Антипенки. Член «батальона смерти», разрывается между лояльностью к Антипенке и Партии, и преданностью Музею.

Александр
СИМЕОНОВ

Младший научный сотрудник отдела нумизматики. Вышел из комсомола по возрасту, но к партии не примкнул. Пьет, говорит лишнее, либерал, карьеру не сделает. Входит в число юнкеров.

Геннадий Альбертович
ГУНЯВЫЙ

Он же швейцар Эрмитажа по кличке Горыныч. Помните, как брали Кронштадт в 1921 году. А

вот как брали Зимний, на всякий случай забыл. Он же вице-адмирал Гуняевый, министр Морских сил Временного правительства.

МАЛЬВИНА

Василий Леонидович ГРУШЕВ

КЛАРА

Борис Моисеевич КОГАН

Матвей Матвеевич НЕТУДЫХАТА

Нодар Александрович ЯМАНИДЗЕ

Иван Сергеевич ПОКРОВСКИЙ

Буфетчица Эрмитажа. Активный боец «Женского батальона смерти».

Секретарь Центрального райкома КПСС Ленинграда. Он же матрос с «Потемкина», организатор штурма Зимнего, отвечающий за Выстрел с «Авроры».

Секретарь Грушева. Она же революционерка в кожаной куртке. Лично предана Грушеву.

Ветеран партии, пенсионер. Он же руководитель мелкобуржуазной партии Бунд.

Инструктор Обкома партии. Он же министр Временного правительства ПЕШЕХОДОВ. Он же по совместительству осуществляет контроль КПСС над партией Бунд, являясь заместителем Когана.

Актер театра им. Ленсовета, известен как исполнитель роли Гамлета. Он же Александр Федорович КЕРЕНСКИЙ, премьер Временного правительства.

Директор школы верховой езды. Он же генерал КРАСНОВ, командир контрреволюционных частей,

которые стремятся прорваться в революционный Питер, чтобы подавить народное восстание под руководством большевиков.

Григорий Иванович
ОТРЕПЬЕВ

Секретарь Ленинградского Обкома. Он же фактически руководитель восстания Яков Михайлович Свердлов.

Николай Николаевич
ПУПЫКИН

Член ЦК КПСС. Заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК. Куратор Мероприятия. Он же Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Игорь Осипович
ЛАНСКОЙ

Актер Московского Художественного театра. Народный артист республики. Он же Владимир Ильич Ленин.

Олег Аркадьевич
ГРОМОБОЕВ

Актер театра им. Ленсовета. Он же товарищ Эйно Абрамович РАХЬЯ, из финских революционеров, проводник товарища Ленина в Смольный.

Голос товарища
БРЕЖНЕВА

Революционные матросы, солдаты и рабочие, пленные иностранные корреспонденты, юнкера и девушки из Батальона смерти, они же сотрудники Эрмитажа.

Картина первая.

Служебные помещения на первом этаже Эрмитажа. Низкие своды, беленые стены. У одной из стен стоит статуя Аполлона на невысоком постаменте, в натуральную величину с захватанным мужским достоинством. Видно не поместился в экспозиции, либо не представляет ценности. Порой его руку используют как вешалку.

Коридор ведет в глубину, к служебному выходу на Дворцовую площадь.

С другой стороны он загибается налево — там сверкает золото парадной лестницы и торжественных помещений.

По радио звучит революционная песня.

Из двери, на которой видна табличка:

С. С. АНТИПЕНКО
зам. директора по режиму

Выходит сам Антипенко со списком в руке. Задумчиво останавливается и ставит галочки на полях списка.

Из выставочного крыла входит Боря Колобок.

КОЛОБОК. Семен Остапыч, ну как же так! Пора оружие получать, а то всем дадут, а нам не достанется. Мои аспиранты с утра ждали, а теперь разбежались.

АНТИПЕНКО. Значит, плохо организовал. У меня в свое время люди из окопов и то не разбегались.

КОЛОБОК. Так будет оружие?

АНТИПЕНКО. Этот вопрос решится завтра.

КОЛОБОК. Значит нету оружия?

АНТИПЕНКО. Нет, ты скажи — для кого ты просишь оружия? Для контрреволюции! Для наших с тобой классовых врагов! Постыдился бы.

КОЛОБОК. Вы хотите, чтобы я ваши слова передал советскому телевидению? Вы хотите. Чтобы весь мир знал, что наша Великая Октябрьская социалистическая революция была липовой? Что наши враги выступали без оружия?

АНТИПЕНКО. Да погоди ты! Не путай меня! Какие враги?

КОЛОБОК. Вы же сами сказали.

АНТИПЕНКО. Ничего я тебе не говорил.

КОЛОБОК. А где оружие для обороны Зимнего дворца?

АНТИПЕНКО. Да тише ты! Иди сюда! Мне звонили из Смольного. Понял? Сам звонил.

КОЛОБОК. Кто сам?

АНТИПЕНКО. Тот, который еще вчера был секретарем обкома товарищем Отрепьевым, а сегодня для нас с тобою он — Яков Михайлович Свердлов.

КОЛОБОК. Так вы мне скажите — где оружие?

АНТИПЕНКО. Наше оружие отправлено (несколько слов он шепчет на ухо Колобку)... там возникла угроза агрессии со стороны израильских оккупантов. Не боись. Завтра доставят. Уже с ДОСААФ согласовано.

КОЛОБОК. У них оружие учебник.

АНТИПЕНКО. А ты какое хотел? Ты что, хотел попасть в советского человека? А если ты его ранишь?

КОЛОБОК. Ох, неладно у меня на сердце!... А как с артиллерией?

АНТИПЕНКО. С артиллерией все в порядке (*смотрит в списки*). Артиллерию в количестве трех орудий привозят завтра из Артиллерийского музея.

КОЛОБОК. А их Ближний Восток не перехватит?

АНТИПЕНКО. Тише, ты!... Эти пушки в последний раз при Петре Великом стреляли.

(Из двери в кабинет Антипенко выплывает Раиса Семеновна.)

РАИСА СЕМЕНОВНА. Как хорошо, что я вас застала! Звонили из Мариинки. Шинели готовы. Срочно надо получать.

АНТИПЕНКО. Колобок, посытай людей!

КОЛОБОК. Зося. Звонили, что шинели готовы. Посылай людей!

ЗОСЯ. Боря, кого я пошлю! У меня обвал — четыре финских автобуса с бабушками, поляки по обмену и плавновые экскурсии — некого послать.

АНТИПЕНКО. Товарищ Ильинская, вы понимаете, что говорите? За день до начала Великой Октябрьской Социалистической революции вы думаете о пустяках.

ЗОСЯ. Я думаю не о пустяках, а о своей работе.

АНТИПЕНКО. А я что же, баклушки бью, по-вашему?

РАИСА СЕМЕНОВНА. Что мне им ответить? А то они на обед уйдут.

КОЛОБОК. Придется тебе, Зося, самой ехать.

ЗОСЯ. И не подумаю. Я в детский сад за дочкой не успею.

КОЛОБОК. Кончай манкировать! Позвони матери, пускай сходит! Как культивоход на Феллини, так есть кому в садик пойти, а как черновой труд для революции — никого не дозволишься!

АНТИПЕНКО. Ильинская, ты тебе отгул засчитаем.

Радио прерывает революционную песню и слышен голос диктора. При первых же словах Колобок подходит к динамику и усиливает звук.

По мере чтения диктором Обращения, в коридор выглядывают сотрудники Эрмитажа. Слушают.

ДИКТОР. Внимание, работают все радиостанции Союза Советский Социалистических республик. Передаем Обращение Президиума Верховного Совета, Правительства СССР и ЦК Коммунистической партии Советского Союза.

Дорогие товарищи!

В соответствии с программой торжественных мероприятий юбилейного, пятидесятиго года Октября Партия и Правительство Страны Советов приняли историческое решение о проведении в рамках праздничных торжеств в

колыбели революции — городе-герое Ленинграде кульминации Революционного порыва масс — штурма Зимнего дворца.

К участию в этом крупнейшем в мире юбилейном мероприятии привлечены многочисленные представители трудящихся масс, а также целые коллективы заводов и фабрик города Ленина, занявшие первые места в юбилейном социалистическом соревновании.

Воспроизведение в реальных масштабах исторических событий привлекает пристальное внимание мировой прогрессивной общественности и должно вновь со всей убедительностью показать всему миру преимущества социалистического строя.

В настоящее время основная подготовка к грандиозному революционному фестивалю уже завершена. Петроград принимает облик, который он носил в октябрьские дни, текстильные и кожевенные предприятия изготавливают реквизит для участников революции. Работники радио и телевидения монтируют аппаратуру в ключевых местах восстания. Ленинградские торжества увидят трудащиеся всего мира.

Штурм Зимнего дворца, залп «Авроры», а также исторический Съезд Советов буду проведены в течение вечера и ночи с 7 на 8 ноября 1967 года. По завершении Съезда Советов, который поставит точку на победе большевиков и провозгласит декреты о земле и мире, по центральному телевидению выступит лично Генеральный Секретарь Коммунистической партии СССР товарищ Леонид Ильич Брежnev, который поздравит советский народ с победой революции».

Начинает играть революционная музыка.

Раиса Семеновна подходит к динамику и уменьшает громкость.

КОЛОБОК. Зося, чего ты медлишь? Разве не видишь, какое значение придается нам в Москве? Беги, звони маме, чтобы ребенка из садика взяла.

ЗОСЯ. Боря, а может в следующий раз?

АНТИПЕНКО. Товарищ Ильинская, неужели вы не понимаете, что следующего раза в ближайшие пятьдесят лет не будет.

Зося уходит.

КОЛОБОК. Семен Степаныч, у меня к вам личный вопрос. Можно как коммунист коммуниста спросить?

АНТИПЕНКО. Нет уж, лучше ты меня спрашивай как младший научный сотрудник зам. директора по режиму. Спрашивай.

КОЛОБОК. Милиция на площади будет?

АНТИПЕНКО. А куда же она денется?

КОЛОБОК. Прямо в форме так и будет?

АНТИПЕНКО. Еще чего не хватало — в форме! Это же по телевизору снимать будут. Там же представители буржуазии только и ждут, чтобы мы прокололись. Может тебе и конную милицию пригласить?

КОЛОБОК. А кто же будет следить за порядком?

АНТИПЕНКО. Кому положено, тот и проследит.

Он уходит к себе в кабинет.

КОЛОБОК. Ну вот! Такие дела. Да вы понимаете, чем это грозит?

Колобок обращается к закрытой двери и потому не ждет ответа. Хотя ответ приходит — от Симеонова, который вошел в коридор с улицы. Он в мокром плаще. Складывает зонтик.

СИМЕОНОВ. Чего витийствуешь, Колобок?

КОЛОБОК. Это хорошо не кончится.

СИМЕОНОВ. Ближе к делу.

КОЛОБОК. Ты знаешь — завтра ночью намечено взятие Зимнего. Революция. Энтузиазм масс. Ну и так далее.

СИМЕОНОВ. У тебя нет какой-нибудь новости посвежее — уж мочи нет. Радио включишь — даешь Зимний!

Телевизор включишь — Все на штурм! А это правда, что в буфете сосиски есть?

КОЛОБОК. Подожди ты со своими сосисками! Ты представь себе — будет штурм. На площади — Кировский завод, пенсионеры, сводная колонна обкома комсомола и конечно же все ленинградские алкаши.

СИМЕОНОВ. Эти еще зачем нужны?

КОЛОБОК. Они сами придут. Люмпен-пролетариат всегда актино участвует в революциях, надеясь на грабеж и разорение.

СИМЕОНОВ. Да там не площади на каждого штурмующего по милиционеру в форме и по сотруднику в штатском.

КОЛОБОК. Боюсь, что нет. И знаешь, почему? Потому что все это снимается телевидением и будут транслировать на всю Европу. Значит милицию уберут...

СИМЕОНОВ. Да не бойся. У нас все просчитано, проверено и перепроверено. Неужели ты думаешь. Что мероприятие такого масштаба не находится под контролем органов? Осечки не будет.

КОЛОБОК. Ох, не убедил ты меня. А скажи, что будет, когда они ворвутся во дворец?

СИМЕОНОВ. Как так ворвутся?

КОЛОБОК. Так же как в семнадцатом году.

СИМЕОНОВ. Колобок, ты анекдот про слона знаешь? Приходит человек в зоопарк и на клетке со слоном читает: «Слон съедает за день полтонны картошки, центнер бананов, помидоров и так далее». Он обращается к служителю и спрашивает: неужели он все это съест?

КОЛОБОК. А служитель отвечает: «Съесть то он съест, да кто ему даст».

СИМЕОНОВ. Так будет и с революционным народом.

КОЛОБОК. А если они ворвутся? Не могут же они дойти до дворца и повернуть обратно? В таком случае штурм Зимнего сорвется!

СИМЕОНОВ. Отобъемся!

Ему смешно представить такую ситуацию.

КОЛОБОК. Да ты не веселись. Баррикады сделаны на живую нитку, пушки из артиллерийского музея, подарок от Ивана Грозного. Даже винтовки наши на Ближний Восток передали. А кто защитника?

СИМЕОНОВ. Мы с тобой.

КОЛОБОК. Вот именно. Наша комсомольская организация несет ответственность за сохранность Зимнего дворца, всех тех народных ценностей, которые могут погибнуть, если в Зимний дворец проникает посторонний элемент.

СИМЕОНОВ. Погоди, Борька! Ты что же, хочешь сказать, что товарищей, штурмующих Зимний дворец, в самом деле пускать сюда нельзя?

КОЛОБОК. Не дальше вот этого места!

Колобок показывает точку, на которой стоит.

СИМЕОНОВ. Ты много на себя берешь, старик. Даже непонятно, с каких ты позиций выступаешь.

КОЛОБОК. Я выступаю с позиций патриота Эрмитажа и молодого члена партии. Мы обязаны не допустить хищений, воровства и хулиганства. Это наш долг, как членов партии, комсомольцев и просто сотрудников музея. Если толпа бежит брать очередную Бастилию, то ее может охватить массовый психоз.

РАИСА СЕМЕНОВНА. (*Она вышла покурить и стоит в стороне.*) Колобок, следи за своим языком. Он тебя черт знает куда заведет. Ничего себе — психоз на пятидесятый году советской власти. Учи — здесь тебе не взятие Бастилии, а юбилейное мероприятие. На уровне первомайской демонстрации.

Вмешательство Раисы Семеновны сразу меняет ситуацию. Симеонов из оппонентов тут же переходит в нейтралы.

СИМЕОНОВ. Черт его знает... может сходить в райком? Посоветоваться.

КОЛОБОК. Ты тоже так думаешь?

СИМЕОНОВ. У них там должны быть разработки, сценарий, рекомендации из Москвы.

РАИСА СЕМЕНОВНА. А я бы не советовала отвлекать товарищей в райкоме от важных дел. У нас есть поручение, мы должны его выполнить. Когда я была комсомолкой, никому и в голову не приходило обсуждать и даже ставить под сомнение решения партии.

КОЛОБОК. А я свою позицию не изменю. Это все — наше, народное. Я смотрю вокруг — наши же девушки будут стоять на баррикадах и их будут считать врагами люди там на площади... это серьезное моральное испытание.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Ну какие там враги! Что вы несете, Колобок. А еще секретарь комсомольской организации.

КОЛОБОК. У нас не только материальные ценности. Мы отвечаем также за наших девчат — за наших комсомолок, экскурсоводов, младших научных сотрудниц — за весь батальон смерти!

СИМЕОНОВ. Если ты все это начнешь нести в райкоме, то в лучшем случае схлопочешь выговор за паникерство. В лучшем случае.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Колобок, ты меня иногда пугаешь. В тебе так много не нашего... даже чуждого!

КОЛОБОК. Если Грушев там, то я пробуюсь к нему. Он в принципе неплохой мужик.

Картина вторая.

Кабинет секретаря Центрального райкома г. Ленинграда
отв. Василия Леонидовича Грушева.

Накурено, шумно. Обстановка несколько напоминает ту, которая изображается в историко-революционных фильмах и на картинах. У двери стоит матрос, который спрашивает пропуск. За столом сидит солдат в папахе, который печатает указательным пальцем. На другом столе — телеграфный аппарат. В сущности общая картина маленького штаба большой революции может воспроизвестись с различным наполнением, следует лишь иметь ввиду, что в Смольном тоже должен быть кабинет. Но там кабинет солидный, без шума и игрового элемента. В значительной степени вся эта суматоха рождается революционным характером самого Грушева, который переживает свой звездный час.

Грушев уже перевоплотился. Он одет в матросскую форму, он не снимает ни на секунду бескозырки с надписью «Потемкин». Секретарь райкома говорит по телефону — перед ним сразу три старинных аппарата. Клара, девица комиссарского типа протягивает ему бумаги с одной стороны, господин в плохо наклеенной бороде и котелке — с другой.

ГРУШЕВ. Петропавловка? Нет, не собор мне нужен, а коменданта тюрьмы. Товарища Сазончука попрошу. Сазончук? Слушай, сейчас к тебе политзаключенных приведут. Нет, не антисоветчиков! Хороших ребят, наших, советских, из органов и из первичек.

Грушев прикрывает трубку ладонью и протягивает руку к Колобку, которого признал издали.

ГРУШЕВ. Ругается! Страшный матерщинник, этот Сазончук. Директор вытрезвителя... Ну что, откричался? Значит, приведут к тебе пролетариат. Так вот, постельным бельем не обеспечивай. Не надо, на голом сутки поспят. Потом их освобождать будем. Темницы рухнут и свобода вас встретит радостно у входа! Слышал? Какой к черту Высоцкий! Ты сколько классов кончал, если Высоцкого от Некрасова отличить не можешь? Ну, то-то.

Звонит другой телефон. Грушев хватает трубку.

ГРУШЕВ. Центральный райком слушает. Кто у телефона? Я у телефона! Ну, Грушев! Какие еще проститутки на Невском! Клара, возьми трубку.

КЛАРА. (*Официально и светски.*) Я вас слушаю.

Далее они ведут два разговора, так что они переплетаются и мы слышим фразы и осколки фраз поочередно.

ГРУШЕВ. Подожди, Сазончук. Как их деды-декабристы старались, так и они пускай пострадают за народ... Питание из столовой «Белые ночи». Уже распорядились. С супом. Главное — историческая правда — замки, засовы, изверги в тюремной форме. Ты и есть изверг — кто же еще! Если партия сказала, будь извергом, станешь! Не первый и не последний.

КЛАРА. Есть историческая правда и историческая правда. Да, может быть в семнадцатом году отдельные проститутки и стояли на невском, но их смело вихрем революции. А если провокация? Если иностранные корреспонденты, заполонившие наш город, сделают выводы? Да пускай они трижды комсомолки! Самое опасное начать! А вдруг понравится? А там покатиться по наклонной плоскости — никакой комсомол не остановит!

Звонит третий телефон и Колобок берет трубку.

КОЛОБОК. Какой русский флаг? А, конечно полосатый. В энциклопедии нет? Посмотрите статью про Петра Первого. Это он придумал.

Колобок оборачивается к тем, кто стоит в комнате.

КОЛОБОК. Товарищи, кто помнит, какой был в России флаг?

ЧЕЛОВЕК С НАКЛЕЕННОЙ БОРОДОЙ. Как французский, только полосы наоборот.

КОЛОБОК. А какой французский?

Грушев кладет трубку на рычаг и видит человека с наклеенной бородой.

ГРУШЕВ. Колобок, ты о флаге разъясни, а мне надо два слова конфиденциально с товарищем Коганом выяснить.

Грушев ведет Когана с наклеенной бородой на авансцену.

ГРУШЕВ. Ты зачем в Смольный звонил? Зачем ты на меня товарищу Свердову капал, а? Ты учти, Коган, что

ты в моем районе прописан со своим Бундом. Так что обойдется комнатой в Эрмитаже. Твоя партия решающего значения в революции не сыграла... И слава богу.

КОГАН. А Карл. Маркс?

ГРУШЕВ. Что — Карл Маркс? Ох и хочется мне тебя к партответственности за злостную демагогию привлечь, товарищ Коган. Товарищ Маркс нацпринадлежности не имеет. Он — великий учитель рабочего класса.

КОГАН. Но еврей!

ГРУШЕВ. Знаешь что, Коган. Завтра я тебе двух-трех товарищей украинцев подкину. Для интернационала, а то вижу я, что ты хочешь в свой Бунд одних евреев набрать во главе с Марксом.

КОГАН. Я еще понимаю, если вы будете нас разбавлять русскими товарищами...

ГРУШЕВ. Ага, не хочешь хохлов! Тогда иди в подполье! Скрывайся, таись! Но не путайся ты, Борис Моисеевич, у нас под ногами.

Колобок подходит к нему.

ГРУШЕВ. (*Вытирает лицо бескозыркой.*) Ну что, выяснили с флагом? А то конечно стыдно получается. Мы наш, мы новый мир построим, а флаг забыли. Вот построим мы когда-нибудь коммунизм и спросят нас внуки — а не поменять ли нам флаг на старый. Русские мы с тобой, в конце концов!

КОЛОБОК. Я к вам по делу, Василий Леонидович.

ГРУШЕВ. А ко мне всегда только по делу. Ко мне даже жена по делу. Вася, колбасу купил?.. Ох, сорвем мы мероприятие, ох сорвем! Китай, знаешь, как на нас смотрит? Злобно. Только и ждет осечки, чтобы развернуть кампанию травли. А как прикажешь с людьми работать. Вот Коган, старый партиец, а в решающий момент: Маркс был еврей! Шатает людей, сложная эпоха.

КОЛОБОК. У нас тоже нелегко. Поэтому и пришел.

ГРУШЕВ. Чего тебе-то нелегко? Вы в тепле, женский батальон смерти под боком. Вы ведь юнкера? А колоннам наших, советских штурмовщиков придется через весь город под дождем и снегом топать. А товарищу Ленину каково?

КОЛОБОК. А каково товарищу Ленину?

ГРУШЕВ. Товарищу Ленину с перевязанной щекой через ночной Ленинград в Смольный пробираться. А его к нам из Москвы прислали. Народный артист РСФСР. Тут каждому-всякому не доверишь!

К ним подходит Клара. Протягивает Грушеву ремень с кобурой. И пулеметные ленты.

ГРУШЕВ. Не взорвется?... Ну ты, приспособь.

КОЛОБОК. У меня в самом деле важный вопрос.

ГРУШЕВ. (*Помогая Кларе обвязать и подпоясать себе.*) Валяй.

КОЛОБОК. Значит решено оборонять Зимний дворец силами сотрудников Эрмитажа?

ГРУШЕВ. И правильно. Свои должны защищать. А то еще могут произойти инциденты.

КОЛОБОК. Вот из-за этого я и пришел. Милиция на площади будет?

ГРУШЕВ. Ну что ты несешь, Колобок, когда первая программа телевидения прямой репортаж показывать будет, товарищ Левитан слова скажет, иностранцы приехали. И ты хочешь милицию показать? Будто мы, значит, спектакль устроили, а народ своей сознательности не имеет.

КОЛОБОК. Тогда я требую, чтобы отряд милиции был внутри Эрмитажа. И с оружием.

КЛАРА. Ну поглядите, какой герой. Матрос-партизан Железняк... лежит под курганом с блестящим наганом, как писал Есенин.

ГРУШЕВ. (*Похлопал Клару по щечке.*) Пошла, пошла, рано меня еще хоронить.

КОЛОБОК. А вы не думаете, что могут пострадать материальные ценности?

ГРУШЕВ. Как так?

КОЛОБОК. А так, что ворвутся пуголовцы и дружинники, в подпитии и начнут громить. Вы знаете, на сколько миллиардов народных ценностей в Эрмитаже хранится?

ГРУШЕВ. Наш питерский пролетариат этого не допустит.

КОЛОБОК. Боюсь, что допустит.

ГРУШЕВ. Ты что, клевещешь?

КОЛОБОК. Ну, не пролетариат. А случайные люди заштукятся?

ГРУШЕВ. Их отсекут.

КОЛОБОК. Выпьют для сугрева, а потом по витрине прикладом.

ГРУШЕВ. Колобок, помолчи!

КОЛОБОК. Так я к вам пришел, а не к кому-нибудь еще. Вы для меня — партия. А партия не должна ошибаться.

ГРУШЕВ. И не ошибается. И если Политбюро постановило — взять Зимний дворец, мы не можем штурм за город перенести.

КОЛОБОК. А жалко.

ГРУШЕВ. Честно говоря, у меня у самого на душе неспокойно. Народ у нас разный бывает. Есть еще пережитки. Искореним конечно, но до седьмого ноября не успеем.

КОЛОБОК. Потом ведь нам история не простит.

ГРУШЕВ. Мне с историй детей не крестить — но вот если в Смольный вызовут... Эх, знаешь что — я тебе пожарную машину подкину. С водометом.

КОЛОБОК. Погода около нуля. Еще кто простудится.

ГРУШЕВ. На крайний случай.

КОЛОБОК. А может все-таки в ГБ попросишь?

ГРУШЕВ. Они меня уже послали. У них свои проблемы... Директор ваш что, в больницу спрятался?

КОЛОБОК. У него в самом деле обострение язвы.

ГРУШЕВ. А зам. по режиму, Антипенко — вроде мужик крепкий?

КОЛОБОК. Ветеран.

ГРУШЕВ. Ну вот видишь! Ветеран! Мы тебе и еще кого-нибудь подкинем. Жди, не падай духом. А рабочий класс значит допускаете до баррикады — но чтобы в Эрмитаж — ни ногой. Мы по заводам уже послали оперативку. Да не дрейфь ты, Боря! Народ у нас сознательный. Хороший у нас народ! Чужого не возьмет.

К ним подходит генерал в дореволюционном мундире, с Георгиевским орденом на груди.

КРАСНОВ. Я поехал, Василий Леонидович, — говорит он. Тачанку за мной прислали.

ГРУШЕВ. Ну ты хорош, ну настоящий душитель свободы!

КРАСНОВ. Не надо так. Я же в отпуск собрался. И вот тебе — команду контрреволюцией.

ГРУШЕВ. (*Обращаясь к Колобку.*) Боря, познакомься, больше не увидитесь. Перед тобой директор конного манежа, а ныне вождь вооруженной буржуазии генерал Краснов, конница которого завтра ночью будет прорываться на помощь Временному правительству, то есть тебе, контра полосатая! (*Он с размаху бьет по плечу Колобка. Тот чуть не падает.*)

КРАСНОВ. Сидорович, Александр. Я вас где-то встречал.

КОЛОБОК. На партактиве. Вы еще о прикладных видах спорта выступали.

ГРУШЕВ. Поезжай. Прорывайтесь, действуйте, только без особого напора, а то еще прорветесь! Ха-ха! Смеюсь.

Краснов щелкает каблуками. И уходит, чеканя шаг.

ГРУШЕВ. Смотри, как люди перерождаются. Видно есть в нем военная косточка.

Грушев пытается идти за ним также чеканя шаг, но не получается.

ГРУШЕВ. Естественно. У нас, балтийских моряков, походка другая.

Идет поигрывая вытащенным из кобуры маузером, вразвалку.

ГРУШЕВ. Ну кто тут временные, слазь! Кончилось ваше время.

Он уходит, садится к себе за стол и тут же начинают звонить телефоны.

ГРУШЕВ. Алло! Центральный райком на проводе. Грушев у аппарата.

Картина третья.

Служебный буфет в Эрмитаже. Три столика. У стойки, за которой стоит Мальвина — голубая девушка, ожидает кофе Симеонов. За столиком сидят Колобок с Раисой Семеновной.

СИМЕОНОВ. Колобок, тебе двойной или ординарный?

КОЛОБОК. Хоть чай.

СИМЕОНОВ. И три раза по пятьдесят коньяку.

МАЛЬВИНА. Коля, ты же знаешь. Антипенко категорически запретил в рабочее время.

СИМЕОНОВ. Где ты увидела рабочее время? Мы еще революции не провели, а там впереди гражданская война, коллективизация, отдельные ошибки культа личности... Наливай.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Мне не надо... Плохо дело, Боря?

КОЛОБОК. Хуже некуда. Меня не оставляет тревожное чувство опасности! Создается впечатление, что даже там наверху, в Смольном, не понимают еще, на что решились, какого Джина выпускают из бутылки!

Входит Антиленко, перед собой он гонит совсем маленького человека пенсионного возраста в морском мундире и адмиральских эполетах.

АНТИЛЕНКО. Садись, Горыныч. Садись, не робей.

Они занимают соседний столик.

АНТИЛЕНКО. Ну что, орлы, не узнаете ветерана ленинской гвардии? Участника штурма Кронштадта, товарища Гунявого?

СИМЕОНОВ. (*Который ставит кофе на стол.*) Горыныч! Швейцар наш, Горыныч. Что за маскарад!

АНТИЛЕНКО. Разрешите представить: Геннадий Альбертович Гунявый. Мичман Балтийского флота. Ныне призван из резерва для прохождения службы в рядах контрреволюции.

КОЛОБОК. Как же он такие эполеты заработал?

ГУНЯВЫЙ. Как коммунист и ветеран я написал в обком. Просил назначить меня на любую должность, желательно командиром «Авроры». Место оказалось занято. Пришлось соглашаться на белогвардейскую вакансию. Но не меньше адмирала.

СИМЕОНОВ. Ясно, это надо обмыть.

ГУНЯВЫЙ. Вот именно. Сто грамм виски с мартини! И побольше льда, мадам.

МАЛЬВИНА. Горыныч, что ты несешь?

ГУНЯВЫЙ. У меня хоть не два дня, но жизнь буржуйская! Если нет мартини — сто пятьдесят и бутерброд.

В буфет быстро входит Керенский. За ним, отступив на шаг толстый человек в черном костюме, с бабочкой, министр Пешеходов.

КЕРЕНСКИЙ. Добрый день, господа. Надеюсь, я не помешал?

Появление его столь значительно сыграло. Что все встают, даже Антиленко и адмирал.

Керенский обходит весь буфет, пожимая всем руки и всем говорит, что он Керенский и рад познакомиться. Пешеходов повторяет его действия

КЕРЕНСКИЙ. Прошу садиться. Чувствуйте себя как дома. Чем угостите, Мальвиночка?

МАЛЬВИНА. У нас пиво свежее, товарищ Керенский.

КЕРЕНСКИЙ. Попрошу называть меня гражданином или в крайнем случае господином. Обращение товарищ, взятое на вооружение нашими политическими противниками, долго не проживет.

ГУНЯВЫЙ. Гусь свинье не товарищ!

АНТИПЕНКО. Адмирала Гунявого мы выделили из своего коллектива. У него есть боевой опыт.

КЕРЕНСКИЙ. Что же, я рад видеть специалистов в наших рядах. Берите командование Балтийским флотом. Справитесь, адмирал?

ГУНЯВЫЙ. Да кто мне даст? Они же там за свои пайки удавятся. Назначьте меня морским министром, а?

КЕРЕНСКИЙ. По рукам, господин Гунявый!

КОЛОБОК. А мне ваше лицо знакомо. Я вас видел?

КЕРЕНСКИЙ. В театре Ленсовета. Критика отмечала мое исполнение «Гамлета».

МАЛЬВИНА. Ну конечно, Гамлет! Я вас сразу узнала. Пиво берите!

Министр Пешеходов, который сопровождает Керенского, спешит за пивом.

Заглядывает Краснов.

КРАСНОВ. Простите, я отбываю в Гатчину. Вы здесь Керенского не видали? А то товарищ Грушев рекомендовал связь наладить.

КЕРЕНСКИЙ. Очень рад. Керенский. Председатель временного правительства.

КРАСНОВ. Генерал Краснов, моя попытка освободить Зимний дворец завтра ночью должна провалиться.

КЕРЕНСКИЙ. С чем я вас и поздравляю. Вас тоже из театра пригласили? (Присаживается за стол к Керенскому.)

КРАСНОВ. Нет, еще вчера я был директором школы верховой езды. По сценарию после взятия Зимнего вы должны переодеться в медицинскую сестру и на американской машине прорываться в Гатчину, в расположение моих частей. Халат и юбку я вам обеспечу.

КЕРЕНСКИЙ. Можно обойтись без юбки?

КРАСНОВ. Историческая правда, Александр Федорович, выше всего!

КЕРЕНСКИЙ. Можете звать меня Нодаром.

КРАСНОВ. Нет, не могу. Историческая правда не позволяет. Честь имею.

Краснов откладывает и выходит.

КЕРЕНСКИЙ. Если бы у меня было хотя бы полдюжины таких генералов, я бы не отдал власть большевикам.

ГУНЯВЫЙ. Ты чего несешь, министр, чего несешь? Ведь я же все записываю, мне велели.

КЕРЕНСКИЙ. И отлично. Записывайте, господин адмирал. Мы потом опубликуем ваши записки на всех языках свободного мира.

ГУНЯВЫЙ. Как так опубликуете? Кто вам позволит?

ПЕШЕХОДОВ. История позволит, вот именно. история. Господин Керенский, мне можно отлучиться?

КЕРЕНСКИЙ. Что еще стряслось? Министр Пешеходов?

ПЕШЕХОДОВ. Меня Грушев в партию Бунд перевел на укрепление. Так говорит много евреев развелось.

КЕРЕНСКИЙ. Так твоя же настоящая фамилия Нетудыхата! Ты ж хохол!

ПЕШЕХОДОВ. Вот именно — я буду укреплять Бунд славянским элементом.

КЕРЕНСКИЙ. Укрепишь — и тут же обратно. У меня министров — кот наплакал. А то что получается — у большевиков и Смольный, и райкомы, и «Аврора», и Кантемировская дивизия в резерве. А у меня полсотни дево-

чек из экскурсионного отдела Эрмитажа и столько же очкариков аспирантов.

МАЛЬВИНА. Подвигает Времениому правительству стаканы и бутылки с пивом.

МАЛЬВИНА. Берите, контрреволюция! День твой последний приходит. Буржуй.

КОЛОБОК. Александр Федорович, я хотел бы с вами поговорить.

КЕРЕНСКИЙ. Мы не представлены, молодой человек.

КОЛОБОК. Временно я командую юнкерами — по комсомольской линии. Борис Колобок.

КЕРЕНСКИЙ. Нодар Яманидзе. Очень приятно. Продолжайте.

Они пьют пиво. Рядом сидит адмирал и кивает головой, намереваясь заснуть. Антипенко и Раиса Семеновна шепчутся за соседним столиком. Мальвина достала из-под стойки военную фуражку и примеряет ее.

КОЛОБОК. Я беспокоюсь за исход штурма.

КЕРЕНСКИЙ. Исход, к сожалению, один. Победа пролетариата.

КОЛОБОК. Я в этом не сомневаюсь.

В дверях появляется Зося.

ЗОСЯ. Мальвина, дай чего-нибудь попить. Я без ног — там очередь жуткая. А потом тащи эти шинели через весь город в пикапе!

КОЛОБОК. Как с садиком? Обошлось?

ЗОСЯ. Взяла ее мама, взяла.

КОЛОБОК. Садись к нам. Это вот Керенский, а это адмирал Гуняевый, новый морской министр.

ЗОСЯ. А, наш держиморда!

КЕРЕНСКИЙ. (Проникновенно.) Я ощущаю, как вы устали. Как вы смертельно устали!

ЗОСЯ. Я вас знаю, вы Гамлета в Ленсовете играли.

КЕРЕНСКИЙ. Да, это была удачная роль.

МАЛЬВИНА. Зось, а шинели всем дадут?

Зося смотрит на Керенского, Керенский на нее, потому она отвечает не сразу.

ЗОСЯ. Шинелей хватит. Вот с сапогами плохо.

МАЛЬВИНА. Но ведь можно свои сапоги взять. На каблуках?

КОЛОБОК. Меня, Нодар, вот что беспокоит. Я даже к Грушеву в райком ездил. Представь себе: ночь, взбудораженная толпа на площади. Прожектора, телевизионные камеры, и жалкая горстка наших девушек!

КЕРЕНСКИЙ. То, что нас возьмут, это исторический факт.

КОЛОБОК. И потом ворвутся во дворец.

Керенский и Зося смотрят друг на друга глазами цвета пробуждающейся любви.

КОЛОБОК. Вы не представляете, сколько мы потратили денег на реставрацию лиможских эмалей. А ведь каждую можно положить в карман.

КЕРЕНСКИЙ. Вас зовут...?

ЗОСЯ. Зосей.

КОЛОБОК. А зал миниатюр? Там же масса шедевров, начиная с антики — вы когда-нибудь были в зале камней?

КЕРЕНСКИЙ. Мне приятно, что я буду работать с вами.

ЗОСЯ. Хоть и недолго.

МАЛЬВИНА. Зось, а где форма?

ЗОСЯ. В лекционном бюро.

МАЛЬВИНА. Ты здесь посмотри.

КЕРЕНСКИЙ. На вас вся надежда.

КОЛОБОК. Ну какая может быть надежда! У нас в пушках замков нет.

АНТИПЕНКО. И слава богу. Раиса, он хочет стрелять в советских людей!

КОЛОБОК. А черт его знает, в кого стрелять!

АНТИПЕНКО. В райкоме лучше знают.

КОЛОБОК. Я сегодня убедился, что в райкоме, обкоме и даже в Смольном ни хрена не знают.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Колобок, что за выражения! Вы же не матрос, вы же секретарь комитета комсомола! Кандидат наук!

КОЛОБОК. Что-то надо делать.

ЗОСЯ. Я пойду домой. У мамы радикулит, а она за Дашенькой в садик ходила.

АНТИПЕНКО. Чтобы завтра быть на местах в восемь ноль-ноль. Завтра решающий день.

КЕРЕНСКИЙ. Ого, мне в ту же сторону. Можно привозжу? Мне выделили на сутки авто роллс-ройс. Не составите компанию?

ЗОСЯ. Спасибо, не беспокойтесь.

Входит Мальвина в шинели, в фуражке с черепом, и становится за стойку.

Керенский и Зося уходят вместе.

Картина четвертая.

Кабинет секретаря обкома КПСС Ленинграда.

Начальственный стол, куда меньше декораций, но в то же время у стены лозунг — «Долой министров-капиталистов!»

Стол настоящий, обкомовский, буквой «Т». Над ним — портрет Брежнева.

Выступает товарищ Свердлов — секретарь обкома Отрепьев. В стороне стоит телевизионная камера. Ее настраивают. За столом, спиной к нам, сидят еще три или четыре человека. В одном мы узнаем Грушева. Еще один — в кепке.

СВЕРДЛОВ. Москва поставила нам жесткие сроки. Чтобы завтра к полночи все было взято, контрреволюция ликвидирована и городское хозяйство функционировало нормально. Так что никаких задержек. В девять ноль-ноль

выходим на позиции. Тут же залп «Авроры». Кто отвечает за залп «Авроры»?

Поднимается Грушев.

ГРУШЕВ. На «Аврору» я завтра с обеда. Лично займусь. Там ее надо по фарватеру провести.

СВЕРДЛОВ. Твои заботы. Мне важен результат.

Встает человек во френче. Оборачивается. Это Сталин.

СТАЛИН. И учтите, товарищ Грушев, что вы — безымянный солдат партии. И завтра на вас будут направлены взоры и наших врагов, и всего прогрессивного человечества.

ГРУШЕВ. Сделаю все от меня зависящее, товарищ Пушкин.

СТАЛИН. Забудьте временно мое имя. Кто я для вас сейчас?

ГРУШЕВ. Вы для меня председатель революционного комитета, организатор Октябрьской революции товарищ Сталин.

СВЕРДЛОВ. Давайте не будем вступать в дискуссии, товарищи. У каждого из нас есть заслуги перед революцией, я тоже провел десятки лет в тюрьмах и на каторге. Продолжаем работу. Товарищ Ленин в двадцать два тридцать выходит из своей явочной квартиры и с помощью товарища Рахья проходит в Смольный. Не заблудитесь?

ЛЕНИН. Надеюсь, товарищи, что выделенное вами сопровождающее лицо знает дорогу?

Вожди в комнате дружно смеются.

СТАЛИН. Не беспокойтесь, товарищ народный артист. Не для этого мы вас из Москвы приглашали, чтобы вы заблудились.

ЛЕНИН. Смотрите, батенька, не сорвите революцию. Пролетариат этого не простит.

СВЕРДЛОВ. Только попрошу без этой бородки. Кепка, завязанная щека — правда жизни!

ЛЕНИН. А вот тут я с вами, батенька, категорически не согласен. Если правда жизни, а есть правда истории или, скажем, правда вечности! Для дотошных гробокопателей истории может быть важнее, что я скрывался от ищеек временного правительства без бороды и даже с завязанной щекой. Но для образа героического Октября я предпочитаю идти открыто, как я запомнился всему миру!

СТАЛИН. Я не уверен, что наш вождь и учитель прав. Пуская историю разбирается. А нам надо обеспечить безопасность Ильича. Есть борода, нет бороды — революцию это не сделает!

ЛЕНИН. Я эту бородку полгода отращивал.

СТАЛИН. Снова отрастите. Что-то вы забываете, что мы находимся под пристальным вниманием враждебного окружения.

СВЕРДЛОВ. Голосуем, товарищи, кто за то, чтобы сбрить бороду Владимиру Ильичу Ленину? Большинство. Переходим к следующему вопросу.

СВЕРДЛОВ. Остался еще один вопрос, тесно связанный с предыдущим. В среде наших товарищей интеллигентов есть тенденция утверждать, что залпа «Авроры» на самом деле не было и обвинять большевиков в мелкобуржуазном гуманизме. Так вот, мы посоветовались с товарищами из Москвы и решили — залпу быть! «Аврора» долбанет по этому Зимнему дворцу боевыми снарядами!

ГРУШЕВ. Погоди, погоди, ко мне сегодня из Эрмитажа уже прибегали товарищи. Переживают за судьбу народного достояния. А что, если повредим?

СВЕРДЛОВ. Повредим — починим. Не в первый раз, Грушев. А от тебя я не ожидал такого оппортунизма.

ГРУШЕВ. Может достаточно холостого, а?

СТАЛИН. А вот по этой части, товарищ Грушев. Есть личное распоряжение товарища Брежнева: стрелять!

Картина пятая.

Снова в буфете. На этот раз буфет переменился. На нем на стене укрепляют лозунг «Вся власть Временному правительству!» «Да здравствует Учредительное собрание!»

В буфете собрались защитники Эрмитажа. Среди них Керенский и адмирал Гуняевый.

МАЛЬВИНА. Я выступаю как рядовая молодежь, не член комсомола, потому что принципиально покинула его за аморалку.

КОЛОБОК. Мальвина. Ты можешь ближе к делу?

МАЛЬВИНА. Вчера я смеялась над Борькой Колобком, что штурмом будут брать и натворят. Я же понимаю — там дружинники, милиция, финский туристы. А сегодня я на работу ехала с пересадками, на метро и на трамвае, и чувствую — ребята, не то! Что-то в городе происходит.

Среди собравшихся гул.

ЗОСЯ. Сегодня в троллейбусе один кричал, что теперь с жидами покончим!

КОЛОБОК. Зося, не в этом дело!

МАЛЬВИНА. В этом. Мой сосед, даже тихий такой алкаш, они сговаривались: стенки-то фанерные, мне с кухни все слышно — они сговаривались, что когда штурм будет, они с набережной в окно полезут за золотыми монетами.

ЗОСЯ. А в троллейбусе они даже кричали, что ох, погуляем!

АДМИРАЛ ГУНЯЕВЫЙ. Будем считать, что это случайность, ну погорячился кто-то. Попался невыдержаный товарищ. А на самом деле это все наши люди, комсомольцы, коммунисты.

РАИСА СЕМЕНОВНА. (Она в одежде сестры милосердия тех времен.) Но у меня сегодня шесть человек на работу не вышло. Двое позвонили, что грипп, а остальные даже не сочли нужным сообщить. И когда начнут посту-

пать искалеченные трупы и ампутации, то я не понимаю, с кем я буду работать.

КОЛОБОК. Раиса Семеновна, наверное до этого не дойдет.

ГУНЯВЫЙ. А что вы подумали? Когда Кронштадт брали, их щадили? Никого в живых не оставляли! Закон природы!

КЕРЕНСКИЙ. Господа, товарищи, граждане! Успокойтесь! Да, в момент революции к чистым силам прогресса примазываются сомнительные элементы. В Ленинграде имеют место перебои с сахаром и колбасой. Но в целом, как я уверен, ситуация находится в руках обкома и райкомов, правоохранительных органов. Гарантией безопасности музея и его сотрудников будет присутствие в наших рядах как руководителей Эрмитажа, так и командированных товарищей из обкома.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Антипенко сегодня бюллетень взял. Говорит, что у него подозрение на дифтерит.

ЗОСЯ. А кто у нас тогда из обкома?

КЕРЕНСКИЙ. Ну вот — товарищ адмирал, мой морской министр.

ГУНЯВЫЙ. Вот именно! Только я не из обкома.

МАЛЬВИНА. Так он — швейцар наш, ему Симеонов из отдела одежды эполеты дал!

РАИСА СЕМЕНОВНА. Я что предлагаю — разойтись всем по домам. Пускай они выделяют своих товарищей для защиты Эрмитажа.

ЗОСЯ. Для него свои, а для Эрмитажа чужие. Они же камня на камне от нашего музея не оставят.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Я тебя понимаю, Зося, но что ты предлагаешь делать?

ЗОСЯ. Я предлагаю выполнить свой долг.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Какой долг? Окстись! Твой долг водить экскурсии, а не лазить как Гаврош по баррикадам.

КОЛОБОК. Я сегодня с утра звонил в райком. Но Грушева уже нет — он на «Аврору» перешел, там держит штаб, в Смольном никто ничего не знает. Так что если мы не защитим Эрмитаж, боюсь, что уже никто не защитит.

ГУНЯВЫЙ. Как работник охраны, с одной стороны, я ни одной сволочи в музей не пропущу. А как коммунист я должен сдать музей взбунтовавшемуся народу. Так что же мне делать?

КЕРЕНСКИЙ. Вы не работник охраны, а адмирал русского флота. Министр морских дел в моем правительстве. Раз в жизни вам улыбнулось счастье. Отвечайте мне, где вам хочется лежать — в Пантеоне Славы или в братской могиле на загородном кладбище.

ГУНЯВЫЙ. Понял вас, гражданин премьер-министр. Служу. Этому...самому...

До них доносится гул далекого заводского гудка. Потом к нему присоединяется еще один... И вот уже симфония заводских гудков заполняет воздух.

МАЛЬВИНА. Что это?

КОЛОБОК. Я думаю — сигнал к восстанию.

КЕРЕНСКИЙ. Пока — всеобщая стачка, мобилизация пролетариата... Черт побери, у кого-нибудь есть сценарий? Как можно работать без сценария?

РАИСА СЕМЕНОВНА. Возьмите, вот, по спискам вырывали, под расписку от товарища Антипенко остался.

КЕРЕНСКИЙ. Ну вот, я же говорил: в двенадцать часов дня гудки многочисленных заводов и фабрик столицы призывают пролетариат на сборные пункты, а также для получения оружия.

КОЛОБОК. А у нас до сих пор оружия нет.

ГУНЯВЫЙ. И не будет. Я тебе как старый солдат скажу — ну кто будет вооружать классового противника? Я бы не стал.

ЗОСЯ. Какой из нас классовый противник, что ты несешь, Горыныч? Это Боря Колобок тебе классовый противник? Это товарищ Яманидзе?

КЕРЕНСКИЙ. Для тебя, Зося, Нодар.

ГУНЯВЫЙ. И я тоже классовый противник. У нас ведь как — только бы вывеску повесить. Гляди, вот у тебя, Боря, на животе вывеска висит: «Мироед», «Белый генерал», «Угнетатель». Да будь ты самый что ни на есть преданный революции бедняк, смотреть положено на вывеску. Вот и мы теперь живем с вами под общей вывеской — Контрреволюция. И хоть ты на голову стань, никому ничего не докажешь.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Прекратите заниматься демагогией, товарищ генерал. Партия учит нас заглядывать глубоко в души людей, а вот навешивание ярлыков суро-во осуждается, как наследие культа личности.

ЗОСЯ. Погодите, погодите, погодите! По-моему у нас в головах все стало верх ногами. Мне например сейчас все равно, какая я враг народа. Я знаю, что сегодня ночью будет большое хулиганство и может быть культурная трагедия.

КОЛОБОК. И никто в Смольном нас не защитит. И я догадался о самом главном — они не защитят, потому что они очень хотят повторить революцию, взять штурмом Зимний Дворец и сделать залп «Авроры». Этим толстым пожилым мальчиком хочется похулиганить.

РАИСА СЕМЕНОВНА. О ком ты говоришь, Колобок? Ты говоришь так о руководителях ленинградской партийной организации, о верных ленинцах!

КЕРЕНСКИЙ. Именно потому что эти товарищи стали трижды ленинцами, четырежды ленинцы, они плевали с высокой башни на все ваши культурные ценности. Они думают, что еще много останется.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Я ухожу потому что не могу присутствовать при этой идеологической диверсии!

Но никуда не уходит.

КЕРЕНСКИЙ. Когда я согласился играть роль Керенского, я думал, что это выгодная халтура, тем более что в договоре мне платят как за ночные съемки. А теперь я пришел к вам, ребята, я посмотрел на это дело другими глазами. Как вы. И я боюсь, что прав ваш Боря Колобок. В самом деле получится самый настоящий штурм! Но раз они настоящие ленинцы, то они обязаны беречь себя.

МАЛЬВИНА. Значит это будет настоящий штурм? Как будто мы Рейхстаг!

КЕРЕНСКИЙ. Ну не совсем Рейхстаг... даже думать так не хочется.

ГУНЯВЫЙ. Эх, молодежь, послушайте меня, старика, свидетеля трех революций и многих мировых войн. Может они сами еще себя не знают и им кажется, что все будет по справедливости — но на самом-то деле они никакого оружия нам не дадут. Костьми лягут, но не дадут.

ЗОСЯ. Но ведь мы же и они, там — одна команда. Одна партия...

КОЛОБОК. А вот это мы сейчас проверим.

Он проходит за стойку буфета и набирает номер на аппарате, который там стоит.

КОЛОБОК. Смольный? Смольный? Штаб революции? Вас беспокоит Зимний Дворец. Вот именно, Зимний Дворец. Мы желаем обсудить условия капитуляции. Зовите кто ближе из начальства. Свердлова можно. Или Сталина. Ленина в буфете видели? Давайте Ленина. В ваших руках, девушка, судьба революции! Одна нога здесь, другая — там.

ГУНЯВЫЙ. Не дури, они ни за что не согласятся. Им слава нужна. Победа, пуля-дуря, штык-молодец. А ты им игру испортить хочешь. Они конечно не признаются, будут об исторической правде говорить.

Колобок поднимает руку, останавливая монолог Гунявого.

КОЛОБОК. Здравствуйте, товарищ Отрепьев. То есть простите... Свердлов? Здравствуйте, Яков Михайлович. Вас беспокоят из Эрмитажа. Ну да, из Зимнего. Моя фамилия Колобок. Я — секретарь комитета комсомола Эрмитажа, да, то есть Зимнего Дворца. Да не нарушаю я конспирацию! Мы же не у Гитлера в ставке! Я все понимаю. Ну хорошо — не хотят говорить со мной, говорите тогда с Керенским. Да, товарищ Свердлов. Сейчас с вами будет говорить Керенский. Александр Федорович. Премьер-министр Временного правительства.

Колобок протягивает трубку Керенскому и негромко ворчит.

КОЛОБОК. Черт знает что! Как будто играют в казаки-разбойников. Видите ли — в Зимнем дворце не может быть комсомольской организации!

КЕРЕНСКИЙ. Здравствуйте, господин Свердлов. Яков Михайлович, если не ошибаюсь? Яков Михайлович, у нас сложилась нелепая ситуация — наше оружие отправили на Ближний Восток, артиллерию так и не подвезли. Мы практически безоружны. Как так хорошо? А с чем мы будем защищать Эрмитаж?... Тогда послушайте меня, Яков Михайлович! Мы капитулируем! Мы уходим из Зимнего дворца и берите его, как хотите. Кому сдать ключи? Как так не имеем права? При чем тут конституция? У нас все равны! И мы не можем нести ответственности за ценное народное достояние, если у нас не будет пулеметов! Хорошо. Давайте меняться — мы в Смольный, а вы сюда!

Керенский громко кладет трубку и победоносно смотрит на Зосю.

КЕРЕНСКИЙ. Ну как я их?

ГУНЯВЫЙ. (*Пытается отстегнуть эполеты*). Ну вот и наигрались. А жаль, думал перед смертью занять руководящую должность. Показать этим большевикам, где раки зимуют!

КЕРЕНСКИЙ. Погодите. Это еще не финал. Насколько я знаю человеческую психологию, сейчас начнутся маневры.

Звонит телефон. Колобок берет трубку.

КОЛОБОК. Это Колобок у телефона. Нет, это фамилия, а не подпольная кличка, Иосиф Виссарионович. Одну минутку, Иосиф Виссарионович. (*Оборачивается к Керенскому*). Вас, Александр Федорович. Сталин просит. С ума можно сойти!

КЕРЕНСКИЙ. Керенский на проводе. Очень приятно, господин Сталин. Просите, не знаю вашего отчества... Так вот и не знаю. Не имел чести быть представленным. Мы с вами еще не сталкивались на политической арене. Иосиф Виссарионович? Странное имя. Вы из армян? Ах, грузин, очень приятно. Я тоже из грузин. Яманидзе моя девичья фамилия.

Зоя беззвучно аплодирует. Адмирал Гуняевый поднимает большой палец и показывает всем.

КЕРЕНСКИЙ. Если вы собираетесь нас штурмовать и показывать свои успехи всему человечеству, то я спрашиваю, кто будет делать ответные вспышки выстрелов? Я не прошу вас о танках, но если вы пришлете ящик бенгальских огней, это уже достижение... Что реально нужно? Реально нужны винтовки и пулеметы, как и было в семнадцатом году. И нужна хотя бы одна артиллерийская батарея... Нет, мы не собираемся устраивать боев в центре города, это вы решили устраивать такие бои. Но мы хотим добиться внушительной исторической правды. Надеюсь, вы понимаете меня, господин Сталин, что у нас с вами общие интересы — сохранение собственности музея Эрмитажа... Конечно, посоветуйтесь с товарищами, в первую очередь с товарищем Лениным. Только учтите, что в случае обмана мы сразу уйдем. И вам придется присыпать на наше место Кантемировскую дивизию... Я тоже не шучу, господин Сталин.

Керенский кладет трубку на рычаг.

ГУНЯВЫЙ. Погодите, погодите, вы я вижу, Зоя, что вы хотите вашего Керенского качать и целовать. Словно он Бастилию взял. Ничего вы пока не добились. Они сделяют вид, что идут на компромисс. А потом пришлют вам дюжину ружей без патронов.

Звонит телефон.

КЕРЕНСКИЙ. Да, я у аппарата. Хорошо, мы ждем в течение часа. Спасибо. Если не удастся с патронами, мы согласны на роту милиции. Я не шучу...

РАИСА СЕМЕНОВНА. Вот видите, все обошлось. А вы сомневались в искренности партийного руководства.

КОЛОБОК. Когда оружие прибудет, тогда и прекратим сомневаться.

ГУНЯВЫЙ. Не будет оружия, ни хрена не будет. Я ведь не всегда швейцаром работал, я и руководящие посты занимал. Сам обещал, мне обещали. Ни разу не выполнил ни одного обещания. Обычное дело. Я бы на месте тебя, Колобок, если в самом деле тебе жалко этих вазочек и пепельниц, пошел бы в отдел оружия и провелил, какие у тебя есть местные возможности.

КОЛОБОК. Чего?

ГУНЯВЫЙ. А того, что тебе царские власти с древних времен накопили здесь целый арсенал.

КОЛОБОК. Горыныч, дай я тебя расцелую! Ты же гений.

ГУНЯВЫЙ. Только без этого. Я тебе ничего не говорил, ты ничего не слышал. Не хочется на восьмом десятке под статью идти.

КОЛОБОК. Не расходитесь! Погодите! Самое главное забыли. Да, забыли, ради чего мы сюда собрались. Ведь мы не решили для самих себя главный вопрос: мы разъезжаемся по домам или защищаем Эрмитаж? Независимо от того, будет оружие или не будет.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Как так независимо?

КОЛОБОК. Независимо, потому что они все равно будут штурмовать Зимний. И все равно ворвутся вот сюда...

ЗОСЯ. Нет, никогда!

КОЛОБОК. Здесь собрались представители от разных групп. Есть товарищи от батальона смерти, от экскурсоводов, от отдела фарфора, от нумизматов. Товарищ Керенский представляет Временное правительство.

ГУНЯВЫЙ. Я тоже представляю.

КОЛОБОК. Собрание представителей сотрудников Эрмитажа и советской общественности считаю открытым. На повестке дня один вопрос: впускать или не впускать в музей восставший пролетариат. Кто за то, чтобы непускать и сохранить ценности для народа? Большинство. Против? Воздержалась Раиса Семеновна. Попрошу всех начать подготовку к отражению штурма. Довести до сведения отделов Эрмитажа о решении Штаба обороны. Все свободны!

КЕРЕНСКИЙ. (*Колобку.*) Боря, вы случайно не знаете, кто Сталина играет? Голос знакомый.

КОЛОБОК. Себя они не играют, а изображают. Сталин — Пупыкин из ЦК, а Керенский и Ленин? С Лениным они не посмели. Выписали из Москвы народного артиста с опытом, а Свердлов — наш, секретарь обкома Отрепьев.

Картина шестая

Служебный коридор первого этажа. На руке Аполлона висит шинель, на лицо каким-то шутником надет противогаз. Дверь в глубине коридора, ведущая на Дворцовую площадь, отворена, за ней синий вечер. Открыта также и дверь в кабинет к Антипенке. Коридор пуст. Но в дверях в кабинет Антипенки виден край стола, на нем телефон. Колобок говорит по телефону.

КОЛОБОК. (В офицерском мундире). Мама, я приду рано утром. Мы только сладим Зимний дворец и я тут же домой. Мама, не переживай, у нас тут горячее питание. Походная кухня приехала. Ну мама, ну что ты говоришь! У нас хорошие культурные девушки! Где ты только нахваталась таких подозрений?

По коридору идет Симеонов в средневековом шлеме и с мушкетом через плечо. Но при этом на нем юнкерский мундир. Симеонов заглядывает в кабинет Антипенки.

КОЛОБОК. Мама, я тебе еще позвоню, если связь не отрубят.

СИМЕОНОВ. Знаешь, в подвале бочку с порохом нашли. Надо проверить, он горючий или как?

КОЛОБОК. Представляешь, мама волнуется, не подхвачу ли я гонорею?

СИМЕОНОВ. Мне надо тоже домой позвонить. А я боюсь, что во время штурма могут связь отключить. Он проходит к телефону, Колобок критически смотрит на него.

КОЛОБОК. Бред какой-то. Придется шлем снять. Ты понимаешь — там же телекамеры.

СИМЕОНОВ. А жалко.

Снимает шлем, кладет у ног Аполлона.

СИМЕОНОВ. У нас камеру поставили в комнате, где Временное правительство заседает, поставили. Будут снимать как матросы закричат: «Кто тут временный, слазь!»

КОЛОБОК. Ты охрану на баррикаду поставил?

СИМЕОНОВ. Рано еще. Пролетариат еще только собирается.

КОЛОБОК. Поставь, а то кто-нибудь из стахановцев прoberется.

Появляется Керенский.

КЕРЕНСКИЙ. Есть новости из Смольного?

КОЛОБОК. Ни пушек, ни винтовок, ни милиционеров в штатском.

КЕРЕНСКИЙ. Уже скоро семь часов. Думаю, что адмирал был прав.

КОЛОБОК. Я почти всех вооружил. Конечно, не очень красиво, у некоторых даже не огнестрельное оружие. Но лучше чем ничего, правда?

КЕРЕНСКИЙ. Конечно я предпочел бы видеть здесь дисциплинированные гвардейские части. Но где их найдешь... Краснов далеко. Но главное, молодой человек, это энтузиазм народных масс! А это мы имеем. Как с вооружением?

СИМЕОНОВ. Двадцать винтовок и ружей, в основном охотничьих, один пулемет конца прошлого века. Пистолеты в неограниченном количестве, в основном дуэльные. Ну и конечно — холодное оружие из рыцарского зала.

КЕРЕНСКИЙ. Порох? Пули?

СИМЕОНОВ. Льем, Александр Федорович.

КЕРЕНСКИЙ. Где командир женского батальона смерти?

КОЛОБОК. Там, наверху, в малахитовом зале адмирал Горыныч учит девочек пистолеты держать. Наверное и Зося там.

ЗОСЯ. (*Она входит с улицы, за ней плетется пленный молодой парень в замшевом пиджаке и плаще. Из-под плаща видны брюки — клеш с молниями снизу. Парня держит на мушке пистолета Мальвина*). Я здесь лазутчика поймала.

КОЛОБОК. Это еще что за явление тени отца Гамлета.

ПАРЕНЬ. Ты лучше добром отпусти. А то ведь я тебя запомню. Когда возьмем дворец, я тебя отыщу, гад! И телок твоих отыщу.

КОЛОБОК. Фамилия, имя, господин пленный.

ПАРЕНЬ. А вы про генерала Карбышева слышали?

МАЛЬВИНА. Про Зою Космодемьянскую тоже. И про Павлика Морозова.

КОЛОБОК. Видишь, какие мы начитанные. А теперь говори, что вы делали, гражданин, на территории Эрмитажа.

ПАРЕНЬ. Я на разведке был. Меня послали. Больше ничего не скажу.

КОЛОБОК. Кто же вас послал, гражданин?

ПАРЕНЬ. По заданию райкома комсомола.

СИМЕОНОВ. Врет он.

МАЛЬВИНА. Если от райкома комсомола, зачем в окно лез?

ПАРЕНЬ. Хотите, стреляйте, беляки поганые. Ничего вам не скажу.

КЕРЕНСКИЙ. Молодой человек, вы наверное не знаете, что на территории Зимнего дворца действуют законы военного времени. И вы не смотрите, что у моих соратников непривычные кокарды. Они — такие же советские люди как и мы с вами. Только сознательнее других. И имеют право расстреливать на месте мародеров и грабителей.

ПАРЕНЬ. Это кто же им такое право дал?

КЕРЕНСКИЙ. Когда они им воспользуются, вам будет поздно разбираться.

ПАРЕНЬ. И пытать будете?

КОЛОБОК. Без пыток, боюсь, не обойтись. Мы всех пленных пытаем.

ПАРЕНЬ. Вы...это самое...кончайте, ладно? Я пошел.

СИМЕОНОВ. А ну к стене! Руки вверх. Стоять!

КОЛОБОК. Пусти его в расход. Надоел он мне.

ПАРЕНЬ. Ну хорошо, хорошо, я скажу. Ну послали меня. От коллектива. От нашего таксопарка.

КОЛОБОК. Зачем?

ПАРЕНЬ. Слабые места узнать, подходы и так далее
Ведь когда возьмем, надо будет первыми брать. А то на
шарап расхватают.

КОЛОБОК. Сами додумались?

ПАРЕНЬ. Ну был у нас один. Объяснял, что Зимний
можно будет три дня чистить. Как Суворов — три дня на
очистку от имущества, понял? И сказал, что бабы будут.
Забесплатно.

ЗОСЯ. Какие бабы? Что за бабы?

ПАРЕНЬ. Но ведь пленных не брать, правда?

ЗОСЯ. Боря, это же безобразные взгляды! Надо позво-
нить.

КОЛОБОК. Нет, звонить уже поздно. И некуда. Если
только иностранным корреспондентам. Но они оклеве-
щут.

ЗОСЯ. Как же так? Ведь пятьдесят лет советской вла-
сти? Двадцать лет до коммунизма!

КОЛОБОК. (Обращаясь к Мальвине). И много этот
разведчик успел увидать?

МАЛЬВИНА. Думаю, что немного. Мы его у первого
окна взяли.

КОЛОБОК. Благодари бога, что ты не успел ничего
увидеть. А то бы живым не вышел. Симеонов, выведи
шпиона!

Когда Симеонов, за ним девушки, уходят по коридору на-
ружу, Керенский и Колобок некоторое время стоят, прислуши-
ваясь к звукам города. Отдаленно бухает пушка.

КЕРЕНСКИЙ. Петропавловка?

КОЛОБОК. Наверное. А может Краснова добивают.

КЕРЕНСКИЙ. Хорошо, что здесь телевизионных камер
не поставили. Невыразительное место. А то так противно
— все время под наблюдением.

КОЛОБОК. А в комнате правительства? Там есть
кто-нибудь?

КЕРЕНСКИЙ. Я комнату Бунду отдал. Там Коган сидит и пишет воззвания. А с ним Пешеходов. Мой министр.

КОЛОБОК. Который — Нетудыхата?

КЕРЕНСКИЙ. Он самый. Ну пошли, осмотрим баррикаду — уже темно. До штурма часа два-три осталось.

Коридор пуст. Свет в нем гаснет.

По авансцене проходит Ленин. Он в кепке, щека завязана. Рядом шагает Эйно Рахья. Они осматриваются. Далекие выстрелы пушки, удаленный шум толпы, вой ветра, что были слышны Керенскому — слышны и Ленину. Город живет в ожидании событий.

ЛЕНИН. Кажется казачков не видно.

РАХЬЯ. И юнкеров тоже нет.

Рахья останавливается, вынимает пачку сигарет, закуривает.

ЛЕНИН. Спрячьте сигареты! Неужели вы думаете, что пятьдесят лет назад курили «Яву»?

РАХЬЯ. Нас уже не снимают. Они сняли наш выход с конспиративной квартиры, а теперь будут ждать у Смольного. К тому же «Ява» — самые нейтральные сигареты. Обычно я курю «Беломор».

ЛЕНИН. Зачем же нам пешком идти? Прислали бы за нами машину, такси, наконец. Все такие ваши ленинградские товарищи переигрывают.

РАХЬЯ. Что с нас возьмешь — провинция. Но говорили, что все должно точно соответствовать исторической правде.

ЛЕНИН. И долго нам еще переться пешком соответственно историческое правде?

РАХЬЯ. Думаю, часа полтора, не меньше.

ЛЕНИН. С ума сойти! В такую погоду! Что скажет Инесса Арманд!

Они уходят.

Картина седьмая

Кабинет товарища Отрепьева-Свердлова в Смольном. Отрепьев-Свердлов сидит за столом, освещенный настольной лампой. Быстро пишет. Раздается телефонный звонок.

Отрепьев снимает трубку.

СВЕРДЛОВ. Отрепьев слушает.

Он поднимается и продолжает разговор стоя.

СВЕРДЛОВ. Да, Леонид Ильич. У меня тоже сердце замирает, Леонид Ильич. Сколько осталось? Уже немногого, Леонид Ильич. Сейчас наш вождь уже выше с явочной квартиры. А, вы видели по телевизору? Тоже смотрите? И я смотрю. Нет, пока их сюда в кабинет не пускаю. Вот когда будем принимать исторические решения, тогда позовем... Да, мне жалко, что вы не можете принять личное участие. Но потом, надеюсь, подобьете бабки... то есть подведете итоги Великого Октября? Очень надеемся... «Аврора» выстрелит в двадцать два, сразу после программы «Время». До свидания, Леонид Ильич. Буду держать в курсе, Леонид Ильич...

Свердлов осторожно кладет трубку на рычаг.

Из темной глубины кабинета раздается голос с грузинским акцентом.

СТАЛИН. Как здоровье товарища Брежнева?

СВЕРДЛОВ. Ну ты меня напугал! Ты хоть здесь без акцента говори, Николай Николаевич.

СТАЛИН. Уже поздно, товарищ Свердлов. Мы уже играем наши роли на сцене мировой истории. Так кто у нас на крейсере «Аврора»?

СВЕРДЛОВ. Лично секретарь Центрального райкома Грушев. Надежный товарищ.

СТАЛИН. Пора бы ему дать сигнал, чтобы «Аврора» выходила на нужную позицию.

СВЕРДЛОВ. (*Набирает номер телефона.*) Крейсер «Аврора»? Что у вас там? Как дела? Понятно...понятно...непонятно... понятно.

СТАЛИН. Как я вижу, возникли сложности у твоего надежного товарища?

СВЕРДЛОВ. (*Наклоняется над большой картой Ленинграда, расстеленной на его столе. Показывает, говоря, по ней карандашом авторучкой.*) «Аврора» по исторической версии должна встать на исходную позицию для исторического залпа. Ее командир, наемник буржуазии, откажется промерять фарватер, утверждая, что крейсер не пройдет. Тогда простой комиссар из матросов сам спустится в шлюпку и промерит фарватер.

СТАЛИН. Так... (*Он тоже склоняется над картой.*)

СВЕРДЛОВ. Как и было отрепетировано, командир отказался вести «Аврору». Тогда товарищ Грушев арестовал командира. Он спустился в шлюпку, чтобы промерить фарватер.

СТАЛИН. (*Раскуривает погасшую трубку.*) Вы не виляйте, товарищ Свердлов, не виляйте. Вы мне прямо скажите, какие возникли сложности?

СВЕРДЛОВ. Ищут лот, товарищ Сталин. Куда-то заходили, мать их ети! Он им пятьдесят лет был не нужен. Может и выкинули.

СТАЛИН. (*Медленно идет по кабинету.*) Лот — это веревка с грузом на конце. Я советую товарищам взять канат, за который привязан крейсер «Аврора» к берегу, привязать к его концу что-нибудь тяжелое, и опустить в воду. Это будет наш, революционный лот!

СВЕРДЛОВ. (*Хватает телефонную трубку.*) Это «Аврора»? Дайте мне «Аврору»! Почему не отвечает? «Аврора», где Грушев? Куда побежал? Мост разводить? Почему мост до сих пор не разведен? Это ты, Грушев?

Грушев, ты рискуешь партбилетом. Как почему? А ты на часы посмотри! Программа «Время» вот-вот начнется, пора на штурм Зимнего идти, а ты еще мост не развел! Ну ладно, мостом я сам зайдусь. А ты пока бери веревку, за которую «Аврора» к берегу привязана и привяжи к ней что-то тяжелое. Это личное указание товарища Сталина. Коммунист всегда должен найти выход из безвыходного положения.

СТАЛИН. Правильно!

СВЕРДЛОВ. Все, влезь в лодку, промеряй фарватер и трогай! А я пока сам мостом зайдусь!

Свердлов поднимает трубку другого телефона и свет в его кабинете гаснет.

А тем временем на просцениуме вновь появляются Ленин и Рахья.

ЛЕНИН. Это еще что такое? Вы предлагаете мне сюда ползти?

Он останавливается и смотрит вперед и вверх.

РАХЬЯ. Ничего не понимаю! Всю жизнь прожил в Ленинграде, но чтобы в девять часов мосты начали разводить — такого быть не может. Очевидно это дьявольская хитрость временного правительства.

Ленин делает несколько шагов к рампе и вглядывается в реку

ЛЕНИН. Товарищ Рахья, поглядите-ка сюда. Вы видите эту лодочку?

РАХЬЯ. Вижу, Владимир Ильич.

Рахья старательно говорит с финским акцентом.

ЛЕНИН. А в ней, как я полагаю, революционные матросы. Всмотритесь, товарищ Рахья, вы наблюдаете сейчас решительный момент в истории Великой Октябрьской Социалистической революции. Комиссар крейсера «Аврора» лично промеряет фарватер, чтобы провести

крейсер на позицию для решительного залпа по гнезду контрреволюции — Зимнему дворцу.

РАХЬЯ. Вы правы, Владимир Ильич. Конечно недаром рядом с этой лодочкой плавает столько катеров и речных трамваев, с которых операторы телевидения и кинохроники различных стран снимают этот исторический момент.

ЛЕНИН. Это конечно, великолепно, но скажите мне на милость, батенька, как же мы проберемся в Смольный. Как мне кажется, моего прибытия ждут товарищи по партии, по восстанию. Мои соратники не смогут начать революцию в мое отсутствие, вы как думаете?

РАХЬЯ. Я думаю, что нам делать дальше, товарищ Ленин? Может быть мы будем махать руками. Чтобы нас заметили с лодочки и перевезли на тот берег?

ЛЕНИН. Меня совершенно не радует перспектива искупаться в ледяной Неве.

РАХЬЯ. Тогда мы можем ждать, пока «Аврора» пройдет под мостом, а потом его сведут снова.

ЛЕНИН. Когда же это случится, товарищ Рахья?

РАХЬЯ. Может быть через час?

ЛЕНИН. Вы сошли с ума! Вы хотите сорвать мероприятие! Не говоря о том, что сорвется штурм Зимнего, меня вышибут из Художественного театра за год до пенсии. Нет уж, увольте, батенька! Мы с вами пойдем другим мостом!

РАХЬЯ. Вам не кажется, что «Аврора» двигается?

ЛЕНИН. Крейсера, насколько я знаю, никогда не двигаются боком. У меня такое впечатление, что «Аврору» забыли привязать к берегу. Ну, пошли? Учтите, без вас мне дороги в Смольный не найти. Я же кажется родился в Ульяновске?

Они уходят дальше, искать переправу на другой берег Невы.

Картина восьмая

Буфет в Эрмитаже. На прилавке горят свечи. При их свете видно, что столики отодвинуты в сторону, чтобы освободить место двум раскладушкам и матрасам, брошенным на пол. К стойке прислонены в ряд старинные ружья и алебарды.

Мальвина раскладывает матрас на одной из раскладушек. На другой лежит Зося. Еще одна раскладушка занята, но женщина, лежащая на ней, отвернулась.

МАЛЬВИНА. Скорей бы уж они начинали штурмовать! Совершенно не могу ложиться спать без ванны. Наверное я какой-то урод.

ЗОСЯ. Довольно хорошенъкий урод.

МАЛЬВИНА. Ты так думаешь?

Мальвина садится на кровать.

МАЛЬВИНА. А я рада, что мы все тут сражаемся. Знаешь, я третий год в буфете работаю, а вы для меня большей частью не лица, а только рты. Одни открываются, чтобы приказать, вторые жуют. А так мы все вместе. И погибнем вместе. Как люди.

ЗОСЯ. Зачем погибать?

МАЛЬВИНА. А иногда хочется погибнуть за что-нибудь большое. Например в борьбе с фашистской силой черною, немецкою ордой!

ЗОСЯ. Ну ты подумай, что ты несешь! Кто здесь фашисты?

МАЛЬВИНА. А ты думаешь — не отстоим?

ЗОСЯ. Поспи немножко, Мальвина. А то завтра перед расстрелом будешь плохо выглядеть.

МАЛЬВИНА. Ах, вот ты как заговорила, комсомольский работник. Только у тебя все шансы не дожить до рассвета. Батальон смерти — он почему так назывался, их всех до смерти изнасиловали!

ЗОСЯ. Какой дурак тебе это сказал?

МАЛЬВИНА. Вовсе не дурак, а Сашка Симеонов, младший научный сотрудник.

ЗОСЯ. Ну, после революции я с ним серьезно поговорю.

МАЛЬВИНА. Стукачка ты, вот кто!

ЗОСЯ. Спи! Может за ночь поспать не удастся.

Раздаются выстрелы. Серий. Потом одиночные.

РАИСА СЕМЕНОВНА. (Вскакивает.) Уже? Началось? Ой, девочки!

ЗОСЯ. Нет, это видно мародера пристрелили. А может так, с перепугу.

РАИСА СЕМЕНОВНА. (Продолжая сидеть.) Я тебя не понимаю, Зося. Откуда в тебе этот ранний цинизм? Может быть сейчас там, за стеной пуля догнала и оборвала молодую жизнь?

МАЛЬВИНА. И все-таки вы за красных или за белых?

РАИСА СЕМЕНОВНА. Сам вопрос этот нетактичен. Но если сказать честно, то мне всегда говорили, за кого надо быть.

МАЛЬВИНА. Значит, за красных.

Снова раздается отдаленный выстрел.

ЗОСЯ. Вот когда будет залп «Авроры», тогда они побегут.

МАЛЬВИНА. А какой он, этот залп «Авроры». Я его только на картинках видела! У нас в Детском садике этот залп висел.

ЗОСЯ. Скоро узнаешь.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Зря Колобок распорядился свет вырубить, неуютно.

ЗОСЯ. Зато нас снаружи не видно. И «Аврора» может промахнется.

Два мужских силуэта возникают на пороге буфета.

КОГАН. Извините за беспокойство, мы вам не помешали?

МАЛЬВИНА. Вы кто? Пролетарии всех стран?

КОГАН. Нет, мы партия Бунд. Я — Коган, а это мой заместитель товарищ Нетудыхата.

МАЛЬВИНА. Буфет закрыт. До победы революции.

НЕТУДЫХАТА. Но может быть есть хоть чай? Мы заплатим.

МАЛЬВИНА. Ни минуты покоя. Ведь революция идет, товарищи!

НЕТУДЫХАТА. Но мы — члены Временного правительства. Мы свои.

РАИСА СЕМЕНОВНА. С каких пор, Борис Моисеевич, Бунд оказался во Временном правительстве? Вы что историю ВКП(б) забыли? Мелкий провокатор.

КОГАН. Неужели я слышу голос Раисы Семеновны? Господи, какое удивление. Разве я когда-нибудь мог мечтать о том, что встречу свою племянницу Раю в такой обстановке. Неужели ты примкнула к партии эсеров?

РАИСА СЕМЕНОВНА. Ты совершенно забыл о реальной расстановке сил!

КОГАН. Какие силы! Сплошные заседания. Меня ввели во временное правительство, потому что в нем нет кворума. Половина членов взяла бюллетень. Зато вот министр Пешеходов, в жизни товарищ Нетудыхата, перекинут по совместительству в Бунд для национального баланса. Я уж жду не дождусь, когда нас победят. Но ты лучше расскажи, как живет Изя?

МАЛЬВИНА. Вот, пейте и не мешайте спать бедным девушкам, которые трепещут, что их изнасилует восставший пролетариат!

КОГАН. Что она говорит! Какой цинизм... и паникерство?

НЕТУДЫХАТА. Зачем ждать пролетариата? Ха-ха-ха — шутка! Сколько я должен, включая услуги?

МАЛЬВИНА. Зося, он, это не наш человек. Может быть даже он агент красных.

ЗОСЯ. Он в райкоме работает. Я его знаю.

НЕТУДЫХАТА. И горжусь этим. Этот матрас еще не занят?

МАЛЬВИНА. Это женское общежитие! Идите к мужикам!

НЕТУДЫХАТА. Там все занято. И очень накурили. Мне вредно.

Он ложится на матрас.

МАЛЬВИНА. Все! Хватит! Теперь — спать, спать, спать...

КОГАН. Раиса, пошли туда — мы немного поболтаем.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Нет, представляете, чтобы в такой исторический момент мне на голову свалился родственник. Я этого не переживу. Пошли, Борис.

Она идет за стойку. Коган следует за ней. Они присаживаются и исчезают из глаз.

ЗОСЯ. Маля, раз уж ты стоишь, потуши свет.

Мальвина задувает свечи.

...Снова по авансцене идут Ленин и Рахья. Ленин устал, Рахья с трудом поддерживает его.

ЛЕНИН. А вы уверены, что мы еще в городе моего имени?

РАХЬЯ. Похоже на то, Владимир Ильич.

ЛЕНИН. А мне кажется, что это город моего малоизвестного соратника Калинина. Подождите две минуты, я не привык проходить за ночь по пятьдесят верст. И хоть бы кто-нибудь из своих!

РАХЬЯ. Мы должны хранить инкогнито, товарищ Ленин.

ЛЕНИН. Я храню это инкогнито уже три часа и представляю, что творится в Смольном. Революция обезглавлена!

РАХЬЯ. Ну кто мог догадаться, что разведут мост, который нам был так нужен?

ЛЕНИН. Но почему мы не пошли другим мостом?

РАХЬЯ. Вы же знаете, товарищ Ленин, что в нашем маршруте не был указан другой мост. На нем могла быть засада. Улицы кишат жандармами и агентами Временного правительства.

ЛЕНИН. Хорошо, хорошо, пошли дальше.

Только они делают несколько шагов вперед, как с другой стороны сцены появляются два милиционера, одетые, правда, в форму городовых.

ГОРОДОВОЙ. Стой, кто идет?

Рахья хватает Ленина за руку и они пытаются убежать. Но их догоняет высокочивший навстречу другой городовой.

ГОРОДОВОЙ. Попались, голубчики!

ЛЕНИН. Господин городовой. Вы — типичный пережиток царского режима. Вас не должно быть. Это ошибка!

2-й ГОРОДОВОЙ. Ваши документы, пожалуйста.

ЛЕНИН. А почему я должен носить с собой документы?

2-й ГОРОДОВОЙ. Ничего ты не должен. Так что пройдем в отделение и там мы все выясним.

РАХЬЯ. Товарищ городовой. Мы же знаем, что вы не городовой, а товарищ сотрудник милиции, советской милиции.

1-й ГОРОДОВОЙ. А у тебя документы тоже дома остались?

РАХЬЯ. У нас не может быть документов. Мы инкогнито. Нам срочно нужно в Смольный.

2-й ГОРОДОВОЙ. Вот и ладушки. Сейчас выясним все в отделении, а потом пойдете в свой Смольный.

ЛЕНИН. Товарищи! Вы совершаете роковую ошибку! Революция в опасности! Каждая минута на счету. Вы обязаны помочь нам скорее добраться до мозгового центра Октября.

1-й ГОРОДОВОЙ. Какой еще Смольный! Смольный воин где! А вы — воот где!

2-й ГОРОДОВОЙ. Лейтенант, я точно вспомнил — это он квартиру у Басилашвили брал. Только в парике.

1-й ГОРОДОВОЙ. То-то я думаю — чем мне его пас-кудная рожа знакома!

2-й ГОРОДОВОЙ. Он же во всесоюзном розыске!

ЛЕНИН. Товарищи! Вы совершаете роковую ошибку!

2-й городовой стаскивает с Ленина кепку. Рахья пытается вмешаться, но другой городовой его останавливает.

2-й ГОРОДОВОЙ. Что и следовали доказать.

Он брезгливо поднимает платок, подвязывающий щеку Ленина, шмат ваты падает на землю. Другой рукой он поднимает рыжий парик. Перед ними стоит лысый человек с голым лицом.

РАХЬЯ. Вы подняли руку на товарища Ленина. Ваши имена проклянет все прогрессивное человечество.

2-й ГОРОДОВОЙ. Пошли в машину. В отделении мы разберемся, чьи имена проклянет человечество. Тех, кто жуликов ловит, или тех, кто квартиры заслуженных артистов грабит. Сволота поганая. А ну, пошел!

РАХЬЯ. Мне вас жалко!

1-й ГОРОДОВОЙ. Надо будет проверить — может они в самом деле из психушки драпанули.

2-й ГОРОДОВОЙ. Они еще будут ваньку ломать. Но мы тогда старшину Борзого позовем. Он умеет с такими разговаривать.

ЛЕНИН. Я — народный артист РСФСР! Я Ленина в кино играл!

Это последние слова, которые доносятся из-за кулис.

Некоторое время царит тишина. И в ней еле слышно доносятся слова Раисы Семеновны.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Они сейчас живут в Израиле и ничего себе устроились.

Голос КОГАНА. А как Глеб?

Раскатывается выстрел.

КОГАН. Наконец-то. Кажется это «Аврора». Сейчас нас накроет.

Они замолкают и ждут. Тихо. Совсем тихо. Только похрапывает кто-то.

В буфет входит еще видная темная фигура. Останавливается и шепчет.

КЕРЕНСКИЙ. Зося, ты спиши?

ЗОСЯ. Нет.

КЕРЕНСКИЙ. Я тебя не разбудил?

Раскладушка Зоси стоит ближе других к рампе. Остальная комната тает в темноте.

Керенский присаживается на край раскладушки в ногах Зоси. Разговор происходит полушепотом. Порой, когда они замолкают, слышны отдаленные выстрелы и очереди.

КЕРЕНСКИЙ. Не вставай, отдохтай. Неизвестно, когда удастся снова отдохнуть.

ЗОСЯ. А как вы, Саша?

КЕРЕНСКИЙ. У меня пассивная роль. Мой совет министра режется в преферанс с примкнувшим к нему бундом. Ребятами на баррикадах командует Колобок. Они в основном гоняют мародеров и всякое хулиганье.

ЗОСЯ. А почему же они не идут на штурм?

КЕРЕНСКИЙ. Я спрашивал у японских телевизионников. Они, правда без переводчика и не все понимает. Но по их расчетам штурм уже идет. Но связи со Смольным нет.

ЗОСЯ. А мы не можем позвонить, спросить, чего же нас не берут?

КЕРЕНСКИЙ. В Смольном все время занято.

ЗОСЯ. А вам страшно?

КЕРЕНСКИЙ. Нет. Мне странно. Ну разве мне вчера утром могла придти в голову, что я на самом деле буду защищать Зимний дворец?

ЗОСЯ. А мне-то каково? Я же член комитета комсомола. И вот в нашем стане.

КЕРЕНСКИЙ. У меня бабушка Зимний брала. Правда потом ее посадили.

ЗОСЯ. А нас посадят, если мы его вовремя не отдадим.

КЕРЕНСКИЙ. Пока речь шла только о ценностях, я держал нейтралитет. Но когда оказалось, что опасность грозит вам, то я избрал сторону справедливости и порядка.

ЗОСЯ. Если у вас это личное, то зря. Я привыкла сама обходиться. И обо мне есть кому позаботиться!

КЕРЕНСКИЙ. Зря в таких вещах не бывает. Как премьер-министр и руководитель обороны Зимнего дворца я просмотрел в отделе кадров личные дела сотрудников.

ЗОСЯ. Вы не имели права!

КЕРЕНСКИЙ. Я сейчас на все имею право. Так вот, Зося, вы расстались с вашим мужем уже более года назад и проживаете вместе с мамой и дочкой четырех лет на Большой Подъеческой в доме 12, квартира 8.

ЗОСЯ. Как вы посмели!

КЕРЕНСКИЙ. Разве это секрет?

ЗОСЯ. Это от вас секрет.

КЕРЕНСКИЙ. Почему? Нет ничего дурного в нашей взаимной симпатии. Вы — командир женского батальона смерти — я председатель Временного правительства. Судьба предназначила быть рядом.

ЗОСЯ. Ну это же игра, Саша. Это игра, на одну ночь.

КЕРЕНСКИЙ. Кто-то сказал, что жизнь игра. Это мудрые слова.

ЗОСЯ. Не надо... А вы женаты?

КЕРЕНСКИЙ. Я плохо себя вел и меня оставили...

Видно, как склоняется черный силуэт премьера к Зосе. И в этой паузе отдаленные взрывы, чей-то крик, потом слышен шепот Когана.

КОГАН. Меня очень тревожит, что меня выбрали на буржуазную роль.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Но это же задание партии!

КОГАН. Я отлично знаю, что это — задание партии. Но Роза с детьми наверняка не спят, потому что они по-

нимают, что после этого задания партии может последовать следующее задание.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Какое?

КОГАН. Отправиться в Петропавловскую крепость — там говорят уже подготовлены места для буржуазии. А потом найдется еще одно, последнее задание партии — встать у стенки и закричать «Да здравствует товарищ Брежнев!»

РАИСА СЕМЕНОВНА. Боря, ты сошел с ума!

КОГАН. Слава богу, если только это. Ну я пошел?

Коган поднимается, ощупью идет между коек.

ЗОСЯ. Ты сошел с ума... мы совсем незнакомы.

КЕРЕНСКИЙ. У нас еще все впереди.

Коган наталкивается на койку.

ЗОСЯ. Ой, кто это?

КОГАН. Простите за беспокойство. Я представляю здесь партию Бунд.

И тут грозно и громко звонит телефон. Что-то обваливается за стойкой. Вскакивает Мальвина.

РАИСА СЕМЕНОВНА. (*Берет трубку.*) Алле, это Эрмитаж! Да, Эрмитаж. Что же вы людям спать не даете? Как так только одиннадцатый час?... Господи, так это ты, товарищ Антипенко!

Зося поднимается и идет с Керенским из буфета. Они останавливаются в стороне и шепчутся о вещах, не имеющих отношения к революции.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Нет, все в порядке. Настроение коллектива на высоком уровне... Ну что вы — никаких пьянов. Все товарищи готовы к бою, оружие вычищено, пули отлиты... Почему я несу чушь? Я говорю то, что велит мне долг! А я хотела у вас спросить, как ваше здоровье? Лучше? На какую-такую площадь вы собирались? Я ничего не понимаю — почему вы пойдете на площадь? Ночью, под дождем, в таком состоянии здоровья. Вы же ничем не сможете нам помочь. Как не собираетесь помо-

гать? То есть как так по другую сторону баррикады? Простите, товарищ Антиленко, а с каких пор мы перестали быть советскими людьми? Кто принимал постановление об исключении нас из партии и комсомола? Тогда мне не о чем с вами разговаривать!...Вот именно, когда вы вернетесь на службу, тогда весь коллектив с вами поговорит.

Раиса Семеновна бросает трубку.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Это был Антиленко. Он сказал, что мы — отщепенцы и враги народы. Что случайностей не бывает. Если мы здесь, а народ там, то значит есть решение. Он намерен нас штурмовать с именным пистолетом, подаренным ему товарищем Менжинским... Это я-то враг? Да я всю блокаду в Ленинграде провела!

Мальвина зажигает свечу.

Видно, что по одну сторону буфета стоит Коган, по другую — Керенский.

КОГАН. Ну скажите мне, пожалуйста, почему у нас не умеют просто развлекаться. Ну взяли бы Зимний дворец понарошку, под охраной милиции, ну сняли в кино и все довольны. Почему у нас по поводу очередного праздника готова произойти новая революция?

КЕРЕНСКИЙ. Боюсь, господин Коган, что мы давно уже ждем ее. Революцию. Каждый по-своему. У вашего Антиленки замечательный классовый нюх. Зося, у тебя шинель здесь?

ЗОСЯ. Здесь. Я ею накрывалась.

КЕРЕНСКИЙ. Пойдем, обойдем посты. Надо приободрить людей. Темно, мокро, с той стороны матершина идет. Люди сомневаются.

Появляется Симеонов.

СИМЕОНОВ. Товарищ Керенский. Пожалуйста! Там пьяные лезут. Лозовую избил, все лицо в крови.

ЗОСЯ. (Бросаясь к двери). Ну я же приказала всем пенсионеркам-смотрительницам залов немедленно разойтись по домам!

ЛАРИСА ПАВЛОВНА. Эти бабушки — первые болельщицы и защитницы дворца. Их бульдозером от баррикады не оттащишь. Бегите, я сейчас — только перевязочные средства возьму!

Мальвина задувает свечку.

МАЛЬВИНА. Солдат спит — служба идет.

Картина девятая

Кабинет Отрепьева Смольном. Свет горит ярко. Сталин и Свердлов над картой Ленинграда.

В темном углу стоит телевизионная камера.

СВЕРДЛОВ. Выключите вы свою камеру! Разве не видите, что мы сейчас занимаемся делом. И мотайте отсюда! Надо будет — позовем.

ГОЛОС ИЗ-ЗА КАМЕРЫ. А у нас будет время в буфет сбегать? Мы с обеда без кусочка.

СВЕРДЛОВ. Давайте, куда угодно! Только, чтобы здесь вас я не видел, пока Зимнего не возьмем!

Огонек на камере гаснет.

СТАЛИН. Итак, подведем предварительные итоги.

Раздается телефонный звонок. Сталин берет трубку.

СТАЛИН. Слушаю. Сталин у телефона. Слушаю...нет, нет... нет...нет!

Вешает трубку.

СВЕРДЛОВ. Кто там был?

СТАЛИН. Антонов-Овсиенко. С площади Зимнего. Говорит, что еле удерживает народ от штурма. А выстрела все нет.

Свердлов снимает трубку.

СВЕРДЛОВ. Девушка? Девушка, не отключайтесь! Я же с вами по вертушке разговариваю! Девушка, «Аврору» мне! Ну и что, если я два часа вызываю! Киньте связь с вертолета, световые сигналы — десант высадите в конце

концов! «Аврора»? Ну слава Богу. Это ты, Грушев? Словно камень с души упал. Что там у тебя случилось? Ты понимаешь, что если в ближайшие три минуты пушка не выстрелит, то ты партбилет на стол положишь! А сам...знаешь куда пойдешь!.. Не груби! Отвечай по порядку! В какой мост врезались? Да вы уж два часа как врезались! Ты мне о последних событиях говори! Какая мель? Ты что, где ты отыскал мель, если ты специально с лотом в лодочке плавал? Какой фарватер изменился? Нет, этого быть не может!

В отчаянии Свердлов бросает трубку на стол. Сталин подбирает ее и говорит.

СТАЛИН. Иосиф Виссарионосич Сталин вас внимательно слушает, товарищ Грушев... Значит вы, вопреки указаниями Центрального комитета, не имея морского опыта, сели в шлюпку и указали неверный фарватер? Попрошу не объяснять, с какими вражескими целями вы это совершили. С этим разберется товарищ Вышинский. Насколько хорошо и надежно сел на мель ведущий крейсер Октябрьской революции?.. Не надо демагогии. Я не думаю, что сегодня мы сможем пригнуть вам мощный бак-сир. Это в лучшем случае отложит выстрел на сутки. А как учил Владимир Ильич Ленин — «Вчера было рано, завтра будет поздно!» Учтите, завтра будет все поздно, кроме показательного суда над известным троцкистом, вредителем и диверсантом гражданином Грушевым. Или вы сейчас стреляете по Зимнему, давая сигнал к штурму, или вас больше не существует... Как так пушка не поворачивается? Как так заржавела?... Гражданин Грушев, мне надоело с вами разговаривать.

Он бросает трубку.

СВЕРДЛОВ. Иосиф Виссарионович, у вас правый ус отклеился.

Сталин достает из кармана маленькое зеркальце.

СТАЛИН. А клей есть?

Свердлов уже снова у аппарата.

Сталин выходит в коридор, придерживая ус.

СВЕРДЛОВ. Девушка, соедините меня с телецентром.

Начальника телецентра!... Добрый вечер... да уж не очень добрый. Скажите, ни на одном из ваших мониторов не появлялся товарищ Ленин?... Нет, без бороды, рыжий парик, щека перевязана в соответствии с исторической правдой. Если кто-нибудь засечет — немедленно дайте мне знать.

Возвращается Сталин.

СТАЛИН. Я пока кусочком хлеба прикрепил. Что нового о Владимире Ильиче?

СВЕРДЛОВ. Пропал без вести.

СТАЛИН. А ты звонил по отделениям милиции?

СВЕРДЛОВ. У кого поднимется рука...

СТАЛИН. И еще надо будет позвонить в сумасшедший дом. Поведение товарища Ленина могло показаться кому-нибудь странным. Говорят, что в сумасшедших домах скрываются сотни моих и его двойников.

СВЕРДЛОВ. Дежурного МВД по городу. Центральная станция скорой помощи! Говорит Смольный. Немедленно приказываю — обследовать все психиатрические пункты и больницы на предмет недавнего поступления в них Ленина Владимира Ильича, парик рыжий, щека подвязана как от флюса, без бороды.

СТАЛИН. Это они до утра почикаются. Дай-ка аппарат. Девушка, управление Государственной безопасности по городу Ленинграду. Генерала Калугина попрошу. Калугин. Не спиши, бдиши? Это хорошо. Слушайте внимательно, генерал. От решения этой проблемы может зависеть вся ваша будущая карьера. Мы потеряли Ленина, Владимира Ильича на пути с явки к Смольному. Есть шансы, что он мог оказаться в сумасшедшем доме... Погодите, генерал Калугин. Нам с товарищем Свердловым

и товарищем Дзержинским не нужны ваши упреки. Нам нужен Ленин. Самое позднее через час.

Он вешает трубку.

СТАЛИН. Теперь нам остается только ждать.

Звонит телефон. Что-то в звонке настолько тревожное, что и Сталин, и Свердлов не решаются взять трубку

Потом Свердлов все же берет трубку.

СВЕРДЛОВ. Не понял? Какая железная дорога? Какие конники? Так... так. Так, ищите!

СТАЛИН. Что еще!

СВЕРДЛОВ. Неизвестно, где генерал Краснов с его конницей.

СТАЛИН. Значит тоже заблудился.

СВЕРДЛОВ. На всякий случай я пошлю два танка на шоссе. Не возражаешь?

СТАЛИН. Я никогда не возражаю, если надо послать танки, хотя сам предпочитаю убеждать словом. Это самое главное орудие большевика.

Опять звонит телефон. Опять Свердлов берет трубку.

СВЕРДЛОВ. Слушаю вас, товарищ Брежнев. Все в порядке, Леонид Ильич. Вот тут рядом со мной Иосиф Виссарионович, и тоже шлет вам привет. Как так умер? В пятьдесят третьем году умер?

Свердлов оборачивается к Сталину.

СТАЛИН. (Берет трубку.) Здравствуйте, Леонид Ильич. Сталин на проводе. Для некоторых может быть и умер, но сами исторические события, которые имеют место за стеной, доказывают, что я — вечно жив...Нет, никаких задержек. Советую вам снять руководителей телевидения, которые вместо штурма дворца показывают симфонические концерты и «Лебединое озеро». Штурм уже начался и проходит по плану. Владимир Ильич уже проник с Смольный...нет он не может подойти, он сейчас проходит диспансеризацию. Все-таки возраст...да, почти

сто лет! Как только очнется, мы ему передадим ваши наилучшие пожелания. Зали «Авроры» превзошли все наши ожидания. Шлющины Зимнего дворца как и не было... Нет, не беспокойтесь, Леонид Ильич, картина Репина «Три богатыря» мы возвратим эвакуировав в безопасное место. Не беспокойтесь, Леонид Ильич, будьте спокойны. Леонид Ильич. Мы сразу сообщим, Леонид Ильич.

Сталин вешает трубку.

СТАЛИН. Теперь отступать некуда.

СВЕРДЛОВ. Я думал, что мне придется самому отправиться на Дворцовую площадь и выгнать японцев!

СТАЛИН. Настоящий руководитель остается у телефона.

СВЕРДЛОВ. (Шедоедит к окну, спотыкается занавеску и всматривается в темную ночь). Где же эки «Авроры»? Ну, спрятаны, Грушев, боям можно, спрятаны!

Громог наполняет комнату, вспыхивает лампа, сияет шумашурка, ласкает свет, звенят стекла.

СТАЛИН. Это что такое?

Мигает резервный свет, который дает генератор. Сталин и Свердлов с трудом поднимаются с пост.

Тут звонит телефон. Свердлов пропаливает руку.

СВЕРДЛОВ. Смольный... да. Спасибо... (он роняет трубку и спешает на пост).

СТАЛИН. Что еще?

СВЕРДЛОВ. Грушев докладывает, что залы «Авроры» совершились.

СТАЛИН. Это я уже понимаю.

Картина дескадри.

Гул аэропланового выстрела еще висит в воздухе, как это подхватывает неудержимый, упробный раскатистый вспышь замерзших и промозгих проолстариков.

Штурм Эрмитажа личных виноват.

Мы снова в служебном коридоре Эрмитажа — звуки ин-
струментального штурма прорываются сквозь ширину двери, ве-
личущую на биоритму и на попытку. Гусило горят сажей.

По коридору бегут, озябшие, праотцы себя в парике,
обнаживши буфера.

Здесь не опускают руки Карсююю.

Нет удачата. Тонкими прозрачными, как иле-

они, руки вились?

Карсююю. А мы что окончимся?

Нет удачата. Мы окончимся вместе с Гусилом.

Но погоди, я помягче, это не пришло.

Карсююю. Ирина, подними собе что-нибудь посо-
щее.

Нет удачата. А мы как же? Вы же предвидели
противостояние? Вам пора покончить с басену.

Карсююю. Во-первых, Эрмитаж дворец еще не кон-
чил свою жизнь, когда это воньку. А пока я не убью, то я
буду участвовать в обороне.

Нет удачата. Это совершенно покорено. Вам из-
вестно, что Карсююю пруссаки привели вместе с пра-
вильниками, окончательно измученной Европой.

Карсююю. Может быть я был в суперзап запомнишь шо-
вортану спасибо, если бы не испортил эту финальную дра-
бинку.

Он не замечает, как из двери в кабинет Адмиралтейства выпо-
лняется оператор с кинокамерой в руке, за ним — восприятие
мировоззрения-запись.

Коттеслондзилла. Итак, часы бесследно с про-
цессом-записью гостеприимством *Карсююю?*

Карсююю. Прости, но меня зовут — *Ингрид*.

Но я люблю ее. Прощу очисти.

Карсююю. Но я люблю.

Зоя. Не надо, я помру... (*Ингрид* смотрит на Карсююю)

КЕРЕНСКИЙ. Зося Ильинская — отважный советский человек, комсомолка, мать-одиночка, и надеюсь, когда ее дочь вырастет, она будет гордиться своей мамой — командиром батальона смерти.

КОРРЕСПОНДЕНТКА. Вы говорите — смерти? Вы будете погибать?

ЗОСЯ. Это наш долг.

КОРРЕСПОНДЕНТКА. Вы есть играете в сценарий. Я хочу, чтобы вы построите ваш батальон и кричат ура! Пошли туда, где это красиво.

С площади от баррикад входит Симеонов. Он придерживает рукав. Кровь измазала пальцы.

ЗОСЯ. Саша, что с тобой? Как так?

СИМЕОНОВ. Пустяки, случайно пулей зацепило.

КЕРЕНСКИЙ. Какой пулей, какой пулей, я спрашиваю? Откуда там пули? Кто им дал пули?..

ЗОСЯ. Раиса Семеновна, вы где? Где лазарет?

Раиса Семеновна выглядывает из комнаты Антипенки. Она все в той же одежде сестры милосердия.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Что случилось? Что за крики? Я как раз ищу в аптечке аспирин... Ой, Симеонов, что вы с собой наделали? Что еще за хулиганство?

Она подхватывает Симеонова и ведет его в кабинет к Антипенке. Оператор суется туда, но Керенский прикрывает дверь.

КЕРЕНСКИЙ. Наверное, это не надо снимать. У нас идет веселый праздник, мы повторяем революцию. Вы же знаете, что каждое событие повторяется дважды. Первый раз трагедией, а второй раз комедией.

КОРРЕСПОНДЕНТКА. Это есть комедия? Вы смешно?

КЕРЕНСКИЙ. А у нас все комедии с мордобоем. Не знали?

Крики раздаются ближе, еще ближе! Отдельные выстрелы.

Оттуда с улицы вбегает адмирал Гуняевый. Один эполет висит на ниточке.

ГУНЯВЫЙ. Александр Федорович, Саша! Они вот-вот баррикаду возьмут. Уже здесь! Пьяные, ужас!

КЕРЕНСКИЙ. Господин морской министр. Попрошу вас привести в порядок форму.

ГУНЯВЫЙ. Как?

КОРРЕСПОНДЕНТКА. (*Вынимает заколку и прикрепляет эполет на место.*) Так лучше, господин генерал

ГУНЯВЫЙ. Адмирал я, морской министр!

КЕРЕНСКИЙ. Вперед! На баррикады!

Он кидается вперед, за ним Гунявыи и Зося. Замыкают процессию корреспондентка и оператор.

Несколько секунд сцена пуста — только симфония боя наполняет ее.

Потом из открытых дверей, с площади появляется Колобок. Он вбегает в кабинет Антипенки. За ним спешит перевязанный Симеонов — рука на перевязи.

Затем — Раиса Семеновна.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Саша, Симеонов, ты же ранен, ты должен лежать! Что я скажу твоей маме?

Из дворцовых помещений осторожно выходит Коган. Он видел Симеонова.

КОГАН. Это ты, Раиса?

РАИСА СЕМЕНОВНА. А ты чего прибежал? Тебя еще не хватало. Сонечка убеждена, что ты скрываешься в безопасном месте.

КОГАН. Зачем мне сидеть под потолком, как муха и ждать, когда тебя прихлопнут. Там и без меня достаточно министров-капиталистов, которые ждут, что им принесут бутерброды.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Ну зачем тебе, Борис, все эти игры? Неужели страна не наигралась ими в семнадцатом году. Неужели так и будем друг друга штурмовать?

КОГАН. Надо. Если бы у Павлика Морозова папа был робот, то Павлик все равно бы не него написал. Это были правила игры. Сегодня не только повторение давно прошедшей революции, которую мы никак не можем завер-

шить до сих пор — это подсказка нам, что в будущем нас с тобой ждут революции.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Господь с тобой, только без этого!

КОГАН. Подросло новое поколение, которое хочет власти.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Но сегодня же у нас праздник!

КОГАН. Правильно. Как ты умеешь подбирать самые бессмысленные слова! У нас праздник непослушания.

Слышно как из баррикад в мегафон кричит Керенский.

КЕРЕНСКИЙ. Господа защитники Эрмитажа! К вам обращается премьер-министр Временного правительства. За нами не только символ утраченной нашими отцами свободы, за нами и сокровищница мировой цивилизации. Все это под угрозой. Я знаю как вам страшно и опасно! Как вам холодно и неуютно. Но я вам обещаю, что уже на подходе заряды для наших пушек, что пусть у нас будет в избытке.

Пока он говорит, видно, как Мальвина тянет по коридору ящик с чем-то тяжелым — патронами или снарядами. Коган бросается ей на помощь и они уносят ящик на площадь.

КЕРЕНСКИЙ. Пропусти в первую очередь женщин как можно лучше прятаться за баррикадами. Оказалось. Что у нападающих есть боевые патроны. Под шум веселого фестиваля нашлись охотники не только покуражиться и пограбить, но и пострелять в свое удовольствие... Мы обязаны спасти Эрмитаж, мы обязаны защитить наших же отважных женщин, мы обязаны спасти завоевания свободы!

Поднимается новая волна шума — пролетариат пошел на штурм. Слышны многочисленные выстрелы!

КЕРЕНСКИЙ. По наступающему противнику открыть огонь. Целиться по ногам!

Баррикада огрызается. Потом бухают пушки. Совсем рядом.

Раиса Семеновна, которая выглядывает из коридора наружу, поворачивается и сообщает зрителям:

РАИСА СЕМЕНОВНА. Это наши пушки! Сколько огня! Сколько дыма! Испугались? Побежали! Держись, пролетарская революция! Ура!

Ее крик подхватывают защитники баррикад.

Раиса Семеновна бежит в кабинет, выбегает тут же с графином и стаканом воды и спешит на баррикаду.

Оттуда вместо нее появляется Нетудыхата. Он оглядывается. Никого нет.

Он включает динамик. Последние такты бодрой музыки.

ГОЛОС ДИКТОРА. Наши камеры и микрофоны установлены на площади Зимнего дворца. Громадной бурной волной вырываются ряды возбужденных пролетариев из-под арки Генерального штаба, чтобы, рассыпавшись по площади, заполнив ее взорванным человеческим морем, снести с лица земли жалкие, отзывающиеся еще огнем баррикады и завалы вдоль цитадели царизма и Временного правительства. Лучи прожекторов проносятся над площадью как кометы...

На секунду вход во Дворец озаряется лучом прожектора.

Входит Коган, он доволен.

КОГАН. Ну как мы им врезали! Что на это скажете, Матвей Матвеевич?

НЕТУДЫХАТА. Я полагаю большой ошибкой сопротивляться. Это может плохо кончиться. Ведь вы поймете, с каждой минутой нападающие — пролетарии, дружинники, комсомольская молодежь — с каждой минутой они становятся все злее и активнее. Если сейчас ими можно управлять, то еще одна наша попытка остановить их приведет к лишней крови.

КОГАН. Знаете, что я вам скажу, Нетудыхата: ваше пребывание в Бунде сыграло роковую роль.

НЕТУДЫХАТА. Так чего ж?

КОГАН. Откуда в вас эта нерешительность, эта осмотрительность, склонность к соглашательству? С кем вы, министры Временного правительства?

НЕТУДЫХАТА. Я боюсь, что это зашло слишком далеко.

Музыка обрывается и снова слышен голос диктора.

ГОЛОС ДИКТОРА. На площади царит временное затишье. Нам сказали, что ожидают прибытия руководителей штурма — товарищей Антонова-Овсиенко, Свердлова, Сталина и других членов революционного комитета. Отсюда, от арки нам видны жалкие огоньки баррикады. По имеющимся у нас сведениям многие защитники Зимнего дворца уже осознали историческую обреченность антнародного режима и разбегаются по домам. Некоторые, наиболее ненавистные народу, сатрапы Керенского арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость. Никто не избежит суда народов.

НЕТУДЫХАТА. Расстреляют Или самосуд. Ну как же я согласился? У меня дети!

КОГАН. Не забывайте, господин министр Временного правительства. Мы с вами выполняли решение партии. И по какую бы сторону баррикады мы не стояли, мы все равно остаемся солдатами партии.

НЕТУДЫХАТА. Вас может пока и не тронут — бунд, евреи, политика... а я ведь министр!

Снова прекращается музыка.

ГОЛОС ДИКТОРА. Нам удалось пригласить к микрофону одного из руководителей штурма Зимнего дворца, известную революционерку Коллонтай. Товарищ Коллонтай, расскажите нашим слушателям об обстановке вокруг Зимнего дворца.

ГОЛОС КОЛЛОНТАЙ. Цитадель Керенского падет с минуты на минуту. Женский батальон смерти уже позорно бежал, оставив свои позиции.

ГОЛОС ДИКТОРА. Почему же заминка?

КОЛЛОНТАЙ. Мы ждем последнего приказа из Смольного. Именно там товарищ Ленин, Сталин и Свердлов сейчас стоят... готовые нажать на кнопку! На кнопку революции.

ГОЛОС ДИКТОРА. Замечательный образ! Кнопка революции! А как себя чувствует вождь Революции? Владимир Ильич?

КОЛЛОНТАЙ. Он уже взял в руки все бразды правления.

ГОЛОС ДИКТОРА. Не могли бы мы присутствовать при вашей связи со Смольным? Телефон у нас в движке.

Снова раздается музыка.

Нетудыхата идет по коридору.

КОГАН. Вы куда, Матвей Матвеевич?

НЕТУДЫХАТА. Пора сдаваться. Финита ля комедия. Все становится слишком сложно. Как член партии я не могу противостоять решениям партии!

КОГАН. Остановитесь!

НЕТУДЫХАТА. (Вырывает как знамя из кармана белый платок и бежит по коридору.) Я сдаюсь! Не стреляйте! Я член партии с сорок пятого года!

Слышна некоторая пауза, грохот от падающих ящиков — это Нетудыхата перебирается через баррикаду, потом отдаленные крики. И несколько выстрелов. Отдаленный крик: «Зачем, я же свой!»

Отдельные выстрелы. По радио все еще играет музыка. С площади входит Раиса Семеновна.

КОГАН. (Который уже приблизился к дверям.) Ну что? Что?

РАИСА СЕМЕНОВНА. Борис, помоги мне принести раскладушки. Будем разворачивать лазарет прямо здесь. Боюсь, будут раненые.

КОГАН. А если сдаться?

РАИСА СЕМЕНОВНА. А он бежал и кричал: — Я член партии с сорок пятого года!

КОГАН. И убили?

РАИСА СЕМЕНОВНА. И даже топтали ногами.

Они уходят в другую сторону по коридору.

ГОЛОС ДИКТОРА. Произошла техническая заминка на связи со Смольным. Мы надеемся, что через несколько минут положение будет исправлено. Между тем по совету большевиков, собравшихся на площади, сейчас начнется следующий этап штурма Зимнего дворца. Мы надеемся, что в ближайшие минуты вы увидите, как юнкера будут убегать с баррикад!

Гремит музыка, выстрелы — они перекликаются с выстрелами с площади, доносящимися через дверь.

Раиса Семеновна с Коганом приносят раскладушки и начинают их раскладывать в коридоре.

Коган, пока ходил, вооружился — теперь у него за ремнем сабля.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Я побежала на баррикады.

КОГАН. Зачем?

РАИСА СЕМЕНОВНА. Неужели тебе непонятно? Там же мальчишки и девочки. Они не знают о лазарете. Они даже не замечают, если в них попадет пуля. Это мы с тобой, старики, погнали их на улицу, потому что нашей с тобой партии захотелось опять поиграть в солдатиков. Сначала мы играем на этой площади, а потом пошлем их в какую-нибудь глухую заграницу, чтобы они играли в войну там ради наших идеологических интересов.

Раиса уходит.

Коган кричит вслед Раисе:

КОГАН. Но должны же быть разумные люди, которые занимают нейтральную позицию в ваших идиотских конфликтах!

Он раскрывает записную книжку и, найдя нужный номер, набирает его.

Телефон виден в дверях кабинета Антипенко. Он стоит там на углу стола.

КОГАН. Это Смольный? Скажите, вас беспокоят из Зимнего дворца. Мне нужно срочно товарища Свердлова. Нет Свердлова? Ну тогда Ленина. Какого? Владимира Ильича. Ну Стالина, наконец...но кто у вас есть? Может у вас там Троцкий появился? Нет? А кто? Как так никого? А вы кто? Какой еще Луначарский? Что вы там делаете?.. А где Стalin, где Ленин — я спрашиваю? В стране идет вовсю революция, штурмуют Зимний дворец, а они что все, в буфете?.. Какой снаряд? Кто говорит, что снаряд «Авроры» долбанул в кабинет Свердлова? Этого быть не может, потому что «Аврора» стреляла по Зимнему дворцу. Нет, чтобы попала — этого я не слышал. А вы слышали? Погодите, не вешайте трубку, ну одну минутку. Значит Стalin и Свердлов в больнице, а Ленин еще не приходил? Большое спасибо...

Коган кладет трубку на рычаг.

КОГАН. Это большой сумасшедший дом. Как вы прикажете проводить Революцию, если революционеров почти не осталось.

Шум в дверях возрастает и мы видим, как несколько защитников Эрмитажа отступают в дверь под напором пролетариата. Они отбиваются присладами, саблями, вся эта схватка поглощается ревом с площади и боевой песней, которая несется из динамика.

Но этот прорыв, видно, локален и после минутного противостояния в дверях нападающие откатываются и Коган, который полувытащив саблю из-за пояса, хотел было прийти на помощь, вдруг видит, что с другой стороны появляется молодой солдат с перевязанной головой.

Тут Коган окончательно осмелел и кидается на него с саблей.

СОЛДАТ. Да погодите вы, товарищ! Мне Керенский нужен!

КОГАН. Ты как сюда проник?

СОЛДАТ. Через окно.

КОГАН. Как председатель партии Бунд я категорически настаиваю — зачем вам Керенский?

СОЛДАТ. У меня к нему письмо... да скорей же, я сейчас упаду и отключусь.

КОГАН. Вы тогда садитесь на койку.

Солдат остается стоять.

КОГАН. (Несется к дверям и, размахивая саблей, кричит в темноту:) Керенский! Александр Федорович! Товарищ Яманидзе! К вам пришли!

Он отступает обратно, потому что в дверь врывается взмыленный Керенский.

КЕРЕНСКИЙ. Что еще?

СОЛДАТ. Вы будете Керенский? Вам в собственные руки. От генерал Краснова.

Керенский разрывает конверт и читает вслух.

КЕРЕНСКИЙ. «Нахожусь в районе Варшавского вокзала. Пробиваюсь с потерями. В нарушение исторической правды улицы блокированы танками и БТРами. Продержитесь еще час. Телефон сообщит вам мой гонец. Не доверяю бумаге.

КЕРЕНСКИЙ. Телефон генерала Краснова. Срочно.

Он подходит к солдату и тот, бессильно покачиваясь, шепчет на ухо Керенскому и тут же падает на койку. Ему помогает лечь Коган, который берет у солдата пистолет.

КОГАН. Вперед, без страха и сомнения! (Идет к двери, останавливается и смотрит наружу.)

КЕРЕНСКИЙ. (Набирает номер.) Это квартира шестнадцать? Говорит Керенский. Генерала Краснова, пожалуйста. Генерал? Уж не чаял услышать снова ваш голос.

• Ваш гонец добрался до нас. Чудом добрался. Как премьер правительства прошу вас отметить его Георгиевским крестом...

Солдат пытается приподняться, но вновь опускается на койку.

КЕРЕНСКИЙ. Теперь вся надежда на вас. Голна рвется в Зимний. Там много пьяных, есть огнестрельное оружие

с боевыми зарядами. Я не представляю, какой будет ужас, если они ворвутся внутрь... Генерал Краснов, ваша боевая задача, не только задача — ваш долг пробиться к Зимнему и разогнать бунтовщиков. Выполните задачу... Какие еще танки — так пройдите другой улицей! У меня тут девочки с дуэльными пистолетами погибают, а вы с конницей какие-то два-три танка обойти не можете... Ну то-то, генерал. Отчизна не забудет... Да, учтите, что с настоящего момента вы исполняете должность военного министра России. Жду вас, генерал.

Он вешает трубку и оглядывается. Но зрителей не оказалось.

Снова начинает вещать радио и Керенский вздрагивает от неожиданности.

ГОЛОС ДИКТОРА. Продолжаем прямой репортаж с Дворцовой площади Ленинграда. Вы слышите выстрелы и радостные крики. Нам тут плохо видно, но есть мнение, что наши славные трудящиеся ворвались на первый этаж дворца. Со всех сторон нашей необъятной державы почта и телеграф приносят приветственные письма и телеграммы в адрес мужественных пролетариев, идущих в последний и решительный бой. Вот что пишет в телеграмме из Джамбула герой Социалистического труда Марксен Турсункулов. «Дорогие дети мои, дорогие солдаты мои. Я душой с вами на той площади, собственными руками готов вырвать глаза у этих шайтанов, которые засели в замечательном Зимнем дворце. Никого не щадите. Я со своей стороны обещаю вам увеличить на четыре процента сбор хлопка-сырца в моей бригаде...

В конце фразы снова усиливаются выстрелы, затем Колобок и Гуяяый вносят Зосю. Кладут ее на раскладушку.

КЕРЕНСКИЙ. Зося? Что с тобой!

ЗОСЯ. Ничего, Саша, не беспокойся, ничего страшного. Это наверное контузия.

Следом спешит Раиса Семеновна.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Я тебе сколько раз говорила, Ильинская, чтобы ты не высокопарилась... Где болит? А мы, господин Керенский, ищите руководительство боев. Здесь без нас рибберукаса.

Керенский ждет уйти, но все еще колеблется.

ГОЛОС ДИКТОРА. Как счастливы люди, которым позволено жить в стране Советов, сказала нашему корреспонденту крестьянка с острова Мадагаскар. Я всем сердцем с теми, кто сегодня руководит штурмом пропадения империализма. Я вспоминаю славные времена борьбы против французских оккупантов...

С улицы врывается Коган.

КОГАН. Я вас исходу иду, с ног сбились. Звонят так — они все ирут. Я связался со Смольным, «Аврора» начиняло сена на мель и бабахнула по Смольному, при том так ужасно, что Ставки и Свердлов в больнице. Из всех разводов-штурмов там сохранился только товарищ Луизенский, он пишет трагедию в стихах.

КЕРЕНСКИЙ. А Ленин? Что слышно о Ленине?

КОГАН. Ленин пропал без вести.

КЕРЕНСКИЙ. Этого быть не может! Наверное кто-то пошутил.

КОГАН. Позвоните сами.

КЕРЕНСКИЙ. Держите связь со всеми, с кем можете! Я спешу на баррикаду. Надо поддержать молодежь.

С майдорги он возвращается, пелует Зосе руку и снова убегает. От дверей доносится голос Керенского.

КЕРЕНСКИЙ. Держитесь, друзья! Конница генерала Краснова уже движется по проспекту Майорова! Удивительным выстрелом с «Авроры» выведено из строя руководство большевиков. Надо продержаться еще час. Заряжайте орудия! Неважно чем — главное, чтобы громко и пылко!

Слышно, как наливается волна атакующих, их встречают выстрелы, потом оглушительные бухают пушки.

Зоса приподнявается на локте.

ЗОСЯ. Это наши! Они бегут! Они бегут! А меня нет с ними. Пустите меня, Раиса Семеновна. Я должна быть там с девчушками!

РАИСА СЕМЕНОВНА удирает Зосю.

Коган подходит к телефону.. Он набирает и набирает номер, видно что ему не отвечают. В это же время видно, как по тусклое освещение дельней части коридора, которого выходят в парадные покои, вралется один человек... за ним второй...

КОГАН. Столпный? Это Столпный. Какое счастье! Я говорю из Зимнего. Почему нас взяли? Нас никто не взял. А нас взяли... Ах, простите, я перепутал.

Остановив трубку, Коган на цыпочках идет в ту спорную, где заметил фигуры.

КОГАН. Стой! Кто идет!

Фигуры бросаются на него. Шока их двое. Впереди Антипенко, за ним парень, которого уже брали в плен.

КОГАН. На помощь! Трезвога! Нас обобрали!

Его легко сшибают, хоть они и пытались выпасть сабельку.. Поднимается посланик генерала Краснова. Он, поднявшись, врезается в первого из нападающих и ударом в честь сшибает его.. Отважно бросается на помощь Когану Раиса Семеновна, а на его крик, услышав, побегает и Колобок с Керенским.

Обоих нападающих крутят. Первый, с помощью Раисы Семеновны, поднимается и всплеск, опираясь о стену спиной. Под глазом — синяк.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Господи, товарищ Антипенко! Товарищ зам. директора по разведке! Вы как здесь оказались?

АНТИПЕНКО. Знаете... я так хотел посмотреть... из чувства солидарности.

ПАРЕНЬ. Какая солидарность! Сам же меня подбил.

КОЛОБОК. Будешь врат — живым не выдешь. Сам знаешь, какая обстановка. Почему ты опять слова забрался?

ПАРЕНЬ. Меня Семен Остапович подбил — давай, говорит, я покажу один ход — его не охраняют.

КЕРЕНСКИЙ. Зачем?

ПАРЕНЬ. Там монеты лежат в золотой кладовой и драгоценности — сейчас никому дела нет, а то потом набегут...

РАИСА СЕМЕНОВНА. Все что угодно, только не это! Я не верю. Семен Остапович имеет недостатки, но он коммунист и заместитель директора по режиму. Его к нам назначили из КГБ. Нет, это исключено!

АНТИПЕНКО. Это исключено! Я шел, чтобы разведать вход через кухонную дверь. Вы же знаете. Я думал, что там открыто.

КОЛОБОК. Зачем?

АНТИПЕНКО. Именно потому что я коммунист. У меня была беседа с товарищами Крыленко и Дыбенко. Они там, на площади. Ситуация сложилась критическая. Пора открывать Съезд советов, а Зимний до сих пор не взят. И никакой связи со Смольным. Или мы берем дворец сейчас, или весь мир будет над нами хохотать... И лично над Леонидом Ильичом.

ПАРЕНЬ. А зачем мне про монеты говорил?

АНТИПЕНКО. А я вообще не знаю, зачем ты за мной увязался.

КЕРЕНСКИЙ. Если не врет товарищ директор по режиму, значит вы должны были проверить, открыта ли дверь и охраняется ли она?

КОГАН. Они к лестнице повернули, когда я закричал.

ПАРЕНЬ. А мне сказал — скорей, сказал там золото брать будем. В кладовой.

КЕРЕНСКИЙ. И когда же последний штурм?

АНТИПЕНКО. Ждут танков. Ждут броневик — его с площади перед Финляндским вокзалом перегоняют.

КЕРЕНСКИЙ. Все ясно. Запереть их в его кабинете. Там решетки на окнах?

РАИСА СЕМЕНОВНА. Разумеется.

Пленных заталкивают, закрывают дверь.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Александр Федорович, скажите, а на самом деле — он в кладовую лез или из идейных соображений пошел в предатели?

ЗОСЯ. (*Слабым голосом, с койки.*) Раиса Семеновна, а разве вы когда-нибудь замечали у него идейные соображения?

РАИСА СЕМЕНОВНА. Он всегда очень ярко выступал на соревнованиях.

ЗОСЯ. Ярко? И никогда не врал?

РАИСА СЕМЕНОВНА. Боже упаси. Он же ветеран?

ЗОСЯ. Значит он сейчас соврал впервые в жизни.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Как?

ЗОСЯ. Броневик, который стоит перед Финляндским вокзалом, сделан из мрамора и у него нет колес. Также, как и Ленин, который с него говорит уж пятьдесят лет в любую погоду.

Керенский присаживается на край койки Зоси и берет ее за руку.

КЕРЕНСКИЙ. Больно?

Два раза громко бухают пушки защитников.

ЗОСЯ. Нет. Ты иди, Саша, ты там нужен.

КЕРЕНСКИЙ. Я хотел бы остаться здесь навсегда.

ЗОСЯ. Не говори глупостей. Ты — премьер-министр. У тебя ответственность. Сколько времени?

КЕРЕНСКИЙ. Они опоздали уже на два часа.

Тем временем выстрелы становятся все чаще, шум боя кипит у самых дверей, туда устремляются Коган с Раисой Семеновной, там уже скрылся Колобок.

КЕРЕНСКИЙ. Прости, моя хорошая.

И он тоже пропадает в криках и шуме боя. А радио продолжает говорить.

ГОЛОС ДИКТОРА. И вот завершается праздничный день. Еще минута — две и погаснут прожектора. Уже затихает схватка. Зимний взят! Революция в очередной раз

победила. Через несколько минут мы включим наши микрофоны с Смольным, где состоится открытие Съезда советов, на котором выступит Владимир Ильич Ленин.

Вступает музыка.

И на фоне музыки отдаление «Уррааааа!» Еще одна волна...

Изнутри, из кабинета Антипенко отчийный стук.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Может мне его выпустить?

ЗОСЯ. Вы думаете, что он вас за это покалеет?

РАИСА СЕМЕНОВНА. Я все равно хочу задать ему один вопрос.

ЗОСЯ. А я пойду туда...

РАИСА СЕМЕНОВНА. Не смей. Раисных они может быть не тронут.

Она открывает дверь в кабинет Антипенко и тот вырывается наружу.

АНТИПЕНКО. Испугалась? Струсила?

Зося поднимается и идет к открытой двери.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Я хочу вас спросить. Семен Остапович. Все-таки не первый год я работаю с вами...

АНТИПЕНКО. (Окликнув ее.) Только быстро. Меня ждут!

РАИСА СЕМЕНОВНА. Ведь у вас было партийное задание. Задание занимать вместе с нами Зимний дворец. Почему вы сбежали? Получается, что вы совершили преступление против партии?

АНТИПЕНКО. Идиотка! Бывают разные поручения. Бывает поручение, от которого бегать хочется. А бывает, от которого крылья вырастают.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Значит, если в золотую кладовую или через окна лазить — это с крыльями?

АНТИПЕНКО. Я выполнил задания товарища Антонова-Овсянко.

РАИСА СЕМЕНОВНА. И все же я не понимаю...

АНТИПЕНКО. Заткнись, сионистка проклятая!

И он идет по коридору к Дверьюной площади. Но он опо-
кан. Поэтому что навстречу ему идет Керенский, подиремый
Зоси.

КЕРЕНСКИЙ. Ну кто тебе разрешил вставать, дурочка
мои?

КРАСНОВ. Я бы на ее месте тоже поднялся. Все же
исторический момент.

За ними идут бойцы Красного и землемера Эрнштада.

Антическо начинает отступать.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Нет, вы смотрите, смотрите на
победу коммунистической революции.

Керенский помогает Зосе лечь на раскладушку..

РАИСА СЕМЕНОВНА. Простите, Александр Федоро-
вич. Можно вас спросить в такой исторический момент?

КЕРЕНСКИЙ. Пожалуйста.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Скажите, а нельзя ли навсегда
запретить коммунистическую партию?

КЕРЕНСКИЙ. Считайте, что она уже запрещена.

АНТИПЕНКО. Мудрое решение, Александр Федоро-
вич. Мудрое и своевременное решение.

КЕРЕНСКИЙ. Я оставил тебя, Зоси, на попечение
Райсы Семеновны. Я скоро вернусь. Только наисууу визит
в штаб революции — в Смольный.

Картина единовременная

Кабинет Свердлова в Смольном. То же самое, лишь видны
следы первого поколения спидида.

Портрет Брежнева наклонился, вследу пыль. Радио не-
прерывно играет прекрасную мелодию. Звонит телефон на столе.
Прерывается. Начинает звонить снова. Междугородний. Грохот
шагов, как будто наступает целый полк. Это Керенский, за ним
генерал Краснов, Колобок, Малышев, Коган, Симонов и еще
какие-то люди. Журналисты. Видеокамеры.

Керенский проходит к телефону.

КЕРЕНСКИЙ. Смольный слушает. Моя фамилия Керенский. Да, я председатель временного правительства. Что вам делать? Как ваша фамилия? Так вот господин Шишкин. Собирайте в Тульской области Учредительное собрание, проводите демократические выборы. И отдайте власть достойным... Как быть коммунистам? Вопрос о запрете радикальных партий будет рассмотрен Верховным судом.

КЕРЕНСКИЙ. (*Своим соратникам.*) Тульский обком действует

Тут же звони снова междугородний.

КЕРЕНСКИЙ. Да? Кто говорит? А, Леонид Ильич? Нет, не Сталин и не Свердлов. И даже не Ленин, опять не угадали. Так что не надо на меня кричать. Керенский Дорогой Леонид Ильич, такие цитадели как Зимний дворец сдаются лишь однажды. Не надо искушать судьбу. Ничего мы вам не отдадим. Ну что ж, принимайте меры. Собирайте Политбюро.

Снова звонит телефон.

КЕРЕНСКИЙ. Керенский у телефона! Что? Да погодите вы! Кто здесь в иностранных языках силен? Кажется английский.

КОГАН. (*Берет трубку.*) Гуд Морнинг... Йес. Йес... Йес...о, Ноу! Сэнк ю!

КРАСНОВ. Что он сказал?

КОГАН. В общих словах, понимаете, Александр Федорович, я проходил английский язык в школе, и числился среди лучших учеников...

КЕРЕНСКИЙ. Жалко, что ничего не понял.

КОГАН. Я понял! Коммунизм — капут! Либерти — йес!

КОЛОБОК. Эх, ты, Коган. Может из-за твоей темноты мы потеряли международную поддержку.

Появляется Нетудыхата. Он несет портрет Николая второго. Он снимает со стены портрет Брежнева и на его место вешает портрет царя. Никто не замечает этого.

МАЛЬВИНА. Александр Федорович, Саша, можно я попробую. Я же очень способная. Я уже шесть лет иностранного мужа ищу — столько за это время выучила!

Керенский поднимается, уступает ей место.

Снова звонит телефон.

МАЛЬВИНА. (Отвечает по-английски с сильным русским акцентом.) Иес! Тзе секретари ов тзе прайм министр ов тзе фри Расса. Гуд морнинг, мистер президент. Ай шел транслеит фор тзе прайм министр. (Она оборачивается к группе слушателей). Президент Джонсон. Посыпает вам свои поздравления в связи с приходом к власти. Желает успеха.

КЕРЕНСКИЙ. Скажи президенту Джонсону, что мы благодарим его лично и американский народ за поддержку России в тяжелую историческую минуту борьбы с мировым коммунизмом. Будем надеяться на политическое и экономическое взаимопонимание...

МАЛЬВИНА. Медленнее, Саш!

Тут Керенский видит, что вместо Брежнева появляется Николай второй.

КЕРЕНСКИЙ. (*Принимая от Нетудыхата портрет*). Вот это лишнее. Наш народ вряд ли выскажет за монархию. Поиските-ка более демократический портрет.

НЕТУДЫХАТА. Но вашего портрета найти не удалось. Мы все хозуправление перерыли.

КЕРЕНСКИЙ. И не надо. Надеюсь этого не случится.

Антиленко, который пробился в угол комнаты, хлопает в ладоши.

КЕРЕНСКИЙ. Семен Остапыч, оставьте ваши манеры!

АНТИЛЕНКО. Разумеется, Александр Федорович.

Керенский помогает снять портреты и в это время Антиленко склоняется к Мальвине и шипит.

АНТИПЕНКО. Какой он тебе Саша! Ты что хочешь, чтобы я тебя под трибунал отправил? Ты какое имеешь право оскорблять главу государства?

МАЛЬВИНА. А пошли вы...

Звонит телефон. Мальвина берет трубку.

МАЛЬВИНА. Плиз спик инглиш. Оу, уи! Авек гран шлезир. Абсолютман! Гран мерси.

КРАСНОВ. Кто? Что сказал?

МАЛЬВИНА. Генерал де Голль, поздравляет вас с победой, Александр Федорович, и сравнивает ее с обороной Фермопил.

КЕРЕНСКИЙ. Вот именно!

Звонит телефон.

КЕРЕНСКИЙ. Если Мао Цзедун, веди себя вежливо, но сдержанно.

МАЛЬВИНА. Как вы сказали? Уот? Сэнк Ю, Сэнк Ю, оф корс.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Ну что ты молчишь?

МАЛЬВИНА. Так, пустяки, Исландия.

Тут же снова тянет руку к телефону.

МАЛЬВИНА. Йес. Ху из спикинг? Ой, извините... одну секундочку. Ой, что я наделала? Это из Кремля. Сам по-моему.

Все подаются назад. Керенский берет трубку.

КЕРЕНСКИЙ. Да, я вас слушаю. Да, это Керенский у аппарата. Нет, я не узурпирую никакую власть. Какое политбюро? А, ваше политбюро? И что же? Нет, я не советую вам полагаться на милицию и внутренние войска в Петрограде. Город под нашим контролем. Какая стратегическая авиация? Какая бомба? Вы не сошли с ума?

И тут голос Брежнева вырывается из телефона, словно мы начинаем слушать вместе с Керенским.

ГОЛОС БРЕЖНЕВА. Нам нелегко было прийти к такому решению. Однако мы единогласно проголосовали на политбюро о нанесении бомбового ракетного удара по го-

роду героя... (Голос Брежнева срывается, он всхлипывает.) По городу победившего Октября, по городу Ленина... К счастью мне тут сообщили, что в нашей деревне еще осталось более ста различных городов и мы устроим конкурс — социалистическое соревнование, победитель которого получит название Ленинград.

Слышны короткие гудки.

Входит Коган с Нетудыхатой, которые вносят новый портрет и Коган лезет на стул. Оказывается, что это — портрет Дарвина.

Их никто не останавливает.

Немая сцена.

РАИСА СЕМЕНОВНА. Они не посмеют...

КОЛОБОК. Они все посмеют...

Снова тишина.

Антиленко тащит портрет Брежнева и старается оттеснить Когана с портретом Дарвина в сторону.

КОЛОБОК. Надо, чтобы люди в бомбоубежища бежали.

КЕРЕНСКИЙ. Если посмеют, то никто не добежит до бомбоубежища.

Все стоят и ждут.

Занавес.

Картина двенадцатая.

За закрытым занавесом слышен телефонный звонок. Один раз, два, три...

Занавес раскрывается.

Все ждут, пока Керенский возьмет трубку.

КЕРЕНСКИЙ. Я слушаю.

Он долго молчит, слушает то, что ему говорят в трубку и люди непроизвольно стягиваются к аппарату, чтобы услышать хоть слово.

КЕРЕНСКИЙ. Спасибо.

Он вешает трубку и оборачиваясь к стене, делает знак, чтобы Коган вешал портрет Дарвина.

КЕРЕНСКИЙ. Стратегическая авиация отказалась уничтожить наш город. По нашим сведениям коммунистическая партия приняла решение уйти в подполье.

Керенский проводит рукой по лбу, будто пытается сбраться с мыслями.

В комнате поднимается шум. Громче всех кричит Антипенко. Он подает Когану портрет Чарльза Дарвина.

АНТИПЕНКО. Да прямее, прямее! Простого дела доверить тебе, Коган, нельзя.

Керенский идет к двери.

КОЛОБОК. Вы куда, Александр Федорович?

КЕРЕНСКИЙ. Побудь за меня. Я в больницу, к Зосе.

Он уходит.

Занавес.

НОЧЬ В НАГРАДУ

*Мелодрама в двух действиях с
эпилогом.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ОТЕЦ — Егор Адамович Жук, профессор столичного университета одной из провинциальных русских республик недалекого будущего. Ему 59 лет, он хорошо известен в узких научных кругах, умело читает лекции, пишет статьи в популярных изданиях и любит заседать в президиумах международных форумов. Состоит женат, но не от трудов праведных, а от приданого жены.

МАТЬ — Мария Ивановна Жук. 62 года. Женщина плотного сложения, до последнего дня — хозяйка в доме, частью которого был послушный муж.

ЛИДИЯ — Лидия Егоровна Жук, дочь профессора. Только что закончила православную гимназию и начала выезжать в свет. Любимица папы, платит ему взаимностью. Ничего из себя не представляет, через несколько лет превратится во второе издание мамы.

РУСЛАН — Руслан Егорович Жук, сын профессора. Ему под тридцать, а он все никак не завершит аспирантуру и не защитит диссертацию «Значение «Слова о полку Игореве» в народном сопротивлении татаро-монгольскому нашествию». Предпочел бы стать гардемарином, но подвело плоскостопие и отсутствие протекции. Гуманитарные науки его раздражают.

БАСЯ — Государственная женщина. Красавица двадцати пяти лет отроду. До определенной степени добродушна и покладиста. Порой вдруг догадывается, насколько она несчастна.

ГУСТАВ АНДРЕЕВИЧ ПЕЦ — Председатель Министерства внутренних дел. Раньше был великоколесским

львенком, но когда отец разорился, поступил на службу и научился быть нужным начальству.

ЛУКРЕЦИЯ ИВАНОВНА — Тетка и опекунша Баси. Елейная женщина средних лет. В душе страшно завидует племяннице, ворует у нее деньги и конфеты.

БАБКИН — Агент Комгосбеза. Маленький человек неопределенного возраста и неопределенной внешности. Всегда в шляпе. Не умеет воровать, потому — человек долга.

МАРШАЛ — Ахмет Рустамович Рустамов, маршал авиации. Готов к путчу, но мешают коллеги. Шутить не умеет и шуток не выносит, подозревая, что все они направлены против него.

КОММЕНТАТОР — Лошеный телевизионный деятель. Для него передача о профессоре не принесет лавров. Не скрывает пренебрежения.

ОПЕРАТОР ТЕЛЕВИДЕНИЯ, ДАМА-АССИСТЕНТКА, ПОЛИЦЕЙСКИЙ, СОЛДАТ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Квартира профессора Жука. Гостиная, она же столовая. Звонит телефон. Звонок обрывается, а после короткой паузы телефон начинает трезвонить вновь. Снова короткая пауза. Третий раз звонит телефон. Наконец в комнату вбегает Руслан. По пути он останавливается, оглядывает беспорядок, царящий в гостиной, поднимает с пола книгу, кидает ее на диван. За это время телефон успел еще раз замолкнуть и вновь проснуться. Руслан поднимает трубку.

РУСЛАН. Да, квартира профессора Жука. Кто? Ах, конечно узнаю, Семен Степанович. Нет, это не пapa, это я, Руслан... Скоро будет, ждем с минуты на минуту. Спасибо. Сердечное спасибо.

Руслан кладет трубку на рычаг и телефон тут же звонит вновь.

РУСЛАН. Квартира профессора Жука. Нет, это не профессор, это его сын. Что вы сказали? Разумеется, большое спасибо, ваше сиятельство. От имени всей нашей семьи. Нет, это не профессор...

Руслан бросает трубку.

Приоткрывается дверь в спальню. Оттуда высовывается мать.

МАТЬ. Лида, ну сколько же можно!

ЛИДИЯ. (Входит со стаканом воды). Иду, мама, иду.

Телефон снова звонит. Руслан не берет трубку.

МАТЬ. Вода кипяченая?

ЛИДИЯ. Я из чайника налила.

Руслан берет трубку. Женщины прислушиваются.

РУСЛАН. Квартира профессора Жука. Что вы сказали?... Сам ты кобель, вонючий!

МАТЬ. Русланчик, ты с ума сошел!

РУСЛАН. Это не я с ума сошел. А если тебе не нравится, подходи сама к телефону.

МАТЬ. Не говори глупостей! Ты же видишь, в каком я состоянии!

ЛИДИЯ. Ты все-таки циник, Русланчик.

Телефон звонит. Лидия садится на диван, рассматривает свою копытку — не побежали ли ноготки.

МАТЬ. Возьми же трубку, пакости!

РУСЛАН. Да. Да, квартира профессора Жука. А кому что надо? Нет, это не дом!

Она кладет трубку и сразу снова звонит.

РУСЛАН. Да!... Я же сказал тебе ясным языком... Простите, Алексей Азизбекович, простите!

МАТЬ. Ну вот, видишь, ты оскорбил такого человека!

РУСЛАН. Тут хулиганы звонили, я и сорвалась... Папа сейчас придет. Ждем с минуты на минуту.. Мама? Мама, ты как себя чувствуешь?

Мать исчезает в спальне, резко хлопнув дверью.

РУСЛАН. Мама немного переборщаст... Я поклоняюсь. Нет, Лиза за нас пристрастила.

Мать высовывается из двери.

МАТЬ. Воды! Умоляю, воды!

Лидочка перекидывает ногу на ногу..

ЛИДИЯ. Ма, ты стакан в спальню унесла. Он почти полный.

Дверь к маме захлопывается.

ЛИДИЯ. Сумасшедший дом, правда?

В гостиную входит отец. Он в пальто и в шапке. Пальто сидит кое-как, папка съехала на ухо.

ЛИДИЯ. Папа, ты как сюда попал?

ОТЕЦ. Разумеется, конечно, я бы приехал раньше, но в городе совершенно нет такси. У них забастовка, не знаешь?

Телефон звонит.

ОТЕЦ. Меня нет дома, я счас не пришел! Русланчик, пожалуйста!

Руслан берет трубку..

РУСЛАН. (Не слышит.) Его нет дома..

ОТЕЦ. (Раздеваясь.) Нет, ты сначала спроси кто меня спрашивает.. А вдруг с кафедры?

РУСЛАН. Уже бросили трубку. Ну как, здорово поддали на нашей кафедре?

ОТЕЦ. Руслан, в такой день!

РУСЛАН. Именно в такой день.. Представляю, какие посты квакали твои мухоморы..

ОТЕЦ. Руслан!

РУСЛАН. Трагедия поколений состоит в том, что одни из них получают награды, в которых уже не нуждаются, а другие принимают за них поздравления..

ОТЕЦ. Лиза, яу скажи ему!

ЛИДИЯ. Не кричайся, Руслан.. Ты никогда не отличался остроумием..

ОТЕЦ. А мама уже знает?

ЛИДИЯ. Передавали по эфиру, в последних новостях..

ОТЕЦ. Какой ужас!

ЛИДИЯ. Помочись, все знают, что ты заслужил.. Больше чем все остальные..

РУСЛАН. (Приводит трубку звонящего телефона и кладет ее обратно). Возможно, мама этого не переживет..

ЛИДИЯ. Фигар!

Она помогает отцу раздеться и уносит его шапку и шину..

РУСЛАН. (Берет наконец трубку, потому что телефон звонил короткими гудками — междугородний.) Спасибо.. откуда говорите? Из Еревана? Вас слушают! Вас слушают, говорю! Да, квартира профессора Жука.. Откуда? Из Еревана? Гур-ген? Записываю — Гурген!

ОТЕЦ. Это Гургенчик.. Мы с ним учились.. Он всегда меня поздравлял с днем рождения..

Отец хочет открыть дверь в спальню, но в этот момент Руслан кладет трубку и наступает минута тишины. И в этой тишине слышны рыдания из-за двери. Отец останавливается как вкопанный. Тут возвращается Лида. Они видят замершего в неудобной позе отца.

ЛИДИЯ. Папа, не обращай внимания. Мама всегда рыдает от избытка чувств.

Руслан снимает трубку и кладет ее рядом с аппаратом.

РУСЛАН. Ты не спеши, отец. Перемелется, мука будет. Я правильно цитирую?

ОТЕЦ. Это я написал?

РУСЛАН. Ты все написал, папа. Ты прославил, оправдал и низвергнул. Теперь пришла пора заслуженных наград. Приятно?

ОТЕЦ. Я не стал бы формулировать подобным образом.

ЛИДИЯ. А я горжусь папой!

ОТЕЦ. В конце концов мне могли дать орден святой Параскевы с пальмовой ветвью, правда? Я счел бы это заслуженной наградой. Я не рассчитывал на большее.

ЛИДИЯ. Ты у нас молодец, папа.

Телефон начинает звонить без трубки.

РУСЛАН. Я оторву ему глотку!

Лида подбегает к телефону

ЛИДИЯ. Я вас слушаю... Что вы говорите? Не может быть! Значит, нечаянно, не так трубка лежала. Конечно, конечно.

Она оборачивается к мужчинам.

ЛИДИЯ. Это с телефонной станции. Оказывается, нельзя трубку класть.

РУСЛАН. Это такая же телефонная станция, как я водовоз!

ОТЕЦ. Но в принципе они правы. Ведь это непорядок, у них могут запутаться провода.

Телефон тут же начинает звонить снова.

РУСЛАН. Это, наверное, дядя Сима. Он в абсолютной истерике. Звонил три раза.

ЛИДИЯ. Еще бы! Всю жизнь добивался хотя бы ордена, а получил к пенсии медаль «За трудовую доблесть».

ОТЕЦ. Не обижайте дядю Симу. Он достойный человек.

РУСЛАН. (*Взял трубку.*) Да, квартира профессора Жука. С кем имею честь? Одну минутку! Отец — тебя замминистра просвещения зовет. Подойдешь?

В этот момент мать как раз открыла дверь и приготовилась громко зарыдать, но услышала, кто зовет отца и спряталась вновь.

Отец быстро берет трубку.

РУСЛАН. Да, спасибо. Конечно, польщен, тем более ваше внимание к моим заслугам... Ну какие особенные заслуги? Да, еще раз спасибо. Супруга? Ну, конечно же, передает вам привет и благодарность.

Отец осторожно кладет трубку и говорит Руслану:

ОТЕЦ. Он трижды поднимал этот вопрос в Государственном совете. Он буквально горой стоял за мою кандидатуру. Да-да, не улыбайся. Он уверял, что я взрастил несколько поколения нашей интеллигенции.

ЛИДИЯ. Ты еще не такой старый, папа.

ОТЕЦ. Он говорил, что как наставник, я не знаю себе равных.

РУСЛАН. (*не глядя на отца.*) А мне одна птичка донесла, что он голосовал на совете против тебя.

ОТЕЦ. Ты хочешь быть циничным, но тебе это не идет. Вполне возможно, что он воздержался, но виноват не он — виновата моя близость к либеральной оппозиции.

РУСЛАН. Они умудрились лишить тебя венца мученика за прогресс. Что же теперь скажут грядущие поколения?

ЛИДИЯ. (*Кидается на брата с кулачками и молотит его по спине*). Не смей портить нам праздник!

Мать снова приоткрывает дверь.

ОТЕЦ. (*Не замечая ее*). Я пойду к маме?

Он смотрит на детей, будто ожидая их разрешения.

Мать просовывает в щель руку с пустым стаканом.

МАТЬ. Воды...

Лидия принимает стакан и идет на кухню.

ОТЕЦ. Мари, я пришел!

Дверь громко хлопает. Отец остается перед ней.

ОТЕЦ. Маша, это я, слышишь меня?

Дверь приоткрывается и в нее вылетают клочья фотографии.

Отец подбирает с пола клочки, несет на стол и старается их составить.

ОТЕЦ. Это что такое? Зачем?

РУСЛАН. Их во всех подземных переходах продают.

ОТЕЦ. Какая гадость! Я представляю, каково маме...

Зачем же они так фотографируют?

РУСЛАН. Секс — движущая сила прогресса. А прогресс — это деньги.

ОТЕЦ. Ты уверен, что это она?

Входит Лидия со стаканом воды, подходит к двери, стучит.

ЛИДИЯ. Мама, это я. Возьми воду.

Дверь приоткрывается, мать хватает стакан и снова закрывает дверь. Пока это происходит, мужчины молчат, смотрят на дверь, будто матери их разговор слушать не следует.

Отец складывает клочки фотографии. Руслан начинает ему помогать. Лидия подходит к ним.

ЛИДИЯ. Бедная мама! Она не выносит порнографии.

РУСЛАН. Ну какая это порнография! Обычная эротика. Я эту картинку с шестого класса хранил.

ОТЕЦ. Это твоя картинка?

РУСЛАН. Наверное, мама у меня копалась в столе и вытащила.

ОТЕЦ. Как это гадко!

РУСЛАН. Я думаю, у Лиды тоже такая есть.

ЛИДИЯ. Мама сама купила. Давно, еще когда тебя выдвигали на Нобелевскую премию. Помнишь?

ОТЕЦ. У меня не было никаких шансов.

РУСЛАН. А мать перепугалась, что ты станешь государственной ценностью и тебя наградят как маршала.

ЛИДИЯ. Или эстрадного певца.

ОТЕЦ. Ну уж это слишком!

ЛИДИЯ. А кто был майским лауреатом?

ОТЕЦ. Кто?

ЛИДИЯ. Шансонье Сечкин!

РУСЛАН. Он тоже государственное достояние. Гастроли шансонье Сечкина прошли в прошлом году в Шанхае с громадным успехом!

ОТЕЦ. Ничего смешного в этом нет. Нам приходится идти на компромиссы на международной арене. Я вполне разделяю точку зрения президента.

Снова звонит телефон. Отец знаком показывает Руслану, чтобы тот снял трубку. Руслан берет трубку.

РУСЛАН. Дядя Сима? Папа еще не приходил. Нет, я не думаю, что он отказался. Причем тут его передовые взгляды? Ничего с ними не сделается. Конечно, обязательно передам.

Руслан кладет трубку.

РУСЛАН. Этот старый ишак не переживет твоей славы.

ОТЕЦ. Сима младше меня.

РУСЛАН. Это уже не имеет значения. Интересно, нас кто-нибудь намерен кормить обедом?

ЛИДИЯ. Смотрите, я сложила.

Она показывает на большую фотографию, сложенную из кусочков.

ОТЕЦ. Это она?

РУСЛАН. Вот именно.

ОТЕЦ. Как же она могла позволить так себя сфотографировать?

РУСЛАН. Вот и спросишь у нее.

ОТЕЦ. Когда же обед в конце концов?

Дверь в спальню распахивается. В дверях мать в халате. Она театрально восклицает.

МАТЬ. Обедать будешь в ресторане!

Мать кажется распятой, волосы спутаны — она являет собой фигуру из трагического хора.

В момент, когда все замерли и не знаю, что сказать, звонит телефон. Руслан и отец бросаются к нему, сталкиваются и отец вырывает у Руслана трубку.

ОТЕЦ. Да, это я! Именно я... Какие коммунисты? Демократические коммунисты? Послушайте, я никогда не был коммунистом... Нет, нет, я не отвечаю за свои детские увлечения. Вы роковым образом заблуждаетесь... Нет! Я рассматриваю эту высокую правительственную награду, как награду всему университету, всей нашей отечественной науке... Вот так!

Отец бросает трубку как гранату.

Мать отрывается от двери и медленно идет к нему. Отец делает шаг назад.

ОТЕЦ. Маша... Маша... Машенька!

И тут снова звонит телефон. Отец тянется к трубке. Мать останавливается.

ОТЕЦ. Да, я вас слушаю. Говорите же! Не молчите, говорите!... Хулиган!

Отец кидает трубку.

Трубка тут же начинает звонить особыми короткими тревожными гудками. Отец отшатывается, Руслан берет трубку.

РУСЛАН. Да, разумеется... спасибо!

ОТЕЦ. Это междугородняя?

Он вынужден отступить под напором приближающей матери.

РУСЛАН. Нет, это из Комгосбеза. Спрашивали, не отключить ли телефон.

ОТЕЦ. И ты согласился?

РУСЛАН. Я берегу свои нервы.

ОТЕЦ. А если поздравления?

РУСЛАН. Пришлют по почте.

Мать резко отодвигает телефон. Опирается рукой о край стола.

МАТЬ. Воды! Умоляю, воды!

ЛИДИЯ. Мама, твой мочевой пузырь не выдержит такого напряжения.

МАТЬ. И ты?

Тут она видит фотографию на столе, закрывает рукой глаза.

Она пытается сесть на пол и детям приходится удерживать ее, чтобы довести до дивана.

Отец идет за ней.

ОТЕЦ. Маша, подумай, я же получил высшую награду нашей державы! Ее получают в год лишь двенадцать человек! Двенадцать. Помнишь у Блока? Там двенадцать революционеров идут по засыпанному снегом Питеру? Миллионы людей мечтают о награде.

МАТЬ. Разумеется! Тебе это нужно!

ОТЕЦ. Неважно, нравится тебе награда или нет. Это символ.

МАТЬ. Неужели тебе мало было ордена Андрея Первозванного? Ни один профессор еще не был удостоен.

РУСЛАН. Мама, ты ошиблась. Никто не предлагал напасть ордена Андрея Первозванного. Его выдвигали на Нобелевскую премию. Всего-навсего.

МАТЬ. Ах, Руслан, ты же знаешь, что никто всерьез не рассчитывал. Там были куда более серьезные конкуренты.

ОТЕЦ. Почему ты так считаешь, Маша? Если бы не дурацкое стечние обстоятельств, я вполне мог рассчитывать. У меня есть на этот счет письмо господина Андерсона.

Лида достала из бара бутылку и бокалы. Ставит все на стол.

ЛИДИЯ. Папа, мама, Русланчик, идите к столу, давайте отметим.

Мама по-военному шагает к столу, смахивает в сторону сложенную из клочков фотографию, поднимает бокал.

МАТЬ. За тебя, ничтожество! Да, да! Ты всегда был ничтожеством и останешься ничтожеством. Таракашка!

РУСЛАН. Браво, мама, а теперь дай ему с правой!

ОТЕЦ. Я ведь сдерживаюсь, но и у меня терпение может лопнуть!

ЛИДИЯ. Папа, мама, не ссорьтесь. В такой день! Ведь наш папа — всемирно известный гуманитарий.

МАТЬ. Он не нашел в себе элементарной порядочности, чтобы отказаться.

РУСЛАН. А разве кто-нибудь когда-нибудь отказывался? Я бы тоже не отказался.

ОТЕЦ. Ради чего, ради чего я должен отказаться? Народ и правительство меня почтили.

МАТЬ. Ради твоих детей, ради меня, наконец!

ЛИДИЯ. А мы его об этом не просили! Мы гордимся папочкой.

Обнимает, целует папу.

Звонок в дверь.

ЛИДИЯ. Я открою.

ОТЕЦ. (протирая очки.) Моя Родина переживает трудный период исторического развития. Многие поки-

нули ее, многие предали... Но в хаосе анархии, в паутине национальных конфликтов, в страхе военных блоков мы пытаемся сохранить великую русскую цивилизацию, возродить славные обычая наших далеких предков...

МАТЬ. (*Наливает себе еще коньяка*). Об этом рассказывай со своей кафедры. Нечего нам лапшу на уши вешать.

РУСЛАН. Браво, мама.

Возвращается Лидия. За ней посыльный с большой корзиной цветов. За посыльным входит незаметный человечек Бабкин — агент Министерства внутренних дел.

ЛИДИЯ. Поставьте сюда.

Она показывает на стол. Потом дает посыльному на чай.

ОТЕЦ. Откуда это?

ПОСЫЛЬНЫЙ. Там есть визитная карточка.

Он уходит. Бабкин внимательно смотрит на него.

РУСЛАН. Я погляжу, от кого.

ОТЕЦ. Я сам. Я надеюсь, что этот скромный букет станет важным аргументом в нашем с мамой споре.

Отец протягивает руку к корзине, но Бабкин быстро проходит от двери и протискивается между профессором и корзиной.

БАБКИН. Не трогайте ничего, профессор.

Бабкин наклоняется к букету, раздвигает цветы, запускает руку вглубь и извлекает оттуда серый блестящий предмет. Осторожно приподняв его одной рукой, другой поддерживает провода, наклоняется и перекусывает их зубами.

БАБКИН. (*Показывая всем серый предмет*.) Пластик. Действует от натяжения. Потяните за визитную карточку — и ба-бах! Детские игрушки.

Бабкин поднимает пластиковую бомбу и несет к окну. Не глядя кидает ее вниз.

ЛИДИЯ. Что вы делаете...

И тут же, перекрывая ее слова, раздается громкий взрыв.

Мать хватается за сердце и садится в беспамятстве на стул.

ОТЕЦ. Что вы наделали! Вы же могли кого-нибудь убить.

Бабкин смотрит вниз, прижимаясь спиной к раме.

БАБКИН. Вы совершенно правы. Я кого-нибудь убил.

РУСЛАН. (Подбежав к окну.) Это посыльный!

Лидия присоединяется к нему.

ЛИДИЯ. Это варварство. Вы убийца!

Бабкин приподнимает шляпу и обращается к профессору.

БАБКИН. Разрешите представиться. Бабкин. Служба безопасности Министерства внутренних дел. Придан вам, Егор Адамович, в качестве личной охраны.

Он протягивает отцу руку и тот пожимает ее.

ОТЕЦ. Я вам обязан жизнью.

БАБКИН. Да уж. В таком замкнутом пространстве никто бы не уцелел.

Руслан все еще у окна.

РУСЛАН. Кто они?

БАБКИН. Радикалы. Потом разберемся.

Приближаетсявой полицейской машины.

РУСЛАН. Ну и оперативность. Когда нужно — не дозвешься, а тут через три минуты.

БАБКИН. Особый случай. Вся страна, не отрываясь, следит за этим скромным домом на Малой Пушкинской.

ЛИДИЯ. А вы и циник?

БАБКИН. При моей зарплате я не могу себе этого позволить.

Он подходит к столу, смотрит сверху на бесчувственную матер.

ЛИДИЯ. Мама сильно переживает.

БАБКИН. Сейчас мы ей займемся.

Он наклоняется и дает матери две пощечины.

ОТЕЦ. Как вы смеете!

БАБКИН. Простите. Так надо. С минуты на минуту здесь будет телевидение. Желательно, чтобы к их приез-

ду все было нормально. Мария Жановна, рекомендую срочно попудриться и причесаться. Лида, помогите маме.

РУСЛАН. (*стоя у окна и глядя наружу.*) Они его по кускам собирают.

ОТЕЦ. У него, наверное, дети были.

Бабкин и Лидия, поддерживая мать с двух сторон, ведут ее в спальню.

ОТЕЦ. Но он, безусловно, заслужил такой участии. Он поднял руку не только и не столько на меня, как на женщин и детей.

Мать сопротивляется, не хочет идти.

Агент заламывает ей руку за спину.

БАБКИН. Егор Адамович, подскажите супруге, чтобы она поторопилась.

ОТЕЦ. Маша, он прав.

МАТЬ. А я не пойду. И не будет никакого телевидения.

БАБКИН. Не советую. Вы хотите поспорить с государством? Некоторые спорили. Чем это кончилось? Где они — Пугачевы, Пестели, Троцкие?

РУСЛАН. Браво, мы встретились с начитанным стукачом!

МАТЬ. Только в память твоих родителей, из жалости к тебе, слюнтяй, я соглашаюсь. Пусть тебе будет стыдно.

БАБКИН. Ему стыдно. Я гарантирую.

ОТЕЦ. Ты настоящий друг, Маша.

МАТЬ. Господи, он ничего не понял!

Она уходит в спальню и захлопывает за собой дверь.

ОТЕЦ. Лидочка, налей нам с господином агентом... простите, не знаю вашего имени.

БАБКИН. Моя фамилия Бабкин. Я не пью на работе.

Звонок в дверь.

РУСЛАН. (*Обращаясь к агенту и признавая этим его главенство*). Открыть?

БАБКИН. Я сам. (*Оборачивается к профессору*): Одну рюмку, не больше. Вы же сегодня ничего не ели. И в вашем возрасте...

ОТЕЦ. Конечно, конечно, только одну.

Бабкин уходит открыть дверь.

Лидия подходит к столу, наливает. Подходит и Руслан. Момент единения семьи.

ОТЕЦ. За здоровье мамы!

Они выпивают.

За дверью из прихожей слышны крики, голоса, какая-то возня.

РУСЛАН. Я посмотрю...

ОТЕЦ. Не надо. Бабкин работает.

Крики боли. Хлопает дверь.

Входит Бабкин, потирает ушибленные костяшки пальцев.

БАБКИН. Депутация от союза матерей-одиночек. Откуда они таких набирают?

ОТЕЦ. И что?

БАБКИН. С вашего разрешения, я их петицию выкинул в мусорную корзину, а их самих спустил с лестницы.

Лидия бежит к окну

ЛИДИЯ. Папа. Папа, смотри! Некоторые даже с детскими колясками.

ОТЕЦ. Я тут не при чем.

БАБКИН. Отлично. Сохраняйте чувство юмора. Оно вами пригодится.

ОТЕЦ. Лида, отойди от окна. Не старайся быть циничнее, чем ты есть на самом деле.

БАБКИН. Это еще цветочки.

ОТЕЦ. А вам уже приходилось охранять награжденных?

БАБКИН. Я в этом специализируюсь. Человек восемь через мои руки прошло. Все остались довольны.

Слышно как тормозит машина. Лидия видит ее.

ЛИДИЯ. Телевидение приехало! А я в ужасном виде! Она бежит к спальне. От дверей оглядывается.

ЛИДИЯ. В колледже все лопнут от зависти. Можно я шорты надену?

БАБКИН. Лучше пойдут брюки.

ЛИДИЯ. Вам не нравятся мои ноги?

БАБКИН. Хорошие ноги. Только толстоваты.

ЛИДИЯ. Хам!

В дверь въезжает телевизионная камера. За оператором идут толстый неопрятный человек в свитере — режиссер и дама с чемоданчиком — гримерша и ассистентка. Режиссер оглядывает комнату, включает верхний свет. Обращается к даме.

РЕЖИССЕР. Займись клиентами.

Дама раскрывает на столе чемоданчик с гримом. Подзывает профессора. Дама пододвигает стул — жестом велит профессору садиться. Начинает быстро работать.

ДАМА. Мы вам мешки под глазами уберем. Лет двадцать скинем, идет?

ПРОФЕССОР. Мне бы не хотелось. Я никогда в жизни не пользовался косметикой.

РУСЛАН. Возьмите меня. Я не уроню честь университета.

ОТЕЦ. Руслан, не паясничай!

ОТЕЦ. Хватит меня учить! Беда с вами. Интеллигентами. Вам обязательно надо продаваться так, чтобы все считали вас неподкупными. Ладошку за спину и мзду в задний карман! А ни лице верность высоким идеалам и оскорбленная невинность.

Режиссер хлопает в ладоши. Он уже расставил свою команду по местам.

Режиссер хлопает в ладоши и останавливает отца, который пытался кинуться на Руслана.

РЕЖИССЕР. Браво, браво, я вас, молодой человек, использую в передаче «Внутренний голос». А вы, профессор, не суетитесь, грим нарушите. Все готовы?

Дама откладывает чемоданчик, берет хлопушку.

РЕЖИССЕР. Садитесь за рабочий стол, профессор. Мы вас случайно застали за работой. Прибавьте книжек на столе!

Руслан спешит помочь.

РЕЖИССЕР. Так, лучше, а то не профессор, а депутат Верховного Совета. Кто поставил сюда этот веник? Убрать его!

Руслан убирает корзину с цветами.

ОТЕЦ. Подумать только — цветы несут в себе смерть!

БАБКИН. Не бойтесь, второй раз не взорвется.

РЕЖИССЕР. Профессор, сколько раз вас просить?

ОТЕЦ. Но я не работаю за этим столом. Это обеденный стол. Я работаю в моей комнате.

РЕЖИССЕР. Исключено — там мы не поместимся.

Режиссер и оператор передвигают по комнате вещи. Дама пуховкой приподривает профессора.

ДАМА. Не беспокойтесь. Передача в эфир не пойдет. Ее еще повезут в цензуру. Если что не так скажете, не переживайте, вырежут.

РЕЖИССЕР. Где семья? Жена! Не вижу жены!

ОТЕЦ. Мари! Машенька! Ты нам нужна.

Из комнаты выплывает жена профессора в вечернем платье, вся в блестках, с обнаженными плечами.

РЕЖИССЕР. Это еще что за пугало?

ЖЕНА. Что вы сказали?

РЕЖИССЕР. Я хотел сказать, что естественнее было бы увидеть вас, мадам, в вашем обычном платье. Ведь

вы еще ничего не знаете. Для вас все случившееся — нежданная радость!

МАТЬ. Я всегда от него ждала какой-нибудь гадости!

РЕЖИССЕР. Может, переоденетесь?

МАТЬ. И не подумаю! Пускай все видят! Это мой протест!

РЕЖИССЕР. Черт с ней... Дети! Где детишки? Вы детишки?

Входит Лидия в брюках. Идет к режиссеру соблазняющей походкой.

РЕЖИССЕР. Без этого, мисс, со мной такие штучки не проходят.

ЛИДИЯ. Почему?

РЕЖИССЕР. Потому что я люблю негритянок.

ДАМА (*Руслану*). А вам пошла бы гусарская форма.

РУСЛАН. Мне уже говорили.

РЕЖИССЕР. (*Смотрит на ноги Лидии*). Может, откроем ей задние лапки?

ЛИДИЯ. (*агенту*). Я же говорила!

АГЕНТ. Не стоит. У нее ляжки толстые.

РЕЖИССЕР. (*Бабкину*). Вы член семьи или жених ревнивец?

БАБКИН. Почти.

РЕЖИССЕР. Что-то мне ваше лицо знакомо.

БАБКИН. Еще бы! Мы с вами шестое мероприятие вместе проводим.

РЕЖИССЕР. А, вспомнил! Вы же из комгосбеза!

БАБКИН. Почти что.

РЕЖИССЕР. (*хлопает в ладоши*). Стоп, стоп, стоп! Все на местах! Снимаем сцену «Неожиданная новость!» Мирная атмосфера профессорского дома. Профессор кончает свой очередной эпохальный труд. Его бабуся только что узнала радостную весть. Где бабуся?

Мать поворачивается, чтобы уйти, агент Бабкин обгоняет ее и протягивает ей двумя пальцами пиллюю.

БАБКИН. Глотайте, это от нервов.

МАТЬ. Мне нечем запить.

БАБКИН. Неважно. Не надо запивать. Сама проскочит.

РЕЖИССЕР. (смотрит на Бабкина). Конечно, вы из безопасности!

БАБКИН. Откуда Мария Жановна у нас входит?

МАТЬ. Я скорее умру, чем буду участвовать!

РЕЖИССЕР. Вам не надо участвовать. Только войдите и скажите: «Милый мой, у нас в доме нечаянная радость!»

МАТЬ. Убью!

БАБКИН. Она не будет.

ОТЕЦ. Не надо, оставьте ее в покое.

РЕЖИССЕР. Хорошо, хорошо! Садитесь, мадам, возьмите книжку. А дети... дети будут играть в шахматы. У вас есть шахматы?

БАБКИН. У них нет шахмат.

РЕЖИССЕР. Вы принесли шахматы?

ДАМА. Шахматы взяла группа Винникова. Они поехали в дом для престарелых.

РЕЖИССЕР. Черт возьми! Что делать Борьке Винникову в доме для престарелых?

ДАМА. Там произошло зверское убийство на почве ревности.

РЕЖИССЕР. На почве маразма!... Полная тишина! Дети тоже читают книжки. Вся семья читает книжки. Типичная интеллигентная семейка. Где текст для профессора? В текст не глядеть!

Режиссер садится по другую сторону стола напротив профессора.

РЕЖИССЕР. Камера, мотор! Поехали!

Дама выбегает вперед с хлопушкой, сует ее между режиссером и профессором.

ДАМА. В гостях у лауреата. Дубль первый!

РЕЖИССЕР. Добрый вечер, дорогие зрители! Сегодня судьба забросила нас в скромный небогатый дом известного ученого, заведующего кафедрой гуманитарных дисциплин нашего университета, почетного члена корреспондента дисциплин нашего университета, почетного члена корреспондента Литовской, Мордовской и Чилийской Академии наук, профессора Жука. Здравствуйте, Егор Адамович.

ОТЕЦ. Здравствуйте.

РЕЖИССЕР. Простите, что пришлось оторвать вас от работы. Над чем вы трудились?

ОТЕЦ. Я сейчас занят... (*он пытается отыскать смысл в книгах и бумагах, что свалены перед ним.*) Я пытался обобщить... знаете, я только что пришел из университета... Маша, где мои очки, я ни черта не вижу!

РЕЖИССЕР. Стоп, стоп, стоп! Никакой отсебятины. Что еще за Маша? Какие очки? Вы — образец вирулентности, мужской моци, вы самец, в конце концов!

ОТЕЦ. Что вы сказали?

МАТЬ. Он тебя оскорбляет.

РУСЛАН. Самец — это я.

РЕЖИССЕР. Полная тишина в павильоне!

Дама с хлопушкой втискивается между ними.

ДАМА. В гостях у лауреата. Дубль два!

РЕЖИССЕР. (*с широкой улыбкой*). Я пришел сообщить вам, что решением Президентского совета вы объявлены лауреатом июльской премии «Мужчина номер один!»

ОТЕЦ. (*ведет пальцем по тексту*). Я удивлен и растроган.

РЕЖИССЕР. Вместе со всей нашей страной мы разделяем, профессор, вашу радость и ваше волнение. Мы гордимся тем, что лауреатом стали именно вы — профессор. Педагог, учитель, который внес такой большой вклад в дело морального воспитания наших детей.

ОТЕЦ. Нет, нет, не надо так выпячивать мою роль.

РЕЖИССЕР. Какие чувства обуреваю вас, профессор, в это знаменательный день?

Он показывает профессору на текст, который лежит перед ним на столе. Профессор читает.

ОТЕЦ. В этот знаменательный день моя душа преисполнена гордостью за нашу родную науку, которая в моем лице высоко оценена правительством и Верховным Советом.

РЕЖИССЕР. Стоп, стоп, стоп! Так не пойдет. Где естественность, я спрашиваю? Да бросьте вы бумажку!

ОТЕЦ. Вы сам мне ее подсунули!

БАБКИН. Сценарий утвержден в инстанциях.

РЕЖИССЕР. Без вас знаю. Сам утверждал... мне нужна картинка! Продолжаем. Читайте, мы потом подложим крупный план радостной бабуси.

МАТЬ. Хам!

ЛИДИЯ. Мамочка, потерпи, еще немножко.

РЕЖИССЕР. Ваша очередь сейчас подойдет, Мария Жановна.

БАБКИН. Многие через это проходили. И ничего, живут.

ОТЕЦ. *(снова глядит в текст)*. Я искренне хотел бы разделить эту награду с моими коллегами, ибо без их помощи я никогда бы не смог... я не то говорю?

РЕЖИССЕР. Про помочь коллег мы снимем, это лишнее. Сегодня ночью, надеюсь, их помочь вам не понадобится.

Руслан смеется, мать прикладывает платок к глазам.

РУСЛАН. Простите, я не подумал. В самом деле получается бессмыслица.

Дама с хлопушкой лезет к ним.

Режиссер отмахивается от нее.

РЕЖИССЕР. Кончайте, профессор, и постарайтесь не отступать от утвержденного текста.

ОТЕЦ. (*скучным голосом*). Награда пришла ко мне неожиданно как песня...простите: как весна в горах.

РЕЖИССЕР. Еще раз и веселее!

ОТЕЦ. Награда пришла ко мне неожиданно, как весна в горах! Когда читаешь, что подобной чести удостоен маршал или общественный деятель, поэт или тенор, то понимаешь — они заслужили. Но чем заслужил это я? Чем? (*отец смотрит на режиссера*). Тут больше нет текста.

РЕЖИССЕР. И отлично. Выражайте благодарность и дело с концом.

ОТЕЦ. Всей своей последующей деятельностью я постараюсь оправдать доверие, оказанное мне правительством. Вся моя семья преисполнена гордостью и радостью. Правильно? Почему вы так критически на меня смотрите?

РЕЖИССЕР. Все! Снято, снято! Стоп камера. Всем спасибо, переходим к следующему эпизоду. Камера на меня!

Дама поднимает хлопушку перед лицом режиссера.

ДАМА. В гостях у лауреата, эпизод второй, дубль первый!

РЕЖИССЕР. Как всегда в такой тихий вечер дружная семья лауреата собралась у камина. Даже сегодняшняя новость не смогла нарушить распорядка. Супруга профессора, с которой он прожил в мире несколько десятков лет...

МАТЬ. Что вы имеете в виду под несколькими десятками?

РЕЖИССЕР. Я имею в виду, чтобы вы не лезли со своими репликами, когда вас не зовут. Ладно, это запишем в студии. Камеру на бабусю. Расскажите нам, Мария (*смотрит в блокнот*) Жановна, какие чувства овладели вами, когда вы узнали о высокой награде вашего супруга?

Мать сильно сглотнула слюну, вытерла нос. Бабкин ободряюще машет ей.

РЕЖИССЕР. Где текст? У нее есть текст?

МАТЬ. (*читает*). При получении известий о высокой чести, оказанной моему супругу, меня охватило счастье. Это был счастливейший день моей жизни... Мы не надеялись даже на Орден Знак Почета.

РЕЖИССЕР. Больше о чувствах!

МАТЬ. Счастье пришло в наш скромный дом... Заверяю, что мой супруг и впредь не просрамит...

В окна влетает предмет, агент Бабкин бросается к нему и накрывает своим телом.

Остальные кидаются в разные стороны. С грохотом рушится камера.

Пауза. Потом Бабкин медленно и брезгливо поднимается, пытается что-то стряхнуть с пиджака.

БАБКИН. Где ванная? Там?

ДАМА. (*из-под стола*). Что это было?

БАБКИН. Дерьмо.

Он уходит в ванную.

МАТЬ. Кто-нибудь, кто-нибудь, умоляю, вытрите!

РЕЖИССЕР. Продолжаем работать. Спасибо, Мария Жановна, за теплый и откровенный разговор. Надеемся, что дети тоже разделяют ваши чувства.

ОПЕРАТОР. Так работать нельзя. Тут же воняет.

РЕЖИССЕР. Потерпишь. Помнишь, как мы с тобой в морге работали? Где сын? Давай.

РУСЛАН. Моя биография обычна для нашего светлого времени. Я благодарен нашему правительству, которое дало мне возможность получить высшее образование. Мечтой моей жизни было поступить в авиацию и охранять воздушные рубежи нашей родины. Но мой отец, выдающийся ученый нашего времени, пожелал, чтобы я пошел по его стопам.

РЕЖИССЕР. Нет, невозможно! Здесь воняет. Кто-нибудь должен вытереть.

Из ванной выходит Бабкин с тряпкой. Начинает на четвереньках вытираять пол.

Входит Пец. Гладкий, безукоризненный как его костюм.

ПЕЦ. Закругляйтесь, коллеги. Время.

РЕЖИССЕР. Еще пятнадцать минут.

ПЕЦ. Ни минуты. Чем это у вас так воняет?

БАБКИН. Экстремисты дерзом кидаются.

ОТЕЦ. Мне это так неприятно.

РЕЖИССЕР. Пять минут. Три минуты... две!

ПЕЦ. Ничего, дополните передачу документальными кадрами выступления нашего президента на Верховном Совете. Наберите фотографию профессор-сорванец бегает по лугам. Не мне вас учить.

Пец оборачивается к отцу.

ПЕЦ. Разрешите представиться. Пец, Густав Андреевич, начальник протокольного отдела министерства внутренних дел. Ведаю награждениями. Моя профессиональная обязанность сопровождать вас, заменить вам няньку, сваху и повивальную бабку. Коллеги, выключите, наконец, ваши прожектора. Я же сказал, что съемки закончены.

ОТЕЦ. Очень приятно с вами познакомиться. Наконец-то появился компетентный человек.

ПЕЦ. О моей компетентности вы будете говорить завтра, когда все кончится. Собирайтесь! В нашем расположении пять минут.

ОТЕЦ. Как жарко. Никогда не думал, что сниматься так жарко.

ПЕЦ. Вы слышали, профессор?

ОТЕЦ. А что мне собирать? У меня, знаете, нет никакого опыта.

ПЕЦ. Ничего особенного. Возьмите с собой все... как будто вы уезжаете в краткосрочную командировку... или убегаете на ночь к любовнице.

МАТЬ. Я не вынесу этих намеков!

ОТЕЦ. Может, мне отказаться? У Маши нервный криз.

ПЕЦ. К сожалению, поздно. Весь мир следит за вами. Идите, переодевайтесь.

ОТЕЦ. И галстук?

ПЕЦ. Галстук обязательно.

ЛИДИЯ. Я помогу тебе, папочка.

МАТЬ. Нет, я пойду с ним!

Она идет к двери первой.

ПЕЦ. (*обращается к Бабкину*). Происшествий не было?

БАБКИН. Одна попытка взрыва, одна биологическая бомба.

ПЕЦ. Вижу, воняет как в свинарнике.

РУСЛАН. Простите, я сын моего папы.

ПЕЦ. Я уже догадался. Чем могу быть полезен?

РУСЛАН. У меня есть высшее образование и четыре года аспирантуры. Могу ли я рассчитывать на офицерскую должность в вашем министерстве?

ПЕЦ. Вам лучше идти в армию, у вас выправка. Для нас вы слишком заметны.

РУСЛАН. В армии без связей придется начинать с рядового. А вы же знаете, как быстро проходит жизнь.

ПЕЦ. (*ни обращая никакого внимания на Руслана, говорит Бабкину*). Нам придется заехать в ресторан. Там заказан ужин в судках. Поедешь на машине с нами. В случае чего, стреляй без предупреждения.

БАБКИН. Не в первый раз. И дай бог, не в последний.

РУСЛАН. Можно я с вами?

ПЕЦ. Нет. Вашему отцу не нужна конкуренция.

ЛИДИЯ. Он не в том смысле.

БАБКИН. А у меня сегодня с утра подавленное настроение.

ПЕЦ. Потому что все еще воняет.

РУСЛАН. А если у вас появится вакансия, вы не могли бы мне позвонить?

Сует Пецу визитную карточку и деньги. Пец брезгливо, двумя пальцами берет деньги и рассматривает их как таракана.

ПЕЦ. А это зачем? Я вас не понял. Это взятка? Возьмите обратно, и постарайтесь научиться очень важной житейской мудрости — распознавать, кому можно сунуть взятку, а кому не следует.

РУСЛАН. Всем можно.

ПЕЦ. Заблуждение. Есть люди, которым невыгодно брать взятки. Я к ним отношусь.

РУСЛАН. Неужели есть альтернативы?

ПЕЦ. Есть, мой милый.

Нежно похлопывает Руслана по щеке.

Потом проходит к закрытой двери и стучит в нее.

ПЕЦ. Пора, мои друзья, пора!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гостиная в доме баси. Дешевая роскошь — таким представляет себе шикарный разврат генерал, проведший всю жизнь по гарнизонам.

Главная черта гостиной — низкие диваны и кресла. Между ними возвышаются узкие вертикальные зеркала, а пол покрыт пушистым ковром, скрадывающим шаги. За широкой двойной дверью виден холл и лестница на второй этаж.

Входят Пец и отец. За ними полицейский с большой корзиной.

ПЕЦ. (*раздраженно полицейскому*). Ну куда вы с продуктами? Не в первый раз, что ли? Несите в кухню.

Отец растерянно снимает очки и начинает протирать их большими пальцами. Он роняет очки, согибается. Пец помогает ему — поднимает и протягивает.

ОТЕЦ. Нет, я не могу! Меня всего колотит.

ПЕЦ. Он был готов к этому. Такую он выбрал себе профессию. У вас на рукаве кровь.

ОТЕЦ. Где?

Пец показывает, отец старается оттереть пятно.

ПЕЦ. У вас платок есть? Дайте.

ОТЕЦ. Совершенно новый костюм. Ни разу не надевал, вы можете поверить?

Пец трет рукав платком профессора.

В комнату выплывает пожилая, цветущая дама в длинном платье. Это Лукреция Ивановна.

ЛУКРЕЦИЯ. Густав Андреевич, на тебя совершенно нельзя положиться. Я решила, что вас убили по дороге.

ПЕЦ. Почти.

ЛУКРЕЦИЯ. Не пугай меня. Что еще стряслось?

ПЕЦ. Покушение. Агенту удалось заслонить собой профессора. Познакомьтесь.

ЛУКРЕЦИЯ. Очень приятно. Меня зовут Лукреция Ивановна. У Баси я единственный близкий человек.

ОТЕЦ. Я до сих пор не могу прийти в себя.

ЛУКРЕЦИЯ. Охрана работает совершенно безобразно. Я буду писать председателю Комгосбеза. Вчера кто-то вышиб окно на кухне.

ПЕЦ. Оно же бронированное.

ЛУКРЕЦИЯ. Одно название, что бронированное. В один прекрасный день нас всех разорвут на куски, а вы, Пец, принесете на похороны венок с трогательной надписью. Я этого агента знала?

ПЕЦ. Это Бабкин. Он тут раз десять был, охранял лауреатов.

ЛУКРЕЦИЯ. Господи, успокой его грешную душу. Это маленький такой?

ПЕЦ. Всегда в шляпе. Он стеснялся своей лысины.

ЛУКРЕЦИЯ. И в шляпе он казался выше ростом.

ПЕЦ. У него двое детей осталось.

ОТЕЦ. Я ничего не успел понять. Мы подъехали к ресторану, а там стоял какой-то молодой человек. Собственно мальчишка. Он так закричал и кинул.

ЛУКРЕЦИЯ. Я всегда говорила, что лауреатов надо перевозить в броневиках. Не надо рисковать такими ценными людьми. Вам, наверное, надо в туалет и вымыться... у вас кровь на рукаве.

ОТЕЦ. Я знаю.

ЛУКРЕЦИЯ. Я вас покажу, какое полотенце брать. Вас пятьдесят девять? Значит, перед пенсией дали?

ОТЕЦ. Вы знаете?

ЛУКРЕЦИЯ. Мы вашу объективу получили. Нам всегда присылают объективки на лауреатов. Идемте, идемте, вы пиджак снимите... Пец, а ты подожди. Густав, та подожди, хорошо? Ты знаешь где бар.

Лукреция выводит профессора из комнаты.

ПЕЦ откладывает бар, достает оттуда бокал, наливает, потом включает магнитофон. С бокалом проходит к телефону.

ПЕЦ. Котик, это я, твой котище! Твоя мышка... Ты ждешь меня? Я скоро сбуду профессора и к тебе... Нет, это было так ужасно, что я не скажу. А ты что делал?
Смотри, я ревнивый!

Входит профессор. За ним Лукреция несет его пиджак.

ОТЕЦ. И все же мне непонятно, почему такая оппозиция?

ЛУКРЕЦИЯ. На той неделе я схватила повара за руку, когда он сыпал нам в суп мышьяк. С тех пор и вовремя еду из ресторана. Это не жизнь, а каторга. На месте президента я давно бы ввела чрезвычайное положение.

ПЕЦ. Лукреция Ивановна не только родственница, но и экономка, домоправительница...

ЛУКРЕЦИЯ. Домомучительница... Вы тут без меня посидите, а я на кухню пойду. Там у меня вместо повара полицейский приспособлен. Обязательно что-нибудь у него сгорит.

ПЕЦ. Наливайте себе из бара, профессор.

Он развалился на диване и разговаривает с профессором свысока.

ПЕЦ. Судя по вашему виду, вы разочарованы встречей.

ОТЕЦ. Я не могу не думать о Бабкине.

ПЕЦ. Оркестра не будет. Должен вам сказать, что ожидание Рождества всегда интереснее, чем пляски вокруг елки. В каждом празднике заключена капля разочарования, ибо приход праздника и есть его смерть. В этом отношении любой орден, самая паршивая медаль долговечней чем ваша высокая награда. Впрочем, я могу ошибаться. Говорят, что для некоторых важно кольцо, которое вам дадут на память.

ОТЕЦ. Кольцо? Ах, да я читал.

ПЕЦ. Значение награды в ее символичности. Учреждая эту награду, наш президент воспел торжество красоты. От этого происходит и оппозиция. Оппозиция красоте! Ее возглавляют неполноценные люди. Сексуальные маньяки. Так что не ищите здесь политических причин.

ОТЕЦ. Бабкин тоже их не искал... Его смерть тяжелым камнем лежит на моей совести.

ПЕЦ. Скиньте этот камень. Вы тут не при чем. Погибнув, Бабкин приобщился к прекрасному. Он нежится теперь в райских кущах.

Входит полицейский в фартучке поверх мундира и начинает накрывать на стол.

ОТЕЦ. Густав Андреевич, можно я домой позовню?

ПЕЦ. А что случилось?

ОТЕЦ. Скажу, что доехал благополучно. Может быть, они слышали, что была стрельба и беспокоятся за меня?

ПЕЦ. Если бы вас пристрелили, тогда бы ваша жена получила об этом сообщение.

ОТЕЦ. А что, нельзя звонить?

ПЕЦ. Это нежелательно.

ОТЕЦ. Мари сама просила меня позвонить. Очень просила.

ПЕЦ. Бог с вами, звоните. Хотя ничего из этого хорошего не выйдет.

Отец набирает номер.

ОТЕЦ. Это я, дорогая. Ну я, Егорушка. Неужели не узнала? Значит, богатым буду... Как у вас дела?... Как дети? Никто не звонил? Дядя Сима? Скажи ему, что я буду завтра. Валидол? Зачем валидол? Ну прости, мне еще никогда в такой ситуации не требовался валидол... Я не хуже тебя знаю, сколько мне лет... Ну зачем же

сразу плакать? Я не сказал ничего циничного. Машенька, я тебя умоляю...

Отец осторожно кладет трубку на телефон.

ОТЕЦ. Она думала, что я уже... что все уже кончилось.

ПЕЦ. Женщины непоследовательны. Она вам изменила?

ОТЕЦ. Кто?

ПЕЦ. Ваша жена.

ОТЕЦ. Что вы, это совершенно исключено! Это немыслимо. Она посвятила всю жизнь мне и детям.

ПЕЦ. Хорошо вам внущили эту версию. А вот по нашим досье она вам изменяла.

ОТЕЦ. Ни в коем случае! Я не позволю вам порочить имя Марии Жановны! С кем она мне изменяла?

ПЕЦ. Вам нужны детали?

ОТЕЦ. Нет, ни в коем случае. А с кем?

Отец отходит к бару, наливает себе в бокал.

ОТЕЦ. А в самом деле — у вас и это отмечено?

ПЕЦ. Я сделал запрос в комгосбез. Это рутинा. Так всегда делается.

ОТЕЦ. Зачем?

ПЕЦ. Чтобы предусмотреть возможные конфликты.

Входит Лукреция Ивановна.

ЛУКРЕЦИЯ. Я хотела вам предложить выпить, а вы уже с вами. Ну и хорошо. Сейчас будем ужинать.

ПЕЦ. Я приглашен к друзьям. Спасибо. Мне нужно перекинуться парой слов с Басей и я уеду.

ОТЕЦ. Я тоже не голоден.

Он оборачивается к Пецу, умоляюще кладет руку ему на рукав.

ОТЕЦ. Может, вы еще побудете, а?

ЛУКРЕЦИЯ. Пора уже становиться мужчиной. Сумели заслужить награду, сумейте ее красиво принять.

Вы когда-нибудь слышали отчего повесился аграрий Мартинсон?

ПЕЦ. Бросьте, Лукреция, ваши шутки. Не портите хорошему человеку его звездный час.

ЛУКРЕЦИЯ. С каждым днем вы говорите все красивее.

ПЕЦ. Разрешите поднять этот бокал за ваше здоровье и успехи, профессор. За немногие минуты совместных испытаний я сблизился с вами и вы мне стали симпатичны. Прозит!

ОТЕЦ. Давайте за Бабкина, а?

ПЕЦ. Ну ладно, если вы настаиваете. Только тогда не чокаемся. Где Бася, у себя? Я на секунду. Буквально на секунду. До свидания, профессор.

Пец уходит во внутреннюю дверь.

ЛУКРЕЦИЯ. Егор Адамович, вас никто не собирается мучить и терзать. Не делайте вид, что вы агнец, которого привели на заклание. Все будет, как вам приятно. Или не будет.

ОТЕЦ. Я не боюсь... просто я раньше не получал награду.

ЛУКРЕЦИЯ. Постарайтесь расслабиться. В спальне на верхней полке буфета валерьянка. Накапайте себе двадцать капель.

ОТЕЦ. Спасибо, вы очень добры.

Входит Пец.

ПЕЦ. Все в порядке, мы можем ехать.

ОТЕЦ. А я?

ПЕЦ. Сейчас Бася придет. Крепись, старина. Потом все мне расскажешь!

ЛУКРЕЦИЯ. Вы помните, где валерьянка?

ОТЕЦ. Да, спасибо.

ЛУКРЕЦИЯ. Густав, вы подкинете меня до Гоголевской?

ПЕЦ. Сочту за честь. До завтра, профессор. Я за вами заеду, надо будет подписать документы о выполнении обязательств.

ЛУКРЕЦИЯ. Чao, профессор!

Они уходят. Отец один в гостиной. Он идет к телефону, берет трубку, но не набирает номера — прислушивается, не идет ли кто. Отец испуганно кладет трубку на рычаг. Подходит к зеркалу, поправляет галстук. Проверяет, хорошо ли замыто пятно на рукаве.

Бася, войдя в комнату, стоит, не приближаясь, разглядывая гостя. Она очень красива. Одет она просто, волосы не уложены — словно профессор хороший ее приятель и заглянул на чашку чая. Потому из-за него не надо приодеваться и краситься — он и такой ее примет. В то же время понимаешь сразу, что Бася — уникальный образчик человеческой самки — даже край ее платья до безумия возбуждает самцов. Ради обладания такой женщиной мужчина может забыть о долгах, совести, чести.

Отец чувствует, что Бася в комнате. Он еще не увидел ее, он еще не обернулся, но весь напрягся и стал похож на старого растрепанного вороненка.

БАСЯ. Добрый вечер, профессор.

Отец вскакивает.

ОТЕЦ. Здравствуйте. Мне очень приятно.

БАСЯ. Поздравляю вас, Егор Адамович, с получением высокой награды — правом провести ночь со мной.

ОТЕЦ. Ну что вы, я никак не заслужил...

БАСЯ. Садитесь, профессор, в ногах правды нет. У вас, наверное, сегодня был трудный день.

ОТЕЦ. Спасибо, я постою.

БАСЯ. Я настаиваю, Егор Адамович. Вы же мой гость. А я страшно проголодалась. Еще спасибо, что они оставили нам холодное.

Отец садится. Он все еще толком не смотрит на Басю, взгляд его падает то на ее щиколотки, то на пальцы...

БАСЯ. Налейте мне вина. И себе тоже. Я так боялась, что Лукреция с Густавом все вино вылакают. Это же страшная компания.

ОТЕЦ. Нет, что вы, они совсем не пили.

БАСЯ. можете на меня смотреть. Только не сразу. Вы по кусочками на меня смотрите. А то вы пожилой человек, кондрашка может случиться.

ОТЕЦ. Кондрашка?

БАСЯ. это у нас так говорили, в детстве. На самом деле это инсульт. У вас был инсульт?

ОТЕЦ. Почему у меня должен быть инсульт?

БАСЯ. Знаешь, как мне попадется старикашка, сразу или инсульт, или инфаркт. Прямо наказание какое-то. Наливайте, наливайте, мы сейчас с вами славно напьемся. У меня настроение есть напиться. У вас так бывает или доктор не велит?

ОТЕЦ. У меня никогда не было такого желания. Я всегда мог углубиться в работу и неприятности отступали.

БАСЯ. Счастливый. Мне бы такую работу. А в мою — разве углубишься.

ОТЕЦ. Простите, я не хотел вас обидеть. Я понимаю... специфика вашего труда требует, конечно...

БАСЯ. хватит. В словах запутался. Берите цыпленка. Цыпленок совсем холодный. Они его в морозилке, что ли, держали? Я сама виновата — у меня есть места застrevания. Вы понимаете?

ОТЕЦ. Нет, простите, нет.

БАСЯ. Места застrevания, это места, где я застреваю. Очень просто. Я застреваю в ванне, потому что очень люблю мыться, и я застреваю перед зеркалом, потому что люблю себя раскрашивать так, чтобы никто

не догадался, что я себя раскрасила. Вот скажите, по моей роже видно, что я раскрашена?

ОТЕЦ. Нет, ну что вы!

Он рассматривает Басю и постепенно страх перед ней, смущение, сменяются желанием — отец как бы вспоминает, зачем он здесь и для чего находится здесь эта женщина. Он даже привстает в своем неожиданном стремлении к Басе и той приходится остановить его.

БАСЯ. Перестаньте так на меня смотреть, Егор Адамович. Вы же пожилой человек, это может плохо отразиться на вашем здоровье!

ОТЕЦ. Ах, бог с ним, со здоровьем. Живем один раз!

БАСЯ. налейте мне еще, пожалуйста.

Отец, разливая вино, вынужден отвести взор от Баси.

БАСЯ. я сама виновата, что цыпленок остыл. Ну кто меня просил брать с собой в сортир Агату Кристи? Вы любите читать в сортире? Ах, так нельзя говорить при профессоре! Ну не сердитесь, не дуйтесь. Я так красиво устроена, что даже на стульчике смотрюсь не хуже Мадонны.

Бася ест быстро, весело, как ребенок, который нагулялся.

БАСЯ. знаете, когда мне сказали, что у меня будет настоящий профессор, я чуть от радости не лопнула. Это же такая редкость!

ОТЕЦ. Ну уж — редкость! У нас в университете профессоров человек двести.

БАСЯ. Мне плевать, сколько в университете, мне интересно, сколько в моей постели. Я думала раньше, что профессорам меня в награду на дают. Они бедные, но ужасно умные.

ОТЕЦ. Если я не ошибаюсь, я первый.

БАСЯ. А я точно знаю, что первый. Налейте мне еще. Вы не бойтесь, я не напьюсь. У меня почти все министры перебывали. Но больше всего мне понравил-

ся один певец. Баритон. Я его раньше только на пластинках слушала — а вдруг открывается дверь — батюшки светы! Он самый, толстый, веселый... Вы знаете, все думают, что он курчавый, а у него на затылке лысина. Представляете, такой молодой, а уже лысый. Ужас!

ОТЕЦ. А я не лысый!

БАСЯ. но вы же не молодой! В вашем возрасте, что лысый, что не лысый, все равно на помойку... Это не я выдумала, так моя бабушка говорила. А еще у меня были генералы и маршалы. Знаете, наше правительство очень уважает генералов.

ОТЕЦ. Да, куда больше чем ученых.

БАСЯ. Ученые всегда что-то противное изобретают. Вы атомную бомбу изобрели?

ОТЕЦ. Нет, я пишу книги по истории и этике и обучаю студентов. Я обучил много студентов, несколько тысяч.

БАСЯ. несколько ты-сяч... во дает!

ОТЕЦ. Только я не уверен, что это пошло им на пользу.

БАСЯ. А вы честный. Это редко бывает. Жалко, что я не в университете. Но я плохо в школе училась, куда мне в университет. Да и на какие медные шиши мне учиться?

ОТЕЦ. Ну сейчас вы, наверное, обеспечены?

БАСЯ. А сейчас мне в университет нельзя. Вы про Троянскую войну по телевизору смотрели?

ОТЕЦ. Я в книжке читал.

БАСЯ. Неважно. Там про что? Про то, как из-за Елены Прекрасной кобеля сцепились между собой, друг дружку перебили и ее не пожалели.

ОТЕЦ. Об этом я не знал.

БАСЯ. По рукам она пошла. Я точно знаю. Мне один интеллигентный человек говорил.

ОТЕЦ. Надо будет проверить. Значит, вы утверждаете, что Прекрасная Елена стала гетерой?

БАСЯ. Стала — кем?

ОТЕЦ. Девушкой... развязного поведения.

БАСЯ. Ничего я вам такого не говорила. Я говорила только, что бывают женщины, из-за которых начинается война. Помните Сталина?

ОТЕЦ. Я его, правда, не застал...

БАСЯ. У него была жена Светлана, ослепительной красоты. И она увлеклась Гитлером. Слышали про такого? Немецкий фашист.

ОТЕЦ. Рассказывайте, это очень любопытно.

Он подливает себе и девушке вина. Он заметно охмелел и чувствует себя куда более свободно.

БАСЯ. Сталин их застукал и задушил свою жену Светлану. Она умерла в мучениях, потому что платок подсунул Берия.

ОТЕЦ. Кто подсунул?

БАСЯ. Это такой слуга был, очень вредный. Слушай, слушай, вот Сталин задушил Светлану, а потом начал с Гитлером драться до смерти без пощады. За жену мстил и за поруганную честь.

ОТЕЦ. Откуда эта легенда?

БАСЯ. Лукреция рассказывала. Про это все знают, а вы профессор и простых вещей не знаете. Ваше здоровье. Вы совсем не похожи на военного.

ОТЕЦ. Меня в армию не призывали, у меня плоскостопие.

БАСЯ. И не надо в армию. Я генералов не выношу. Они громко разговаривают, даже командуют — ложись, раздевайся, ноги шире! Нет, не морщитесь, я шу-

чу, я в переносном смысле. А самый противный — Ахмет. С таким вот носищем...

ОТЕЦ. Маршал Ахмет Рустамов? Командующий BBC?

БАСЯ. Он самый. Он президенту ультиматум поставил: или меня ему навсегда, или он всех свергнет.

ОТЕЦ. Он, наверное, шутил.

БАСЯ. Он не умеет шутить.

ОТЕЦ. У него такое простое, обветренное, даже привлекательное лицо. Я видел его по телевизору.

БАСЯ. Вы бы лучше присмотрелись. Но мне повезло. Знаете, почему?

ОТЕЦ. Не знаю.

БАСЯ. Потому что главный адмирал ему сказал — он своим линкором обстреляет все аэродромы — тут Ахмету и конец!

ОТЕЦ. Откуда вы все это знаете?

БАСЯ. А мне Густав рассказывает. Густав Пец. Он единственный мужчина, который в меня не влюблен. Я его за это очень уважаю.

ОТЕЦ. А почему? Почему не влюблен?

БАСЯ. Ну что за любопытство — почему, да почему? Разве по нему не видно, что он по мальчикам специализируется? Он любит мальчиков и свою карьеру. А вы влюбились, Егор Адамович?

ОТЕЦ. Я должен вам сказать, что сейчас я испытываю особенное, теплое, нежное, трепетное чувство — именно к вам.

БАСЯ. Ну с вами все ясно. Для того вас и привели, чтобы влюбляться. А раньше?

ОТЕЦ. Раньше?

БАСЯ. Тупой какой-то! А еще профессор. У вас жена есть?

ОТЕЦ. Есть. Мария Жановна.

БАСЯ. А раньше вы ее любили?

ОТЕЦ. Я не помню.

БАСЯ. Ну что с вами будешь делать! Боитесь, что я ревновать буду? А я не буду. Я сама влюблялась. В школе еще. Мы в одном классе учились, я ему записку написала — давай дружить и так далее. А он решил, что другая девочка написала. В тысячу раз некрасивее меня. Потом они поженились. Правда, очень грустная история?

ОТЕЦ. Почему грустная? Они, наверное, были счастливы?

БАСЯ. Они уже развелись. А у вас детей много?

ОТЕЦ. Двое. Руслан и Лидочка.

БАСЯ. Уж взрослые, наверное?

ОТЕЦ. Лидия помоложе вас, она еще учится в колледже, а Руслан хотел стать офицером, но его из-за плоскостопия не взяли.

БАСЯ. Надо было на лапу положить.

ОТЕЦ. Мы не знали, кому надо давать и боялись обидеть человека. Руслан сейчас учится в аспирантуре в университете, но ненавидит свою специальность.

БАСЯ. Фотографии покажете?

Отец достает бумажник и извлекает из него фотографию.

БАСЯ. А эта старая, жена? А знаете — она немножко похожа на мою маму. Руслан мужественный. Я бы могла его полюбить... Да не, я так шучу. А Лида — просто прелесть. Я хочу с ней подружиться. Как вы думаете, она будет со мной дружить?

ОТЕЦ. Почему бы и нет... но вот разница в возрасте...

БАСЯ. Плевала я на разницу в возрасте. В самом деле вы не хотите, чтобы она со мной дружила, потому что вам стыдно?

ОТЕЦ. Мне? Стыдно?

БАСЯ. Из-за моей репутации. Вы все хотите спать со мной, а чтобы домой в гости пригласить — вас нет как нет.

ОТЕЦ. Вы неправы. Откройте любую газету — вас называют символом чистоты, символом сексуального здоровья нашего народа.

БАСЯ. А ваша жена никогда бы не разрешила мне дружить с Лидой.

Професор, тронутый интонацией Баси, подвигается к ней по дивану, осторожно берет ее руку и целует пальцы.

БАСЯ. Я такая несчастная, потому что у меня нет подруг и друзей. Которым не нужны мои связи и знакомства, а просто так... Я сейчас же звоню вашей жене и прошу ее разрешения дружить с Лидой!

ОТЕЦ. Может, не стоит? Сейчас уже ночь на дворе.

БАСЯ. Какая еще ночь! Десяти часов нет. И ваша жена наверняка не спит. Она переживает, убивается, потому что думает, что мы с вами резвимся в постельке.

ОТЕЦ. Бася, я вас прошу, не надо так!

БАСЯ. А что? Вы этого не хотели? Или сейчас расхотели? А вы посмотрите, чувствуете как ваша кровь помчалась?

Отец старается отвернуться, закрываться от оголенной ноги Баси, которую та ему демонстрирует.

ОТЕЦ. Бася!

БАСЯ. Двадцать четыре года Бася. И лучше тебя, милый мой, разбираюсь в людях. Знаете, чего ваша жена больше всего боится? Что вы совсем не вернетесь. Что выкинетесь из моего окна, что покончите с собой, или еще хуже — понравитесь мне так, что я вас оставлю у себя. Как Клеопатра в кавказском замке.

ОТЕЦ. Это не Клеопатра была, а царица Тамара.

БАСЯ. Ты меня своей образованностью не дави. Я что хотела сказать — никто у тебя дома не спит. Как будто тебе сейчас операцию делают, от которой зависит, будешь жить или нет. Вот все ходят по комнатам и делают вид, что ничего не случилось. Ты мне веришь?

ОТЕЦ. Может быть.

БАСЯ. Не может быть, а наверняка... не надо так расстраиваться. Ты симпатичный, ты лучше всех генералов вместе взятых. Даже ни разу меня за коленку не схватил. Ну, какой у тебя телефон?

ОТЕЦ. Восемнадцать-три-три-восемьдесят два.

БАСЯ. Налей мне еще вина. У меня хорошее настроение. Я никого не боюсь, папочка. Ты меня защишишь?

ОТЕЦ. От кого?

БАСЯ. А я знаю — от кого? От маршала Ахметки или от тех, кто Бабкина убил.

ОТЕЦ. Я хотел бы.

БАСЯ. Вот и отлично. Даю тебе прозвище — Дон Кихот! Давай теперь твоей Марусе звонить. Мы ее попросим разрешения, чтобы Лида со мной дружила. А ты тоже пей. За здоровье.

Бася набирает номер телефона.

БАСЯ. Привет. Кто у телефона? Ты, Лида? Ну, мне сказочно повезло, что ты, а не мамаша. Что у тебя голос такой? Ничего? А папа уже поехал награду получать?... А там мать рыдает? Скажи, чтобы не рыдала, я сделаю так, что она будет довольна. Кто говорит? А я думала, что ты меня уже узнала... Какая еще Лана? В жизни я не слышала ни о какой Лане. Нет, не Горина... Неужели у твоей Горинны такой красивый голос? Погоди, не вешай трубку. Это я, Бася! Да, государственная Бася. Мы с твоим папочкой ужинаем. А потом я тебе его сразу верну, не съем. Господи, никакая это не шут-

ка. Папуля твой показал мне твою фотографию и ты мне очень понравилась. Хочешь, я его позову к телефону?

БАСЯ. Со вздохом смотрит на трубку, из которой слышны короткие гудки.

БАСЯ. Она мне не поверила... А кто мне поверит? Сделали из женщин пугало, а теперь я расплевываюсь.

ОТЕЦ. Давайте, я позову и все им объясню, они мне поверят.

БАСЯ. Еще чего не хватало! Чтобы я стала унижаться перед твоей прыщавой дочкой? Да если я захочу, они передо мной на пузе ползать будут, туфли мне будут целовать. Кто она, скажи, такая? Дочка занюханного профессора? Сморчка гнутого? Онаниста проклятого! Это я о тебе! Я тебя оскорбляю, понимаешь ты или нет? Ты чего терпишь, гад? Ты убить меня должен за такие слова!

ОТЕЦ. Бася, я умоляю вас, не переживайте. Я все понимаю. Унижение, которое вам приходится испытывать...

БАСЯ. Нет, вы на него поглядите, он еще меня утешает. Ты что влюбился уже, что ли? Так я тебя за лишу невинности, а потом прикую на цепочке на кухне и будешь ты чай мне разогревать. Хочешь?

ОТЕЦ. Мне искренне жалко вас.

Он протягивает руку, чтобы погладить ее, но Бася неправильно истолковала его жест. Она вскакивает с дивана.

БАСЯ. Руки убери, кобель паршивый!

Она быстро ходит по комнате.

БАСЯ. Символ нации! Придумали тоже! Символ блядства, вот что я такое! С какой бы радостью я тебя выбросила из дома! Даже твоя вонючая дочка не хочет со мной разговаривать...

ОТЕЦ. Это недоразумение. О вас все очень высоко отзываются.

БАСЯ. Это было испытание. Я себе сказала — может, я найду на свете хоть одного человека, который согласен относиться по-человечески. Хоть одного. А она со мной разговаривать не захотела. Так что теперь убирайся отсюда. Посидел, выпил, полялякал, теперь убирайся.

ОТЕЦ. К сожалению, это невозможно. Это же государственная награда. Я должен утром получить от Густава Андреевич кольцо — вы же знаете. Иначе моей репутации будет нанесен непоправимый ущерб. В конце концов каждый из нас выполняет свой долг, даже когда ему это не нравится... Вы обязаны, Бася.

БАСЯ. Ах, вот что! Ты, значит, хочешь, чтобы я выполнила. И именно с тобой? Неужели ты решил, что я с тобой спать буду?

ОТЕЦ. Я не говорю о наших с вами желаниях, Бася. Я говорю об обязанностях. Поверьте, мне в жизни неоднократно приходилось делать то, чего не хочется. Это и называется чувством долга.

БАСЯ. Ах, чувство долга! Значит, когда я с тобой сплю, это чувство долга, а когда ты в публичный дом побежишь, это культурное мероприятие!

Говоря так, она раскрывает сумочку и достает оттуда пистолет.

БАСЯ. Ты только подойди ко мне, попробуй. Я тебе не завидую.

ОТЕЦ. Извините, вы меня совершенно неправильно поняли.

Отец отступает к стене, Бася делает шаг следом за ним, но тут ее гнев иссякает, она бессильно опускается на диван и прячет лицо в ладонях.

Отец садится на диван рядом с Басей и дотрагивается до ее плеча.

ОТЕЦ. Успокойтесь. Уверяю вас, ничего страшного не произошло. Это совершенно понятный и естественный в вашем положении срыв. Все придет в норму. А я сейчас уеду. Бог с ним, с кольцом...

БАСЯ. Сиди ты спокойно, не трожь меня!

Она скидывает с плеча его руку.

Потом берет пудреницу и начинает приводить себя в порядок.

При этом она как бы рассуждает вслух.

БАСЯ. Ну куда ты сейчас пойдешь? Там полицейский у входа. Может и не выпустить — у него приказ никого до утра не выпускать...

Бася наливает себе вина.

БАСЯ. Да не хотела я твоей дочке навязываться! Бог с ней. Если захочу, завтра министерские жены сюда прибегут. И устрою я салон.

ОТЕЦ. Разумеется.

Бася допивает вино, потом кладет пистолет в сумочку.

БАСЯ. Ты не представляешь, сколько народу мне твердят о долге. Буквально миллион человек. И никто не спрашивает, а может, у меня есть свое мнение.

ОТЕЦ. Мы все выполняем долг, который придумали за нас другие.

БАСЯ. Но ведь это чепуха?

ОТЕЦ. Без этого рухнуло бы общество и наступила анархия.

БАСЯ. А что это значит? Вот меня пугают — рухнет общество и наступит анархия. Ну и что? Мне хуже будет, да?

ОТЕЦ. Вас, я думаю, захватит какой-нибудь князь анархистов.

БАСЯ. А вдруг он молодой и красивый? И будет меня любить?

ОТЕЦ. Это я не могу вам гарантировать.

БАСЯ. Значит, я за анархию и разруху! Мне надоели старые, пузатые, вонючие, с одышкой, хрюкающие, ни к чему не способные лауреаты! Отдайте меня анархисту!

ОТЕЦ. Но вас могут и убить.

БАСЯ. Почему?

ОТЕЦ. Если вы понадобитесь сразу нескольким и не будет порядка, который бы устанавливал ваши права и обязанности, вас могут буквально растерзать.

БАСЯ. А мой князь анархистов, он не поможет?

ОТЕЦ. Его тоже убьют.

БАСЯ. Я знаю, я знаю — ты хитрый! Ты хочешь, чтобы все осталось как раньше и тогда ты получишь свое. Ты хочешь, чтобы все получили свой паек по очереди.

ОТЕЦ. Может быть, вы и правы. Когда у тебя нет физических возможностей вырвать свой кусок мяса у соперника, ты начинаешь надеяться на цивилизацию. Цивилизация охраняет физически слабого, дает ему шанс.

БАСЯ. Вот ты целую жизнь прожил, а не догадался еще, что все это липа. Лапша на уши для простаков. Никто не выполняет своего долга. Все только думают как увильнуть.

ОТЕЦ. Агент Бабкин погиб, закрывая меня.

БАСЯ. Он всегда был отсталый. На отсталых твоя цивилизация только и держится. Они всерьез свою зарплату понимают. Вот их и убивают.

ОТЕЦ. А вы?

БАСЯ. А меня научили. Долго били, пока не научили. Я ведь сначала пока девчонкой была, тоже всю твою цивилизацию всерьез принимала, замуж хотела, в подъездах со слюнявыми школьниками целовалась. Но девчонка сексуальная, длинноногая. Глупая и смешливая. Меня ведь невинности Миша один лишил, потому что рассмешил сильно. Я даже не заметила... И не буду я тебе в своей глупой жизни исповедоваться. Только скажу, что меня использовали десять лет, пока я сама не научилась вас использовать.

ОТЕЦ. А как тогда случилось, что вы согласились на эту роль? Ведь вы ее играете уже пять лет?

БАСЯ. Пять лет и три месяца. Государственная шлюха!

ОТЕЦ. Вы — государственная награда, государственная ценность. Никто вас не смеет так называть!

БАСЯ. Не смеет? Не будьте наивным, папуля, давай сейчас позвоним снова твоим — они, может, и посильнее слово найдут.

ОТЕЦ. И все же, как не говорите, но вы — один из важнейших наших государственных институтов!

БАСЯ. А само твое государство? Оно же — липа!

ОТЕЦ. Так в вашем возрасте нельзя говорить. Это цинизм.

БАСЯ. Если бы ты знал, сколько здесь высокопоставленных мужиков на твоем месте сидело, ты бы про цинизм не говорил. Я в три раза тебя старше.

ОТЕЦ. И все же вы неправы. Наше государство стабильно.

БАСЯ. Оно дышит на ладан. А я не хочу с ним тонуть. Поэтому и принимаю гостей с пистолетом в косметичке.

ОТЕЦ. Вы опасаетесь насилия?

БАСЯ. Мало сказать — опасаюсь. Оно уже было и будет. Один генерал мне так и сказал — сюда все рвутся, чтобы сорвать цветочек. Сорвут, а потом давай топтать ногами. Поэтому я и не даю меня сорвать.

ОТЕЦ. Я чего-то не понимаю... Как так не даете сорвать?

БАСЯ. А чего тут понимать? Не сплю я с вами, с кобелями. Вот и все. Одного запугаю, другого заговорю, третьего напою, а четвертый и сам не по этой части. Ты учти, голубчик — красота это моя слабость, но еще и сила.

ОТЕЦ. Нет, уму непостижимо. А как же потом?

БАСЯ. А потом все молчат. Как воды в рот набрали. Ну скажи, кому хочется, чтобы над ним потом вся страна хохотала. И ты будешь молчать, папуля.

ОТЕЦ. Но ведь в газетах... я сам читал. Там интервью — впечатления о получении Награды. И все отвечают... вспоминают о счастливых минутах, о совершенстве вашего, простите, тела.

БАСЯ. На то и газеты, чтобы писать. Вот ты утром получишь от Густава свое заветное колечко — доказательство того, что ты со мной спал, и будешь таскать, не снимая, всю жизнь — в могилу с собой потащишь. Это главное ордена. А я иногда думаю, почему их жены эти пальцы не отрубили? А жены молчат или еще хуже, как твоя, я видела, как она по телевизору распиналась, слушать противно! Отдает тебя другой бабе и говорит о счастье и радости, ну?

ОТЕЦ. Это, конечно, неприятно. Но поймите, Маша это сделала ради любви ко мне, она хотела, чтобы мне было лучше.

БАСЯ. А она тебя вообще-то по бабам легко отпускает?

ОТЕЦ. Вы с ума сошли! Я никогда!

БАСЯ. А сейчас?

ОТЕЦ. Вы же знаете — это другое, это не имеет отношения к греху, к измене!

БАСЯ. Как вы умеете ловко устраиваться! А мне твою жену жалко было. Я почему к вам не выходила — я телевизор смотрела. Последние новости. Смотрела на ваше семейство и думала, вот сейчас выйду, а ты уже здесь пресмыкаешься. Мне твою жену и твоих детей было жалко.

Бася поднимается, доливает из бутылки в бокал, выпивает, отходит к окну, чуть отодвигает штору.

ОТЕЦ. Простите меня, Бася, я только сейчас осознал, что был не прав.

БАСЯ. Папуля, не старайся показаться лучше, чем ты есть на самом деле. Я тебе все равно не дам. Лучше насосемся с тобой в дребадан! У меня настроение такое. Я, знаешь, с выпускного вечера в школе так не насасывалась. Давай — никого дома нет... Только ты моей слабостью не пользуйся. Я, может, даже буду тебе навязываться по пьянке, а ты меня не бери. Хорошо?

ОТЕЦ. Я обещаю вам, Бася, что не трону вас пальцем.

Бася снова наливает себе, садится на диван.

БАСЯ. Но вот что грустно, папуля...

ОТЕЦ. Что?

БАСЯ. Чует мое сердце — недолго я продержусь.

ОТЕЦ. Что вы хотите сказать?

БАСЯ. Сама не знаю — только чую. Или Ахметка переворот устроит и меня изнасилует — он только об этом и мечтает. Или государственный визит меня уконошит.

ОТЕЦ. Что значит, государственный визит?

БАСЯ. А это значит, что на этой неделе должен американский министр приехать. Читал?

ОТЕЦ. Не припоминаю.

БАСЯ. Пец говорил, что если не получим от них займа — нашему президенту каюк. И президентский совет уже принял тайное решение — наградить министра нашей государственной наградой. Мной наградить, хорошо?

ОТЕЦ. Уверяю вас, он не посмеет. Там у них очень сильное общественное мнение, влиятельные газеты...

БАСЯ. Это не будет объявлено.

ОТЕЦ. Все равно — он испугается.

БАСЯ. А вот если не испугается? Глаза ему, что ли, выцарапать?

ОТЕЦ. Я верю, что у вас есть возможности и..., скажем, хитрости.

БАСЯ. А если Ахмет сделает переворот?

ОТЕЦ. В нашей стране нет традиции военных переворотов. Это невероятно.

БАСЯ. Ты добрый, папуля, а вот не понимаешь, как мне страшно. У меня даже образования нет... у меня ничего нет — все деньги Лукреция забирает. Она захочет — выкинет меня на улицу.

ОТЕЦ. Ну не надо, не надо, успокойтесь...

Держит девушку за руку.

ОТЕЦ. Может, вам куда-нибудь уехать?

БАСЯ. Куда? Где я скроюсь? Здесь хоть полиция. А в другом месте сначала в меня анархисты бомбу кинут, потом матери-одиночки на куски разорвут, а потом — даже подумать противно. Останется от меня котлета... Ой, как мне страшно... Спрячь меня!

Бася разревелась, уткнувшись лицом в грудь отцу, онглядит ее сказочные пышные волосы и сам готов заплакать. Сквозь слезы Бася продолжает свой монолог.

БАСЯ. А дом не мой, дом государственный и платья почти все из театрального гардероба. Если бы Пец мне не платил, мы бы разорились, с голода померли на полном государственном обеспечении.

ОТЕЦ. Пец вам сам платит?

БАСЯ. Пец моими фотографиями торгует. Подпольно. Для гимназистов и старичков — неприличные картинки. Только я на них одна, без мужиков, ты не думай...

ОТЕЦ. Послушайте, Бася. У меня есть небольшие сбережения. Они совершенно личные, никто на них не претендует. Может быть, вы согласитесь их у меня взять? Взаимообразно. А потом, когда найдете свое место в жизни, выйдете замуж — тогда и отадите.

БАСЯ. Милый мой, папуля, добренький. Я бы у другого взяла, у них деньги бешеные, а твои трудовые, не возьму, ты и не проси. У тебя семья...

ОТЕЦ. Боюсь, что я уже не нужен семье.

Отец копается в бумажнике.

ОТЕЦ. У меня есть чековая книжка...

Бася заталкивает бумажник ему обратно и они начинают бороться, но в результате оказываются друг у друга в объятиях...

БАСЯ. Не делай глупостей... не связывайся со мной. Это смерть.

ОТЕЦ. Нет, я все сделаю для вас, я вас спасу.

БАСЯ. Отравлюсь. А то они меня отравят. Ты достанешь яду, папуля?

ОТЕЦ. Не говори так, у тебя вся жизнь впереди.

БАСЯ. Ты веришь в это? Ты веришь, что я буду жить?

Они полулежат, откинувшись на спинку дивана, они перестали бороться. И разговаривают тихо, мирно, дружески.

БАСЯ. Я старая, я уже не смогу полюбить.

ОТЕЦ. Ты с ума сошла, моя драгоценная. Ты еще совсем девочка, у тебя вся жизнь впереди. И она будет счастливой.

БАСЯ. А я полюбила еще в школе, я ему записку послала, а он думал, что записка от другой, от уродины. И они поженились, представляешь? Два урода!

ОТЕЦ. Ты такая красивая, что ради тебя можно забыть обо всем.

БАСЯ. А ты добрый. Добрый и честный. Тебе не нужно мое тело — ты хочешь, чтобы мне было хорошо. Тебе важно, какой я человек, да?

ОТЕЦ. Да, моя дорогая. Я любуюсь твоей душой.

БАСЯ. Ты их не боишься?

ОТЕЦ. Я сейчас никого не боюсь. Ты вливаешь в меня силы.

БАСЯ. Ты самый смелый.

ОТЕЦ. Не говори так.

БАСЯ. А ты красивый, у тебя красивая линия носа.

Бася проводит пальцем по лбу и по носу отца, она трогает его, постепенно возбуждая его и возбуждаясь сама.

ОТЕЦ. Можно, я поцелую эти пальцы?

БАСЯ. Поцелуй, мне приятно.

ОТЕЦ. Ты родная, как будто я знаю тебя давно-давно.

БАСЯ. А я тебя с детства помню, только не помню, кто ты такой?

ОТЕЦ. В тебе есть совершенство, которому хочется поклоняться.

БАСЯ. Обними меня, обними меня крепче... еще крепче, мне холодно, меня знобит!

ОТЕЦ. Бася, не надо, я весь трепещу, остановись, я не владею собой!

БАСЯ. Я рада, что ты не можешь. Ты первый, который увидел во мне человека, несчастного одинокого человека... ты меня понимаешь?

ОТЕЦ. Я понимаю тебя.

БАСЯ. Ты не оставил меня?

ОТЕЦ. Я старый, я прожил почти всю жизнь... и не встретил тебя.

БАСЯ. Ты совсем не старый, у тебя молодые глаза, у тебя молодые руки.

Речь их становится все более бессвязной, разговор прерывается поцелуями и объятиями. Они как бы сползают все ниже и вот они уже лежат рядом на диване.

БАСЯ. Ты увезешь меня отсюда? Ты увезешь меня в Америку. Меня приглашали в Голливуд. Там меня не тронут.

ОТЕЦ. Милая, нас поймают на границе.

БАСЯ. А если не поймают?

ОТЕЦ. Ты меня бросишь, ты меня сразу бросишь.

БАСЯ. Может быть, и брошу, но перед этим отдам тебе все, что есть во мне, чтобы ты всегда вспоминал меня с благодарностью. И больше у меня никого не будет.

ОТЕЦ. Это мучение!

БАСЯ. И ты умрешь. Ты умрешь от любви ко мне!

ОТЕЦ. Да, я готов на это!

БАСЯ. Мы умрем вместе... ох, ты мне делаешь больно! Мы умрем вместе, ты убьешь меня и потом покончишь с собой, ты обещаешь?

ОТЕЦ. Да, я клянусь, что так сделаю.

БАСЯ. Ты мой мужчина! Ты мой единственный, ты мой первый мужчина! Погоди, ты сам не разберешься в моих застежках — это я защищаюсь так от настойчивых клиентов. Погоди, погоди, я сама...

Бася протягивает руку и гасит свет.

ОТЕЦ. Бася... какое ласковое имя...

БАСЯ. Только не делай мне больно... О, мой любимый! Иди ко мне... Иди!

И тут неожиданно свет зажигается вновь. И он куда более яркий и холодный. Горит верхняя люстра, а раньше горел лишь торшер у дивана.

В дверях стоит автоматчик. Рядом с ним — рука на выключателе, мужчина средних лет в форме генерала.

Еще какое-то мгновение длится поцелуй, но при свете и поза и даже дыхание любовников кажутся смешными и уродливыми.

МАРШАЛ АХМЕТ. Таак... я опоздал. Вот значит, кто твой кавалер, Басечка.

Бася и отец вскочили, они встрепаны и отец похож на старенького вороненка.

Они никак не могут привести себя в приличный вид, отца это страшно заботит, но Бася об этом не думает.

БАСЯ. Убей меня, убей! Задуши! Зарежь — я не хочу так! Сволочи, сволочи, сволочи!

ОТЕЦ. Вы не имеете права! Вы мешаете! Я имею право на получение награды.

МАРШАЛ. (подходя ближе). В самом деле? А ты кто такой, разрешите узнать?

ОТЕЦ. Я лауреат. Сейчас я дам вам визитную карточку. Бася, где мой пиджак?

БАСЯ. Дурак, какой дурак! Никому не нужна твоя визитная карточка.

МАРШАЛ. Нет, почему же, я собираю визитные карточки.

Он подходит к Басе, берет ее за подбородок и смотрит внимательно, чуть улыбаясь. Она покорна маршалу.

Отец отыскал пиджак и достал визитную карточку.

ОТЕЦ. Вот, можете убедиться!

Он видит странную дуэль и замирает.

Маршал отталкивает девушку. Она чуть ие теряет равновесия, отступает назад. Маршал оборачивается к профессору.

МАРШАЛ. А ты что, здесь делаешь? А ну, вон отсюда! Чтобы и духу твоего не было.

ОТЕЦ. Вы просили мою карточку...

Маршал берет карточку, рвет и отбрасывает.

БАСЯ. Папуля, уходи, пожалуйста, Ахмет — человек дикий.

ОТЕЦ. Я не могу вас оставить.

БАСЯ. Господь, кого ты посылаешь мне в защитники! Уходи сейчас же!

МАРШАЛ. Тебе сказали. Иди. Кольцо получишь завтра у Пеца. Всем расскажешь, как ты замечательно провел ночь — твое счастье, что я добрый.

По знаку маршала автоматчик ведет Басю наверх.

В гостиную входит господин Пец.

МАРШАЛ. Ты здесь, Пец? Что так быстро? Телестанция наша?

ПЕЦ. Там некому сопротивляться. С минуты на минуту она падет, мон женераль.

МАРШАЛ. Отлично. А как казармы милиции?

ПЕЦ. Там и не было сопротивления. Подходим к президентскому дворцу.

МАРШАЛ. Отлично. Тогда мы имеем право отдохнуть. Отдохнуть в объятиях прекрасной дамы.

ПЕЦ. Я полагаю, что народ вам поймет.

Маршал удаляется к лестнице на второй этаж, следом за Басей.

Пец видит отца. Раньше он его не замечал.

ПЕЦ. Егор Адамович, чего же вы не уходите? Я вам рекомендую здесь не задерживаться. У Ахмета Рустамовича очень несдержаный характер.

ОТЕЦ. Какое он имел право так врываться!

ПЕЦ. Не волнуйтесь, в вашем возрасте это вредно. Он не врывался. Он произвел военный переворот. Армия давно уже с тревогой присматривалась к тому, как развиваются события в нашей стране, как разваливается экономика, как растет внешний долг и набирают силу антиобщественные элементы. И наконец сегодня ночью наступил момент, когда армия сочла необходимым взять власть в свои руки.

ОТЕЦ. Ну, это неправда!

ПЕЦ. Это правда чистой воды. Я вам читал наизусть отрывки из официального коммюнике, которое будет опубликовано завтра. А перед вами его автор. Армии всегда нужны гражданские советники и друзья. Кстати, вот ваше кольцо. Оно может вам понадобиться. Кольцо, как воспоминание о счастливой ночи в объятиях самой красивой женщины нашей родины.

Отец пытается надеть кольцо на средний палец — не лезет, тогда — на указательный — не лезет.

ПЕЦ. Надевайте на мизинец — эти негодяи экономят на всем. Даже на мельхиоре для памятных колец. Идите, профессор.

ОТЕЦ. Он не причинит вреда Басе?

ПЕЦ. Что вы имеете в виду? Какой вред? Он просто станет ее постоянным лауреатом, а она его ежедневной наградой. Рано или поздно это должно было случиться.

ОТЕЦ. Но она же не любит маршала авиации!

ПЕЦ. Она вам сказала об этом?

ОТЕЦ. Да.

ПЕЦ. Значит, стерпится — слюбится... Она с вами была излишне откровенной.

ОТЕЦ. Мы полюбили друг друга.

ПЕЦ. В каком смысле?

ОТЕЦ. В самом прямом. Вот здесь. Он показывает на диван.

ПЕЦ. Не говорите глупостей. Я лучше вас знаю, что нужно Басе. Такие мужчины, как вы, ей не нужны.

ОТЕЦ. Я с вами не спорю. Есть вещи, о которых не говорят... Но теперь я имею право заботиться о ней. Хотите, я пожертвую жизнью ради ее спасения?

ПЕЦ. Простите, ваша жизнь никому не требуется. Лучше берите кольцо и убирайтесь. И если даже Бася неудачно пошутила, забудьте об этом — в ваших же интересах.

ОТЕЦ. Нет, это непорядочно. Она просила о помощи.

ПЕЦ. Послушайте меня в последний раз. Не будьте занудой. Сейчас господин новый президент нашей страны обнимает вашу недавнюю подружку. Ваше присутствие в ее жизни настолько теперь нежелательно, что лишнее слово может стоить вам головы. Вы понимаете, что ваша голова сейчас еле держится на шее?

ОТЕЦ. Понимаю.

ПЕЦ. Она много пила? Впала в истерику?

Отец не хочет отвечать.

ПЕЦ. С ней это бывает. Вы еще не ушли, профессор? Я вынужден позвать автоматчика. В газетах мы выражим скорбные чувства по поводу трагической, случайной гибели во время переворота одного профессора.

ОТЕЦ. Это ужасно.

ПЕЦ. Это обыкновенно. Бася завтра забудет о своих неприятностях и сохранит свой пост первой шлюхи государства, а вот горе вашей семьи будет безутешным. Уходите.

ОТЕЦ. Я ухожу...ухожу.

Идет к двери. Как побитая собака. У двери останавливается.

ОТЕЦ. Простите, Густав Андреевич, но вы видите, что я совершенно лоялен. Я ухожу, спокойно ухожу, не сопротивляюсь.

ПЕЦ. Что вас нужно? Только быстро!

ОТЕЦ. Если вы имеете отношения с маршалом Ахметом Рустамовичем...

ПЕЦ. Имею. Но у меня десять секунд времени.

ОТЕЦ. Это вопрос о месте в военно-воздушных силах для моего Руслана. Он очень способный мальчик, но ему совершенно не подходит судьба филолога. Если бы не плоскостопие, он давно бы уже был в армии. Но может быть в порядке личного одолжения, я не постою за ценой, Густав Андреевич...

ПЕЦ. А вы интересный фрукт, профессор. Совершенно стандартное порождение нашего подлого времени. Вам суждены благие порывы, но не благое поведение.

ОТЕЦ. Вы меня неправильно поняли. Я никогда бы не стал просить ни о чем для себя лично, я понимаю аморальность такого поведения, но просьба за Руслана — это совсем другое дело. Это попытка вымолить прощение у моей жены.

Сверху спускается автоматчик.

ПЕЦ. Обращайтесь с таким заявлением в канцелярию нового президента с восьми до трех по пятницам, ваше заявление будет благожелательно рассмотрено.

ОТЕЦ. Я все понял. Мне не надо было просить.

ПЕЦ. Конечно, не надо было.

ОТЕЦ. Считайте, что я ничего не говорил.

ПЕЦ. Чепуха, слово не воробей, вы наговорили тут на целую кассету. Вы мне надоели. Хотите, чтобы я приказа автоматчику вас вывести?

ОТЕЦ. Нет, я сам.

Пец наливает себе вина. Хочет выпить. Отец так и не ушел, он стоит у двери.

ОТЕЦ. Это ее бокал. На нем отпечатки ее губ.

ПЕЦ. Автоматчик, выведите этого типа.

Автоматчик идет к профессору и тот отступает, глядя на бокал.

Пец допивает, проходит к проигрывателю, делает звук громче.

ЭПИЛОГ

Действие эпилога происходит перед входом в дом Баси. Лестница в несколько ступеней ведет наверх к подъезду, дверь которого сейчас приоткрыта и бросает пятно света на мостовую.

Профессор выходит из дома и пройдя несколько шагов, останавливается в полной растерянности. Темно. Тихо. Слышны шумы ночных городов, в них вторгаются чуждые звуки — отдаленный грохот танковых гусениц, потом отдельные выстрелы.

Над профессором балкон второго этажа. В окне горит свет, но штора опущена. Это окно притягивает профессора. Он отступает от дома, не отрывая взгляда от окна.

Из темноты появляется его жена.

Профессор, намеревавшийся уйти, поворачивается и видит ее.

ОТЕЦ. Маша, что ты здесь делаешь?

МАТЬ. Тебя отпустили?

ОТЕЦ. А меня в сущности никто и не задерживал. Какой ужас, это все произошло совершенно неожиданно!

МАТЬ. Ты знаешь? Да? Только что объявили, что президента освободили от его обязанностей, а местонахождение его неизвестно.

ОТЕЦ. Наверное, они его застрелили.

МАТЬ. Временно обязанности президента будет исполнять маршал авиации Ахмет Рустамов. Ты его знаешь?

ОТЕЦ. Рустамов. Я его только что видел.

МАТЬ. Там?

ОТЕЦ. Разумеется.

МАТЬ. Я приехала сюда, когда они уже вошли. Я очень испугалась за тебя. Ведь они могли взревновать и убить тебя.

ОТЕЦ. Все обошлось, все обошлось.

МАТЬ. А этот телефонный звонок? Лидия сказала, что звонила эта шлюха, ты представляешь, какая наглость?

ОТЕЦ. Это правда. Она очень хотела подружиться с Лидой. И с тобой хотела поговорить.

МАТЬ. Какая наглость! Я бы растерзала ее этими руками.

ОТЕЦ. Но ведь она не хотела такой жизни. Ей ее навязали.

МАТЬ. Все проститутки говорят, что они — жертвы обстоятельств. А я тебе скажу, что тысячу раз труднее остаться порядочной женщиной и не продаваться озверевшим самцам.

ОТЕЦ. Все не так просто, как ты представляешь. Черное — черное, белое — белое.

МАТЬ. А у нее серо-буро-малиновое. Ах, как это глупа! Ты раньше говорил, что у тебя ни с одной женщиной не было, как со мной. А теперь все изменилось, да?

ОТЕЦ. У нас с тобой это было так давно!

МАТЬ. Для меня — вчера. Но ты не сознался.

ОТЕЦ. Мне не в чем сознаваться.

МАТЬ. Я должна благодарить маршала авиации?

ОТЕЦ. Отчасти да.

МАТЬ. А я так за тебя боялась.

Она подходит ближе, берет мужа за руки.

МАТЬ. Ты знаешь, я шарф с собой взяла. У тебя горло слабое, а сейчас такие прохладные ночи стоят...

Она достает из сумки шарф и начинает завязывать его на шее мужа. Тот покорно стоит.

ОТЕЦ. Как дети?

МАТЬ. Дети? Не знаю, я им не сказала, что пошла к тебе.

ОТЕЦ. Мари, а ты знаешь, что я сделал? Я попросил у маршала место в авиации для Руслана.

МАТЬ. Только не в авиации. Это слишком опасно.

ОТЕЦ. И так неловко получилось. Будто я продал им Басю за место для сына. И они заметили. Этот Пец заметил. Но мне сказали, что я могу придти в пятницу, с восьми до трех.

МАТЬ. Ты о ней все еще помнишь?

ОТЕЦ. Ты ее совсем не знаешь. Она очень порядочная и добрая девушка.

МАТЬ. Замолчи, если ты не хочешь, чтобы я тебя убила!

ОТЕЦ. Мари, как тебе не стыдно! Я тебя не обманываю, у нас с Басей не было близости...

МАТЬ. Вы просто не успели. Я по глазам вижу, что не успели. Вас прервали. Ах ты, старый развратник — сколько ты студенток перепортил? Дядя Сима мне обо всем рассказывал.

ОТЕЦ. Неужели ты слушала этого идиота?

МАТЬ. Да, слушала. Всегда его слушала.

ОТЕЦ. Он мне всю жизнь завидовал.

МАТЬ. Я так больше не могу! Ты мысленно с ней — я чувствую, что ты думаешь о ней.

ОТЕЦ. Ей сейчас плохо.

МАТЬ. Я пришла, чтобы сообщить тебе, что я тебе изменяла. И неоднократно. Я даже не знаю, твой ли сын Руслан. Ты меня слышишь?

ОТЕЦ. Господи, помолчи, Маша, ты в истерике, ты потом будешь жалеть о том, что говорила такие ужасные вещи! Пойдем отсюда, может, поймаем такси?

МАТЬ. Ты не веришь, что я тебе изменяла? Я тебе изменяла даже с твоим братом, потому что ты всегда был ничтожеством... Ты думаешь, я старуха? А еще двадцать лет назад за мной стаей ходили мужики!

ОТЕЦ. Маша, успокойся, это не играет роли.

МАТЬ. Не тяни меня!

ОТЕЦ. Пойдем, пойдем!

Он отводит ее от дома.

И вдруг наверху, за балконом гаснет свет. Становится темнее. Отец останавливается.

ОТЕЦ. Тихо, это ее спальня!

МАТЬ. Ты чего остановился? Какое тебе до них дело? Пошли, миленький, пошли, Егорушка. Сейчас домой пойдем, банишки, там нас деточки ждут, глазки просмотрели.

Теперь мать тащит отца, а он сопротивляется.

Вдруг слышен выстрел. За ним второй.

Дверь на балкон распахивается и из комнаты выбегает Бася. Она кидает вниз пистолет и он громко ударяется об асфальт. Затем она перепрыгивает через поручни балкона и повисает на руках. Отпускает руки и падает вниз. Поднимается.

Она растрепана. Платье на ней порвано.

Слышны крики, в комнате зажигается свет.

ОТЕЦ. Бася, я здесь!

БАСЯ. Папуля! Ты меня дождался! Не отдавай меня им.

Они бегут навстречу друг другу и обнимаются.

ОТЕЦ. Мы убежим, мы тебя спрячем, у нас в доме тебя не найдут. Ты его убила?

БАСЯ. Не знаю. Бежим же!

ОТЕЦ. А вот Мари, Маша, она все понимает, она хорошая, ты не думай, она добрая. Ну чего же ты, Маша, скажи, что ты не сердишься.

Мать отступает от них.

Профессор и Бася, взявшись за руки, рывками двигаются прочь от дома.

Широко распахивается дверь на балкон и в ней виден силуэт автоматчика.

Распахивается входная дверь, по лестнице сбегает Пец. В руке револьвер.

Профессор и Бася убежали уже на край сцены, но Маша стоит.

ОТЕЦ. Маша, ну чего же ты!

БАСЯ. Скорее! Ты ничего не понимаешь!

ОТЕЦ. А как же Маша!

БАСЯ. Твою Машу никто не тронет. А меня убьют.
Ты понимаешь — меня убьют!

Теперь она вырывает руку у профессора и бежит прочь.
Профессор за ней. И тут оживает мать.

МАТЬ. Они вон туда побежали! Она его уводит! Вот она!

Сверху с балкона автоматчик стреляет по беглецам.

Пец бежит за беглецами. Мать за ним.

Потом, уже на краю сцены, Пец останавливается, прицеливается и стреляет.

Профессор и Бася лежат у кулис, может быть, мы их и не видим — видна только рука Баси.

Остальные медленно подходят к телам.

Автоматчик ногой пробует, жива ли Бася.

МАТЬ. Ну как же так? Я же просила — ее. Только ее. А зачем вы его убили?

АВТОМАТЧИК. А ты не бегай.

Конец

ФИЛЬМОГРАФИЯ КИРА БУЛЫЧЕВА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФИЛЬМЫ

Бросок, или Все началось в субботу

(По мотивам повести «Умение кидать мяч»)

Авторы сценария: Александр Страхов, Феликс Французов. Режиссер-постановщик Серик Райбаев. Оператор-постановщик Михаил Аранышев. Художник-постановщик Павел Зальцман. Композитор Александр Зацепин. Оркестр под управлением М. Литвинова. Текст песен О. Гаджикасимова, Л. Дербенева. Песни исполняют: А. Пугачева, Л. Белогорская, М. Бади. Режиссер Е. Булавин. Звукооператор Ж. Мухаметжанов. Художник-гример Р. Асырбекова. Художник по костюмам А. Рокорин. Художник-декоратор Е. Ким. Оператор А. Сулеев. Ассистент оператора М. Шайдинов. Монтажер А. Кистауова. Комбинированные съемки: оператор А. Левкович, художник Н. Михеев. Консультанты: А. Гомельский, Н. Тунда. Редактор Г. Хомчук. Директор Р. Мухаметов.

В главных ролях: Сболан Жайсанбаев, Асанали Ашимов, Галина Шетенова, Лев Темкин. В ролях Команда «Арман»: Ж. Каирлиев, Д. Худайбергенов, Д. Ахимов, Н. Есенгалиев, Б. Сеитов, Б. Бельбаев, В. Гришко, А. Молдабеков, К. Каримов, Г. Рахимбаева, Г. Бельбаева, Р. Кабдалиева, Т. Жайлибеков, А. Дударенко.

© Казахфильм. 1976 год.

Фильм снят на пленке Шосткинского химкомбината «Свема».

Продолжительность: 63 минуты.

Комета

[По оригинальному сценарию].

Центральная киностудия детских и юношеских фильмов имени М.Горького.

Третье творческое объединение.

Авторы сценария: Кир Булычев, Ричард Викторов при участии Юлия Чулюкина. Режиссер-постановщик Ричард Викторов. Кинооператор-постановщик Александр Рыбин. Художник-постановщик Валерий Иванов. Художник по костюмам Людмила Чекулаева. Композитор Владимир Чернышев. Звукооператор Борис Корешков. Кинорежиссер Виталий Макаров. Редактор Ирина Соловьева. Художник-гример Таисия Кунич. Монтажер Любовь Пушкина. Комбинированные съемки: оператор Юрий Иванов, художник Сергей Ильяков. Ассистенты режиссера: А.Купцова, Е.Купершмидт. Операторы: М.Царькова, В.Серебряков. Мастера по свету: Борис Маргулян, Сергей Кутилин. Цветоустановщик В.Ерофеев. Государственный симфонический оркестр кинематографии СССР. Дирижер Мартын Нерсесян. Директор съемочной группы Игорь Зуев.

В главных ролях: Галина Кучкина — Надежда Семенцова; Василий Кучкин — Анатолий Кузнецов; Лиза — Алена Беляк; Николай — Дмитрий Золотухин; Боклевские — Светлана Радченко, Владимир Басов; Черновы — Наталья Мартинсон, Валентин Смирницкий, Федя Стуков. В остальных ролях: Юрий Чулюкин, Павел Арсенов, Александр Кузнецов, Георгий Милляр, Рудольф Рудин, Куат Абусетов, Борис Володин; ансамбль «Последний шанс»: Владимир Щукин, Николай Жаренков, Александр Самойлов, Андрей Жабин.

Главную роль в «Комете» играл знаменитый Анатолий Кузнецов. Здесь он бывший капитан Кучкин, неудовлетворенный жизнью на покое, вместе с верным разумным другом.

Фильм «Комета». Надежда Семенова, жена капитана Кучкина покровительствует молодым влюбленным, которых играют Дмитрий Золотухин и Алена Беляк.

Снимается один из заключительных кадров фильма «Комета». Уплыла в море половина корабля, унося надежды героев. Жара потребовала перерыва, чтобы актеры отдохнули.

© Киностудия имени М.Горького, 1983 год.
Продолжительность: 68 минут.

Лиловый шар

[По одноименной повести].

Центральная киностудия детских и юношеских фильмов имени М.Горького. (Ялтинский филиал).

Первое творческое объединение.

Автор сценария Кир Булычев. Режиссер-постановщик Павел Арсенов. Оператор-постановщик Сергей Ткаченко. Художник-постановщик Петр Пашкевич. Художник по костюмам Людмила Строганова. Композитор Евгений Крылатов. Песня на стихи Юрия Энтина. Режиссеры: Ирина Колева, Анна Викторова. Оператор Виктор Ульянкин. Художник-гример Татьяна Колосова. Монтажер Тамара Кривошеина. Редактор Андрей Иванов. Комбинированные съемки: операторы: Ю.Иванов, А.Эртель; художники: В.Глазков, В.Мазохин. Главный консультант летчик-космонавт Георгий Гречко. Художник-кукловод Владимир Птицын. Художник-дизайнер Евгений Терентьев. Художник Владимир Душин. Художники-декораторы: И.Сапожникова, С.Онипенко. Постановка трюков: Валерий Павлотос, Олег Корытин. Мастер по свету Ю.Майборода. Цветоустановщик В.Россихин. Государственный симфонический оркестр кинематографии. Дирижер Э.Хачатурян. Директор съемочной группы Валерий Фатеев.

В роли Алисы Селезневой — Наташа Гусева. В главных ролях: Герасик — Саша Гусев; Громозека — Вячеслав Невинный; Селезнев — Борис Щербаков; Зе-

леный — Вячеслав Баанов. В ролях: Баба-Яга — Светлана Харитонова; Кащей — Игорь Ясолович; Людоед — Виктор Павлов; Коноед — Сергей Никоненко; волшебник Уух — Владимир Носик; царевна-лягушка — Марина Левтова. В эпизодах: В.Владиславлев, Ю.Дубровин, А.Карташов, Н.Томашевский, Н.Тагин, Н.Сулимовский, М.Сулимовская.

© Киностудия имени М.Горького, 1987 год.

Фильм снят на кинопленке Шосткинского п/о «Свема».

Продолжительность: 74 минуты.

Подземелье ведьм

[По одноименной повести].

Экспериментальное творческое объединение «Ладья» Центральной киностудии детских и юношеских фильмов имени М.Горького.

Чехословацкое телевидение. Братислава. При содействии киностудии «Баррандов».

Автор сценария Кир Булычев. Операторы-постановщики: Александр Филатов, Александр Крупников. Художники-постановщики: Владимир Ярин, Сергей Онипенко. Художник по костюмам Надежда Фадеева. Художник-гример Юлия Лебедева. Монтаж Валентины Мироновой. Композитор Максим Дунаевский. Звукооператор Владимир Каплан. Редактор Андрей Иванов. Директора картины: Игорь Носов, Владислав Сверкунов. Комбинированные съемки: оператор Иржи Румлер; художник Иржи Штамфест; художник-постановщик Михаил Поледник; ассистент оператора Ярослав Малик. Режиссер Софья Конбрандт. Худож-

Кумир мальчишек Советского Союза Наташа Гусева во время съемок фильма «Лиловый шар». В центре героиня, за ее спиной Вячеслав Невинный, исполняющий роль верного Громозеки, а по сторонам Кир Булычев и режиссер Павел Арсенов

ник-декоратор М.Молчанова. Художник по куклам В.Птицын. Музыкальный редактор Н. Строева. Песню на стихи Л.Дербенева исполняет Маша Распутина. Ассистенты: режиссера: Т.Антохина, А.Чернобровко; оператора С. Молчанов; монтажера: А.Стрельникова, Т.Княжева; художника по костюмам: Н.Чихладзе, В.Рыцарева, И.Жак; звукооператора А.Дабижа. Мастер по свету В.Борзов. Цветоустановщик Н.Иванушкина. Монтажница негатива В.Скворцова. Гримеры: В.Пустовалова, Р.Дубровская, И.Трегубова. Художник-фотограф М.Андрусенко. Пиротехники: А.Грачиков, М.Захаров, А.Поляков. Постановщики трюков: О.Корытин, А.Филатов, У.Вейспал, В.Будишевский. Мастер оружейник С.Микульский. Консультант по лингвистике профессор Л.Х.Минц. Обеспечение подводных съемок: А.Пенкин, Ю.Патапов, В.Жеглов, А.Попов. Творческая мастерская «МАТЭ». Административная группа: Д.Беспалый, Л.Фурманова.

В фильме снимались: Андрей — Сергей Жигунов; Белогурочка — Марина Левтова; Жан — Николай Карабченцов; Октин-Хаш — Дмитрий Певцов; Конрад — Игорь Ясолович; Ингрид — Жанна Прохоренко; Аксель — Владимир Талашко; брат Белогурочки — Сергей Быстрицкий; немой — Анатолий Мамбетов; колдун — Леонид Громов; Белый Волк — Виллор Кузнецов; ведьма — Наталья Каменская; У-Уш — Леонид Филаткин; Крылов — Вячеслав Ковальков; второй пилот — Андрей Леонов.

Все коммерческие права на прокат фильма принадлежат КАО «АТРЭКС» Советского фонда милосердия и здоровья.

© Э.Т.О. «Ладья».

Киностудия имени М.Горького, 1990 год.

Чехословацкое телевидение. Братислава.

Продолжительность: 81 минута.

Похищение чародея

[По одноименной повести].

Свердловская киностудия.

Сценарий Кира Булычева при участии Виктора Кобзева. **Постановка** Виктора Кобзева. **Главный оператор** Рудольф Мещерягин. **Главный художник** Валерий Кукенков. **Композитор** Альгирдас Паулавичус. **Звукооператор** Виктор Геррат. **Монтаж** Раисы Стуковой. **Режиссер** Юрий Рябенко. **Оператор** Вячеслав Петухов. **Костюмы** Натальи Зайцевой. **Грим** Ларисы Козловой. **Комбинированные съемки:** оператор С.Кисель, художник С.Малышев. **Ассистенты:** П.Островский, Л.Чистов, А.Сивков, Е.Болдин, А.Голиздрин, С.Свитова, Н.Швецова, И.Елина, В.Николаева, С.Кукарцев. **Постановщики трюков:** Олег Федулов, Семен Григорьев. **Бои** холодным оружием: Театр исторического фехтования «Эпос» (руководитель В. Мысливый) **Главный консультант** М.Горелик. **Консультанты:** Архиепископ Свердловский и Курганский Мелхиседек, Э.Мугуревич, С.Неверов, Г.Пахомов, А.Дерягин. **Пиротехник** Н.Паркаев. **Фотограф** В.Иванов. **Редактор** Ю.Спасский. **Музыкальный редактор** И.Орлов. **Административная группа:** Г.Содова, С.Рыкусов, В.Калинин. **Директор картины** Вячеслав Воскресенский.

В главных ролях: Анна Мазуркевич — Юлия Ауг, княжна Магдалена — Юлия Аур, Кин — Ромуальдас Раманаускас, Жюль — Сергей Варчук, Акилеша — Владимир Гостюхин, Роман — Виктор Соловьев. В ро-

лях: ландмейстер Фридрих — А.Болтнев, дед Геннадий — А.Борисов, князь Вячеслав — А.Жагарс, отрок Глузд — В.Четков, епископ Альберт — С.Луйк, тетка Магдалены — Л.Ксенофонтова, Мажей — В.Голубенко, половец — Н.Бегалин. В эпизодах: Ф.Сергеев, А.Федорович, Т.Седова, Т.Тимофеева, В.Куценков, В.Мысливый, И.Мысливый, А. Майстренко, В.Владимиров, В.Марчук, Э.Моисеев, А.Зуйков, С. Собко, Б. Бельбаев, Ж.Искаков, С.Иванов, В.Лысенков, М.Черниковский, М.Соцке-Войническу, В.Вукол, С.Рыкусов.

© Свердловская киностудия, 1989 год.

Продолжительность: 100 минут.

Слезы капали

[По оригинальному сценарию].

Творческое объединение комедийных и музыкальных фильмов.

Режиссер-постановщик Георгий Данелия. Авторы сценария: Георгий Данелия, Кир Булычев, Александр Володин. Оператор-постановщик Юрий Клименко. Композитор Гия Канчели. Художники-постановщики: Александр Бойм Александр Макаров. Звукооператор Семен Литвинов. Песни на стихи Геннадия Шпаликова, Юрия Энтина. Режиссер Ю.Кушнеров. Операторы: С.Кублановский, А.Джарквелов. Художник по костюмам С.Лузанова. Монтажер Т.Егорычева. Художник-пример Т.Солдатенкова. Редактор Л.Горина. Музыкальный редактор Р.Лукина. Государственный симфонический оркестр кинематографии. Дирижер С.Скрипка. Директор картины Николай Гаро.

Евгений Леонов в фильме «Слезы капали».

«Через тернии к звездам». Земные специалисты Надежда Семенцова и Александр Михайлов обследуют «дочь космоса» Нийю, роль которой исполняла Надежда Метелкина.

Вход в подземный город на мертвой планете Десса в фильме «Через тернии к звездам».

Профессор Глан (Глеб Стриженов), Надежда Иванова (Надежда Семенова) и космические персонажи из фильма «Через тернии к звездам».

В главной роли — Евгений Леонов. Роли исполняют: Ия Саввица, Нина Гребешкова, Ольга Машная, Александра Яковлева, Борис Андреев, Лев Перфилов, Борислав Брондуков, Петр Щербаков, Нина Русланова, Ия Нинидзе, Николай Парфенов, Андрей Толубеев, Борис Сморчков, Анатолий Соловьев, Галина Новожилова, Ирина Шмелева, Геннадий Ялович, Александр Денисенко, Николай Мартынов, Александр Головяк, Анатолий Левиков, Раиса Куркина, Дана Столярская, Татьяна Новицкая, Элла Шашкова, Анна Вронская, А.Павлов, В.Болотов, К.Ситников, Р.Хобуа.

© Киностудия «Мосфильм», 1982 год.

Продолжительность: 84 минуты.

Через тернии к звездам

[По оригинальному сценарию].

Центральная киностудия детских и юношеских фильмов имени М.Горького. (Ялтинский филиал).

Третье творческое объединение.

В 2-х сериях. 1-я серия «Нийя — искусственный человек». 2-я серия «Ангелы космоса».

Авторы сценария: Кир Булычев, Ричард Викторов. Режиссер-постановщик Ричард Викторов. Главный оператор Александр Рыбин. Главный художник Константин Загорский. Композитор Алексей Рыбников. Звукооператор Борис Корешков. Дирижер Сергей Скрипка. Режиссеры: О.Куликова, Л.Князев, В.Мартынов. Операторы: В.Серебряков, В.Ульянкин, Б.Филимонихин. Монтаж Л.Пушкиной. Грим Т.Кунич.

Костюмы Л.Чекулаевой. Комбинированные съемки: оператор Ю.Осминкин; художник С.Ильяков. Ассистенты: режиссера: А.Кулиева, Е. Купершмидт; звукооператора М.Резниченко. Мастера света: Б.Маргулян, С.Кутилин. Художники-декораторы: Э.Леонтьев, В.Литвинов. Руководитель подводных трюков В. Карпичев. Консультанты: летчик-космонавт СССР Владимир Шаталов, доктор технических наук Лев Лупичев. Редактор И.Соловьева. Директоры картины: Александр Казачков, Юрий Обухов.

В главных ролях: Нийя — Елена Метелкина; Надежда Иванова — Надежда Семенцова; Лебедевы: Степан Вадим Ледогоров, Сергей — Улдис Лиеддидж, Мария Павловна — Елена Фадеева, Петр Петрович — Вацлав Дворжецкий; Климов — Александр Лазарев; Дрейер — Александр Михайлов; Колотун — Борис Щербаков; Ракан — Игорь Ледогоров; Глан — Глеб Стриженов; Туранчокс — Владимир Федоров; Торки — Игорь Ясулович. В ролях: В.Носик, А.Бочаров, Н.Тимофеев, Е.Карельских, Л.Нильская, С.Радченко, А.Ванин, А.Карапетян, В.Ковальков, Х.Осипян, К.Николаев, Г.Ивченко.

© Киностудия имени М.Горького, 1980 год.

Фильм снят на кинопленке Шосткинского п/о «Свема».

Продолжительность: 140 минут.

Шанс

[По повести «Марсианское зелье»].

Мосфильм.

Шестое творческое объединение.

В фильме «Шанс» Сергей Плотников и Мария Капнист играют друзей молодости, чьи лучшие годы выпали на XVII век.

Финал фильма «Шанс». Те, кому нужна молодость остались молодыми. Их играют Раиса Куркина и Сергей Жигунов. Те же, кому молодость не нужна, возвратились в исходное состояние. Роли этих героев исполняют Борис Иванов, Майя Менглет, Виктор Павлов и Людмила Иванова.

Авторы сценария: Кир Булычев, Александр Майоров. Режиссер-постановщик Александр Майоров. Оператор-постановщик Григорий Беленький. Художник-постановщик Павел Сафонов. Композитор Алексей Рыбников. Звукооператор Елена Урванцева. Государственный симфонический оркестр кинематографии. Дирижер М.Эрмлер. Режиссер М.Лузгина. Оператор А.Ренков. Художник по костюмам Л.Рахлина. Монтажер Т.Егорычева. Художник-гример Т.Пантелеева. Комбинированные съемки: оператор В.Жанов, художник А.Рудаченко. Редактор Е.Семагина. Музыкальный редактор М.Бланк. Директор картины Галина Соколова.

В ролях: Алмаз Битый — Сергей Плотников, Игорь Шкурин; Милица Федоровна — Мария Капнист, Дилюром Камбарова; Елена Сергеевна — Раиса Куркина, Вероника Изотова; Корнелий Удалов — Виктор Павлов, Саша Евтеев; Ксения Удалова — Людмила Иванова; Ванда Савич — Майя Менглеть, Елена Тонунц; Никита Савич — Борис Иванов, Андрей Зарецкий; Александр Грубин — Игорь Ясолович, Сергей Жигунов; Шурочка — Вера Новикова; Метелкин — Андрей Николаев; пришелец — Вадим Александров. В эпизодах: Е.Максимова, Г.Самохина, В.Голубенко, А.Панкратов, К.Ситников, Дима Милославский, Сережа Любазнов.

© Киностудия «Мосфильм», 1984.

Фильм снят на пленке Шосткинского п/о «Свема».

Продолжительность: 80 минут.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ФИЛЬМЫ И ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ФИЛЬМЫ-СПЕКТАКЛИ

Гостья из будущего

[В пяти сериях].

[По повести «Сто лет тому вперед»].

По заказу Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию.

Центральная киностудия детских и юношеских фильмов имени М.Горького.

Первое творческое объединение.

Авторы сценария: Кир Булычев, Павел Арсенов. Режиссер-постановщик Павел Арсенов. Главные операторы: Сергей Онуфриев, Сергей Ткаченко. Художник-постановщик Ольга Кравченя. Композитор Евгений Крылатов. Песня на стихи Юрия Энтина. Редактор Андрей Иванов. Режиссер Ольга Гусакова. Монтажер Татьяна Маявина. Звукооператор Леонид Вейтков. Музыкальный редактор Наталья Строева. Художник-пример Татьяна Колосова. Художник по костюмам Валентина Олоновская. Государственный симфонический оркестр кинематографии СССР. Дирижер Сергей Скрипка. Операторы: А. Лысых, Э. Тафель. Художник декоратор Н.Кириллин. Комбинированные съемки: оператор Ю. Иванов; художники: В.Ребров, В.Мазохин; ассистент оператора К.Бутырин. Ассистенты: режиссера: В.Линд, Зотова, М.Зайцева; художника В.Федоров; художника по костюмам Н. Писемская; звукооператора Т.Рыжкова; по монтажу: Т.Хлебникова, В.Степанова,

Н.Мальтина. Художник-фотограф А.Кокорева. Гример И.Трофимова. Мастер по свету Ю.Давыдов. Цветоустависты: В.Россихин, В.Ерофеев. Административная группа: И.Авдеева, В.Куклин, И.Шолохов, Е.Весник. Директор съемочной группы Георгий Федягин. Группа каскадеров под руководством О.Корытина: А.Грошевой, С.Григорьев, К.Кищук, Н.Сысоев, О.Федулов, А.Тамсаар, Океана Компаниец.

В главных ролях: Алиса Селезнева — Наташа Гусева; Коля Герасимов — Алеша Фомкин; Юля Грибкова — Марьяна Ионесян; Фима Королев — Илюша Наумов; космические пираты: Весельчак У — Вячеслав Невинный, Крыс — Михаил Кононов. В ролях: Алик Борисович — Георгий Бурков; робот Вертер — Евгений Герасимов; Мария Павловна — Валентина Талызина; Марта Эрастовна — Наталья Варлей; Полина — Елена Метелкина; дед Павел — Владимир Носик; профессор Селезнев — Юрий Григорьев; Шурочка — Мария Стерникова; Ишутин — Андрей Градов; бабушка Юли — Людмила Аринина; Эдуард — Вячеслав Барапов; мама Коли — Татьяна Божок; Алла Сергеевна — Екатерина Васильева; Электрон Иванович — Игорь Ясолович; Иван Сергеевич — Борис Щербаков; Мария — Елена Цыплакова; Гоги — Рубен Симонов; ученики 6 «В» класса: Коля Сулима — Антон Суховерко, Коля Садовский — Семен Бузган, Боря Месссерер — Алеша Муравьев, Мила Руткевич — Катя Авербах, Катя Михайлова — Лена Коляскина, Альбина Фетисова — Маша Бабкина, Лена Домбазова — Наташа Шанаева. В эпизодах: М.Скворцова, С.Харитонова, А.Лысых, С.Рощинец, В.Мухамедов, Юля Русских, Лена Перова, Андрюша Жиров, Миша Хлесткин, Андрюша Ануфри-

*Такой Наташа Гусева впервые появилась в фильме
«Гости из будущего».*

Девочка из будущего Алиса поступила в московскую школу, где подружилась с Юлией Грибковой (Марьяна Ионесян).

А. Пороховщикov в фильме «Умение кидать мяч».

ев, Инна Чуркина, Таня Полосухина, Володя Харитонов, Алеша Ануфриев, Владик Пиротский.

© Гостелерадио СССР, 1984 год.

Фильм снят на кинопленке Шосткинского п/о «Свема» и Казанского п/о «Тасма».

Продолжительность: 318 минут.

Миллион приключений. Остров ржавого генерала

[По повести «Ржавый фельдмаршал»].

Творческое объединение «Экран».

Автор сценария Кир Булычев. Режиссер-постановщик Валентин Ховенко. Оператор-постановщик Феликс Кефчиян. Художники-постановщики: Теодор Тэжик, Алексей Котеночкин. Композитор Александр Чайковский. Стихи Николая Зиновьева. Исполняет Светлана Степченко. Звукооператор Сергей Кель. Режиссер С.Нikitин. Оператор Р.Романов. Художник-декоратор С.Шонина. Художник по костюмам И.Шейко. Художник-гример В.Николаева. Монтаж Г.Шмовановой. Ассистенты: режиссера: О.Предыбайлова, Н.Лобанова; оператора А.Маничев; звукооператора А.Степанова-Молодова. Комбинированные съемки: операторы: Ю.Корах, А.Пекарь; художник И.Зорина. Мастер по свету С.Волокитин. Оператор подводных съемок Я.Малышев. Государственный симфонический оркестр кинематографии. Дирижер В.Вербицкий. Музыкальный редактор Г.Чуприна. Редактор В.Гусева. Административная группа: А.Вейс, С.Шарафетдинова, В.Дятлова. Директор картины Владимир Предыбайлов.

В главных ролях: Алиса — Катя Прижбиляк; Баба-Яга — Александр Пеньков; режиссер — Михаил Данилов; Светлана — Людмила Артемьева. В фильме снимались: техник — С.Соколов; робот Поля — С.Скрипкин; диктор телевидения — Н.Григорьева; помощник режиссера — М.Вакулина; генерал В.Балон, капрал — А.Тормишев. В эпизодах: Л. Мицкевич, Ю.Аладин, С.Берзиньши, Б.Завьялов, А.Мейкуланс, Р.Пумпурс, Э.Страздиньши, Д.Алксните, В.Мельников, Я.Либиетис, Г.Олштейне.

Продолжительность: 66 минут.

Осечка

[Фильм-спектакль]. [В двух сериях]. [По повести «Осечка-67»].

Автор сценария и режиссер-постановщик Виктор Макаров. Оператор-постановщик Денис Ерышев. Художник-постановщик Александр Верещагин. Композитор Антон Яковлев. Звукорежиссеры: Анатолий Гудковский, Мирослав Мельник. Режиссер-ассистент Татьяна Масловская. Видеомонтажеры: Алексей Фролов, Виктор Подкопаев. Редактор Сергей Дмитриев. Художник по костюмам Юрий Пауков. Художники по гриму: Ольга Макарова, Галина Пономарева. Костюмер Галина Романцова. Видеоинженеры: Николай Никитин, Владимир Месяцев. Администратор Алла Славникова. Директор Татьяна Васильева.

Роли исполняли: «Керенский» Виктор Костецкий; Колобок — Сергей Бызгу; Извицкий — Александр Баргман; Антиленко — Владимир Максимов; Зоя — Елена Зимина; Симеонов — Николай Алексов; Варвара Семеновна — Наталья Малыгина; «Краснов» — Игорь

Бубенчиков; Розенталь — Вячеслав Варкин; Грушев — Владимир Границын; Крылков — Владимир Рындин; Коган — Виктор Макаров; жена Когана — Вера Карпова; Белобородъко — Александр Блок; Папилиан — Игорь Вуколов; режиссер — Роман Федотов; ассистент режиссера — Нина Гилеб; оператор — Николай Никитин; «Дыбенко-Крыленко» — Александр Чурсин; «Ленин» — Евгений Филатов; «Рахья» — Андрей Лобанов; «Сталин» — Леонид Лившиц; «Свердлов» — Артемий Миллер; «Антонов-Овсеенко» — Геннадий Спириденков; жена «Антонова-Овсеенко» — Галина Макашова; «Милюков» — Евгений Сатаров; «Тучков» — Юрий Пауков; «капитан «Авроры» — Евгений Злобин; лазутчик — Юрий Салтыков; матрос-инструктор — Дмитрий Тихонов; соседка — Аделаида Завьялова; помощник Грушева — Владимир Шестов; работники ОБХСС: Андрей Кагодеев, Сергей Кагодеев; человек с портфелем — Александр Лыгун; «анархисты»: Юрий Агин, Кирилл Макаров, Алексей Поляков, Сергей Дмитриев; «городовой» — Анатолий Першин; «юнкера», «ударницы», «делегаты съезда»: Т.Коршунова, Ж.Захарова, В.Топорнина, Е.Бабкина, Е.Вишнева, В.Захарова, Л.Дмитриева, Н.Павлова, Д.Кузнецов, А.Басов, П.Галицкий, А.Муханин, Н.Наджаров. Выражаем благодарность за помощь в проведении съемок командованию и личному составу Ордена Октябрьской Революции Краснознаменного крейсера «Аврора», администрации больницы № 5 Санкт-Петербурга.

© ГТРК «Петербург — Пятый канал».

«Северный торговый банк».

Продолжительность: 117 минут.

Поляна сказок

[По мотивам рассказа «Недостойный богатырь»].

Киностудия имени Александра Довженко.

По заказу Гостелерадио СССР.

Творческое объединение «Луч».

Автор сценария Кир Булычев. Постановка Леонида Горбца. Оператор-постановщик Владимир Тарнавский. Художник-постановщик Инна Быченкова. Композитор Александр Журбин. Текст песен Владимира Вишневского. Звукооператор Александр Кузьмин. Режиссер Вилен Хацкевич. Оператор Майя Степанова. Монтаж А.Брюнчугиной. Костюмы Э.Вакуленко. Декорации Л.Билан. Грим: Н.Акопянц, В.Гаркавый Ассистенты: режиссера: О.Масличенко, Н.Лагутенко; оператора: В.Гетя. Мастер по свету Ю.Миронов. Комбинированные съемки: оператор А.Шумович; художник В.Малюх. Административная группа: Е.Березняк, М.Литвин, К.Чулюк-Заграй, Н.Забродская. Государственный симфонический оркестр кинематографии СССР. Дирижер Константин Кримец. Редактор Юрий Морозов. Директор картины Нелли Санкина.

В главных ролях: Кузьма Личиков — Николай Стоцкий, Марья — Виктория Корсун, Батыев — Юрий Потемкин, Карась — Владимир Николенко. В эпизодах: Н.Акопянц, Б.Александров, Л.Данилова, И.Калиновская, М.Капнист, Л.Лобза, О.Матешко, А.Милютин, С.Никулин, Л.Окрент, Н.Осипова, И.Пулина, В.Петренко, Е.Романова, Ю.Рудченко, С.Саломашенко, В.Хацкевич, В.Шарыкина, В.Шептекита, музыкальные коллективы и жители г. Ялты.

© Гостелерадио СССР, 1988 г.

**Фильм снят на пленке п/о «Свема».
Продолжительность: 65 минут.**

Похищение чародея

[Фильм-спектакль]. [В двух частях]. [По одноименной повести].

Сценарий и постановка Глеба Селянина. Ведущий оператор Юрий Соколов. Операторы: Александр Дегтярев, Александр Никольский. Мастер по свету Донат Миронов. Художник-постановщик Леонид Пережигин. Художник по костюмам Инна Виноградова. Художник-гриммер Ольга Макарова. Звукорежиссер Евгений Жиглинский. Звукооператор Людмила Фомкина. Композитор Игорь Цветков. Ассистент режиссера Инна Артюшкова. Администратор Алла Шутова. Видеоинженеры: Владимир Горбунов, Наталья Иванова, Светлана Нестерова, Сергей Ривин. Редактор Лилия Сего.

Роли исполняют: Анна — Наталия Данилова, Кин — Юрий Демич, Валент — Виталий Юшков, дед Геннадий — Анатолий Абрамов, князь Вячеслав — Анатолий Слясский, боярин Роман — Иван Краско, Акилеша — Владимир Особик, епископ — Иосиф Конопацкий, Фридрих фон Кокенгаузен — Анатолий Шведерский, Готфрид фон Гольм — Александр Романцов, Магда — Наталия Данилова, ее тетка — Елена Рахленко, Мажей — Валерий Караваев. В эпизодах артисты ленинградских театров.

Продолжительность: 100 минут.

Умение кидать мяч

[Фильм-спектакль]. [По произведениям «Летнее утро» и «Умение кидать мяч»].

Автор сценария Кир Булычев. Режиссер-постановщик В.Спиридовон. Оператор-постановщик И.Игнатов. Художник-постановщик Б.Епишкин. Композитор Е.Дога. Художник по костюмам Н.Антипова. Звукооператор М.Котов. Монтажер Л.Старовойтова. Оператор Р.Кинтана. Ассистент режиссера Е.Воронина. Администратор М.Колоколова. Ассистенты оператора: В.Соловьев, М.Казанский. Костюмер Л.Васина. Гример З.Воробьева. Мастер по свету А.Кисилевский. Редактор А.Шахназаров. Директор съемочной группы И.Власова.

В ролях: Крупин — А.Пороховщиков; Коленкин — В.Сальников; Андрей Захарович — А.Потапов; врач — А.Долинский; Валя — К.Ионова; Тамара — Н.Золотова; тренер — М.Кузнецов; Иванов — В.Юдин. В эпизодах: И.Власова, А.Горячева, А.Пермяков, А.Шишков, О.Макушин, С.Герман, А.Эйзен, А.Данилин. В съемках принимала участие сборная МГУ по баскетболу.

© Главная редакция программ для детей и юношества, ЦТ, 1988 год.

Продолжительность: 80 минут.

КОРОТКОМЕТРАЖНЫЕ ФИЛЬМЫ

Золотые рыбки

Авторы сценария: Кир Булычев, А.Майоров. Режиссер А.Майоров. Оператор Г.Рерберг. Художник

В.Аронин. Композитор М.Броннер. Звукооператор В.Шарун.

Роли исполняют: семья Ложкиных: Е.Максимова, Н.Парфенов; семья Удаловых: Г.Польских, М.Кононов, Алеша Гусев; Зиночка — Т.Божок; Миша — С. Балабанов.

«Мосфильм», 1983 год.

Продолжительность: минут.

Родимое пятно

По мотивам рассказа Кира Булычева. Автор сценария Кир Булычев. Режиссер Л.Горовец. Оператор В.Тарнавский. Художник Е.Питэнин. Композитор С.Бедусенко. Звукооператор Г.Калашникова.

Роли исполняют: Семенской — В.Николенко, Леокадия — И.Нулина; теща — М.Виноградова. В ролях: Ю.Потемкин, Аня Андриянова, И. Можейко.

«Мосфильм». При участии киностудии имени А.Довженко, 1986 год.

Продолжительность: 27 минут.

МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫЕ ФИЛЬМЫ

Два билета в Индию

[По одноименной повести]

Автор сценария Кир Булычев Кинорежиссер Роман Качанов. Художники-постановщики: Елена Боголюбова, Ольга Боголюбова. Кинооператор Кабул Расулов. Композитор Юрий Саульский. Звукооператор Влади-

мир Кутузов. Художники-мультипликаторы: А.Абаренов, А.Алешина, М.Восканьянц, И.Куроян, А.Панов, М.Рогова. Ассистент режиссера Татьяна Лытко. Художники: Виктория Макина, Александр Шелманов. Монтажер Елена Белявская. Редактор Наталья Абрамова. Роли озвучивали: Ю.Андреев, М. Виноградова, Ю.Волынцев, О.Громова, Н.Зорская, А.Кайдановский, Р.Суховерко, В.Ферапонтов, В.Филиппов. Директор съемочной группы Лилиана Монахова.

© Киностудия «Союзмультфильм», 1985 год.

Продолжительность: 20 минут.

Кладезь мудрости

[По одноименному рассказу].

Автор сценария Кир Булычев Режиссер А.Полушкин. Художник-постановщик и мультипликатор В.Спичек. Оператор А.Виноградов Композитор А.Яницкий. Звукооператоры: В.Звонов, Б.Фильчиков. Над фильмом работали: А.Яницкий, Л.Разумова, Б.Фильчиков, В.Богачев, В.Звонов, А.Наумова, Ю.Тимофеев.

© Самарателесфильм. Ростелесфильм. Союзтелефильм. 1991 год.

Продолжительность: 16 минут

Копилка

[По одноименному рассказу].

Автор сценария Кир Булычев. Режиссер А.Полушкин. Художник-постановщик и мультипликатор

Инопланетный пришелец, очень похожий на тигра в фильме «Два билета в Индию».

Олег, главный герой мультильма «Перевал».

тор В.Спичек. Оператор К.Тахтаров. Музыка А.Яницкого. Роли озвучивали: З.Нарышкина, Б.Рунге, Г.Кацыров, Г.Качин. Над фильмом работали: Е.Игначкова, Е.Потемкина, Л.Разумова, А.Наумова, Н.Царева.

© Самарателекомпания. Ростелекомпания. Союзтелекомпания. 1990 год.

Продолжительность: 10 минут.

Перевал

[По одноименной повести].

Автор сценария Кир Булычев. Кинорежиссер В.Тарасов. Художники-постановщики: А.Фоменко, С.Давыдова, Т.Зворыкина. Композитор А.Градский. Песня на стихи Саши Черного Кинооператор К.Расулов. Звукооператор В.Кутузов. Художники-мультипликаторы: А.Бакин, Ю.Кузюрин, А.Мазаев, Ю.Кулаков, А. Черномашенцев. Роли озвучивали: А.Кайдановский, В.Ливанов, А.Пашутин, А.Покровская, Г.Семенихин, А.Николаев, Н.Горенвейн. Ассистент режиссера О.Исакова. Художники: И.Собанина, Т. Строева. Монтажер М.Микеева. Редактор Е.Никиткина. Директор съемочной группы Л. Бутырина.

© Студия «Союзмультфильм», 1988 год.

Продолжительность. 30 минут.

Тайна третьей планеты

[По повести «Путешествие Алисы»].

Союзмультфильм.

Экипаж «Пегаса» - механик Зеленый, Алиса и профессор Селезnev из мультифильма «Тайна третьей планеты».

Схватка в подземелье с космическими пиратами - заключительная сцена фильма «Тайна третьей планеты».

Автор сценария Кир Булычев. Режиссер Роман Ка-
чанов. Художник-постановщик Н.Орлова. Операторы:
Т.Бунимович, С.Кашеева. Композитор А.Зацепин. Зву-
кооператор Б.Фильчиков. Монтажеры: О.Василенко,
Н.Трещева. Редактор Н.Абрамова. Ассистенты режис-
сера: Т.Лытко, О.Исакова. Ассистенты оператора
Л.Крутовская, Н.Саратова. Художники-
мультипликаторы: А.Алешина, В.Арбеков, Ю.Батанин,
М.Восканьянц, В.Зарубин, В.Колесникова, И.Куроян,
Р.Миренкова, О.Орлова, А.Панов, М.Рогова,
В.Шевченко. Художники: Г.Аркадьев, А.Горева,
Д.Куликов, И.Литовская, В.Максимович, Г.Морозов,
И.Олейников, И.Светлица, В.Чугуевский. Роли озвучи-
вали: О.Громова, В.Ларионов, Ю.Волынцев, В.Ливанов,
Г.Шпигель, П.Вишняков, В.Дружников, В.Кенигсон,
Ю.Андреев, Е.Краснобаева. Директор картины
Н.Липницкая.

© Киностудия «Союзмультфильм», 1981 год.
Продолжительность: 48 минут.

Узники «Ямагири-мару»

[По одноименной повести].

Творческое объединение «Экран».

Автор сценария Кир Булычев. Режиссер А.Соловьев.
Художник-постановщик Д.Цыкалов. Оператор
Е.Туревич. Композитор А.Журбин. Текст песни
С.Голубева. Звукооператор В.Азаровский. Роли озвучи-
вали: Т.Аксюта, Т.Курвянова, В.Ларионов. Худож-
ники-мультипликаторы: П.Петров, В.Шуленин,
А.Гришко, Б.Савин. Художники: Ю.Аралова,
А.Родионов, А.Луки, И.Ворошева. Куклы изготовили:
Г.Богачев, М.Богатская, А.Дегтярев, Л.Доронина,

А.Гнединский, Г.Круглова, В.Караваев, Н.Лярская, А.Кузнецов, А.Мулюкина, В.Петров, Н.Пантелеева, В.Слётков, Е.Покровская. Монтажер Л.Коптева. Редакторы: Л.Стефанова, В.Гусева. Директор Е.Бобровская.

Продолжительность: 26 минут.

Чудеса в Гусляре

[По рассказу «Паровоз для царя»].

Автор сценария Кир Булычев. Режиссер А.Полушкин. Художник-постановщик и мультипликатор В.Спичек. Оператор В.Лукиенко. Композитор В.Казенин. Звукооператоры: Б.Фильчиков, В.Звонов. Роли озвучивали: А.Пожаров, Л.Яскевич, В.Шимановский, А.Баранцев, Е.Кацыров. Над фильмом работали: Е.Игначкова, Е.Потемкина, Л.Разумова, А.Наумова, Н.Царева.

© Самарателекомпания. Ростелекомпания. Союзтелекомпания. 1991 год.

Продолжительность: 20 минут.

Яблоня

[По одноименному рассказу].

Автор сценария Кир Булычев. Режиссер А.Полушкин. Художник В.Спичек. Оператор А.Виноградов. Композитор В.Казенин. Роли озвучивали: З.Нарышкина, А.Баранцев, Б.Рунге, Г.Качин, Г.Кацыров. Над фильмом работали: Б.Фильчиков, В.Звонов, А.Яницкий, Л.Разумова, А.Наумова, Т.Булгакова, Е.Игначкова, Е.Потемкина, Н.Царева.

© Самарателеком. Ростелеком. Союзтелеком. 1990 год.

Продолжительность: 10 минут.

Самарателеком. Ростелеком. Союзтелеком. 1990 год.

Содержание

От автора	3
Через тернии к звездам.	35
Товарищ «Д»	149
Осечка-67	229
Ночь в награду.	313
Фильмография Кирилла Булычева.	379

**Кир Булычев
(Игорь Всееволодович Можейко)**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Серия «Взрослая фантастика»

Товарищ «Д»

Составитель *А.В.Алексеев*

Художник *К.А.Сошинская*

Ответственный редактор *А.Н.Аникеев*

Корректор *Л.В.Аникеева*

Оригинал-макет *А.А.Кузовников, Е.А.Карханова*

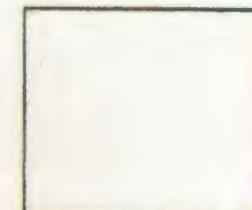
Подписано в печать 12.10.98. Формат 84×108¹/32.
Объем 14 печ. л. Уч.-изд. л. 19,72. Тираж 5000.
Заказ 0867.

**По вопросам оптовой закупки книг
обращаться по адресу:
121099, Москва, а/я 880**

ЛР № 066518 от 19 апреля 1999 г.
Издательство «Хронос - Пресс»
123557, г. Москва, Б.Тишинский пер., д. 12, стр. 1.

Отпечатано на Книжной фабрике № 1
Госкомпечати России.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевоянца, 25.

Библио Глобус
Москва, Милюкиха, 6
<http://www.biblio-globus.ru>

Тел. 929-35-67
924-46-80

БИБЛИО ГЛОБУС
55.00 2500000268939